Владимир Зантариа

ДВЕРЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ВО ВЧЕРА

Роман-воспоминание

Сухум
Абгосиздат
2024

УДК 821.35
ББК 84(5Абх)6-4
З 28

Зантариа, В. К.
З 28 Дверь, приоткрытая во вчера : роман-воспоминание / Владимир Зантариа. — Сухум : Абгосиздат, 2024. — 368 с.

Г/Р 978-5-122-68-05024

Роман-воспоминание известного абхазского поэта, лауреата Государственной премии им. Д. И. Гулиа, академика Владимира Зантариа рассказывает о бурных событиях последней трети XX века в истории Абхазии, участником и свидетелем которых был сам автор.

УДК 821.35
ББК 84(5Абх) 6-4

© Зантариа, В. К., 2024
© Абгосиздат, 2024

Автопортрет сквозь призму событий

Вместо предисловия

Пусть те, кому я нравлюсь, принимают меня как есть,
а остальные — не принимают вовсе…
Сомерсет Моэм

Был у меня добрый родственник Еснатович, который боготворил все, что было отмечено печатью «Сделано в СССР». Лет двадцать пять до ухода из жизни он носил каждодневно наручные часы «Свет». На их обратной стороне были глубоко выгравированы лазером слова: противоударные, пылезащитные… А я бы добавил еще и огнеупорные…

Часы были безотказные, в ремонте не нуждались, и любимец простонародья, народный учитель и острослов называл их «безупречными», причем произносил это слово через букву «ё».

Он давно покинул сей мир, но серебристый секундомер тех безотказных часов, лежащих как артефакт советской эпохи в его старом книжном шкафу, продолжает хладнокровно и равнодушно отсчитывать непростое постсоветское время… Рядом с часами лежат толстенные, изрядно потрепанные тома «Войны и мира», которые сельский педагог успел перечитать почти десять раз и частенько советовал гостившим у него маститым абхазским писателям написать нечто подобное… Увы, и мне не дано было создать нечто подобное «Войне и миру», хотя, если честно, мечтал в душе об этом, особенно после долгих вразумительных наставлений своего тестя…

Не скрою: я тоже хотел бы оставить после себя некую такую вещь, некий культурный артефакт, который напоминал бы не только обо мне лично, но и о моем времени, о моих делах и свершениях…

Здесь я, конечно, шучу, ну а если по-серьезному, для масштабов Абхазии мои литературные и публицистические изыскания не настолько скромны, чтобы обходить их каменным молчанием.

С возрастом мы начинаем углубляться в раздумья, возвращающие нас из виртуального зазеркалья юношеской поры в затрапезную обыденность отшумевших дней. Мы всю жизнь балансируем, как искусные канатоходцы, между прошлым и настоящим, сказкой и былью, сбывшимся и несбывшимся, мечтой и реальностью. Этим постоянным симметрированием мы сохраняем хрупкий шанс на существование.

Обрывки и отголоски вчерашних и позавчерашних событий, душевных смут и радостных волнений никуда от нас не уходят: они хранятся в хранилищах бдительной памяти, чуть покрывшихся легкой ржавчиной и пыльной пеленой времени. Честно говоря, мне иногда казалось, будто моя память с годами заметно ослабевает, думал, что про какие-то важные события почти ничего не помню. Но когда стал отображать их фрагментами, урывками на бумаге, моя память вдруг ожила, встрепенулась и стала с суфлерской назойливостью подсказывать мне какие-то нюансы, которые совершенно незаслуженно были отодвинуты временем на дальний план…

Да, с возрастом какие-то факты покрываются мхом, но потом воля и сознание понемногу освобождают их от всего наносного. События начинают медленно выплывать из полусумрака далеких дней, и мы пытаемся с наивным детским любопытством вновь прислушаться к ним, воспроизводя их в мыслях, как выцветшие кадры старой трещащей киноленты…

«Лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят…» — такой незабываемой и броской игриво-метафорической формулой когда-то выразил Пушкин свое тяготение к прозе…

Но в моем неожиданном обращении к крылатой фразе классика нет никакого скрытого намека на то, что я надолго или навсегда прощаюсь с поэзией, лирикой, давно уже ставшей частью моего духовного мира. Наоборот, каждый раз, когда меня осеняет поэтическое вдохновение и когда уже дела безвозвратно идут к семидесяти (возраст не страшный, но, увы, и не утешительный), я с удовольствием достаю свою общую тетрадь с черновиками еще неотшлифованных стихов и старой привычной литературной скорописью вписываю в них

шифрограмму новых мыслей и лирических озарений… Но бывает и так, что безжалостно и безоглядно отправляю старые записи в корзину…

Мне иногда снятся стихи или их обрывки, как бы смешно это ни выглядело… Слабые — сильные стихи — но все они — мои, собственные… Вообще, конечно, стихи, написанные не во сне, а наяву всегда более прочувствованные… Хотя вряд ли стоит пренебрегать волшебством некоторых приснившихся стихов:

Стихи должны поэту сниться
По сотне памятных примет.
Как пешеходу в зной — криница,
Глухому — утренняя птица,
Слепому — утренний рассвет.
Но ты прослыть поэтом вправе,
Когда при свете дня и впрямь
Поверит мир, как явной яви,
Во сне явившимся стихам.
(Маргарита Алигер)

И о том, что возраст стихам не помеха, мы можем судить по «Фаусту» Гете, романсам Ф. Тютчева, философским лирическим миниатюрам Б. Шинкуба, Ф. Искандера и многих других выдающихся личностей, которые даже в почтенном возрасте создавали вещи, наполненные мощной художественной энергией.

Наступает такой интересный этап в жизни, когда как бы изнутри, подспудно начинаешь чувствовать достаточно естественное, подсказанное самой жизнью желание рассказать о пройденном пути, о чем-то сокровенном, но не только сугубо личном, а связанном и с судьбой твоих современников (соплеменников). Подобные размышления удобнее перелагать в прозе, возможности которой, по сути, безграничны. С возрастом тобой овладевает желание рассказать о пережитом, испытанном, внутренне осмысленном, чуть подзабытом… Рассказать насколько возможно просто, раскрепощенно и, разумеется, немного с юмором, как это бывает в самой жизни…

После долгого безмолвия хочется тихо приоткрыть дверь во Вчера, в таинственный мир прошлого, сдуть пыль забвения с каких-то трогательных эпизодов, отразившихся не только на твоей судьбе и на твоем мироощущении, но и на жизни твоей страны, твоего поколения, твоей семьи, твоего дома.

Вспомнить и пересказать просто, как за веселым дружеским столом, о каких-то задушевных беседах с писателями, художниками, учеными, политиками, государственными мужами, философами-самородками, словом, обо всем том, что может привлечь внимание читателя некоей доверительностью, необычным, подчас завораживающим поворотом мысли, неожиданной, ценной информацией, затерявшейся в беспорядочном ворохе текущих и прошлых событий. И при этом, на подсознательном уровне, тебе постоянно сопутствует мысль о том, чтобы свои сюжеты ты процеживал бы достаточно апробированным природным фильтром самоиронии. Задача — не легкая, но в принципе вполне осуществимая… Не исключено, что кто-то спросит с некоторой подковыркой: а причем тут юмор, гротеск и самоирония, если речь пойдет не только о личном, о культуре, но и о политических событиях, о лабиринтах новейшей истории и связанных с ней людях… Насколько все это совместимо, удобоваримо? Не вызовет ли это нежелательного и неоправданного разностилия твоего повествования? На эти дотошные вопросы я отвечаю совершенно спокойно: совместить несовместимое — это тоже одна из сверхзадач современной литературной стилистики… А разве в современных политических романах — бестселлерах нет художественных трансформаций серьезнейших раздумий через гротеск? Как раз таки это магическое свойство слова, его волшебство и чудодейственность, как мне кажется, и приковывает внимание читателя…

И если иметь в виду яркие личности, без прямого или косвенного участия которых моя проза была бы крайне скудна и докучлива, то с ними — с такими людьми — мне в жизни крупно повезло. Когда я учился искусству брать интервью у знаменитостей, и меня сковывало некоторое волнение, крупный абхазский краевед Вианор Пачулиа, по

отечески заботясь о моем профессионализме, чрезмерно менторским тоном внушал мне одну и ту же навязчивую, но в целом верную мысль: «Ты должен найти подход, такт к интервьюируемому, а по необходимости, во имя стратегической цели, брать интервью даже насильно, любой ценой…» Хоть подобные методы и не вписываются в технологию современной журналистики, но наставления профессора во многом пригодились.

Моментами истины и подарком судьбы были для меня дни и часы спокойного и непринужденного общения — умышленно пишу без соблюдения протокольной субординации… — с Багратом Шинкуба, Владиславом Ардзинба, Омаром Бейгуа, Фазилем Искандером, Муратом Яганом, Грэмом Грином, Митрополитом Питиримом, Шалвой Инал-Ипа, Мушни Ласуриа, Алексеем Гогуа, Татьяной Дмитриевной Гулиа, Алеко Гварамия, Тамарой и Екатериной Шакрыл, Владимиром Ацнариа, Таифом Аджба, Геннадием Аламиа, Рушбеем Смыр, Денисом Чачхалиа, Станиславом Лакоба, Дауром Зантария, Ольгой Брендель, Мариной Эшба, Маргаритой Бардодым.

Оставили неизгладимый след в моей памяти встречи в протокольном и непротокольном формате с Юрием Калмыковым, Султаном Сосналиевым, Джорджем Хьюиттом, Уалидом и Шарафом Амаршан, Юрием Вороновым.

Сколько интересного, трогательного было сокрыто в диалогах с Валерием Гамгиа, Джумой Ахуба, Михаилом Шемякиным, Русланом Црым, Ражденом Гумба, Хиблой Герзмава, Василием Лановым, Сулиетой Кусово-Чухо, Нафисет Кушу, Светланой Джергения, Мадиной Хакуашевой, Миясат Муслимовой, Зариной Кануковой, Махинур Папба.

Я был очевидцем поистине сказочных дегустаций отменных абхазских вин с участием (в совершенно разных местах) Евгения Евтушенко, Олжаса Сулейменова, Вадима Кожинова, Александра Проханова, Исхака Машбаш, Лейлы Бекизовой, Юрия Покальчука, Павло Мовчана, Нелли Корниенко.

Наука, творчество, телевидение сблизили меня с Казбеком Султановым, Мариной Щербаковой, Сергеем Арутюновым, Баразби Бгажноковым, Галиной Старовойтовой и рядом дру-

гих весьма одаренных и широко популярных деятелей литературы, искусства, науки, видных представителей политического олимпа современности.

Зачастую поводом для подобных задушевных разговоров становились телевизионные и радиоинтервью, научные симпозиумы, конференции, занимающие в моей жизни отнюдь не второстепенное место. Я живу этими светлыми воспоминаниями, мыслями о бесценных диалогах, крылатых фразах, порой снимающими депрессию и меланхолию эффективнее любого аптечного снадобья.

Я здесь не упоминаю многих моих близких друзей по литературному и журналистскому цеху, соратников по национально-освободительному движению, других известных людей с признанными творческими и государственными заслугами, потому что их яркие и фактурные типажи и фигуры появятся на «шахматной доске» моих воспоминаний и размышлений в соответствии с логикой и характером развития сюжетов.

Но на какой-то стадии вновь в душу закрадывались сомнения: а стоит ли вообще писать о себе? О своих «университетах», о незаурядных людях, с кем судьба сводила на перекрестке времен и событий? Ведь это то, что входит в мое личное пространство? Стоит ли разматывать тот волшебный «бабушкин клубок», чьи спицы в умиротворительной вечерней сельской тишине чем-то напоминали гипнотизирующий ритм вязания «стихами», перекрестными рифмами. Но при этом достаточно аккуратно и незаметно подталкивала под локоть мысль о моем непосредственном участии в процессе развития национальной культуры… Не раз глубоко и взыскательно переосмыслив этот неизбежный и несколько назойливый риторический вопрос, обращенный к самому себе, я смог постепенно преодолеть барьер мнимых сомнений и окончательно убедился в том, что писать о пережитом, прочувствованном, выстраданном не только стоит, но и необходимо, потому что если ты не напишешь честно, свободно и объективно о событиях, в которых тебе довелось принимать участие, то всегда найдутся люди, — а они, по-волчьи ощетинившись, ждут сво-

его часа икс! — претендующие чуть ли не на роль творцов самой истории.

Но вот еще одна непростая задача: как определить жанр вынашиваемой вещи? Роман, повесть, эссе, мемуары, притча? Думаю, процесс работы подскажет, с каким родом художественного творчества ее соотнести… Название, род, жанр — ведь все это по большому счету достаточно условно, главное — суметь создать интересную, читабельную книгу, привносящую хоть еще один новый штрих, свежий оттенок в осмысление нашей абхазской действительности хотя бы последних пятидесяти лет… А она была, как известно, отмечена в моей стране достаточно высоким накалом политических страстей…

В конце концов, читателя может заинтересовать не только моя политическая биография, но и мой творческий путь, отмеченный двадцатью пятью книгами, сотнями журнальных и газетных публикаций на абхазском и русском языках, несколькими документальными телевизионными фильмами. В любом случае я могу смело говорить о том, что никогда не оставался на обочине, запасных путях судьбоносных для Абхазии событий, развития ее науки, культуры, публицистики, по крайней мере, за последние 35–40 лет.

Совсем недавно я обнаружил на сайте «Translations» сообщение о переводах с оригинала на разные языки стихотворения Николая Гумилева «У камина». Причем тексты этих переводов размещены на упомянутом сайте на языке подлинника и перевода. Переводы созданы на английском, испанском, китайском, литовском, польском, украинском, чешском, грузинском, азербайджанском. И в этой электронной книге, посвященной яркому представителю серебряного века, присутствует текст абхазского перевода стихотворения «У камина» («Ахәышҭаара҂ы») и дана краткая информация о переведенном мной на родной язык стихотворении «Орел» выдающегося русского акмеиста. Здесь четко значится моя фамилия как автора абхазской версии. Я горжусь тем, что из-под моего пера вышло около 150 переводов лирических произведений мировой поэтической классики. Часть из них опубликована в электронной книге ИМЛИ им. А.М. Горького (вместе с текстами оригиналов).

В числе их авторов: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Блок, Ахматова, Мандельштам, Ходасевич, Бодлер, Верлен, Рильке, Басе и ряд других крупных мастеров слова.

Я искренне благодарен Владиславу Ардзинба за то, что он доверил мне перевод на абхазский язык духовной автобиографии знаменитого «абхазского дервиша» Мурата Ягана «Я пришел из-за гор Кавказа…». Когда я в книге столкнулся не только с весьма непростыми идеями концепции «киабзе», но и глубоко интимными моментами из жизни автора, в душу вновь закрались сомнения: «Смогу ли я преодолеть эти табуированные абхазской ментальностью понятия?..» Но, представьте себе, преодолел успешно, потому что в феномене абхазского языка заложены волшебные ключи к разгадке любых таинств, в том числе интимного мира…

Я от души признателен Владиславу Григорьевичу за мою аккредитацию в Парламенте бывшего СССР (1989–1990), в политическое пространство которого наш великий лидер ворвался как метеор в конце прошлого столетия. С Кремлевского Дворца съезда, с благословления нашего лидера, мне удалось благополучно ретранслировать в Сухум десятки телерепортажей и интервью с яркими личностями, делавшими погоду в большой политике. Мне весьма лестно, когда мои соотечественники, страдавшие в тот период из-за преднамеренно созданной нашими заингурскими недругами информационной замкнутости, тепло вспоминают мои репортажи и сообщения из парламентского пресс-центра бывшей советской державы. Иногда, на свадьбах и других абхазских торжествах, поднимая тост за меня, люди старшего поколения вспоминают, как я обращался к политикам высокого ранга по вопросам будущего статуса Абхазии. И слыша достаточно оптимистические прогнозы в этом плане, абхазы испытывали определенное воодушевление. И это вполне естественно, ибо первым вопросом, который задавали нам наши соплеменники в те времена — на любой встрече — был: «Астатус анбаҳзаажэго?» («Когда, наконец, привезете нам статус?»), будто это какой-то волшебный предмет, с получением которого в одночасье решатся все проблемы.

Когда речь заходит об ипостасях, о совместимости художественного творчества с общественной деятельностью, я говорю без всякого кокетства и снобизма, что эти качества вполне могут сосуществовать, хотя определенным образом от такого сочетания в большей степени страдает творчество, высокое искусство. Судьба большинства абхазских писателей (Д. Гулиа, С. Чанба, Б. Шинкуба, М. Лакрба и ряда других столпов нашей отечественной словесности) складывалась так, что на их плечах лежала не только тяжкая ноша возрождающейся литературы, просветительства, но и самозабвенной, преданной борьбы за сохранение родного языка, национальной идентичности, самобытной художественной культуры, ее духовных основ. Иначе многотрудные писательские изыскания утратили бы свой глубокий философский и нравственный смысл.

Итак, роман, повесть или эссе? Предвкушая характер повествования и неизбежность вплетения образов и характеров описываемых мной современников в художественную ткань произведения, осмелюсь обозначить его (пока!) как автобиографический художественно-документальный роман. Время покажет, может быть поторопился я с определением жанра… Думаю, это не самая страшная ошибка.

Школа и отголоски первых литературных опытов…

Тамышской средней школе, где в свое время щедро сеял семена просвещения духовный вождь абхазов Дмитрий Гулиа, я обязан многим… Только за то, что в классах этого старинного учебного заведения когда-то звучал одухотворенный голос великого энциклопедиста, абхазского мессии в широком смысле этого слова, любой его выпускник мог считать себя человеком счастливым.

До сих пор, проезжая мимо родной школы, вспоминаю, как феерическое рукоделие какой-то абхазской богини, зеленый коврик нашего футбольного поля. Как из смутного сновидения выплывают из хранилища памяти кадры тренировочной игры московского «Спартака», который, проводя отдых в Абхазии, почему-то однажды предпочел скромному, но очень уютному сухумскому стадиону именно нашу сельскую поляну. Это было поле не для мини-футбола, а настоящее, соразмерное международным стандартам. И мы, питомцы этой школы, взволнованно наблюдая за происходящим, сначала даже не могли поверить, что перед нами, на поле, где мы в будни открывали для себя секреты футбольного мастерства, прямо здесь и сейчас отрабатывают какие-то интересные игровые комбинации живые легенды советского футбола. Помню их красно-белые футболки. Подобное уникальное сочетание и пропорцию цветов забыть невозможно. Я думаю, было мне тогда от силы лет 15–16. Звезды футбола уезжали… А мы без передыха гнали свой обкатанный черно-белый кожаный мяч по чудесной, ухоженной поляне, облюбованной даже великими мастерами спорта. А в каком идеальном состоянии были волейбольная и баскетбольная площадки?! Даже крестьяне, побросав свои мотыги на кукурузном поле, спешили сюда, когда здесь проводились районные и республиканские спортивные состязания. В единоборство вступали настоящие абхазские Гераклы.

Своей школе я обязан в первую очередь тем, что она мне дала хороший толчок к знаниям, которые наиболее заметно и, скажем так, достаточно выпукло проявились в гуманитарной сфере. Когда-то в моей школе был маленький музей ее истории. И среди разных рукописей, представленных здесь, как-то особо запомнился текст некоего прошения, собственноручно написанного попечителем учреждения Хучой Барганджия, уроженцем и жителем с. Тамыш. Поражала не только его исключительная грамотность, но и каллиграфия (от греческого καλλιγραφία — «красивый почерк»). Каждая буковка была изображена чуть ли не художественно. И у этих черных чернил своя древняя тайнопись, которой искусно владел мой односельчанин.

Школа с великой историей, которой могли позавидовать даже элитные лицеи европейских столиц, смогла выпестовать в советскую эпоху сильную плеяду педагогов. В их числе были достаточно квалифицированные филологи, знатоки физико-математических и естественных дисциплин. Один из них стал со временем член-корреспондентом Белорусской национальной Академии.

Уникальный опыт, редкая работоспособность, эрудиция и незаурядные способности преподавателей-филологов подтолкнули меня не только к углубленному изучению основ классической литературы, но, — представьте себе! — и к собственным литературным изысканиям.

Мои первые пробы пера нашли отражение в рукописном школьном журнале «Адзыхь» («Родник»). Замысел принадлежал Римме Барателия, замечательной молодой математичке. Ее любовь к литературе, я думаю, объяснялась скорее всего тем, что она была дочерью достаточно известного детского писателя. Литературную часть школьного самиздата с сатирическим уклоном готовили в основном мы с Дауром Зантария. Иллюстрировал стихи и юморески наш друг, очень смышленый восьмиклассник В. Х., мгновенно наматывавший на ус наши рифмованные шутки. Помимо детского журнала, у Риммы Нуриевны была еще полная шкатулка всяких задумок и фантасмагорий. Помню, однажды она придумала какую-то заумную

шахматную игру, где роли шахматных фигур исполняли выдающиеся математики. Мне выпала роль немецкого математика Карла Гаусса. Недавно внимательно разглядывал фотографии этого продвинутого немца, внесшего весомый вклад и в астрономию, думал, может быть, какая-то моя внешняя схожесть с ним подвигла мою учительницу вознаградить меня его ролью? И в самом деле, нашел какие-то общие черты: губы, нос с горбинкой, рыжевато-русый цвет волос и т. д. Так что, по всей видимости, у математички были свои личные соображения на этот счет… Там было много ролей: Пифагор, Ньютон, Лобачевский, Лейбниц… Все ученики были одеты в наряды тех или иных светил науки. Не помню каким образом, но наша математичка (с литературным уклоном) умудрилась пошить для всех участников игры соответствующие костюмы из каких-то полубумажных, полуматерчатых материалов. И мы показывали свою вполне оригинальную инсценировку всей школе.

Понемногу я приблизился к той черте, когда стал отправлять свои материалы в детский цветной литературно-художественный журнал «Амцабз», пользовавшийся в советскую эпоху широкой популярностью среди детей и юношей. Сейчас подобная продукция буквально затерта интернетом. Мои контакты с «Амцабз» начались с разгадки кроссвордов, публиковавшихся на страницах республиканского издания, затем продолжились печатанием в нем моих первых детских стихов и ребусов, за которые платили еще и маленький гонорар. Не меньших успехов добивался Даур Зантария, который пытался, будучи еще подростком, переводить на абхазский язык отдельные фрагменты из «Евгения Онегина», пририсовывая к ним броские образы пушкинских персонажей…

***

В тамышской школе была великолепная библиотека, посещение которой было для меня настоящим праздником: библиотекарь разрешала школьникам самим подходить к книжным полкам и, не спеша, выбирать любую интересующую их книгу. Вот этот поиск книг по корочкам, по обложкам вызывал у меня особое эмоциональное ощущение: знаешь, что все эти

прекрасные книги, всю эту литературу тебе не перечитать, но даже в том, что просто знакомишься с их названиями, аннотациями, форзацами, перелистываешь, дышишь запахом красок, опять ставишь их на прежнее место, и в итоге выбираешь одну или две из них — в этом тоже было нечто сокровенное и таинственное. Помню, библиотекарь аккуратно заполняла карточку, ты расписывался и мог спокойно читать книги дома. А сейчас и дети сидят в интернете чуть ли не круглые сутки… зачем ходить в библиотеку, если смартфон мгновенно отыщет тебе любую информацию…

Но был у меня и другой, не менее надежный источник пополнения знаний: собственная библиотечка, накопленная мной — при поддержке добрейшей матери! — за годы моей учебы в школе и в институте. После каждой своей поездки на Сухумский или Очамчырский рынок какую-то солидную долю из вырученной суммы мать тратила на покупку книг, в основном художественных. Не шибко разбираясь в популярности того или иного автора, она привозила мне кучу книг, которые, оказывались на редкость привлекательными. В основном это были новинки абхазской и русской литературы, истории и краеведения, не говоря уже об учебниках, которыми мать снабжала меня любой ценой.

Помню, на полках моего книжного шкафа теснились сборник новелл «Аламыс» М. Лакербай, роман «Темыр» И. Папаскир, «Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев…», роман в стихах Б. Шинкуба «Ахра ашәа» («Песнь о скале»), абхазское переводное издание романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». Рядом с ярко-красным двухтомником В. Маяковского стояли: новенький прозаический сборник В. Тендрякова (автора романа «Свидание с Нефертити», других знаменитых романов, повестей, рассказов), томик А. Рыбакова (кажется, с повестью «Кортик» и ее продолжением «Бронзовая птица»). Кстати, «Дети Арбата», имевшие в свое время шумный успех, увидели свет только в 80-е, в эпоху так называемой горбачевской перестройки. Запомнилась достаточно оригинальная обложка книги Ал. Толстого с фантастическими произведениями «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина». Как можно

забыть разные, превосходно изданные словари, в том числе и толковый словарь С. Ожегова, без которого я не обхожусь и по сей день, хотя позже у меня появились и многотомные академические словари и бесценный 4-х томный словарь В. Даля. Запомнилось, как один из наших школьных преподавателей почему-то произносил фамилию Ожегова с ударением на втором слоге. К сожалению, эта чудесная библиотека, накопленная ценой неимоверных усилий моей матери, сгорела во время поджога моего родительского дома в 1992 году. Для грузинских молодчиков, в один день превративших в груду пепла Абхазский институт и Центральный архив Абхазии, поджог моего дома, думаю, был не столь значимым фактом.

Это все из ряда того, что медленно воспроизводится зрительной памятью, словно старым, изношенным узкопленочным кинопроектором 30-х годов.

Особым почетом пользовался в нашей семье (видимо, как и в каждой абхазской семье, где традиционно блюли и культивировали «апсуара») увесистый том (кажется, голубоватого цвета) фундаментального исследования Ш.Д. Инал-Ипа «Абхазы» (второе переработанное издание — 1965 год).

Книга эта лежала, как библия, рядом с нашим семейным фотоальбомом на небольшом столе, накрытом скатертью с белоснежной бахромой. Стол стоял в середине небольшого зала, где мы иногда принимали гостей… За этим столом, оценивая крепость нашей домашней чачи, мои друзья, писатели, не раз страстно дискутировали на тему лучших национальных художественных произведений. А они приобретали известность не только в Сухуме, но и в самом отдаленном от столицы абхазском селе. И когда накрывали стол, книгу «Абхазы» на время перекладывали в другое место, но потом опять клали ее на середину этого же стола…

На полях книги

Помню уголочек в том самом зале, в который очень колоритно вписывался антикварный письменный столик (ка-

жется, из красного дерева). Его края были тонко обрамлены руками искусного мастера на редкость красивыми деревянными решетками. На столике стояла новая радиола с декоративной отделкой и проигрывателем — незабвенный подарок мне на день рождения от незабвенной матери! Частенько мы с сестрой Светланой слушали пластинки с записями песен Эдуарда Хиля, Валентины Толкуновой, Людмилы Сенчиной, Анны Герман, Валерия Ободзинского, Эдиты Пьехи, Муслима Магомаева и других видных певцов той советской эпохи, о которой многие и поныне умиленно вспоминают со «светлой печалью». О, Боже, как вспомню, сколько раз в день мы прокручивали песню многих поколений «Королева красоты» в прекрасном исполнении Муслима — короля вокала, кумира миллионов советских слушателей:

А я одной тобой любуюсь,
И сама не знаешь ты,
Что красотой затмишь любую
Королеву красоты.
И я иду к тебе навстречу,
И я несу тебе цветы,
Как единственной на свете
Королеве красоты!

Читаю эти строчки, и слух ласкает бархатный тембр голоса легендарного певца советской эпохи.

Какое неописуемое было счастье в нашем доме, когда мать в одну из своих «плановых» поездок в Сухум купила мне и моей сестре пластинку с записями песен Робертино Лоретти, итальянского певца, завоевавшего мировую известность уже в подростковом возрасте, когда он пел необыкновенно чистым дискантом. Мы упивались знаменитой «Джамайкой» в его пронзительном исполнении. Прокручивали эту пластинку многократно, широко распахнув ставни наших окон, будто там за окном, в нашем просторном, утопающем в зелени дворе собралась большая аудитория, приготовившаяся, бросив все свои будничные дела, слушать завораживающую песню юного итальянского «волшебника».

В нашей скромной «фонотеке» особое место занимали записи трепетно воспринимаемых и в наши дни, не подвластные старению песни о любви, типа «Ихәыҵхәыҭуа аҵсабара цәажәон…» («О чем-то сокровенном шептала природа…») — плод на редкость удачного соавторства Терентия Чаниа и Константина Ченгелия, — а также весьма популярных абхазских пасторалей типа «Ахьча Шакьа ирахә иман…». Помню записи неповторимых песнопений воистину фантастического хора Раждена Гумба. Эх, как хочется подержать в руках и пощупать старые виниловые пластинки, таящие в себе прелесть той эпохи и прекрасной музыки тех времен, но, увы!

Позже, в мае 1979 г., — какое это было яркое театрализованное зрелище! — сидя в ашьапе (в длинной палатке, плотно обтянутой брезентовой накидкой), на тамышской свадьбе по случаю моего вступления в семейную жизнь, Ражден Гумба, Терентий Чаниа, Владимир Ацнариа и Константин Ченгелиа пели на редкость увлеченно и азартно абхазские народные песни, и все мы слушали их удивительное многоголосье, затаив дыхание. Это, конечно, было нечто! Думаю, импровизации, звучавшие на моей свадьбе под длинной палаткой, не уступали по силе и обаятельности прославленной современной арт-группе «Хор Турецкого»…

Шедевры Третьяковки — в репродукциях…

Старинное, 1934 года одноэтажное здание Тамышской средней школы «п» — образной архитектурной формы запомнилось еще и тем, что на стенах его длинного коридора были вывешены большие цветные репродукции картин многих известных русских художников. Помню, как нам некоторые учителя-филологи (как бы входя в роль искусствоведов) порой даже с некоторой педантической дотошностью расшифровывали сюжеты тех или иных знаменитых картин. Почему-то более отчетливо и зримо отложились в моей детской памяти такие вещи, как «Иван Грозный и сын его Иван («Иван Грозный убивает своего сына») — Репина, его же — «Не ждали…»,

«Бурлаки на Волге»… Врезалась в память «Боярыня Морозова» — Сурикова, картина с весьма драматичной религиозной подоплекой, связанной с церковным расколом.

Уже в 80-е годы я узнал из публикации знаменитого абхазского краеведа В. П. Пачулиа «Край, дарящий вдохновение» (газета «Советская Абхазия» — 30.01.1985) о письме И. Е. Репина к В. В. Стасову (от 9 июля 1889 г.), согласно которому выдающийся русский живописец посетил Сухум во время своего путешествия по Кавказу и, как-то случайно познакомившись в кафе с абхазом Бидой Чхамалиа, затем побывав в его гостеприимном доме, успел создать портрет горца в черкеске, чья грудь была увешана боевыми наградами. Репин подарил один экземпляр портрета истинного абхазского рыцаря, доблестного воина, участника русско-турецкой войны — ему самому. И по версии абхазского краеведа, скрупулезно исследовавшего эту тему, отличным портретом Биды Чхамалиа восхищался даже основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа.

Неизгладимое впечатление осталось от «Последнего дня Помпеи» К. Брюлло (Брюллова). Эта картина, мгновениями навязчиво возникающая перед моим взором и по сей день, висела почти над дверью «учительской».

Я частенько подходил к ней, улучив момент, когда в коридоре никого не было, и, заложив руки за спину, с каким-то необъяснимым детским страхом и внутренним оцепенением, довлевшим надо мной чуть ли не до подросткового возраста, созерцал трагедию страшной стихии, обрушившейся на Помпею в результате извержения вулкана Везувия. Жертвами катастрофы стали несколько тысяч жителей римских городов и селений. В 1832 году, побывав в мастерской Брюллова, Вальтер Скотт провел у полотна несколько часов и, глубоко осмыслив воплощенный замысел, философскую концепцию картины, пожал автору обе руки и произнес слова, сыгравшие значительную роль в признании мастерства и таланта великого художника. Эта оценка заключалась в том, что выдающийся шотландский писатель ожидал увидеть исторический роман, «но увидел гораздо больше — целую эпопею…»

Людей разнохарактерных, изображенных на картине, сближает неминуемая угроза гибели, неотвратимость страшной судьбы. Ведь здорово подметил Гоголь, что эти прекрасные фигуры заглушают ужас своего положения своей же красотой.

Идея автора находит отражение еще и в том, что, погибая, чувствуя свою обреченность, люди все равно стремятся противопоставить свою духовную мощь и величие разрушительной силе природы. Здесь весьма ярко и колоритно передан контраст жизни и смерти.

Но, разумеется, в детстве я не имел представления об этих психологических тонкостях. Философией шедевра я стал интересоваться позже. А в детстве, и даже в юности, мной невольно овладевал безрассудный страх перед надвигающейся катастрофой и, конечно, чисто инстинктивное сопереживание и сочувствие ее несчастным жертвам. Мне кажется, что эта картина мне в детстве иногда даже снилась, обретая какие-то кошмарные очертания… Иногда, просыпаясь, вздыхал облегченно, что все это — слава Богу! — не явь, а обычный сон… В нашем большом дворе любая стихия природы, гром-молния, землетрясение, вызывали большую тревогу и переживания, потому что когда-то в 50-е годы страшный удар молнии задел нашу «акуаскиа» (деревянный дом) и висевший на стене огромный диск стальной циркулярной пилы, который потом не поддавался никакой заточке, как мастера ни старались. «О, Анцәа, ҳрыцҳашьа, зхьышьаргәыҵа ҳакәыхшоу Анцәа ду!»(«О, сжалься над нами златопятый Всевышний!») — так молилась, воздев руки к небу, моя бабушка Елана (нареченная этим прекрасным именем скорее всего в честь многострадальной Елены Аргивской). Вряд ли малообразованные ее родители читали Гомера, но, вполне возможно, что кто-то пересказал им сюжеты «Илиады»). Она обращалась к Всевышнему каждый раз, когда на небе появлялись первые явные предвестия большой грозы.

А вот с подлинником знаменитого полотна И. Иванова «Явление Христа народу» потрясающих размеров, которая в детстве также привлекала мое внимание среди экспонатов на-

шей тамышской школьной выставки, мне удалось ознакомиться лишь в 2016 году в Третьяковской галерее, куда нас пригласили гостеприимные организаторы Московских Международных Айтматовских чтений (в «Президент-Отеле»), где я выступал с докладом «Чингиз Айтматов и Абхазия». Конечно, для того чтобы вжиться в великую суть картины, изображающей явление Мессии, глубоко проникнуться ее очистительным духом, нескольких минут было совершенно недостаточно, но я был благодарен судьбе и за эти прекрасные мгновения воодушевленного приобщения к гениальной работе.

Память частенько возвращает меня к той школьной выставке замечательных репродукций. Картины сопутствуют всю жизнь, пробуждая во мне желание изучить их глубже, соприкоснуться с их подлинниками. Помню, как наш учитель по черчению и изобразительному искусству, инвалид войны Николай Павлович Воронцов долго и усердно пытался раскрыть нам тайны удивительного сочетания красочных оттенков и символов с изысканностью рисунка в выдающемся произведении И. Левитана «Владимирка».

Вот на какие неожиданные мысли и чуть странные ассоциации наводят воспоминания о родной школе, о ее спортивных достижениях, о прививаемой с детства любви к изобразительному искусству. Но почему-то вину за свое полное невезение с изучением абхазских танцев я и по сей день перекладываю на родную школу, где учитель танцев, которому моя мать исправно платила, как и остальные родители, ежемесячно по червонцу, однажды откровенно признался в отсутствии у меня элементарных хореографических способностей. Не знаю, кто в итоге повинен в том, что во мне с детства убили мою безграничную любовь к танцам, но мне до сих пор частенько снится, будто я превосходно танцую на свадьбах и вечеринках… Но, увы, это во сне, а наяву — никаких внятных телодвижений… Я понял, что крылатое выражение «танцорами не рождаются, ими становятся», это точно не про меня… Жаль, конечно, что моя мать пошила для меня собственноручно чувяки из натуральной кожи, не теряя надежды, что из меня получится танцор хотя бы на уровне любительщины.

Не могу не вспомнить, какое колоссальное удовольствие я получал от фильмов, которые смотрел в одноэтажном деревянном помещении Тамышской средней школы. Односерийный фильм стоил 10 коп., двухсерийный — 20. Не знаю, чем, сентиментальностью, романтикой, накалом любовных страстей и эмоций, мелодраматичностью, особой атмосферой школьного клуба, грубо адаптированного под кинозал, но всех нас тогда подкупали цветные индийские киноленты, главную роль в которых играл Радж Капур, великий актер и продюсер, по праву названный «отцом индийского кино». До сих пор каким-то гулким и умилительным эхом доносятся из далекого детства напевы «Мурмурки надек мурмуки…» из фильма «Господин-420».

Навсегда запал в душу и художественный фильм «Человек-амфибия» работы режиссеров «Ленфильма» В.Чеботарева и Г. Казанского. Прекрасная экранизация фантастического романа Александра Беляева. И писатели были сильные в ругаемую некоторыми современными «сибаритами» советскую эпоху, были и непревзойденные мастера кинематографа. Ну и халтуры, графоманской чепухи, разумеется, хватало и тогда. Но не было профессии так называемого блогэра и прочих придуманных амплуа и иных жанровых нововведений. Разве можно забыть песню «Эй, моряк, ты слишком долго плавал!..»

…Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно.
Там бы, там бы, там бы, там бы пить вино.
Там, под океаном, трезвый или пьяный
Не видно все равно.

Эй, моряк, ты слишком долго плавал.
Я тебя успела разлюбить.
Мне теперь морской по нраву дьявол,
Его хочу любить… и т. д.

И разве можно не вспомнить ее исполнительницу в фильме — Нонну Суханову, знаменитую джазовую певицу?

Любимая домашняя библиотека

Однако вновь вернусь к теме своей сгоревшей домашней библиотеки, хотя чувствую, что явно перебарщиваю с ней. Помню, каким сенсационным успехом пользовалась книга «История и культура древней Абхазии» З. В. Анчабадзе. Не сходит с глаз ее нестандартная обложка: на темно-зеленом фоне, красиво, под стиль описываемой эпохи выведено оранжевым цветом название монографии. Это был утонченный изыск художников издательства «Наука». Книга уцелела, потому что перед войной я оставил ее в сухумской квартире. С тех пор она успела обрести букинистическую ценность, и я ее с некоторой естественной ностальгией в душе иногда с удовольствием перелистываю. Вспоминаю автора, выдающегося историка, к которому меня пригласили перед его приветственным выступлением по Абхазскому телевидению по поводу официального открытия нашего государственного университета. Был немного удивлен, когда узнал, что моя помощь понадобилась ректору Абхазского университета для правильного расставления ударений в зачитываемом им абхазском тексте телевизионного приветствия. Я был всего лишь рядовым редактором вновь созданного национального телевещания. Навсегда отпечатались в памяти моменты произношения непростых, протокольных слов, которые в моем присутствии с школярским упорством заучивал Зураб Вианорович. И как спокойно, интеллигентно и дипломатично прислушивался ректор к моим осторожным и стеснительным подсказкам, когда он допускал небольшие орфоэпические неточности. Это было мое первое личное знакомство с маститым абхазским историографом, хотя и до этого мне посчастливилось присутствовать на одной из его объединенных лекций. Он блистал своими глубокими познаниями и красноречием.

***

Не могу обойти вниманием еще один эпизод, связанный с моими книжными пристрастиями и книжной «любознательностью» моей матери. Однажды, удачно сбыв на Очамчырском

базаре с десяток молодых кур, моя мать зашла в центральный книжный магазин и, немного проконсультировавшись с завмагом (хотя он определял достоинство книг по их толщине и цвету обложки), рискнула приобрести для меня полное 30-томное собрание сочинений Чарльза Диккенса. (Жалко было видеть тучных усатых мужиков заингурского происхождения в явно неподходящей им роли продавцов книжных или канцелярских магазинов, тогда как они могли бы успешно осваивать профессию мясников на наших колхозных рынках).

Я поставил красивый комплект произведений непревзойденного мастера сатиры — помню, тома были темно-зеленого цвета, с очень качественным тиснением, — на самом видном месте, хотя, если честно, успел прочитать в молодости только «Посмертные записки Пиквикского клуба» и «Приключения Оливера Твиста». Известно ведь, что Диккенс умел каким-то чудодейственным способом соединять разрозненные сюжеты, главы своих произведений и одновременно работать над несколькими романами… Вряд ли мне теперь удастся восполнить свои пробелы в знании диккенсовской беллетристики, но добрая память о красивом и достаточно дорогом многотомнике, на которую не поскупилась моя мать, осталась навсегда. Все эти эпизоды чем-то напоминают яркое многоцветье набора школьных акварельных красок.

***

Уже к периоду получения аттестата о среднем образовании я психологически был готов к поступлению на филфак СГПИ. Для простого выходца из крестьянской трудовой семьи Сухумский пединститут был в то время и Сорбонной, и Оксфордом, и Московским университетом.

Однако по иронии судьбы случилось так, что в дни моей экскурсионной поездки вместе с одноклассниками в Севастополь и в Симферополь в честь окончания школы я вдруг совершенно неожиданно столкнулся с непредвиденными обстоятельствами, вынудившими меня срочно возвращаться обратно и ехать в спешном порядке в Тбилиси. Было это где-то в июне 1971 г.

Около Новороссийска сопровождавшие нас учителя захотели дать передышку нам и водителям арендованного сухумского автобуса марки «ЛАЗ», и после легкого ужина на какой-то поляне все решили вздремнуть прямо в полевых условиях: кто в машине, кто рядом с ней, кто в спальном мешке, а кто — еще в чем-то. И где-то к трем часам ночи к месту расположения нашей группы вдруг подъехало сочинское желтое такси марки «ГАЗ-24». Оттуда вышел какой-то мужчина среднего роста, усатый, коренастый, крепко сбитый, в плоской фуражке сталинского стиля. Пружинистыми шагами подошел к автобусу и позвал преподавателей по литературе, моих однофамильцев Вианора Смеловича и Джотту Дзуковича. По хлесткому, ободряющему голосу «хаит-ахахаи, амарджакуа!» я узнал спросоня моего дядю по отцу Ивана Гиджовича. Мои учителя вышли из автобуса и стали вполголоса, чтобы не разбудить остальных, переговариваться с ним, совершенно не понимая, что заставило его приехать в такое позднее время, сделав столь внушительный «марш-бросок?» Первое, что мне стукнуло в голову: неужели — упаси, Господь! — могло случиться что-то недоброе?..

— Давай, дорогой племянник, шустро одевайся, бери свои вещи, надо ехать обратно в Абхазию, — сказал он мне по-доброму улыбаясь, когда я, несколько растерянный и чуть взбудораженный столь неожиданной оказией, подбежал к нему, чтобы хотя бы по его взгляду понять, что стряслось за эти сутки… По тому, как учителя расслабились и уже шутя обсуждали с моим дядей его пока еще не совсем понятный «замысел», я понял, что ничего страшного не случилось, по крайней мере, ничего трагичного…

— В чем дело? Зачем ехать? Куда ехать? — спросил я как бы скороговоркой, недоуменно разводя руками.

— Не переживай, все нормально. Поступили лимиты в технические вузы. Для тебя мы добиваемся через знакомых из Очамчырского районо выделения именного лимита в Николаевский кораблестроительный институт. Надо будет ехать в Тбилиси для сдачи экзаменов… Документы подготовлены…

Вот так нежданно-негаданно изменились обстоятельства, мои гуманитарные наклонности и взлелеянные годами мысли о художественном творчестве по воле моих дядей (и, думаю, с молчаливого и безропотного согласия моей многострадальной матери) были сменены на инженерно-технические. Не соглашаться с ними, с ближайшими родственниками, ни одного дня не давшими мне почувствовать безотцовщину после трагической гибели отца в молодом возрасте, было равносильно прямому конфликту с людьми, которые были крепкой и незаменимой опорой мне, моей сестре и нашей матери, не чаявшей в нас душу.

Разумеется, у меня не было никакого интереса к кораблестроению. К тому же, были очень слабые знания по физике, алгебре, геометрии, хотя в моем аттестате и по этим дисциплинам были одни «пятерки». Но это так, в основном, из уважения учителей к моей матери… Что могло связывать меня с кораблестроением, кроме того, что видные абхазские археологи при поддержке своих российских коллег в советскую эпоху усиленно занимались изучением следов каких-то фантастических судоверфей в моем родном с. Тамыш?

Но мои дяди считали «кораблестроение» весьма престижной специальностью, хотя, я думаю, они понимали, что Абхазия не имеет реальных перспектив для большого судоходства… Куда они собирались трудоустраивать меня по специальности после возможного поступления и получения диплома «инженера-кораблестроителя» — я до сих пор не имею никакого представления. Да, был у нас в Сухуме маленький судоремонтный завод. Но там чинили, насколько я помню, какие-то катера для морских прогулок и каботажные судна. Но, я думаю, мои родственники готовили меня не для таких мелких нужд морского пароходства и плавания между Сухумом и Очамчырой. Сейчас уже, с высоты своего солидного возраста и не малого житейского опыта, начинаю окончательно убеждаться в том, что мое трудоустройство по конкретной специальности на тот момент моих дядей волновало меньше всего, весь азарт был в том, чтобы как-нибудь зачислить меня в кораблестроительный вуз. И чтобы на обывательский во-

прос, где сейчас учится ваш племянник, мои дяди могли бы отвечать уверенно и гордо и даже с некоторым подчеркнуто-высокомерным пафосом: «В Николаевском кораблестроительном!» Особенно этот вопрос волновал старшего дядю Ивана Гиджовича, человека весьма честолюбивого и пользовавшегося уважением не только в масштабах с.Тамыш, но и всей Абжуйской Абхазии.

Сопровождала меня в моей срочной командировке в Тбилиси супруга старшего дяди, моя учительница по абхазской литературе Раиса Султановна Амичба. Дело в том, что она в свое время училась в Тбилисском университете на отделении восточных языков и у нее были неплохие связи с тбилисскими профессорами и преподавателями, по крайней мере знала, где можно было бы остановиться временно, пока шли экзамены. Помню, в ТГУ я познакомился с группой абитуриентов из Абхазии, также приехавших сюда по целевому направлению, но не так, как я, а заранее тщательно готовясь к избранной специальности. И здесь я впервые увидел живого Шалву Денисовича Инал-Ипа, знаменитого абхазского историка, этнолога, человека на редкость интеллигентного. Он сопровождал своего сына Адгура Инал-Ипа, поступавшего на физический факультет ТГУ. Позже я ближе познакомился с Адгуром, замечательным человеком и талантливым ученым, в кулуарах заседаний Народного форума Абхазии «Аидгылара» в Сухуме, в нынешнем помещении знаменитого Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. Это было в пору формирования общенационального движения, широко продекларировавшего право абхазов на политическое самоопределение. Так было угодно судьбе, чтобы человек, входивший в элиту Института космических исследований АН СССР, погиб, находясь в пекле ожесточенных боев за освобождение Сухума в сентябре 1993 года. Удивительно, что до войны Адгур блестяще сыграл в художественном фильме роль Героя Советского Союза Владимира Харазиа, погибшего, героически защищая Отечество. Видимо, так было угодно Всевышнему, чтобы судьба исполнителя роли легендарного героя из с. Джирхуа стала схожей с его собственной судьбой.

Шалва Денисович подошел к нам и, аристократически приподняв свою профессорскую шляпу, очень мило поздоровался со всеми нами персонально, пожелав всем успехов на избранном поприще. Рядом с ним, помню, стоял Юрий Самсонович Чанба, который, насколько я понял, будучи членом Абхазского правительства, приехал сюда со специальным поручением проследить за тем, как грузинские власти дают абхазам реальную возможность поступить в советские вузы по лимитам. Позже я усомнился в том, что эти целевые места действительно были закреплены за абхазами. Скорее всего, была имитация некоей заботы о национальных кадрах. Хотя хорошо подготовленным абитуриентам из Абхазии вряд ли могла помешать политическая предвзятость тбилисских чиновников.

Первый экзамен я сдавал по математике. Написал письменную работу, вышел из аудитории «абсолютно» уверенный, что на большинство вопросов я ответил правильно. Но «вскрытие» показало, что получил неудовлетворительную оценку. И на этом, как говорится, поставил большой крест на своей кораблестроительной карьере, ради которой вынужден был прервать сказочную экскурсию в Севастополь, Симферополь и другие живописнейшие места Крыма. Наши учителя обещали показать нам и ханский дворец в Бахчисарае, которому Пушкин посвятил свою знаменитую южную байроническую поэму. Подумать только, какие шансы были упущены мной ради получения специальности, о которой я имел крайне смутное представление! Увы, ничего не поделаешь: такова железная устойчивость традиций в абхазской семье и в иерархии родственных взаимоотношений.

Но, слава Богу, встряска длилась недолго. В тот же год я успел поступить на филфак Сухгосединститута, вновь благополучно вернувший меня к гуманитарным предпочтениям, к филологии, к которой, несмотря на скептическое к ней отношение моих родственников, я испытывал живой и пытливый интерес. По крайней мере это был филфак, а не педфак, куда матери определяли своих дочерей, чтобы педфаковский диплом облегчил им проблему с замужеством. Выходить

замуж без всякого диплома было сложнее, чем с дипломом, хотя бы — педфаковским. Такие, пожалуй, были времена…

Помню, на экзамене по абхазскому языку и литературе я написал сочинение на тему о жизни и творчестве Иуа Когониа и получил оценку «пять». Вот так уверенно входил я в мир абхазской литературы и словесности, навсегда выбросив из головы кораблестроительные фантомы, навязанные родственниками, постоянно (порой излишне) опекавшими меня до вступления в серьезную полосу жизни. Ну, и в принципе прагматичный Иван Гиджович тоже в конце концов смирился с моим выбором, внушив себе, что для известности и маститости в масштабах Абхазии не обязательно быть кораблестроителем, вполне достаточно стать кандидатом филологических наук или, на худой конец, неплохим поэтом. О, знал бы мой расчетливый и предусмотрительный во всем дяденька, которого давно уже нет в живых, что я превзошел все его ожидания и горделиво ношу степень доктора, усиленную званием академика Национальной Академии, созданной самим Владиславом Ардзинба.

Ностальгия по пединституту. Лекции и сопутствующий им юмор

Годы учебы на филфаке (1971–1976 годы) на всю жизнь запомнились мне по лекциям ряда педагогов, из уст которых звучали не только общеизвестные истины, но и их собственные размышления по тем или иным научно-исследовательским проблемам. То есть я хочу сказать, что мы имели дело с людьми, которых вряд ли можно было обвинить в провинциальной ограниченности. Хотя были и такие, кто не мог оторваться от своих старых, выцветших конспектов.

До сих пор хранятся в уголках памяти стиховедческие понятия и термины, на редкость удачно и искусно переведенные Анатолием Зухба на родной язык и достаточно колоритно вплетенные им в содержание своих абхазских лекций по литературоведению. Странными подчас казались его неожидан-

ные импровизации, выражавшиеся в том, что, ведя разговор по какой-либо конкретной теме, касавшейся, допустим, истории или теории литературы, он мог как-то плавно и незаметно перевести разговор в плоскость достижений древнеримской архитектуры, а потом вновь вернуться к исходной позиции, методично приучая нас к абхазским вариантам названий анапеста и амфибрахия и других общепринятых стиховедческих обозначений.

Удивлял своей колоссальной эрудицией доктор искусствоведения, археолог, художник Лео Чичинович (Леонид Алексеевич) Шервашидзе, чуть ли не наизусть и взахлеб пересказывавший нам замечательные тексты античной литературы. Только недавно я узнал, что мой лектор в 60-е годы прошлого столетия работал сценографом Абхазского театра, а еще в 1935 году блестяще справился с художественным оформлением «Абхазских сказок», составленных абхазскими учеными В. Кукба и А. Хашба. Историк-архивист Анзор Агумаа в своей энциклопедической статье о мастере открыл нам еще одну малоизвестную страницу биографии искусствоведа, связанную с оформлением «Абхазского букваря» и книги историка А. Фадеева. В числе прекрасных исследований Леонида Алексеевича — «Повесть о городе, взятом волнами» (Сухум, 1967).

Если бы я знал в годы учебы в СГПИ о таких универсальных способностях своего лектора, то, думаю, еще усерднее готовился бы к экзамену по великой античной словесности, которую он преподносил нам весьма изящно. Хотя могу похвастаться тем, что в моей зачетке руками непревзойденного мастера и интеллектуала была выведена оценка «пять».

Такие же феноменальные способности проявляла Татьяна Дмитриевна Гулиа, читавшая нам древнерусскую литературу. Правда, чувствовалось, что она немного подустала за долгие годы многократного прокручивания сюжетов житий святых и всей той достаточно занудливой агиографии, и мы с моим однофамильцем и однокурсником, будущим выдающимся писателем Дауром Зантария находили удобный момент, чтобы хотя бы на несколько минут отвлечь нашу добрую и очень коммуникабельную преподавательницу от ее

лекций и совершенно ненавязчиво вмонтировать в них свои стишки-экспромты, — прости меня, Господи! — на темы тех же житий, патериков и иного рода агиографических повествований. Татьяна Дмитриевна сначала с удовольствием соглашалась на подобные поэтические дивертисменты, но порой, чувствуя, что мы явно перебарщиваем, строгим предупредительным тоном («Мальчики, мальчики! Все, все, хватит, переходим к главной теме!») возвращала нас в мир древнерусской словесности, без знания которой, увы, невозможно было приобщиться к шедеврам золотого и серебряного века. Наши листочки с «экспромтами» хранила в своем «личном» архиве однокурсница Светлана Корсая, которая, если не подводит память, уже со второго курса перевелась в Московский ГИТИС, где, по окончании вуза и курса аспирантуры, блестяще защитила кандидатскую диссертацию по театроведению. Кстати, Светлана была одной из способнейших студенток, знала наизусть множество стихов Александра Блока и умела преподносить их весьма артистично.

Почти такие же спонтанные переходы от темы «динамических и статических глаголов в абхазском языке» к теме смелых, достаточно претенциозных гражданских стихов знаменитых поэтов — шестидесятников нам удавалось спровоцировать на лекциях мудрой и на редкость патриотичной Екатерины Платоновны Шакрыл.

Одной из таких вещей было запрещенное в одно время стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», написанное в 1961 году. Оно и сейчас интригует читателей удивительным сочетанием политической составляющей с очень оригинальной его художественной интерпретацией, театрализованностью раскрытия стержневого образа.

После долгих уговоров Екатерина Платоновна откладывала в сторону рукописи своих лекций и начинала читать спокойным, но внушительным тоном те «крамольные» стихи — прямо с фотокопий, которые доставала из своей сумки.

> …Он был дальновиден. В законах борьбы умудрен,
> наследников многих на шаре земном он оставил.

Мне чудится будто поставлен в гробу телефон.
Кому-то опять сообщает свои указания Сталин.

Куда еще тянется провод из гроба того?
Нет, Сталин не умер. Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли из мавзолея его.
Но как из наследников Сталина — Сталина вынести?

Иные наследники розы в отставке стригут,
но втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
а сами ночами тоскуют о времени старом.

Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
хватают инфаркты. Им, бывшим когда-то опорами,
не нравится время, в котором пусты лагеря,
а залы, где слушают люди стихи, переполнены.

Велела не быть успокоенным Родина мне.
Пусть мне говорят: «Успокойся…» — спокойным я быть
не сумею.
Покуда наследники Сталина живы ещё на земле,
мне будет казаться, что Сталин — еще в мавзолее.

Это сейчас уже можно, словно по мановению волшебной палочки, достать любой материал (художественный или документальный) из множества хранилищ такого супер-феномена, как Интернет, а в те времена книгу хорошую (особенно запрещенную) нелегко было найти вообще и прочитать спокойно. Я помню, как мы, будучи студентами, только в рукописном виде могли ознакомиться с работами Зигмунда Фрейда по психоанализу. А сейчас, пожалуйста, поставил курсор на поиск, и ноутбук выдаст тебе не только «Я и Оно» Фрейда, но и «Майн Кампф» самого Адольфа Гитлера. Пожалуйста, читай и «наслаждайся» в режиме онлайн…

Бывало, что Екатерина Платоновна сама отводила немало времени не только литературе хрущевской «оттепели», но и отдельным, малоизвестным эпизодам абхазского национально-освободительного движения, в гуще которого она на-

ходилась вместе с сестрами Тамарой и Александрой Шакрыл. Известно их смелое открытое письмо самому Сталину по абхазскому вопросу. Думаю, нетрудно догадаться, каким бумерангом могла обернуться подобная дерзость против молодых аспиранток… Но Бог их миловал…

Я с большим интересом слушал лекции Владимира Анкваб, Георгия Гублиа, Евгении Гагулия-Арсеньевой, Н. Акиртава, Людмилы Кобахия, Людмилы Таркил, Аиды Ашхаруа, Георгия Амичба (преподносившего историю Абхазии на превосходном, терминологически выверенном абхазском языке), И. Загурской. На старших курсах преподавала нам зарубежную литературу XX века Маргарита Чернова, блестяще владевшая предметом и публиковавшая свои статьи о жизни и творчестве некоторых видных представителей зарубежной классики на страницах журналов «Иностранная литература», «Москва» и других достаточно престижных в те времена печатных изданий.

Аида Григорьевна Ашхаруа читала нам «эстетику». Читала настолько интересно, воодушевленно, доходчиво, порой с таким шармом, что у меня появился какой-то особый интерес к этой науке, несмотря на то что отцы советской идеологии искусственно придумали этой дисциплине название «марксистско-ленинская эстетика». Будучи студентом, я успел ознакомиться с работами Лосева, Кагана, Зися, Гулыги, Раппопорта, Борева и многих других специалистов по этой тончайшей области философской науки. Не без определенной робости попытался вникнуть в суть эстетики Гегеля и Канта. Позже эстетические увлечения вывели меня на стезю исследования абхазской народной эстетики, что в свою очередь подтолкнуло к мысли о поступлении в аспирантуру… Но об этом — чуть позже. Это отдельная история, заслуживающая на мой взгляд, хотя бы беглого описания. А вообще я заметил, что если человек внушил себе мысль об аспирантуре, то будет лелеять ее всю жизнь, если даже не смог поступить в нее по самым разным причинам…

Людмила Арсеньевна Кобахия читала лекции, посвященные русским классикам, настолько одухотворенно, страстно и

с такой интонационной выразительностью, что невозможно было не проникнуться личностями и творчеством авторов, незаурядные качества которых она весьма доступно, глубоко и технологично открывала студентам. Она читала нам наизусть множество стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Боратынского, Рылеева. Читала стихи, чтобы проиллюстрировать ими свои мысли и рассуждения о творческих индивидуальностях их авторов.

Возвращаясь мысленно в аудиторию тех лет, начинаю думать о том, что, говоря о гражданском романтизме и гражданской экзальтации поэтов-декабристов, Людмила Арсеньевна порой и сама незаметно входила в экзальтированно-восторженное состояние тех или иных творческих личностей. Мне всегда импонировали люди, бурно проявляющие свои эмоции, не замкнутые, не педантичные, не холодно-рассудочные.

Затем на основе новых методов профессора Тартуского университета Юрия Лотмана, одного из первых разработчиков структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры, лектор раскладывала по полочкам ту или иную классическую вещь. И такие лекции ненавязчиво приоткрывали нам дверь в мир новых знаний о культуре, в тончайшую сферу языка как первичной моделирующей системы.

Благодаря таким замечательным лекциям я стал глубже осознавать философскую суть и силу магического воздействия перлов русской лирики XIX века, и наиболее яркие достижения других родов и жанров.

Встречи с абхазскими классиками и современниками

Особое впечатление производили на меня наши жаркие дискуссии на заседаниях абхазского литературного объединения. В него входило, как минимум, 60 студентов. Начинались они в вечернее время, в основном в достаточно просторном литературном кабинете филфака или в помещении самой ли-

тературной кафедры. Поводом для творческих встреч и обмена мнениями преимущественно становились новые книги абхазских авторов разных литературных поколений. Сюда приходили не только студенты и преподаватели, но и видные мастера слова, литературоведы, критики.

Некоторые литературные встречи происходили в читальном зале общежития пединститута, располагавшегося на ул. Орджоникидзе (ныне — Ю. Воронова). Я помню, какое глубокое впечатление произвела на всех встреча студентов (участников литкружка) и преподавателей кафедр абхазской литературы и языка с народным поэтом Абхазии Багратом Шинкуба. Он рассказывал нам о работе над романом «Ацынтҩарах» («Последний из ушедших»), об интересных контактах с ведущими абхазскими историками, с которыми великий писатель консультировался, соприкасаясь со сложными перипетиями, связанными с махаджирством. Баграту в то время было где-то около 57 лет. Высокий, осанистый, с проницательным взглядом человека, постигшего тайны мироздания, каждое слово и каждая мысль которого ослепляли алмазным отблеском.

Перед завершением встречи мэтр прочитал нам свои новые стихи. Мы долго потом ходили, окрыленные счастливой возможностью непосредственно пообщаться с гениальной творческой личностью. Для нас было важно все: и мысли, и эмоции, и жесты, и мимика поэта, на которого мы, тогда еще начинающие авторы, смотрели как на небожителя.

Еще одна незабываемая, насыщенная редкой информацией, встреча студентов и профессорско-преподавательского состава СГПИ с Багратом Васильевичем состоялась, если не ошибаюсь, где-то в 1974 г., в клубе старого корпуса пединститута (ныне — ул. С. Званба). Больше всего лично меня заинтересовали его мысли о кропотливой работе над рукописями стихов, о неоднократном возвращении к ним и доведении до логического конца. Если не подводит память, он показывал нам свои черновики и выверенный, окончательно отредактированный вариант глубоко философского стихотворения «Нас мышкызны сыҧсы схыҧып» («Настанет день. Душа моя покинет…»)

К деятельности нашего литературного объединения (издававшего рукописный журнал «Аԥаш» («Поток»), была приобщена практически вся кафедра абхазской литературы, однако колоссальную творческую и организаторскую энергию вкладывал в него В. П. Анкваб.

Помню, как оживленно, динамично, свободно и раскованно проходила встреча с одним из ведущих абхазских поэтов — Мушни Ласуриа, автором весьма популярных стихов, всколыхнувших новую волну абхазской лирики в 60–70-е годы. Выход каждой его книги, появление в Сухуме или Москве его новых поэтических подборок становились событием литературной жизни. Это было новое веяние в поэзии, и многие молодые люди читали наизусть наиболее известные его стихи. Позже, в 1977 году, в блестящей статье об этапах развития абхазской литературы, опубликованной в «Дружбе народов», Вадим Кожинов достаточно выпукло обозначит роль лирики Мушни Ласуриа, подчеркнув, что в ней «живет тысячелетняя история Абхазии, живет не в навязчивых реминисценциях и перечислениях, а как внутренняя сила, как глубинное течение, которое вызывается наружу лишь когда это необходимо…»

Одно из заседаний литобъединения было приурочено к выходу в свет сборника «Аԥашқәа рышьыжь» («Утро потоков»). И местом для обсуждения книги был избран все тот же просторный, и в то же время очень удобный читальный зал общежития пединститута, в котором царила атмосфера некоего домашнего уюта. Я был одним из содокладчиков. Я позиционировал себя в тот период как начинающий поэт и критик. Прежде чем начать работу над докладом о новой книге поэта, долго вникал, вчитывался в его тексты, особо подчеркивая наиболее яркие, броские образы, метафоры и эпитеты. И в итоге, в ходе выступления, я смог внутренне напрячься и быстро преодолеть волнение. Кульминацией творческой встречи стало выступление самого Мушни Ласуриа, который делился своим творческим опытом, достаточно виртуозно рассказывал о новых стилевых исканиях в абхазской и русской поэзии. И в конце он прочитал студентам свои новые стихи, переводы. И, конечно же, произвел на нас яркое впечатление.

Помню, до поздней ночи мы обсуждали на кафедре сборник стихов Виталия Амаршан «Аацынтэи ақәа» («Весенний дождь») в присутствии самого автора — выпускника Московского Литературного института им. А. М. Горького. Сейчас я нахожу в своей сухумской библиотеке кое-какие издания 60-70-х годов, в том числе и «Весенний дождь» и вижу на полях превосходной лирической книжки множество собственных заметок: какие-то мысли, оценки, особо выделенные метафоры и эпитеты. Это своеобразные схемы того, что я готовил тезисы какого-то доклада, выступления. Возможно, с точки зрения нынешнего, более глубокого восприятия абхазской лирики тех лет, мои примечания и комментарии не совсем точны и обоснованы, а может быть, они по-прежнему актуальны.

В полночь после той встречи с Виталием Амаршан, на которой студенты весьма эмоционально обменивались мнениями о его стихах, наш неутомимый преподаватель Владимир Платонович на своей видавшей виды «Победе» поочередно развозил всех нас по домам… Тогда мы знали цену подобному искреннему общению, бескорыстным взаимоотношениям. Мы дорожили своим родным языком, литературой, были счастливы, что и мы имеем прямое или косвенное отношение к тому, что составляло ядро духовных ценностей. Сейчас, живя в независимом государстве, мы заметно разобщены, увы, многих из нас поссорила и противопоставила политика. Она образовала между нами глубокий водораздел, мы знаем, осознаем, что надо его преодолеть, но не знаем, как это сделать…

С прежней свежестью приходит на память обсуждение первой книжки стихов Геннадия Аламиа «Адәы иацәа» («Зеленое поле»). Выход этой книжки знаменовал собой достаточно ощутимый прорыв новой, интеллектуальной волны абхазской лирики. Кафедра поручила мне и Дауру Зантария выступить с содокладами на тему художественно-стилевых и новаторских особенностей лирики Геннадия Аламиа. Пригласили на заседание литобъединения и самого автора, успевшего к тому времени завершить учебу в Московском литературном институте и поработать литсотрудником Раменской районной газеты. Лично я познакомился с Геной где-то на сухумской набереж-

ной, приблизительно напротив Абхазского театра. По-моему, там он подарил мне этот уникальный лирический сборник, подкупивший многих читателей новым и весьма своеобычным мироощущением. Это было летом. Общались мы с ним, сидя на ступеньках театра со стороны ул. Пушкина, кажется, напротив театральной кассы.

Мне кажется, что институтское обсуждение, в котором приняли участие, как говорится, и классики, и современники, стало знаковым, еще больше приподняв шкалу популярности нашего друга. Не скрою, презентация «Зеленого поля» не в меньшей степени поспособствовала поднятию и нашего (с Дауром!) писательского рейтинга. Нам пока рано было задирать нос, но, если честно, не особо старались скрыть свое самодовольство…

Учеба в пединституте запомнилась многими интересными «трендами», нарушавшими гласные и негласные установки тогдашней идеологии. Мы были знакомы с лучшими художниками, музыкантами, литераторами, актерами Сухума. Им тоже хотелось теснее работать со студентами, попить с ними не одну и не две чашки сухумского кофе, способного впрыскивать в сознание небольшие дозы художественной философии.

Однажды мы с Дауром и нашими друзьями с русского отделения историко-филологического факультета (так он тогда назывался) решили пригласить на свободную творческую встречу художника Виталия Лакрба (по кличке «Князь»), успешно работавшего в стиле абстракционизма. Он с удовольствием принял наше приглашение и фактически провел для нас своеобразный мастер-класс по истории и теории абстракционизма и других родственных ему художественных течений (беспредметность, супрематизм, и т.д.) Показал нам кое-какие собственные работы небольшого размера. Ответил на наши вопросы, связанные, в частности, с тайнами полотен Пикассо. И мы, конечно, были глубоко впечатлены свободным общением с незаурядным мастером.

Деканату и партийной организации, как и стоило ожидать, не понравились наши полулегальные «посиделки» с представителями того направления изобразительного искусства, на

которое советская система (печально памятны наезды Никиты Хрущева на Эрнста Неизвестного и др. художников-абстракционистов) смотрела пока еще сквозь призму сугубо партийной конъюнктуры. Господствовавшая идеология не собиралась менять методично внедрявшуюся в сознание масс матрицу соцреализма ни на что другое. Да и авангард по большому счету не был явлением новым, и в наметившемся тяготении к нему тоже была некая дань моде, поветриям. Странно, что никаких официальных предупреждений после нашей встречи с Виталием Лакрба не последовало. Видимо, подумали, что мы ограничимся этой келейной беседой и не станем больше нарушать будничную и безмятежную атмосферу в СГПИ — кузнице национальных кадров.

Однако, войдя во вкус своих вольнодумных «чтений», мы все-таки решили пойти дальше и попытались сымпровизировать в «профессорской» института выставку работ сухумских авангардистов. Подобные идеи рождались среди таких ярких представителей тогдашнего филфака, как С. Лакоба, Ю. Анчабадзе, Д. Зантария, В. Багапш, Р. Абуков, Т. Дзимистаришвили и др. Пригласили, насколько помню, весьма популярных в тот период сухумских художников А. Семенцова, В. Цвижба, В. Лакрба, В. Джениа, В. Аркания и др. Не случайно их называли «сухумской богемой»… У каждого был свой неповторимый стиль, своя богатая гамма цветов. При этом, на мой взгляд, подспудно их сближал особый черноморский колорит в живописи, проникнутый символико-аллегоричным метафоризмом. Некоторые из вышеупомянутых мастеров дружили с Варварой Бубновой, которую вполне дружелюбно называли «амазонкой» авангарда.

Но на сей раз получилось, как в абхазской поговорке: амҟәыба еснагь аҙы аанагом (не всегда удается зачерпнуть воду кубышкой). На нашу дерзкую хитро-мудрую инициативу достаточно резко и негативно отреагировали секретарь парткома и некоторые другие титулованные представители идеологических структур института. Провели собеседование со «смутьянами». Сначала разговаривали с нами в сдержанно-деликатных тонах, но потом — достаточно строго, даже попыта-

лись оказать на нас давление с тем, чтобы мы сами втихомолку убрали картины, свернули экспозицию. Мы с этим не согласились, поразмышляли в узком кругу о том, кто мог бы «попокровительствовать» нам в затеянном деле, и решили обратиться за поддержкой к весьма авторитетному ученому, профессору Маргарите Глебовне Ладария, которая, посмотрев представленные на выставке произведения, оценила их высоко и стала, насколько я помню, не то что осуждать, но, наоборот, достаточно интеллигентно, но настойчиво агитировать своих коллег поддержать наш проект. За несколько дней выставку посетило множество студентов и педагогов. Приходили люди и из других учреждений. Тяготение к подобному искусству проявляла и сухумская молодежь. Некоторые посетители выставки общались с авторами, которые с удовольствием входили в диалог не только на тему представленных работ, но и искусства в целом. Вот так сухумский «авангард» (может быть, поставангардизм) стал медленно, но уверенно проникать в сферу художественных интересов и увлечений не только студенчества, но и интеллектуальной элиты столицы в целом.

В студенческие годы я имел счастливую возможность присутствовать на некоторых литературных вечерах, проводимых Маргаритой Ладария. Одна из таких творческих встреч с участием студентов была посвящена Марине Цветаевой. Запомнился утонченный (во многом ее собственный) взгляд на лирические произведения великой поэтессы роковой судьбы. Под впечатлением интереснейших рассуждений Маргариты Глебовны мы стали глубже вникать в таинства поэтического творчества и философию одной из ярчайших представительниц символизма, познавать волшебство ее слов, их завораживающую игру, захватывающий магизм ее хлестких, животрепещущих ритмов и интонаций.

Пройдет еще 40 лет после тех, образно говоря, «цветаевских чтений», по моей просьбе Маргарита Глебовна напишет для подготовленной мной книги Даура Зантария «Мир за игольным ушком» обширную статью о его нашумевшем романе «Золотое колесо», к незаурядному дарованию которого она относилась с большим благоговением.

Я глубоко признателен ей за отзыв о моей докторской диссертации. Бережно храню этот текст и ее личную, убористо выведенную подпись под ним. Дорожу каждым словом, каждой фразой в документе. Я сохранил также черновой вариант своего автореферата, в котором профессор аккуратными карандашными пометками подсказывала мне, какие еще источники по проблеме философской лирики заслуживают, на ее взгляд, особого внимания.

На полях книги

24 июня 2020 года я поделился своими вольными раздумьями и мыслями о Маргарите Глебовне в созданном мною на просторах интернета–портала «Галактика культуры Кавказа»:

«Читал вчера до поздней ночи переписку И. С. Тургенева и Эмиля Золя. В наше время снобско-скептического отношения к классическим ценностям такие уникальные материалы (в том числе эпистолярный жанр) вновь возвращают нас в мир большой культуры. Я не хочу сказать, что филистерский взгляд доминирует в обществе везде и всюду, но он, к сожалению, порой захлестывает культуру, пытаясь противопоставить ей некие суррогаты. Да и вообще весь увесистый том «Переписки И. С. Тургенева» насыщен такой удивительной фактологией из сферы личных взаимоотношений И. С. Тургенева с Л. Толстым, Ф. Достоевским, М. Салтыковым-Щедриным, с Жорж Санд, Гюставом Флобером, Эдмоном де Гонкуром и др. великими русскими и французскими писателями, что трудно подчас удержаться от соблазна перечитать эти вечно актуальные и не стареющие письма заново. Но я конкретно о том, что меня подтолкнуло поделиться впечатлениями с участниками нашей «Кавказской галактики»…

Вчитываясь в каждую строку переписки Тургенева и Золя, обратив внимание, в частности, на мысль о их «душевной привязанности к Флоберу» и т. д., я вдруг с некоторой невыразимой детской радостью вычитал выведенное красивым редакторским курсивом примечание: см. также:

Ладария М. Г. И. С. Тургенев и классики французской литературы. Сухуми, 1970. С. 100–119.

Вот так в ряде академических (энциклопедических) изданий советской эпохи делаются весьма значимые ссылки на фундаментальные исследования крупного филолога, тургеневеда, признанного среди специалистов по зарубежной литературе, профессора Маргариты Глебовны Ладария. Вчера еще мы ощущали ее присутствие во всем, в жизни страны, в развитии отечественной науки и ее причастность к нашей судьбе, непосредственное участие в наших духовно-эстетических исканиях. Звучало весомо и выпукло каждое ее слово в стенах университета, в Академии наук. Студенты, слышавшие из ее уст лекции по русской и зарубежной литературе — это по-настоящему счастливые люди, потому что Маргарита Глебовна — это кладезь нашей культуры, нашей истории, эталон обширного (обостренного) мировосприятия и глубокой эрудиции. Ведь она читала лекции, построенные не только на давно уже апробированной общетеоретической основе, но, отчасти, опираясь на собственные концептуальные взгляды на развитие мировой художественной словесности. А сколько замечательных статей она посвятила классикам абхазской литературы?

Уйдя в мир иной физически, душой Маргарита Глебовна остается с нами, продолжая своей мудрой, внушительной и выверенной интонацией посвящать нас в таинства непреходящей мировой классики…»

В запасниках библиотеки СГПИ

Студенческая пора была наполнена и некоторой романтикой, и неуемным желанием постичь то, что не входило в вузовскую программу. Помню, мы с Дауром Зантария приходили к заведующей библиотекой института, замечательному библиотекарю и библиографу Шуле Гварамия и как бы исподтишка просили ее дать почитать запрещенные книги Александра Блока, Велимира Хлебникова, Николая Гумилева и др. русских поэтов эпохи символизма (декаданса). Позже я слышал от того

же Баграта Шинкуба о том, как в 30-е годы прошлого столетия Леонтий Лабахуа как бы «нелегально» давал прочитать своим друзьям, в том числе и самому Баграту, редкий экземпляр поэтического сборника Н. Гумилева.

Ну, здесь все было и так понятно: основатель акмеизма был арестован 2 августа 1921 года по обвинению в участии в так называемой «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». Николай Гумилев и еще 56 обвиняемых по этому сфабрикованному делу были расстреляны 26 августа 1921 года. Удивительно, что только в 1992 году дело было признано полностью сфабрикованным и все, кого обвиняли в причастности к нему — около ста представителей русской интеллигенции, — реабилитированы.

Баграт Васильевич рассказывал мне о Н. Гумилеве и тайном «знакомстве» с его лирикой в 30-годы. Поводом для нашей с ним беседы послужила подборка стихов Гумилева на страницах журнала «Огонек» в период так называемой горбачевской «перестройки». Появлению подобных публикаций в 80-е годы все мы радовались как большому событию, новшеству.

В студенческую пору — в 70-е годы — зная в целом о политических мотивах запрета той или иной литературы, мы все равно не понимали, почему, по какой такой веской причине нельзя было знакомиться с ней… Заведующая библиотекой проявляла к нам некоторое благодушие и, нигде не фиксируя процедуру выдачи подобных книг, давала их нам с условием, что вернем вещи в течение двух-трех дней. Видимо, такими «льготами» пользовались негласно и некоторые другие студенты, проявлявшие пытливый интерес к «запрещенной литературе».

Помню, Ш. Гварамия и ее сотрудницы помогли мне выписать из московской Ленинки (по межбиблиотечной связи) отдельный номер журнала «Интернациональная литература» (издание, предшествовавшее «Иностранной литературе»), в котором был опубликован очерк выдающегося французского писателя Анри Барбюса, посвященный долгожителю из с. Лата Джиджу Шапковскому. Французский романист в дни пребывания в Абхазии вместе с крупным мастером слова, государственным деятелем Самсоном Чанба поднимался верхом к

«обабхазившемуся» поляку, чтобы пообщаться со знаменитым долгожителем с глазу на глаз. Прочитав этот очерк в журнале «Интернациональная литература» и тщательно изучив другие материалы, я подготовил доклад на тему «Анри Барбюс и Абхазия». Под впечатлением пребывания в нашей стране автор знаменитого романа «Огонь» создал и другой, не менее впечатляющий очерк — «Среди красот земного рая», блестяще переведенный на абхазский язык Екатериной Шакрыл и опубликованный в журнале «Алашара».

Приходят на память импровизированные «поэтические вечера», которые мы частенько проводили во внеурочное время в уютном одноэтажном домике № 14 на ул. Горийская, где в студенческие годы жил Даур Зантария у своей родственницы Ольги Алания, на редкость гостеприимной и интеллигентной женщины. Встречались там после лекций. На светлой, просторной веранде, откуда была видна, как на ладони, прибрежная часть Сухума, мы устраивали веселое чаепитие. Оно сопровождалось беседами о литературе, чтением собственных стихов, произведений разных поэтов. Время от времени возвращались к испанской поэзии, ее перлам, но своим ароматом и накалом любовных страстей по-особому притягивали испанские романсеро Гарсии Лорки. Мы пытались перекладывать некоторые из них на абхазский язык через посредство блестящих русских переводов.

***

Порой, садясь за письменный стол, тщательно перебирая в памяти те или иные события, я поневоле вхожу в состояние воображаемого монолога: а что, собственно говоря, подтолкнуло меня к участию в национально-освободительном движении? Ведь немало среди нас людей, проживших свою жизнь, ни разу не соприкоснувшись с большой политикой. Я знал одного человека, который шел по жизненной тропе таким размеренным, многократно перепроверяемым шагом, будто, не дай Бог, если он хоть на йоту отступит от этого отработанного годами темпа жизни, то окажется на краю или в самой бездне зияющей пропасти небытия.

Вопросы, которые я иногда задаю самому себе, опять уводят меня в далекое студенческое прошлое, возвращают к началу 70-х годов, когда в коридорах и аудиториях Сухумского госпединститута им. А. М. Горького, как, впрочем, и в ряде других учреждений, не утихали (а наоборот, накалялись) политические страсти, связанные с национальным вопросом. Диктат Тбилисской метрополии, жесткий информационный и психологический прессинг, оказываемый грузинской пропагандистской машиной на Абхазию, чувствовался везде и во всем: и в кадровой политике, и в ничем не прикрытой экономической экспансии, и в языковой сфере, и в продолжавшемся циничном переиначивании подлинно абхазской истории, топонимики, в жесткой политической цензуре, гласно и негласно чинившей препоны любой объективной публикации, противоречившей тбилисским установкам. Один из тогдашних партаппаратчиков, не на шутку увлекшийся с уходом на пенсию писательским ремеслом, рассказывал мне как бы между прочим, что иерархию соподчинения Сухума Тбилиси называли не без юмора политикой «ки-батонизации» (то есть на любое указание из ЦК КП Грузии принято было отвечать «ки, батоно!»…)

Помню достаточно скандальные истории, связанные с тем, что статьи с малейшим намеком на эпоху средневекового Абхазского царства, лучших страниц нашей национальной государственности, месяцами лежали в редакционных портфелях официальных газет без права на публикацию. Нужна была резолюция или телефонный звонок как минимум секретаря обкома партии, чтобы они увидели долгожданный свет. Авторы, на работы которых накладывалась печать всевидящего и всевластного цензора в лице главлита (начальником этой «карательной» службы была ужасно злая женщина в бериевских очках с двойными линзами — и с особыми полномочиями), забирали свои статьи и вручали их прямо в руки Анатолию Возба, писателю-сатирику, зам. главного редактора Гудаутчкой районной газеты «Бзыбь», остававшейся единственным островком свободы слова.

Эту газету брали нарасхват, потому что она была весьма популярна в городе и селах и могла вызвать на дуэль любо-

го цензора и обкомовского надзирателя. Популярность газеты подпитывалась еще и сатирическим уголком, в котором под псевдонимом «Қыжә-ипа» саркастически высмеивал бюрократизм и очковтирательство все тот же непревзойденный острослов Анатолий Возба.

Та суровая женщина по прозвищу «Главлит» пыталась найти нехороший подтекст не только в научных исследованиях, но даже и в детских рассказах наших писателей: «Как бы под сказочно-феерическим прикрытием не протащили какую-нибудь антисоветчину…»

Долгие годы и десятилетия Абхазия напоминала мифологический кипящий котел братьев Нартов, настолько глубоки были корни грузино-абхазского политического противоборства. Я помню, как мы радовались малейшему упоминанию Абхазии и абхазов в центральной советской прессе или с экрана телевидения. Не могу забыть, какое восторженное состояние вызвали в начале 70-х годов прозвучавшие из уст диктора ЦТ в программе «Время» несколько фраз о 4 марта — дне установления советской власти в Абхазии. Все удивлялись, как это могло произойти при тотальном согласовании любой информации, касавшейся нашей республики, с тбилисским всевластным партаппаратом. Недавно, знакомясь с дневниками Б.В. Шинкуба, я наткнулся на информацию о том, что, оказывается, в мае 1971 года Л. И. Брежнев, выступая в Тбилиси в связи с 50-летием ГССР, вскользь упомянул и абхазов, внесших свой вклад в становление грузинской республики. Баграт Васильевич пишет, что это был редкий случай, когда политический руководитель советской державы такого уровня мог отметить хоть какую-то исторически значимую роль нашего народа. Как ни удивительно, здесь грузинская цензура оказалась бессильной.

Оглядываясь в прошлое, вновь прихожу к мысли, что абхазские студенты не были равнодушны к опасным для Абхазии тенденциям. Бывали острые моменты и инсинуации, когда они вступали в открытый, достаточно запальчивый диалог с национал-шовинистами. Поводом для таких раздоров и коллизий нередко становились попытки властей воспрепятствовать даже

проведению мирных молодежных акций в честь национальных праздников, в том числе дня советизации Абхазии — 4 Марта. Я думаю, можно представить себе, насколько это бывает обидно, досадно людям, тем более молодым, волевым, романтично настроенным, когда им говорят: «Мы запрещаем вам отмечать свой праздник…» Но гласные и негласные «запреты» еще больше раззадоривали глашатаев абхазских революций…

Наши студенты, насколько я помню, не были одиноки в своей, достаточно энергичной, протестной деятельности. Их поддерживала пусть небольшая, но могучая и энергичная когорта преподавателей, ученых, воистину бескомпромиссных в вопросах защиты национальных ценностей. А если копнуть еще глубже, абхазская смута 1967 года началась с требования 15 студентов, неожиданно забежавших в один прекрасный день в кабинет начальника Сухумского железнодорожного вокзала и пригрозивших ему, что никогда не уйдут отсюда, покуда не начнут зачитывать объявления о прибытии и убытии поездов на абхазском языке… На вокзале все переполошились, дело дошло до горкома и обкома и, в итоге, решение было принято, но когда волна протеста схлынула, его тихо отменили… Однако движение вновь нарастало и привело к массовому сходу в столице. Запевалами новой волны протестных акций были абхазские студенты, которые почувствовали, что если красная линия нарушена, то ослабить их напористость не могла никакая железобетонная дамба. Их деятельность в то время управлялась довольно-таки солидным центром, сформированным почти спонтанно, в ходе самой революции. В Москву с молниеносной скоростью полетела череда писем и обращений с требованием воспрепятствовать продолжающейся колонизации Абхазии.

***

Одни проявляли свое неприятие происходившего достаточно бурно, другие— более сдержанно, но в целом редко кто смотрел на опасные действия тбилисской метрополии и ее подобострастных служителей раболепно-равнодушным взглядом. На фоне наших сегодняшних внутренних поли-

тических разборок, о том крепком ядре абхазской интеллигенции и студенчества вспоминают не так часто, разве что к каким-то юбилейным историческим датам. Но элита национальная была и будет, вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий. Нелегко было в те времена открыто, громогласно выражать свое недовольство политическим режимом. Риторика с ее пресловутой системой навешивания ярлыков была испытанной технологией власти. Ее отголоски слышны и сейчас, тая в себе угрозы возрождения теперь уже абхазского тоталитаризма.

Возможно, рассказы обо все этом несколько утомительны. Но это часть нашей новейшей истории, и я стараюсь сохранить нить причинно-следственной взаимосвязи разных событий, пусть даже в ущерб фабуле. Если вы заметили, я изначально пренебрег правилами «незыблемости» фабулы, стараюсь писать достаточно свободно, порой уподобляя себя чудаковатому абхазу, «сидевшему на яблоне, но вдруг странным и чудодейственным образом оказавшемуся на грушевом дереве»…

По большому счету, все это повествование, выходящее моментами за рамки жанра, может послужить достаточным общим фоном, чтобы я посвятил вас в поучительную историю своих первых серьезных «разборок» на политическом ристалище.

Национал-шовинизм, прикрытый протокольной респектабельностью

Учился я, если не подводит память, на 3-м курсе СГПИ (1973 год). Был стипендиатом им. Д. И. Гулиа. Это поощрение ненамного превышало размер обычной стипендии, но сам факт для моей биографии был достаточно заметный, престижный и значимый. Все-таки я получал стипендию, носившую имя самого патриарха нашей отечественной литературы! И как было отмечено выше, в работе институтского литературного объединения я был одним из тех, кто не давал творческому

процессу пробуксовывать на месте, работая вхолостую. Но я не ограничивал себя рамками исключительно филологических познаний. Увлекался философией, историей. То, что я успел познать в годы, когда молодая энергия хлещет через край, со временем значительно обогатило мой кругозор. Хотя я до сих пор глубоко сожалею о том, что много ценного времени в студенческую пору растранжирил бездарно. Читал много, но можно было еще больше, чтобы не пришлось наверстывать упущенное в солидном возрасте, когда семья, быт, обряды, общественные процессы выжимают из тебя все до последней капли.

Однако пора приступить к «расчехлению» предыстории конфликта. Нежданно-негаданно, получилось так, что преподаватель философии, кандидат философских наук Фаина Галустян, весьма содержательно, увлекательно и красноречиво преподносившая нам истмат, поручила мне заняться подготовкой доклада. Тема, предложенная лектором, затрагивала процесс формирования абхазской нации (если точнее, консолидации народности в нацию). Меня, конечно, сначала насторожила столь сложная, щепетильная и малоисследованная историко-философская проблематика. Но преподаватель, обладавшая даром внушать и убеждать, смогла быстро настроить меня на рабочий лад. Была еще одна архиважная мотивация, пренебречь которой я не мог хотя бы из морально-психологических соображений: ведь предлагает мне заняться столь актуальной для абхазов проблематикой женщина армянской национальности. Причем она не встала в позу сторонней наблюдательницы: она сразу же взяла на себя роль научной руководительницы моего реферата. Философ в роли человека, способствующего состыковке истории и философии — достаточно близких, родственных предметов. Ведь историософия тоже возникла не на голом месте. Тут явно присутствовала интрига, главное, взяться за дело и не ударить в грязь лицом или, как говорят некоторые остроумные абхазы, «не пить воду носом…»

В душе я, конечно, был весьма рад, что мне поручено заняться вопросом, так или иначе остававшимся на обочине абхазской философской науки в силу тогдашней политической

конъюнктуры. Настрой у меня был достаточно решительный, боевой, периодично и умело подхлестываемый моей волевой и энергичной преподавательницей. И я, наметив себе некоторые тезисы, наподобие «апрельских тезисов» Владимира Ильича, и, как говорится, засучив рукава, взялся за изучение существующей специальной литературы. Частенько посещал читальный зал библиотеки пединститута. Кстати, была отличная библиотека и в общежитии СГПИ. Часами корпел над источниками, касавшимися не только истории Абхазии, абхазской государственности, истоков возникновения абхазской нации, но и аналогичных процессов на путях развития других малочисленных этносов. Чутье подсказывало мне, что сравнительный анализ заметно укрепит структуру доклада. Позже убедился в том, что компаративистика приводит к хорошим результатам не только в литературоведческой сфере.

Основным подспорьем моего доклада стали исследования известного ученого, государствоведа, позже — доктора наук и академика Б. Е. Сагариа. Профессор, дотошный исследователь и собиратель многих архивных фактов работал тогда в АбНИИ им. Д.И. Гулиа. Он встретил меня благорасполагающей улыбкой, но за ней скрывалось некое сочувствие: мол, милый парень, знал бы, за какую скандальную тему ты берешься?

Баджгур Еснатович, съевший не одну собаку на этой злободневной тематике, проконсультировал меня достаточно основательно, указал мне дополнительные источники. Он любезно подписал мне несколько собственных брошюр по данному вопросу и объяснил, по какой причине наши ученые не хотят ворошить историю, связанную с этапами становления нации. Ответ был прост: «Знают, что столкнутся с цензурой…» Слова большого специалиста, умудренного горьким житейским опытом, немного озадачили меня, но мне казалось, что в нашем пединституте вряд ли кто-то превратит мою студенческую работу в серьезный повод для межнациональных распрей и правовой казуистики.

В течение двух недель я представил свое «историко-философское исследование» Ф. Галустян. Она взяла работу домой, внесла кое-какие существенные поправки, чтобы усилить не-

которые аргументы с философской точки зрения. В целом она одобрила мой доклад, подбодрила меня, предвкушая успех, и рекомендовала для включения в программу предстоящего студенческого форума. Думаю, и у нее был какой-то свой интерес предстать на студенческом форуме в качестве ученого-педагога, подготовившего молодого докладчика. Институтские конференции в те времена проходили весьма оживленно, в них принимали участие очень подготовленные молодые специалисты из соседних республик. Помню, как я под шумок студенческой конференции попал однажды на банкет в гостинице «Абхазия» по случаю завершения программы форума. На одном из участков протокольного застолья тамадовствовал доктор наук, крупный абхазский филолог Х. С. Бгажба, тосты которого, изобиловавшие художествами, приводили в восторг участников торжества — и гостей, и хозяев. Помню, насколько умело он вплетал в тост за представительниц прекрасного пола сравнение слов «женьшень» (с китайской этимологией) и «женщина».

***

Вскоре мой доклад был передан в оргкомитет, составителям программы конференции. Я отдал свою рукопись с чувством преисполненного долга. Временами память посылала мне предупредительные импульсы, напоминая о печально-сочувственном взгляде Баджгура Еснатовича. Но я не придавал этому значения, наивно веря в то, что причин для политических придирок к докладу нет и не может быть по определению. Насколько я был информирован предварительно, мне должны были предоставить возможность зачитать свое сообщение даже на пленарном заседании предстоящей конференции, на котором по традиции присутствуют и ректор, и гости, и некоторые представители партийного бомонда республики. Предвосхищая обстановку, думал: вот, как раз и гости услышат, увидят воочию, что абхазский вопрос не снят с повестки дня.

Однако, вопреки здравому смыслу, мои оптимистические прогнозы оказались на поверку обманчивыми. И мудрый взгляд Баджгура Еснатовича, не понаслышке знавшего о двой-

ственном отношении некоторых грузинских ученых и чиновников к вопросу о формировании абхазской нации, стал все чаще и тревожнее напоминать о себе…

***

Накануне долгожданного форума меня неожиданно пригласили в помещение деканата исторического факультета, где меня ждали: руководитель оргкомитета конференции, доктор наук Л. Д. и декан исторического ф-та, кандидат наук М. Б.

Сначала они достаточно вежливо предложили мне сесть в удобном для меня месте, затем дипломатично, блюдя протокольную респектабельность, подвели беседу со мной к теме и названию моей работы, правомерности, логичности постановки вопроса. Затем, немного ужесточив тональность, как ни в чем не бывало, стали открыто заявлять мне, что абхазской нации — в историческом и философском понимании этого понятия — нет, мол, поэтому и нет реальных научных оснований исследовать в предложенной мной интерпретации процесс ее формирования. Якобы есть абхазская народность, еще не достигшая необходимого цивилизационно-правового уровня нации. Я, конечно, знал, что имею дело с людьми, давно уже страдающими шовинистическим зудом, но, честно говоря, не думал, что они так откровенно и громогласно выразят свое предвзятое отношение к столь деликатному вопросу, тем более что все это происходило в стенах педагогического института, где при всей остроте межнациональных отношений старались хотя бы создавать видимость «дружелюбия и интернационализма». Одной из мотиваций «несостоятельности» абхазского народа как нации мои оппоненты пытались, в частности, представить фактор малочисленности абхазов и их «неспособности» самостоятельно обслуживать стратегические направления экономики, в частности, железную дорогу и другие транспортные коммуникации. Конечно, было обидно выслушивать подобные абсурдные доводы, но в то же время внутренне меня успокаивало немного то, что подобными примитивными объяснениями причин «изъятия» моего доклада из программы два «маститых», обнаживших свою истинную

сущность представителя грузинской «пятой колонны» скомпрометируют в первую очередь себя. Не думал, что молодой и достаточно популярный среди интеллектуальной элиты Абхазии философ Л. Д. проявит свою неприязнь к абхазам в такой примитивной и циничной форме. Но описанный мной эпизод показал, что за его внешней респектабельностью и интеллигентностью скрывались симптомы такой нехорошей болезни, как национал-шовинизм.

Но нелицеприятная беседа не застала меня врасплох, хотя немного расстроила. В результате долгой и кропотливой работы над темой я успел пополнить свои знания по ней и мог достаточно аргументированно защитить свои доводы. Поняв, что этика и излишние любезности здесь не уместны, я стал достаточно эмоционально, но оперируя источниками и вескими доводами, принципиально и моментами достаточно дерзко отстаивать свою позицию. А как поступит любой мало-мальски образованный человек, которому вдруг скажут, что нация, к которой он принадлежит, не существует? Беседа, переросшая в достаточно запальчивую и болезненную полемику, закончилась тем, что руководитель оргкомитета, достаточно амбициозный философ с вышеназванной симптоматикой, категорично заявил мне об исключении моего выступления из программы конференции. Я не скрыл от своих оппонентов, что этот разговор и решение, принятое ими келейно, не останется без соответствующей реакции. Я забрал у них текст своего доклада и, немного взбудораженный, вышел из помещения деканата, где, по догадкам наших преподавателей, частенько происходили «междусобойчики» по поводу абхазского вопроса, не дававшего покоя сухумским подобострастным проводникам тбилисских «идей». Идя по коридору, я еще раз вспомнил сочувственно-назидательный взгляд ведущего специалиста АбНИИ, который, может быть, в душе был чрезвычайно рад, что молодой человек берется за столь «крамольную» (по тем временам) тему, но одновременно представлял себе, сколько «волков в овечьей шкуре» будет глядеть на ее разработчика, ощетинившись…

Моя «челобитная» в Большую Советскую Энциклопедию…

Первый, кого я встретил в коридоре родного филфака на третьем этаже, был Анатолий Шугович Зухба. Помню, чуть опершись локтем левой руки о подоконник окна, он стоял, погрузившись в какие-то раздумья, спокойно и как-то отрешенно покуривая сигарету. Он, как всегда, приветливо поздоровался со мной, но, почувствовав, что я чем-то всерьез взволнован, спросил:

— А в чем дело? Мне кажется, что ты чем-то расстроен?

Ну и я решил рассказать своему доброму наставнику, классно озвучивавшему на абхазском языке (на лекциях по литературоведению) сложные стиховедческие понятия, — обо всем в подробностях. Помню, как импульсивно он отреагировал на то, что услышал сейчас из моих уст. Из нашего с ним разговора я понял, что этот вопрос получит бурный резонанс. «Саанла рхы аӡы хьшәашәа шақәаҳтәо рзымдырӡои?» — сказал он, войдя в курс дела. Это означало в буквальном смысле следующее: «Они не знают, что мы выльем на их головы холодную воду из мисок?» Так в итоге и получилось, холодной водой пришлось остудить горячие головы «вершителей наших судеб»: были возмущены до предела многие преподаватели и студенты. Я почувствовал с их стороны достойную моральную поддержку, что помогло мне не отступать, а действовать увереннее. Пока инцидент обсуждался среди людей, обостренно воспринимавших подобные авантюристические происки наших недругов, я решил предпринять ход, продиктованный в те дни не столько логикой, сколько эмоциями, осадком, накопившимся в глубине души после нелицеприятного разговора с теми, кто, живя среди нас, строя нам гримасы добродетелей, в какие-то моменты не стеснялись говорить нам о том, что мы, оказывается, не нация, а какая-то второсортная народность, плебеи, низшее сословие, а они, видите ли, патриции, аристократия, избранные…

Я набрался хладнокровия, пошел в читальный зал института, еще раз перечитал те тома «Большой Советской Эн-

циклопедии» и «Философской энциклопедии», в которых в статье «абхазы» давалось четкое, однозначное, аргументированное определение абхазской нации. Выписал себе эти формулировки и понятия и, аккуратно сославшись на них, написал письмо главному редактору «БСЭ» с просьбой письменно подтвердить соответствующие тексты, мотивируя свое обращение конфликтом в Сухумском педагогическом институте, вынуждающим меня прибегнуть к защите своих тезисов.

Слава Богу, советская почта работала исправно, и я приклеил марку к конверту и отправил свое письмо по назначению, конечно же, не питая особой надежды, что получу на него четкий и однозначный ответ. Сомнения были вызваны тем, что влияние грузинских политиков и их лоббистов на Москву в те годы не только не ослабло, а, наоборот, заметно усиливалось. Ни одна встреча Брежнева и Шеварднадзе не обходилась без смачных поцелуев, хотя в целом международный дипломатический протокол порой допускал и подобные жесты, несовместимые не только с этическими, но и гигиеническими нормами.

Издания, куда я обратился, так или иначе были подотчетны кремлевским политическим структурам. Но вопреки моим сомнениям, приблизительно через две недели на мое имя прибыло письмо за подписью заместителя главного редактора «БСЭ», проф. Кузнецова, в котором в весьма уважительных тонах сообщалось о том, что определение, данное «абхазам», верное, научно обоснованное, и статья об «абхазах» была вновь процитирована из энциклопедических изданий. Моей радости не было предела, и я носил с собой это письмо в конверте советского образца, как паспорт, как некий диплом, дающий уверенность в преодолении любых политических преград.

Несмотря на то, что «БСЭ» подкрепила своим письмом мои доводы, я продолжал не без любопытства заглядывать в разные другие словари, чтобы быть достаточно вооруженным на случай предстоящих схваток с грузинскими «неоревизионистами». С неописуемым удовольствием перечитывал выдержки из словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Абхазы, одна из кавказских народностей; в древности упоминаются под назва-

нием абасгов (у Плиния) и абасков (у Арриана)… При Юстиниане подчинились Византии и приняли христианство… Около 850 г. с помощью хазар сделались независимыми …Арабам не удалось подчинить себе абхазов… Период между 850 и 950 гг. был временем высшего могущества абхазов…»

Читал и думал: странно, какую же такую сумасбродную идею могли внушить себе мои оппоненты, чтобы отрицать автохтонность такого древнего и мощного этноса?

Вскоре выяснилось, что письма, связанные с фактом отрицания существования абхазской нации, были направлены Главной редколлегией «БСЭ» руководителям СГПИ им. А М. Горького и АбНИИ им. Д. И. Гулиа как ведущему абхазоведческому центру.

Каким-то образом об инциденте в СГПИ и назревавшем конфликте стало известно КГБ Абхазии. Этот «комитет», специализировавшийся преимущественно на заведении черных списков и «досье» на всех, кто имел прямое или косвенное отношение к абхазскому национально-освободительному движению, долгие годы продолжал свою агентурную деятельность все теми же печально памятными методами бериевских времен. По горячим следам конфликта в СГПИ появился кагебшник абхазской национальности, в звании подполковника, — правда, приходил он в институт в штатском. Я был знаком с ним лишь издалека. Он мне улыбался скупой дежурной улыбкой при каждой случайной встрече, ну и я отвечал подполковнику той же протокольной «взаимностью». Однажды он сообщил мне через деканат филфака, что хотел бы пообщаться со мной тет-а-тет. Достаточно вежливо и деликатно он стал расспрашивать меня о случившемся. Я не стал рассказывать ему обо всем в подробностях, хотя изощренностью вопросов и их тональностью подполковник пытался внушить мне, что он сочувствует мне и, дескать, готов содействовать в объективном расследовании инцидента. Трудно мне судить о степени объективности и беспристрастности расследования, которое вел методами подобных бесед подполковник КГБ. Но, наверное, были и такие абхазские службисты, кто тайно, в обход Тбилиси, информировал свое

московское начальство о подлинной сути и первопричине тех или иных скандальных событий.

Вскоре на закрытом партийном собрании института состоялся жесткий разговор, где двум деятелям, дерзнувшим подвергнуть сомнению существование абхазской нации, пришлось отвечать за свои откровенные национал-шовинистические воззрения. Вопрос был поставлен, как говорится, ребром в присутствии представителей политического руководства республики. Насколько я был информирован позже, очень принципиальную позицию заняли в этом вопросе патриотически настроенные преподаватели института Б. А. Гургулиа (писатель, кандидат филологических наук), Е. Ш. Губаз (ныне — академик РАЭН) и другие известные педагоги и ученые. История с попытками подвергнуть ревизии существование абхазской нации закончилась тем, что один из наиболее страстных «апологетов» этой дискриминационной «концепции» через некоторое время был вынужден оставить работу в СГПИ и перейти в ГИСХ, являвшийся настоящим рассадником антиабхазской идеологии и экстремизма, т.е. он нашел себе более благоприятные условия для дальнейшей апробации своих нездоровых идей и замыслов. Позже «зараженность антиабхазскими бациллами» привела грузинского махрового философа в стан членов грузинского оккупационного правительства в Сухуме (в 1992 году), издававшего газету «Демократическая Абхазия». Его, теперь уже откровенно неонацистские публикации на страницах вышеупомянутого издания, с которыми мне удалось ознакомиться после окончания грузино-абхазской войны, окончательно убедили меня в том, что это были не заблуждения грузинского ученого, к которому многие из его коллег относились с подчеркнутым пиететом, а, увы, неизлечимо больного. К сожалению, таких ревностных проповедников идеи избранности и исключительности грузинской нации было много, и они окончательно обнажили свою суть еще в 1989 году, когда из-за провокационного решения открыть в Сухуме филиал Тбилисского государственного университета произошли межнациональные столкновения, приведшие к многочисленным жертвам.

Широкий жест куратора курса…

Годы учебы в СГПИ запомнились, несмотря на некоторые драматичные истории, и весьма приятными событиями и сюрпризами. Мы не сомневались, что куратор курса, преподаватель русского языка Евгения Арсеньева-Гагулия в один прекрасный день предложит нам какой-либо запоминающийся вояж. Намеки на этот счет были… Но интригу она не раскрывала до принятия решения. Убедившись в реальности воплощения своей идеи, она вдруг на одной из лекций оглашает маршрут поездки: Сухум — Волгоград. Можно представить себе, как окрылила всех нас такая заманчивая затея. Это же не в Сочи и ни в Геленджик повезти студентов, а в прославленный Сталинград. Экскурсия была спланирована таким образом, чтобы мы прилетели в город, овеянный триумфальной славой, 8-го мая, а 9-го мая могли бы спокойно лицезреть грандиозные праздничные мероприятия по случаю Дня Победы. Евгения Дикрановна все заранее просчитала, весь бюджет нашей поездки, плюс — скромные вложения спонсоров. В итоге все получилось на высшем уровне. Помню, встретили нас представители абхазской диаспоры, среди которых был и родной брат известной участницы национально-освободительного движения Валентины Лакоба — Руслан. Красавец Руслан Лакоба (родился в 1944 году) был выпускником Волгоградской государственной Академии физической культуры. Незаурядные успехи в учебе и спорте, его благовоспитанность послужили основанием для того, чтобы перспективный молодой человек из Апсны был взят на работу в том же вузе. Ректор Академии лично опекал Руслана. По сути, через него он открыл для себя Абхазию.

Земляки разместили нас в достаточно удобной и уютной военной гостинице в центре города, дали нам время, чтобы стряхнуть усталость, и в тот же вечер пригласили всю нашу группу в какой-то крутой по тем временам ресторан. Название, скажу честно, не запомнил. В таких, казалось бы, мелочах, память иногда подводит. Но судя по сервису и фешенебельности — был ресторан не простой. По просьбе наших волгоградских земляков официанты отвели нам красивый

уголок, соединили несколько столов, богато накрыли на стол, примешав к достаточно разнообразному праздничному меню ресторана какие-то привезенные нами абхазские специи и пряности, хотя особой надобности в них не было… И мы, назначив тамаду, решили отметить праздник по-своему, по-абхазски, в традиционном стиле. Я часто задаю себе вопрос: почему абхазы, оторвавшись от Родины всего лишь на несколько дней, так быстро начинают скучать по своим обычаям, по своей кухне, по своим патриархальным застольным правилам?

Насколько помню, расходы на застолье взяли на себя Руслан Лакоба и его друзья. Землячество было небольшое, но очень компактное и легкое на подъем. Делало оно свои дела без всякой суеты, совершенно не афишируя себя. Все было бы шикарно и на высшем уровне, если бы не драка, которая вдруг, неожиданно для всех нас, завязалась прямо в ресторане. Поводом для нее послужило то, что кто-то из наших ребят решил пригласить под душещипательную музыку симпатичную девчонку, сидевшую без кавалера неподалеку от нашего стола. Кому- то это явно не понравилось. Видать, чувство закравшейся в душу ревности и наши громкие и велеречивые абхазские тосты сподвигли молодого волгоградца, наблюдавшего за нашим сабантуем, к разборкам. Подробностей не помню, но помню, что дрались все, кто как мог. В этой суматохе чей-то хлесткий удар пришелся и по моей худощавой шее. Вмешалась милиция. Слава Богу, нашим влиятельным землякам удалось вывести всю нашу студенческую братву из этой свистопляски без драматических последствий. Благодаря такому, в общем-то терпимому финалу на второй день Евгения Дикрановна, слегка пожурившая нас за непослушание и излишние телодвижения, все-таки повела на знаменитый комплекс «Мамаев курган». Он произвел колоссальное впечатление. Экскурсовод рассказала нам и о «Доме сержанта Павлова», где мы своими глазами увидели на мемориальной доске выгравированные имена настоящих героев, оборонявших этот дом-бастион, в числе которых значились имя и фамилия уроженца абхазского села Аацы Гудаутского района Алексея Шаабановича Цугба. Мы не раз слышали от наших историков об этом факте, об этой величе-

ственной истории. Но сейчас с именем и подвигом абхазского воина мы соприкасались непосредственно. И это, разумеется, впечатляло. О боевых заслугах нашего соотечественника говорилось в советское время в документальном фильме Центрального Телевидения и в книге «58 дней в огне». Эти вещи давно уже стали раритетом и, возможно, музейной редкостью. Одно дело, когда читаешь о Сталинграде какие-то очерки, статьи, смотришь фильмы о его легендарных защитниках, другое — когда непосредственно ощущаешь тепло и энергию этой великой и священной земли. Недавно я прочитал, как говорится, от корочки до корочки «Воспоминания без цензуры» маршала К.К. Рокоссовского с предисловием внука легендарного полководца Константина Рокоссовского и комментариями правнучки — Ариадны Рокоссовской. Это редкое издание, без купюр и следов цензурных ножниц. Здесь читатель услышит всю незамысловатую правду о сталинградском сражении. О том, как, приходилось прогрызать, в буквальном смысле этого слова, оборону противника. О том, как закрепившись в развалинах и «превратив их в неприступную крепость», бойцы 62-й армии под командованием генерала (позже — маршала) Г. И. Чуйкова «героически отражали яростные атаки врага»… Той знаменитой 62-й армии, которая «занимала узкую полосу берега и прилегающую к реке часть города…»

А сколько интриги и драматизма заложено в том фрагменте мемуаров, где речь идет о беседе маршала Рокоссовского с военнопленным немецким фельдмаршалом Паулюсом:

«В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он как военнопленный не имеет права давать такое распоряжение…».

Тогда, в начале 70-х, я побывал в Волгограде студентом и довольствовался тем, что увидел воочию и тем, что расска-

зывали нам экскурсоводы. Тогда казалось, будто достаточно и буклетно-рекламных текстов. А сейчас, конечно, хочется снабдить мозги и память еще большей, многообразной и разноплановой информацией. С возрастом у человека появляется необузданное желание пополнять свой интеллектуальный багаж новыми знаниями.

Если вдруг мне удалось бы съездить в Волгоград еще раз, то долго, пристально и с разных ракурсов рассматривал бы монумент «Родина-мать зовет», созданный выдающимся советским скульптором Е. В. Вучетичем. Вновь и вновь восхищался бы гигантской фигурой, отлитой из 5 500 тонн бетона и 2 400 тонн металлических конструкций. Отлитой непрерывным процессом, чтобы не дать застыть бетону, исключая тем самым возникновение швов. Ведь этот монумент является композиционным центром всего огромного архитектурного ансамбля. Зря мы порой ругаем соцреализм так, от нечего делать… со снобистским высокомерием… Шедевры Вучетича неподвластны времени и конъюнктуре. Советское искусство — в лучших его проявлениях — потрясает своей мощью. На фоне таких достижений, о халтуре и серости можно и вовсе не вспоминать…

Возвращаясь мысленно к поездке в великий город по истечении более сорока лет, хочу привести фрагменты диалога Сталина и Черчилля в кулуарах Тегеранской конференции Большой тройки по поводу того, каким должен стать Сталинград, разрушенный до основания, уже после окончания войны:

Черчилль: «…Хорошо бы оставить нетронутыми страшные руины этого легендарного города, а рядом построить новый, современный город. Развалины Сталинграда, подобно развалинам Карфагена, навсегда остались бы своеобразным памятником человеческой стойкости и страданий…»

(Рузвельт согласился с идеей Черчилля, но при этом заметил, что это «прежде всего дело русских…»)

Сталин: «Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войне…Весь же город, подобно Фениксу, возродится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победе жизни над смертью».

Абхазское радио и истоки моих журналистских изысканий…

Будучи студентом, я совмещал учебу с должностью диктора Абхазского радио. Как это получилось? А все очень просто: принимал участие в конкурсе, объявленном абхазской редакцией радиовещания. Членам жюри понравилась моя дикция, да и в целом владение абхазской речью… И вот они взяли меня на полштата, предварительно согласовав вопрос с деканатом филфака СГПИ. С утра до 15.00 сидел на лекциях, а остальное время посвящал радиовещанию, читал вечерние новости. Во-первых, я получал здесь неплохую зарплату, облегчавшую финансовые проблемы моей семьи, во-вторых, это было в чем-то и престижно. Здесь в разное время дикторами работали: Иван Садзба, Георгий Гублиа, Николай Квициниа, Анатолий Зухба и другие известные писатели и ученые. А уже в конце 70-х и начале 80-х я продолжил работу на родном радио в качестве корреспондента, редактора, заведующего отделом. Работал, как говорится, с полной самоотдачей. Политические передачи были под неусыпным надзором цензуры. Но сухость и трафаретность информационного жанра компенсировались художественной насыщенностью литературно-драматического вещания. Люди с удовольствием слушали живые выступления поэтов, актеров, произведения наших композиторов. Помню, на 8 марта в студию пригласили народного артиста Азиза Агрба — человека весьма респектабельного, признанного мастера сцены. После записи на пленку его выступления, посвященного международному женскому дню, Азиз Рашидович заглянул к нам в абхазскую редакцию, где за нашим скромным праздничным столом он превосходно прочитал множество стихов абхазских и русских классиков о женщинах.

Почти все спектакли Абхазского театра довольно-таки умело и профессионально облекались в формы радиопьес. Наша студия всегда была открыта для зарубежных гостей, посвятивших Абхазии свои произведения. Порой нашей каждодневной журналистской работе сопутствовали и анекдотич-

ные эпизоды. Новый председатель национальной телерадиокорпорации, Ш. Х. Пилия, известный в Абхазии поэт, прозаик, публицист, находясь долгие годы в загранплавании в качестве замполита, часто слушал на сухогорузе Аджарского пароходства, бороздившем моря и океаны, популярные иностранные радиопередачи. По сравнению с ними наши программы ему показались ужасно скучными. Да и сами понимали, что наша продукция в чем-то страдала провинциализмом, хотя у Абхазского радио был свой колорит, свои традиции, свой шарм. Однажды новый шеф собрал нас всех на летучку, и по-отечески беззлобно покритиковав за шаблонность наших новостей, посоветовал немного поподражать стилю радиостанции «Монте-Карло» и привнести в нашу новостийную продукцию некоторую хитовость. Мы были рады тому, что новый шеф не препятствует реформам и, посовещавшись у себя в редакции, решили заметно обновить форму подачи утреннего эфира, назвав известия «Сухумской панорамой». Главный редактор абхазского радиовещания усомнился в резонности такого резкого обновления стиля новостей. Он советовал нам не торопиться с этими свистопляскими и скоморошеством. Но мы встали в позу, сославшись на указание Главного. Взяли и чуть ли ни каждое информационное сообщение стали перебивать ржаньем лошадей, пением абхазских дроздов, кваканьем местных лягушек, кукареканьем деревенских петухов вперемешку с мелодиями «Аббы» и «Бони М». Получилось даже так, что по настоянию довольно популярного радиожурналиста Семена Адлейба в информацию об очередном заседании бюро обкома партии каким-то образом вмонтировали блеянье коз альпийской породы. Казалось бы, что в этом плохого? Очень своеобразная аранжировка с национальным оттенком. Однако я чувствовал неким звериным чутьем, что мы явно перегибаем палку. Но трудно было устоять перед соблазном подражать «Монте-Карло»… Буквально через час после того, как «Сухумская панорама» прошла в эфир, нас срочно вызвал к себе наш многоуважаемый начальник. Мы заметили, что он был крайне взволнован, если не встревожен. Оказалось, что нашу новую «хитовую» программу слушал секретарь обкома

по идеологии и устроил взбучку всему нашему руководству за то, что мы озвучили официальное обкомовское сообщение с каким-то страшным блеяньем, кваканьем и завыванием представителей всей многообразной и разношерстной кавказской фауны. И, увы, на этом наши реформы захлебнулись, не успев еще начаться… И мы продолжили свою работу в прежнем брежневско-сусловском стиле, вполне устраивавшем и обком, и консервативную часть абхазских радиослушателей.

***

Будучи диктором, корреспондентом и студентом 5-го курса, я дружил со многими видными общественными деятелями. Однажды (было это в 1975 году) по какому-то интересному поводу мы поехали в с. Тамыш с Я. Лакоба, В. Айба и С. Адлейба. Была традиционная хлеб-соль у одного из моих однофамильцев. Мы встали со стола пораньше и поспешили в Сухум на встречу с Омаром Бейгуаа, Омаром Шамба и другими видными представителями диаспоры, впервые официально посетившими свою историческую Родину. Жили они в гостинице «Абхазия». К ним, несмотря на слежку со стороны спецслужб, приходило множество людей. В те времена приезд даже одного абхаза из Турции или Сирии считался сенсационным событием. Мы жили мечтой о возвращении наших зарубежных соотечественников.

Легковая автомашина, за рулем которой был, кажется, В. Айба, мчалась по центральной трассе, взяв курс на Сухум. Семен сидел впереди, с репортером на коленях. Удобно расположившись на задних сиденьях «Волги», мы с Якубом, признанным юристом, правозащитником, проявлявшим отнюдь не праздный интерес к литературе, попеременно — прямо с книжного листа! — читали стихотворение Владимира Солоухина «Волки…»

Мы — волки,
И нас
По сравненью с собаками
Мало.

Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.

Мы — волки, нас мало,
Нас можно сказать — единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюда похлебки,
Нам впроголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые все туже.

Вы смотрите в щелки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы, в сущности, — волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.

И льстить, и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.

Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим…

Семену Адлейба настолько понравилось это стихотворение и тональность нашего чтения, что он лихорадочно стал записывать наши голоса на «Репортер». По-моему, записал даже повторно, для подстраховки, чтобы с записью ничего не случилось.

***

Встреча с Омаром Бейгуаа навсегда врезалась мне в память. Поэт, историк, создавший на чужбине художественные произведения на абхазском языке. Высокий, подтянутый, энергичный, весь сотканный из безграничной любви к родной Апсны! В красивой высокой папахе. В его душе клокотал исконно абхазский дух, в его мудрых глазах пылало пламя горского свободолюбия. Всю нашу беседу записывал на магнитную пленку наш неутомимый Семен Михайлович. Мы впервые вживую общались с Омаром Бейгуаа, написавшим кровью сердца неповторимые стихи о Родине:

Гори рубахой на плечах
— Ни на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье…
(Перевод с абхазского Д. Чачхалиа)

Мне, студенту, в 1975 году даже и присниться не могло, что через 19 лет (в 1994-м) удастся еще раз встретиться в самом центре Стамбула с Омаром Бейгуаа и слушать — превратившись в слух! — его возвышенную и проникновенную беседу с Багратом Шинкуба. Я дорожу как бесценным сокровищем видеозаписью диалога двух корифеев, двух златоустов. Баграт прибыл в Турцию по просьбе Первого Президента Абхазии Владислава Ардзинба для участия в международном симпозиуме, посвященном 130-летию окончания кавказской войны. Мне посчастливилось быть свидетелем того, как бурно реагировала наша диаспора на любое выступление автора

гениального исторического романа «Последний из ушедших», вышедшего к тому времени и на турецком языке в переводе Хаири Кутарба.

Там, в Стамбуле, сидя напротив Баграта, Омар читал стихи об абхазском Прометее, читал с таким переживанием, что в его глазах выступали слезы. Это зрелище забыть невозможно. Я написал стихи, посвященные этой встрече, где особым акцентом выделена строка о том, что древний Стамбул стал свидетелем встречи и свободного общения двух национальных гениев.

И вновь в родную Тамышскую школу…

Получив красный диплом об окончании пединститута, я вернулся в родное село и устроился преподавателем сельской школы. С удовольствием пошел учительствовать. В те времена в этом была своя романтика. Коллектив был знакомый, состоял он в основном из моих же учителей, умных, эрудированных, отзывчивых. К моменту моего прихода в школу уроки были уже распределены. Я опоздал и чем-то напоминал смешное положение незадачливого Кумпыла, у которого разыгрался аппетит после того, как весь хлеб был съеден сотрапезниками. Но педколлектив проявил ко мне неслыханную доброту. Учителя настолько рады были моему возвращению в село, что, оперативно пересмотрев сетку часов, как-то умудрились выкроить для меня значительное количество уроков. Предложили читать в 9 и 10 классах русскую литературу и в 7-м классе историю древнего мира, хотя я и не был историком по специальности. Меня воодушевило такое доброе, трепетное и дружелюбное отношение вчерашних моих преподавателей к вопросу моего трудоустройства. Меня такая работа вполне устраивала, потому что от моего дома до школы было рукой подать. Знания, полученные в пединституте, я мог подкреплять педагогическим опытом. Появлялась возможность изучать язык и литературу еще глубже. Ну и к тому же никто не мешал мне помогать одинокой матери поддерживать хозяйство, давно уже нуждавше-

еся в мужском уходе. Моя мать Тамара овдовела совсем рано. И чтобы мы с моей сестрой Светланой ни в чем не ощутили сиротства, она взвалила на свои хрупкие плечи непосильную ношу: бывало, что становилась за плуг и сама пахала, сеяла, как мужчина. Хотя, конечно, ей было бы куда тяжелее, если бы братья моего покойного отца не проявляли особую отеческую заботу о нашей семье, деля с нами поровну все, чем они располагали. У нас с дядей Самсоном был один большой общий двор. Выстроив два капитальных дома друг против друга, старшие решили не разграничивать их изгородью, чтобы семья безвременно ушедшего их младшего брата Константина Гиджовича не чувствовала одиночества.

Недавно я написал стихи, посвященные матери. Я вынашивал их долго. Тяжело писать о матери после Некрасова, Фета, Бунина, Есенина и абхазских классиков… Но чувствовал на подсознательном уровне, что не написать о матери — не могу. И в особенности такое желание обуревало меня после ее смерти…

Хотелось выразить нечто сокровенное, задушевное, оставаясь при этом непохожим ни на кого… И в один прекрасный день, когда я почувствовал изнутри, что созрели такие выстраданные строки, они как бы сами легли на бумагу. Это сюжет о том, как, находясь в годы учебы в вузе в Сухуме, душой, мысленно я всегда оставался в деревне, у домашнего очага. И постоянно сопутствовали мне приятные, бодрящие раздумья о матери:

И в мыслях погружаюсь я в блаженнейшую тишь:
Ползет автобус красненький…
Маршрут «Сухум — Тамыш»…
И мать в косынке ситцевой стоит и машет мне:
«Скоро ведь каникулы, приезжай скорей!»
Таится одиночество у матушки в душе,
Дела в хозяйстве спорятся, сейчас там — в Тамыше!
Ползет автобус красненький, маршрут — недорогой,
Знакомому водителю по-братски крикну: «Стой!»

Находясь в родной деревне, я не терял связей с друзьями, приезжая в Сухум, встречался с Алексеем Гогуа, Мушни Ласуриа, Джумой Ахуба, Алексеем Дженна, Николаем Квициниа, Владимиром Ацнариа, Таифом Аджба, Виталием Амаршан, Геннадием Аламиа, Денисом Чачхалиа, Дауром Зантария, другими известными писателями, с которыми успел наладить очень добрые дружеские отношения еще в годы учебы в СГПИ. Писал стихи для наших ведущих литературных изданий, литературно-критические статьи и рецензии. Конечно, редакции публиковали не все подряд, в них был некоторый отсев. И среди предлагаемых мной материалов тоже было немало пока еще слабых, слишком хрупких вещей. Но бывали моменты, когда какие-то стихи возвращали обратно, мотивируя тем, что они излишне «пессимистичны». В те времена был, помимо всего остального, крайне важен еще и так называемый «жизнеутверждающий» пафос, соответствующее идеологическое клише. А я почему-то был моментами крайне «пессимистичен», это видно и по моим первым поэтическим сборникам. Сейчас перелистываю их временами и вижу в своих стихах начала 80-х слишком много печали, драматизма, слава Богу, не доходивших до состояния обреченности и апокалипсиса. Но, видимо, не было основания и для большого оптимизма, хотя внешне все выглядело приблизительно как в жизнеутверждающей песне «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Связи с друзьями, теплые беседы с ними о литературе не давали погрузиться с головой в деревенский быт. Приехав в Сухум, пообщавшись с друзьями, я не мог не отметить нашу встречу хотя бы недолгим обменом тостами в какой-либо сухумской кафешке. Бывало, что с удовольствием тратил на такое приятное времяпрепровождение гонорар, полученный за какую-либо подборку. А платили тогда за публикации неплохо. Но иногда, сухумцы сами опережали меня в подобных жестах. И шли мы по старой памяти в сад-ресторан «Кавказ», скорее всего потому, что он был в каком-то замкнутом пространстве, удобном для более спокойного общения.

Шли годы. Параллельно я занимался вопросами поступления в аспирантуру по эстетике. Имелась заочная договоренность с отделом аспирантуры Московского института философии на предмет предварительного собеседования со мной. Такое «протеже» мне обеспечили наши абхазские философы, защищавшиеся в том известном и весьма престижном НИИ. Но для поступления необходимо было добиться выделения целевого места для нашей республики. Я продолжал усиленно работать над собой по избранной философской дисциплине. В Тамышской средней школе по моей просьбе для десятиклассников ввели факультатив по эстетике, который я вел в неурочное время. Честно говоря, не предполагал, что ученики так заинтересуются этим курсом. И меня любознательность старшеклассников сильно подбадривала, потому что живая связь с ученической аудиторией помогала мне выверять свои познания по эстетике. В то же время я испытывал глубокое удовлетворение от того, что свой интеллектуальный багаж по данной дисциплине я мог передавать молодому поколению.

По вопросу «лимита» настойчиво искал доступа в правительство. Знал, конечно, что в одночасье эту проблему не решить. Надо было воспользоваться чьими-то связями в верхах.

На приеме у Багратом Шинкуба

Но вот в один из моих приездов в Сухум я решил заскочить в Союз писателей, и старшие собратья по перу сказали мне, что меня ждет Багрaт Шинкуба. Он занимал в те годы пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии. Честно говоря, я шел к народному поэту, немного волнуясь, не был лично знаком с ним, хотя, как писал уже выше, присутствовал на его творческих вечерах в пединституте. А вот воспользоваться личным знакомством моего деда Понии Амичба, простого джгиардского крестьянина, с Багратом Васильевичем, я почему-то не решился. А Пония Сааткериевич запросто заходил к народному президенту, чтобы поинтересоваться

дальнейшей судьбой Абхазии. Заходил, оставив свой самшитовый посох в приемной.

Баграт Шинкуба встретил меня весьма приветливо, отложил в сторону какие-то официальные бумаги и выслушал внимательно. Я, как студент перед экзаменатором, чуть сбивчиво, но стараясь собраться с мыслями, рассказал ему о своих намерениях и о том, что побудило меня поступить в аспирантуру именно по специальности «эстетика». Наш мэтр сам прошел в свое время курс аспирантуры (правда, по языкознанию) и, думаю, понимал, с какими сложностями связано было поступление. Я отдал заранее подготовленное заявление, адресованное Председателю Президиума. В моем присутствии он наложил резолюцию, предусматривавшую подготовку письма в Госкомитет СССР по науке и технике, и выразил надежду, что все будет нормально, и по-отечески заботливо пожелав мне успехов в творчестве и в осуществлении намеченных планов, проводил меня до двери. Я знал о том, что Баграт Васильевич, наряду с множеством проблем, с которыми сталкивался на высоком государственном поприще, делал многое для подготовки национальных кадров. Был, безмерно рад, что волею судьбы мне представился шанс встретиться с великим человеком и обсудить с ним волновавшие меня личные вопросы. Из беседы с народным поэтом я понял, что он следит и за моими первыми поэтическими пробами, его добрые пожелания и напутствия по-настоящему окрылили меня. Выходил из его кабинета, полный надежд и оптимизма. Лет через 10, по следам выхода в свет одного из моих поэтических сборников под названием «Аицышәтымта» («Соцветие») Баграт Васильевич в своем телеинтервью упомянул мою книжку, сделав лестный отзыв о ней. Я думаю, можно понять состояние молодого автора, чье имя упомянул великий мастер. Но, вопреки моим ожиданиям, эта тема стала однажды поводом для здорового юмора на застолье у Нины Ясоновны — вдовы Киршала Чачхалиа в с. Акапа, где она приобрела скромный участочек. Произнося тост за меня, Баграт Шинкуба вновь упомянул те самые стихи, о которых говорил в телебеседе, в это время в разговор встрял Шамиль

Пилия и стал внушать народному поэту, что эти вещи, дескать, написаны не мной, а моим тестем, двоюродным братом Шамиля Хусейновича, то бишь тесть помогает мне сочинять стихи. Все, кто был за столом, разразились громким смехом. Я умышленно молчал. В ответ на странные реплики руководителя гостелерадиокомпании, Баграт обращается к Шамилю с вопросом: «А почему же твой брат тебе не пишет такие хорошие произведения?» На этом разговор о том, кто кому пишет стихи, был исчерпан… Шамиль Хусейнович наверняка предчувствовал, в какой манере ответит ему классик, но велик был соблазн вновь развеселить почему-то приунывшую к концу застолья шумную писательскую компанию.

Когда я узнал, что рекомендация Баграта Шинкуба поступила в соответствующие ведомства, решил поехать в Москву и встретиться с заведующей отделом аспирантуры Института философии Академии наук СССР (по фамилии, если не ошибаюсь, Дмитриева). На ее имя был заблаговременно отправлен мой реферат на тему эстетического идеала абхазского народа. Дискурсы исследования основывались на философском анализе Нартского эпоса и народной традиционной культуры в целом. В отделе аспирантуры приняли меня тепло и радушно. Чувствовалось, аспиранты из Абхазии пользовались здесь заслуженной репутацией. Не скрою, было лестно, что о моем реферате заведующая аспирантурой отозвалась в целом положительно, чем мгновенно вывела меня из стрессового состояния. Однако глубоко огорчило меня то, что вопрос выделения целевого места (т.е. именного лимита) натолкнулся на технические (скорее бюрократические) сложности. Дело в том, что для поступления был необходим двухгодичный стаж работы по избранной специальности. Или же надо было поступать в аспирантуру сразу после окончания института. А я оказался где-то в странно-непонятном промежутке. Вот с такой неразберихой столкнулся я в Москве… Видя, что нет реального выхода из тупиковой ситуации, искренне поблагодарил зав. отделом аспирантуры и любезно попрощался с ней. В Абхазию звонить не стал, чтобы никого не расстраивать… «Значит, не судьба, — подумал я, выйдя из здания института. — По край-

ней мере, когда-нибудь в мою биографию оригинально впишется рекомендательное письмо Баграта Шинкуба…»

И в тот же день пошел в гости к своему старшему другу — поэту Терентию Чаниа, который в то время (в 1976–1977 годах) учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Общежитие учебного заведения располагалось на Миусской, 6. Он встретил меня в вахтерской и, по-братски обняв, повел к себе в номер. В гостях у него были сокурсники, отмечавшие, насколько помню, успешное завершение семестра. Я не скрыл от Терентия Михайловича и двух его друзей, что аспирантура, к сожалению, не состоялась. Дал им знать, что отнесся я к этому весьма спокойно и хладнокровно и намекнул на свою готовность разделить их хлеб-соль по поводу удачного завершения ими очередного семестра. Не мешкая, достал из своей сумки пять тяжелых бутылок черного молдавского «Кагора», поодиночке беря их за шиворот, поставил на стол в один ряд… Но вместо благодарности и восторга заметил на лицах «друзей» весьма печальную мимику. Сначала я не понял, в чем дело… Но тут же многоопытные слушатели «ВПШ» дали знать: «Эх, дружище! За такие деньги можно было купить штук 15 четвертушек отличной русской водки». В итоге предложили мне чуть отдохнуть, а сами спустились с моим молдавским «портвеином» в тот же щедро отоваривший меня магазин, что был рядом с общежитием ВПШ, и достаточно успешно произвели взаимовыгодный бартер. До поздней ночи сидели мы у Терентия Михайловича в просторной комнате, произносили тосты и даже спели какую-то понятную всем интернациональную песню. Помню, закусывали очень вкусной кировской бастурмой, которой нас угостил бывший зав. отделом Кировского обкома партии, с которым Терентий Михайлович дружил до последних дней своей жизни. Вспомнить фамилию, увы, не смог… А милого Терентия — нет в живых… Там же я и познакомился с Владимиром Ардашевичем Ашхацава, известным партработником, также проходившим курс переподготовки в ВПШ на Миусской улице. Я еще тогда понял, что он партработник, не совсем отвечающий стандартам партноменклатуры… В нем клокотал какой-то бунтарский дух, к тому же, как я узнал поз-

же, находясь с ним в первом Ардзинбовском Парламенте, он порой, сталкиваясь с политическими оппонентами, пытался проявить свои боксерские качества… На второй день я улетел из Москвы, чуть ли не до последнего червонца потратив свои «командировочные» в школе ВПШ, где хлебосольству, помимо основ коммунистической идеологии, уделялось далеко не второстепенное внимание. Честно говоря, меня немного расстроила неудача с поступлением в аспирантуру, но сильно не переживал, потому что причина заключалась не в том, что я не смог сдать экзамены, а в технических нестыковках, не позволивших дойти до экзаменов. Это не то, что в Тбилиси, где я был допущен на экзамен, но срезался, так и не став кораблестроителем.

Главное, чем я успокаивал себя: знания по эстетике мне очень пригодились как писателю и литературоведу, да и вообще современному человеку, обязанному знать хотя бы азы эстетики, этики, культурологии. Сейчас, как мне кажется, все это отодвинуто чьей-то невидимой властной рукой на второй план. Число политологов и конфликтологов растет, как грибы после дождя, а вот настоящих культурологов, эстетиков, специалистов по этике становится все меньше и меньше.

Совместимы ли профессии учителя и журналиста?

Вернувшись домой, я продолжил свою бурную «просветительскую» деятельность. Кстати, Тамышская школа никогда не была на обочине культурных и спортивно-оздоровительных событий страны. Из ее стен вышли многие известные писатели, ученые, спортсмены, общественные деятели. Однажды мной овладела мысль освещать в прессе наиболее привлекательные мероприятия. Статьи и корреспонденции отправлял по почте в редакции газет «Апсны Капш» и «Советская Абхазия», на всякий случай — в районное издание с достаточно претенциозным названием — «Акоммунизм ахь» («Путь к коммунизму»). Название последней газеты меня (и не только меня) немного смущало от ощущения того, что почему-то именно Очамчыра

из всех районов Абхазии попыталась увековечить коммунизм, посвятив ему свое единственное печатное издание. Но этот скепсис не помешал мне публиковаться на страницах районной газеты, увековечивавшей «мечту человечества».

А иногда, бывая в столице, в зависимости от тематики описываемого события, материалы передавал непосредственно в соответствующие профильные отделы редакций. Понемногу у меня завязались личные связи с известными журналистами. Помню первые знакомства с сотрудниками «Советской Абхазии» Николаем Джонуа, Денисом Чачхалиа, Сергеем Саркисян, Женей Гуровым, позже — с Виталием Чамагуа и Виталием Шария.

Отдел культуры, возглавляемый Юлией Герия, предложил мне сотрудничество, и после собеседования с гл. редактором Голубевым меня взяли на полштата литсотрудником газеты по совместительству с преподавательской деятельностью и испытательным сроком. Я готовил информационные материалы о культурных событиях, об интересных литературных изданиях, о совещаниях в Союзе писателей, небольшие статьи о творчестве абхазских писателей. Вскоре дали добро на подготовку и других общественно значимых тем. Помню, опубликовали мой большой очерк «Судьба наркома» — о видном государственном деятеле, наркоме просвещения (наркоме юстиции) Абхазии, расстрелянном в 1936 году по сфабрикованному «тройкой» обвинению. Изучением материалов для очерка я занимался в Центральном госархиве Абхазии. На страницах «Советской Абхазии» тех лет сейчас нахожу немало своих публикаций, среди которых и рецензий на те или иные книги. Да, сейчас я бы писал по-другому… Начинаю переживать за погрешности языка, стиля тех статей, корреспонденций, очерков. Сейчас, может быть, я написал бы их в более привлекательном стиле, но, если честно, и тогдашние статьи были хорошим подспорьем в процессе освоения журналистского и литературного ремесла, во многом взаимосвязанного.

Мне казалось, что испытательный срок я выдержал неплохо, однако через три месяца сотрудничества с газетой мне достаточно культурно и дипломатично намекнули, что

вроде бы пишу я вполне прилично, но для профессиональной журналистской деятельности чего-то недостает, а чего именно — откровенно говоря, я тогда не понял и до сих пор не понимаю.

Но моя журналистская карьера не оборвалась на этом. За период работы в русской газете я успел наладить хорошие контакты и с национальной газетой «Апсны Капш», подбрасывал ее отделам корреспонденции, общался со многими ее сотрудниками чуть ли ни каждый день, потому что абхазская редакция располагалась этажом выше русской, т.е. «Советской Абхазии». И узнав о том, что я попрощался с русской газетой, абхазская редакция любезно предложила мне сотрудничество с отделом культуры. Встречу с главным редактором С. Квициния организовал мне известный журналист Георгий Жанаа, возглавлявший отдел партийной жизни. Получив добро от начальства, он взял меня к себе в качестве литсотрудника, причем без всякого испытательного срока. И при этом мне разрешили продолжать свою педагогическую деятельность в Тамышской средней школе — по совместительству, на полштата. Через некоторое время решением редколлегии газеты меня перевели в отдел культуры, руководимый замечательным поэтом и публицистом Раулем Ласуриа, работать с которым мне было легко и комфортно. Меня с ним связывала не только журналистика, но и поэзия. Нам с ним удавалось выкроить немного свободного времени для чтения еще не опубликованных стихов, написанных им и мной. Мы с ним были весьма взыскательны к себе, поэтому были достаточно сдержанны в оценках. Я готовил для отдела литературные страницы, рецензии на спектакли Абхазского театра, освещал события культурной жизни страны, темы литературных взаимосвязей. Газета «Апсны», созданная Дмитрием Гулиа в неимоверно трудных условиях политического противоборства в Абхазии в 1919 г., являлась уникальным изданием, на поприще которой выросла целая плеяда абхазских писателей, талантливо совмещавших литературную и журналистскую деятельность. Здесь оттачивалось художественное мастерство Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, М. Лакрба, М. Хашба,

И. Папаскир, В. Маан, Д. Дарсалиа и ряда других видных представителей нашей художественной словесности. Да, в зависимости от политических режимов, и газете приходилось порой поступаться своими принципами, но в целом это была единственная абхазская газета, доносившая до абхазской публики определенную дозу культурной информации.

На полях книги

С работой в абхазской редакции связаны интересные события, в чем-то и предопределившие мою личную судьбу. Было это, кажется, в 1977 году. Политическая обстановка в стране была не очень стабильной. Шло обсуждение брежневской конституции. Главный редактор поручил мне как сотруднику отдела партийной жизни организовать небольшой отзыв об Основном Законе СССР. Партийная печать не могла обходить столь важную тему молчанием. А я был обязан беспрекословно выполнить личное поручение главреда. После некоторых раздумий в отделе решил связаться по телефону с освобожденным секретарем комитета комсомола СГПИ Владимиром Маан, с которым был в дружеских отношениях со студенческих лет. Бессменный комсорг с неугасимым задором порекомендовал мне студентку из с. Мгудзырхуа, ленинскую стипендиантку. Честно говоря, меня эта кандидатура заинтриговала сразу. «Отличная девушка. Очень образованная, начитанная. Из прекрасной семьи известных педагогов», — продолжал обрушивать на меня шквал хвалебных эпитетов комсомольский вожак, пользовавшийся заслуженной репутацией не только в головном вузе, но и в республике в целом. Я понял тонкий намек на толстые обстоятельства: что можно взять у образцовой студентки интервью, заодно мне, как холостяку, обратить на нее внимание как на девушку. В итоге — отзыв о брежневской конституции я подготовил на основе слов Нонны Пилия, которая, разумеется, как и все мы, не была в восторге от этого документа, узаконивавшего в то время неравноправие народов и сталинскую иерархическую систему, но ради уваже-

ния к своему комсоргу (а может быть, и ко мне?) согласилась на какой-то удобоваримый вариант газетной публикации, увы, не на самую интересную и актуальную тему. Но умело и достаточно гибко воспользовавшись моментом, я рассказал отличнице учебы о своем глубоком увлечении эстетикой. Я понял, что и она испытывает далеко не праздный интерес к этой удивительной науке, преподносившейся в те годы под названием «марксистско-ленинская эстетика», хотя все знали, что ее основоположниками были Баумгартен, Кант и Георг Вильгельм Фридрих Гегель, в основном идеалисты. На каком основании придали этому предмету марксистско-лениский окрас известно только идеологам русской революции. Не буду вдаваться в подробности из этических соображений, скажу лишь одно: эстетика сыграла в моем случае некую морально-психологическую и даже эмоционально- импульсивную роль, чтобы я навсегда породнился с мгудзырхуской девушкой, идущей со мной по нелегкой жизненной тропе уже более 45 лет. И мои скромные творческие успехи стали возможными благодаря нашему с ней взаимопониманию и уюту, который она создавала даже в самые неуютные для нас времена. Так что, спасибо Гегелю, Канту и Баумгартену за причастность их философии не только к моей литературной, но и личной судьбе.

***

В годы моей работы в газете «Апсны Капш» литературную традицию в ее пространстве успешно развивали Т. Чания, Т. Аджба, Р. Капба, Р. Ласуриа, Г. Аламиа, С. Таркил, Б. Тужба, В. Чуаз, В. Басариа, Б. Каджая и другие известные авторы. В их окружении я чувствовал себя довольно уверенно, нас сближали не только писательское и журналистское ремесло, но и чисто человеческие отношения. В дни получения долгожданного, но честно заработанного литературного гонорара, как я уже писал об этом ранее, мы проводили время в сухумских кафе и ресторанах, которые были нам вполне по карману. Бывало, что на таких застольях мы после двух-трех стаканов непревзойденных абхазских вин «Лыхны» или «Апсны» читали стихи, много шутили, соперничали в произношении абхаз-

ских тостов и потом до следующего гонорара вновь окунались в прозу своей журналистской повседневности. Для пущей важности замечу, что на наших «литературных посиделках», не обходившихся без обязательных традиционных тостов, бывали не только писатели. Разделяли с нами хлеб-соль и такие борзописцы, дельцы от журналистики, которые в душе считая нас, литераторов, людьми наивными, шито-крыто делали свои темные дела. Однако зря мы недооценивали их коварства.

Главным дирижером наших эпикурейских «вечеринок» был заведующий отделом спорта нашей газеты Шалико Камкиа, который, как говорят абхазы, «наливал себе в ухо» тот объем вина, который могла осилить вся наша литературно-журналистская братва вместе взятая. Помню, когда я недопивал свой стакан, т.е. пытался схалтурить, он брал свой стакан и, сняв свою огроменную шляпу, выливал себе на лысину последние капельки недопитого вина. И стыдил меня прилюдно, произнося слащаво-умилительным тоном: «Уаб Куаста уипазами, уара Анцэа иныхҳаша?» («Ты что, милый, не сын своего отца Куасты?»). А с моим покойным отцом Шалико Темразович учился вместе в одной школе, и даже косвенное напоминание об этой их дружбе оказывало на меня релаксирующее воздействие. И я начинал подражать «наставнику» в процедуре выливания остатков вина на лысину…

***

Вроде бы все у меня шло нормально: и совмещение с преподавательской работой в школе и неплохие достижения на литературном поприще. Я успел накопить из заработанных честным трудом денег определенную сумму, чтобы начать достройку своего небольшого, но достаточно удобного бельэтажного дома в Тамыше. Купил за свою цену блоки из шлакобетона и другие строительные материалы, которые в советское время стоили недорого, и рискнул начать кладку своими руками, не имея почти никакого опыта. Главное в этом деле — научиться выравнивать стены и углы отвесом или уровнем. Если пузыречек в приборе держится в середине, значит, все нормально. Мать была окрылена моими успехами. Удачно завершив свой

проект реконструкции дома, я занялся обустройством своего отдельного рабочего кабинета, где расположил свою не малую по тем временам библиотеку, насчитывавшую более двух тысяч книг.

Казалось бы, не было причин жаловаться на неустроенность жизни, если не иметь в виду, что о квартире в Сухуме и мечтать пока не приходилось. Это была участь многих абхазов, в том числе интеллигенции, ютившейся долгие годы в комнатах бериевских «переселенцев», чувствовавших себя в Абхазии как у Бога за пазухой.

Однако совсем неожиданно мое относительное благополучие сменилось полосой не самых позитивных перемен. В один прекрасный день я получил повестку в Очамчырский райвоенкомат. Помню, какой-то пожилой подполковник славянской внешности предложил присесть на стул, стоявший напротив стола, за которым сидел он. И, особо не любезничая, строго по-военному спросил меня о том, где я работаю в настоящее время. Я сказал, что работаю в Тамышской средней школе преподавателем и литсотрудником национальной газеты. Он напомнил мне о том, что мне было известно и без его инструктажа: по тогдашнему правительственному постановлению сельским учителям давали отсрочку от службы в армии. Далее подполковник, не имея особого желания разбираться в подробностях, однозначно заявил мне, что я подлежу срочному призыву в ряды Советской армии в связи с тем, что в сельской школе я работаю лишь на полштата, а основная моя работа связана с редакцией газеты. А это, мол, нарушение закона. И через некоторое время мне выписали очередную повестку о призыве.

Я долго думал о том, что могло послужить поводом для такого экстренного вмешательства военкомата в мою размеренную жизнь? Ведь совместительство длилось уже почти полгода, и никто особо не тревожил меня по этой причине? Но любые «тайны» рано или поздно раскрываются: вскоре выяснилось, что меня подвело мое чрезмерное остроумие: а если конкретнее — частые имитации голосов и жестов некоторых моих старших коллег по журналистскому цеху.

Бывало, что на наших редакционных сабантуях по случаю получения очередного литературного гонорара меня буквально уговаривали поподражать кое-кому из сотрапезников. Ну и я проявляя слабохарактерность и благодушие, в чем меня не раз упрекали и друзья и недруги, входил в свою излюбленную роль. Смеялись все: и те, кто от души упивался этим добрым юмором, и те, кто, порой, становился объектом моих подражаний и насмешек. Мне по наивности казалось, что если я имитирую голоса некоторых «собратьев» по цеху в их присутствии, и они тоже не без притворства хохочут вместе со всеми, то обиды здесь не должно быть. Тем более, что это тоже своеобразный жанр, только непонятно какого искусства: литературного или театрального? Однако, как выяснилось позже, кое-кому из одиозных журналистов мои импровизации были отнюдь не по душе. Да, они тоже смеялись вместе со всеми, но, как выяснилось, до поры до времени… В душе они, оказывается, думали: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». И в каждой дозе этого смеха были капельки яда… Как ни прискорбно, мои вполне благодушные (как мне казалось) импровизации подтолкнули их к действиям, в скором времени вынудившим меня постричься налысо, взять вещмешок и срочно отправляться на призывной пункт, на время забыв о своей творческой карьере и смежной весьма неблагодарной профессии редакционного «шоумена».

Тбилиси: в поисках «покупателя»

На призывном сборном пункте в Тбилиси с друзьями из Абхазии — всего нас было шестеро — Дима, Бадра, Чама, Мыца, Слава и я — мы пытались найти «покупателей», то есть офицеров, с которыми можно было поторговаться, чтобы записаться в набираемую ими команду. Дело в том, что майор из Сухумского военкомата побыл с нами всего один день и уехал обратно, бросив нас на произвол судьбы. Приходилось самим добиваться своей же отправки в армию. Да, это смешно, но это горькая правда, с которой мы столкнулись в Тбилиси. Нико-

му не хотелось возвращаться с отсрочкой обратно. На всякий случай мы припрятали в своих вещмешках несколько бутылок отменных абхазских и грузинских коньяков, чтобы в случае, если удастся договориться с командирами, как-то «отблагодарить» их заранее. То есть мы чувствовали, что без магарыча тут не обойтись… Но пока наши усилия в этом плане не увенчались успехом. Было это где-то в конце ноября 1976 года. На тбилисском призывном пункте свирепствовал жуткий холод, постоянно дул хлесткий ветер, поднимая клубы пыли и мусора. Днем мы ходили по территории сборного пункта в надежде как-нибудь записаться хоть в какой-либо отряд. Ночевать приходилось на недорогих полуподвальных квартирах у курдов. Перед сном хозяева угощали нас чаем с какими-то чебуреками с острыми начинками. Такой прием нас вполне устраивал. Ранним утром мы опять отправлялись на тот самый злополучный сборный пункт и предпринимали новые отчаянные попытки любой ценой отыскать «покупателя», теперь уже даже и не думая о роде войск.

Так вот, однажды я решил воспользоваться еще одним маловероятным шансом: вижу на крыльце двухэтажного здания, где оформляли призывников, стоит один офицер, не без любопытства окидывая взором снующих по территории новобранцев. Мне вдруг показалось, что он уставился взглядом в нашу абхазскую группу. Я машинально подбежал к лестнице, пробежал по ее ступенькам и, волнуясь, подошел к старшему лейтенанту и представился. Чуть ли не слезно стал просить его увезти нашу группу с собой, хоть на край света, лишь бы не дали нам отсрочку. Говоря о нашей группе, я успел указать вытянутой правой рукой на друзей, глядевших на нас снизу вверх, толком не понимая, что я таким образом неотступно пытаюсь внушить офицеру, — энергично жестикулируя. Я ровным счетом ничего не знал о том, каков обратный маршрут офицера, которого я пытался «уболтать» любой ценой. Он пока молчал, отрывистыми затяжками докуривая свою сигарету. Моментами командир по привычке и на казачий манер закручивал тонкие кончики своих черненьких, аккуратно остриженных усов. Я еще не разбирался в петлицах и знаках отличия, приколотых к ворот-

никам новой серой шинели молодого, рослого и осанистого командира. Позже мне подсказали более опытные друзья, что эти значки, на которых был изображен золотистый трактор, обозначали строительные войска (проще говоря — стройбат), когда-то названные, согласно легенде, «королевскими» в честь академика Королева, которому такая рабсила нужна была для строительства Байконура. Когда я сказал «покупателю», что я из Абхазии, окончил филфак Сухумского пединститута, довольно строгий по выражению лица командир вдруг, не сдержав своих чувств и эмоций, по-доброму улыбнулся и отреагировал на мои мольбы, вопреки ожиданиям, весьма дружелюбно:

— А я, между прочим, — из Адлера… Моя мать работает там начальником главпочтамта. Так что, мы с вами, получается, земляки… Я аж встрепенулся от восторга. Мои друзья, поняв, что у меня завязывается нормальный разговор со старшим лейтенантом, шустренько поднялись по лестнице и обступили его. Было видно по располагающей тональности беседы, что товарищ Белакин вроде бы настроен взять нас в свою команду. Даже не верилось, что мы нужны хоть кому-то. Но он предупредил нас сразу, сказав, что летит в Иркутск.

— Это вам, ребята, не абхазский курорт, а Сибирь с суровым климатом… Подумайте, прежде чем записываться в мой батальон…

— Да что Вы, тов. старший лейтенант! Мы только рады… Нас сибирский холод ничуть не пугает, привыкнем, приноровимся. Я — поэт, и мне как раз по душе такая романтика! — аж вскрикнул я, чувствуя, что мои эмоции явно перехлестывают через край.

— Ну, посмотрим, посмотрим, товарищ поэт, как вы воспримете романтику в реальности, — не без иронии подшутил надо мной земляк… Позже, познакомившись с ним ближе, я узнал, что старший лейтенант Белакин служил после окончания военного училища в Монголии, хорошо разбирался в истории. Кстати, зарплату он получал в валюте — в монгольских тугриках. И всегда говорил об этом подчеркнуто… К сожалению, после того, как он оставил нас в Шелехово для прохожде-

ния карантина, я видел его всего лишь раз на Батарейной, куда нашу роту перебросили на постоянную дислокацию…

***

Летели мы, насколько помню, на каком-то большом самолете.

Пока еще с трудом верилось, что мы уже в пути и, слава Богу, теперь уже не придется бестолково слоняться по пыльным площадкам тбилисского призывного пункта и беспокоить курдов по поводу ночлега. Рядом с Белакиным в первом ряду сидел еще один офицер, званием помладше. Армяне из Ахалкалакского района набрали в перекидных сумках и вещмешках много спелой (и даже переспелой хурмы) и за полчаса до вылета самолета угощали всех будущих, пока еще незнакомых сослуживцев, щедро. Не оставили они без внимания и наших командиров. Было видно, что наряднейшим и весьма опрятным стюардессам не понравился этот бардак. В салоне кое-где на сиденьях и откидных спинках были заметны оранжевые следы перезрелой ахалкалакской хурмовины. Но симпатичные, на редкость элегантные девушки в красных пилотках вынуждены были воздержаться от замечаний хотя бы потому, что наши добрые и великодушные попутчики успели «соблазнить» наивкуснейшими плодами и их тоже. Наша абхазская группа тоже была увлечена ахалкалакской хурмой, будто мы давно не ели свою абхазскую хурму, не уступавшую армянской вкусовыми качествами.

Карантин в Чистых Ключах

Двухнедельный карантин мы проходили в Чистых Ключах, в военном городке, затерявшемся в густой сосновой чащобе. Территория эта входила в Шелеховский район. Было очень холодно. Снег. Метель. 35-градусный мороз. Колючий ветер буквально обжигал лицо, нос и уши. Кавказские ребята сначала не знали, что при сильном морозе надо опускать уши ушанок. Слава Богу, кто-то догадался предупредить нас,

сказав, что так уши могут обгореть, что можно, упаси Боже, и без них остаться. Так что я очень быстро вспомнил слова старшего лейтенанта Белакина на этот счет: «Это вам не абхазские курорты…» и про свой выпендреж о романтике и творческой браваде. Здесь было пока не до лирики, была самая что ни на есть суровая проза сибирской жизни.

Да, одежда была теплая, ходили мы в ватниках, иногда — в валенках. Про домашние вкусности, мамалыжные дела и копчености пришлось забыть моментально. Вскоре пресная солдатская пища, всякая перловка показались слишком даже вкусными. Каждодневная строевая подготовка на карантине была донельзя нудной. Наша рота оказалась крайне разношерстной: русские, армяне, абхазы, грузины, азербайджанцы, буряты, башкиры, чуваши, татары, мордвины… Замполит части капитан Шаповалов, частенько приезжавший к нам в роту, читая солдатам мораль на тему интернационализма и идейной сплоченности Советской армии, зачастую приводил в качестве яркого и достойного примера полиэтнический состав нашего подразделения. Начинал дотошно перечислять все национальности, но никак не мог запомнить правильное произношение абхазской национальности. Мы ему говорили членораздельно: «абхазы», а он все равно называл нас «хазами». Убедившись в бесполезности наших подсказок, мы свыклись с его «версией». Хазы так хазы! Мне даже показалось, что он путает нас с хазарами, с которыми, кстати, мы, абхазы, были в родстве в средневековую эпоху, хотя вряд ли наш замполит слышал что-либо о хазарах и могущественном Абхазском царстве. Позже я узнал, что он учился на заочном отделении истфака Иркутского университета (это нужно было ему для роста в звании), и мне приходилось помогать ему писать курсовые работы, за что он выражал искреннюю офицерскую благодарность — как замполит мне, политинформатору роты.

«Ну вот, чувствую я, как хазы умеют ответственно относиться к любым поручениям», — говаривал голубоглазый замполит, с благодарностью принимая очередную курсовую работу или реферат, навсегда закрепив за мной новую национальную принадлежность.

На первых порах разучивали легко запоминавшуюся и даже чуть лиричную, как мне казалось, песню. Запомнились какие-то отрывки того полупечально-полуторжественного песнопения, типа:

Не плачьте, девушки родные,
Не вам одним так тяжело…
Уходят парни молодые,
Прощаться с ними нелегко…

Бывало, часами, а иногда и на голодный желудок, приходилось маршировать на плацу, многократно повторяя одни и те же строки… Почему-то больше всех эта песня нервировала армян из Ахалкалакского района Грузии (тех, что щедро раздаривали нам в самолете свою хурму), и однажды на построении они попросили командира взвода разрешить им спеть свою национальную строевую песню… Как ни странно, старшина Прудников (он же и комсорг войсковой части), муштровавший нас до изнеможения, то и дело крича благим матом и частенько попугивая какой-то длинной палкой, вдруг раздобрился и разрешил армянам спеть свою «вожделенную» песню… Вся наша интернациональная рота с неописуемым любопытством наблюдала за ахалкалакской группой, промаршировавшей на плацу, достаточно уверенно и браво напевая свою историческую песню… Мы все от души посмеялись, хотя и не понимали смысла произносимых нашими сослуживцами слов. Но, увы, командир тут же вернул нас к старой осточертевшей всем заунывной строевой песне. Оно и понятно: кто бы в многонациональном воинском подразделении позволил избирательно петь армянскую песню или абхазскую, какой бы гениальной она ни была… Тем более, что азербайджанцев в роте было по количеству больше всех…

Вскоре нашу роту перебросили в войсковую часть, дислоцировавшуюся на станции Батарейная под Иркутском. Здесь от подполковника Лапы, командира части, нашу строительную роту принял капитан Шарафутдинов. Было ему лет 35. Чуть выше среднего роста. Сухощавый. Энергичный, весьма им-

пульсивный и загадочный. Носил он свою красивую, рыжеватую, чуть погрубевшую от сибирского мороза бороду, несмотря на то что уставом это было запрещено. Носил, несмотря на строгое предупреждение начальника политотдела дивизии, временами заезжавшего с политико-воспитательной миссией и в наш стройбат… Финал истории с бородой комроты в итоге оказался печальным. Однако это тема для отдельного рассказа…

Его командный голос на утреннем или вечернем построении звучал весьма хлестко, пронзительно. Степень хлесткости, жесткости и пронзительности зависела от того, какую дозу горячительного капитан принял перед построением. Командир никогда не выпячивал свое татарское происхождение, но по повадкам, типичным чертам характера, татарским народным песнопениям, которые напевал в свободное от службы время под аккомпанемент своей новенькой гармони, я понял, что в его жилах шуршит татарская кровь времен монголо-татарского ига.

Запомнился достаточно анекдотичный случай, связанный с татарской идентичностью нашего бравого командира. Однажды, построив роту, он дал замечания некоторым старослужащим и молодым солдатам. Вроде бы на этом капитан должен был завершить свои нотации, но вдруг внимательно посмотрев на худощавого, щупленького солдатика из Казани по кличке Ресничка (так бедолагу прозвали «старики» за то, что одна из его ресниц явно выделялась среди остальных своей особой белизной), буркнул ему что-то по-татарски (типа «не обижает ли тебя кто-либо в роте?»). «Ресничка» не сразу врубился от растерянности и стал переспрашивать заботливого земляка дрожащим голосом… Но в ответ Шарафутдинов, как бы иронизируя над своим беззащитным соплеменником, произнес теперь уже отнюдь не милосердным голосом: «Ты что, татарин что ли, ядрена мать?» И вся рота поневоле расхохоталась. А несчастный «Ресничка» так и не понял юмора… Вот так порой татарин наезжал на татарина без особого повода.

Поселили нас в типовой солдатской казарме. Абхазская группа выбрала себе более или менее удобный уголок около

поста дневального, позволявший держаться поближе друг к другу. Я выбрал себе постель на втором ярусе из некоторых «стратегических соображений»: сверху легче было наблюдать за обстановкой во всей казарме. Заправив постель новым бельем, бережно запихнул в накрахмаленную наволочку три любимые книжечки, которые привез с собой из Абхазии, — сборник «Выходя на дорогу, душа оглянулась…» Юрия Кузнецова и первый лирический сборник Геннадия Аламиа «Зеленое поле», роман Марселя Пруста «По направлению к Свану». Не терял надежды на то, что иногда можно будет перечитывать любимые стихи, прозу, хотя нутром чувствовал, что в армии, тем более в стройбате, заниматься спокойным чтением или литературным творчеством никто не даст.

На второй день службы в стройбате на станции Батарейная, сразу после завтрака, меня вызвал к себе в канцелярию капитан Шарафутдинов. Я вошел, отдав честь как положено! Он сидел за рабочим столом, пожал мне руку и предложил сесть напротив него. И вопреки моим ожиданиям, начал с того, что хочет предложить мне как человеку с высшим образованием какую-либо работу внутри казармы, типа обязанностей политинформатора. Я поблагодарил командира, набравшись смелости, сказал ему, что со мной из Абхазии прибыло еще пятеро призывников. Попросил его иметь их в виду, пообещав остаться благодарным и, пользуясь случаем, пригласил его на отдых в Абхазию. «Боюсь, что мои земляки не выдержат сибирского холода, товарищ капитан!» — намекнул, чтобы шеф нашел им какую-либо работу внутри казармы или в пищеблоке…

В знак одобрения, скупо улыбаясь и аккуратно поглаживая свою рыжеватую бороду, капитан чуть кивнул головой. Затем, докуривая свою трубку с чубуком, вызвал старшину роты, белоусого прапорщика Порошина и дал ему команду выделить мне рабочее место в каптерке, состоявшей из двух комнат. В одной хранились солдатское обмундирование, обувь и прочий инвентарь, в другой — маленькой, но достаточно уютной комнате мне отвели рабочее место. «Деды», конечно, сразу взъелись на меня, не поняв, за какие заслуги мне дали такие привилегии, но конфликтовать со мной не стали. Мне

показалось, что их сдерживало то, что я среди сослуживцев был самым старшим по возрасту. Старослужащий по кличке «Пузырь» прозвал меня «старой вешалкой». Сначала он смотрел на меня исподлобья, ему явно не нравилось, что ротный приблизил меня к себе с первых же дней («мол, за какие такие заслуги?»), но позже, когда, пригласив его в каптерку, угостил абхазской чачей двойной фильтрации и прочитал ему кое-какие стихи на абхазскую тему и даже на абхазском языке, он чуть оттаял, стал относиться ко мне дружелюбнее, но про «старую вешалку» не забывал…

Станция Батарейная

На «Батарейной» мы изучали новую строевую песню. Достаточно известную и популярную — «Через две зимы». Только недавно я узнал, что слова для этой песни написал М. Пляцковский, а музыку создал В. Шаинский. И не удивился, потому что в таком жанре работали поэты и композиторы, достаточно поднаторевшие в нем. Видимо, это был своего рода госзаказ. Долго и мучительно разучивали мы на плацу в 35-градусный мороз эту более лиричную (как мне тогда казалось) песню. Но на фоне бесконечного разучивания одних и тех же слов лиризм куда-то улетучивается. Вроде бы отрепетировали неплохо, но зловредные прапорщики, от не хрена делать, заставляли повторять ее по нескольку раз в день. Для них это было нечто, похожее на мазохизм. А мы уже не выдерживали подобного издевательства… Помню, однажды командир взвода вел нас в столовую на обед (или ужин) обычным походным шагом, но строго — под злополучную строевую песню. Каждый думал о том, как бы быстрее дотащиться до столовой и от души наесться. Но кто-то из солдат, скорее всего из числа рано «оперившихся», кому эта песня опостылела, вдруг вставил в общий дружный хор нецензурную отсебятину: вместо «письма нежные очень мне нужны…» довольно громко и нагло пропел «письма нежные на х… мне нужны!» Прапорщик, взвинченный хамством воина, буквально провизжал команду «рот-тт-

аа, стой!..» и немедленно объявил солдату, сбившему всех с панталыки, три наряда вне очереди и продолжил: «круу-гоом, по направлению к каа-зарме шаго-оом, марш!» И вот так наш «вольтанутый» сослуживец испортил всем нам предобеденный аппетит… И пришлось заново, на голодный желудок преодолевать знакомый до слез маршрут от казармы до столовой под тоскливо-бравурное пение все той же строевой песни, которую лично я и после армии продолжал еще долго петь во сне по старой памяти.

На полях книги
Долгожданные письма из Абхазии, или Иркутское «инобытие»

Чуть ли не каждую неделю я получал письма из Абхазии. Письма от родственников и друзей были настоящим праздником. Каждое слово радовало, бодрило душу, снимало усталость, мгновенно разгоняло сибирскую тоску. Недавно я перечитывал несколько сохранившихся писем от Ивана Тарба, Алексея Гогуа, Владимира Ацнариа, Джумы Ахуба, Мушни Микая, Рауля Ласуриа и других абхазских писателей. Я показывал их и своим сослуживцам из Абхазии Диме, Бадре, Чаме, Мыце и Славе, с которыми у меня сложились здесь, «во глубине сибирских руд!», чисто братские отношения. Ну, разумеется, и они делились со мной впечатлениями от полученных из Абхазии писем. В армии все эти моменты согревают душу, помогают преодолеть трудности армейской повседневщины. Когда поступали долгожданные посылки с нашими абхазскими вкусностями — аджинджухой, сушеным инжиром, орехами и прочей «экзотикой», не говоря уже об отменной чаче в резиновых грелках и ароматнейшей аджике, которой наши безмозглые «прапора» не раз обжигали свои языки, пробуя ее как абхазское варенье, то для нас это становилось праздником.

Так вот, возвращаясь к письмам, хочу выделить интонационно-смысловым курсивом некоторые эпизоды, характеризу-

ющие ситуацию в Абхазии в период моего отсутствия. Замечу, что в письмах в той или иной степени присутствует добрый дружеский юмор… Справившись о моем здоровье и объяснив запоздалость своего письма недугом, вызванным «болями в боках», в своем письме Алексей Ночевич говорит о них как о некоем симптоме, о котором, как ему казалось, я должен был помнить еще по его старым жалобам: «Сыварақәа акы иамклоз, иумдыруеи, иакын…». Есть еще народное обозначение радикулита: «аҧша сакит…» («пойманный ветром»)…

Далее, советуя мне беречь себя, не спешить, не допускать опрометчивых шагов, напрасно не пытаться отстаивать справедливость, ибо в условиях армейской службы: это совершенно абсурдно, классик вкратце представляет мне обстановку на Родине. «Здесь все остается так, как было… Пребывая в вечном сне, погружаемся в темноту, в таком же состоянии встречаем рассвет… Во хмелю начинаем хорохориться, даже чуть шуметь, но потом мгновенно иссякаем, перегораем, как сухая ольховая хворостинка… И вот так, увы, расходуем бездарно свое топливо, как бы буксуя вхолостую…»

Но концовка письма достаточно оптимистична: «Все ждут твоего возвращения, думаю, и это не за горами. Вот тогда мы и выпьем по-настоящему! Да, и потом еще раз — на том главном торжестве! (здесь закодирована мысль о свадьбе по случаю моей женитьбы)»

На мое письмо из Иркутска ответил поэт Иван Тарба, возглавлявший в тот период Союз писателей Абхазии. Он отмечал, что ему понятен труд солдата, он — не легок, достаточно обременителен, но ему хотелось, чтобы я «мог использовать любые моменты для продолжения творческой работы и хотя бы заочного участия в литературной жизни» Абхазии. Иван Константинович сообщал мне, что имел разговор с главным редактором журнала «Алашара» Алексеем Джениа по поводу моей новой подборки стихов, и тот пообещал ему, что она будет опубликована в третьем номере (1977 год). Руководитель писательской организации попросил прощения за сжатость своего письма. Такая тональность классика не могла не подкупить меня, начинающего поэта, волею судьбы оказавшегося в «тридевятом царстве».

Письмо критика, литературоведа Владимира Ацнариа датировано 20 декабря 1976 года. В нем описаны малоизвестные забавные истории жизни наших писателей. Начинает мой друг с того, что понадобилась помощь графологов, чтобы разобраться с моим почерком. Авторство моего письма из Иркутска удалось установить благодаря сотрудникам Абхазского института, которые были знакомы с моей каллиграфией, потому что нигде (ни на конверте, ни в конце письма) не была указана моя фамилия. Куаста предположил, что такое могло произойти по вине какого-либо прапорщика или сержанта, нагрянувшего ко мне с каким-либо «нарядом вне очереди» в момент моей усердной работы над письмом.

Критик рассказал мне о том, как прошла очередная писательская вакханалия в доме Даура Зантария в с. Тамыш. Куаста ездил туда вместе с Алексеем Гогуа и Геннадием Аламиа. Он не скрыл от меня, что белое тамышское вино и баранина — вещи несовместимые, оказывается, последствия такого ужасного «симбиоза» критик ощутил лично на себе. «За столом мы часто вспоминали о тебе, моментами очень эмоционально, может быть, это ускорило негативную реакцию белого вина с бараниной? Я и раньше замечал, что, когда расчувствуюсь, какая-то слабость овладевает мной…». Вот такие «откровения», навеянные традиционными тамышскими «посиделками», содержались в ответном письме моего старшего собрата по литературному цеху. В конце «послания» он писал: «Дай Бог, чтобы ты перенес это «инобытие» совершенно незаметно! Пусть иркутский холод ободрит твою душу, прибавит тебе остроумия и хладнокровия!»

Как нам не хватает Котика Ацнариа сегодня! Его ума, остроумия, смелости, его литературно-критических статей, спасавших нашу литературу от прозябания и застоя. Его пародий, отрезвлявших, подобно холодному душу, авторов, тиражировавших всякую графоманскую чушь. А какой он был поэт, переводчик. Какой бесценный подарок он оставил нам, блестяще озвучив на абхазском языке лирику Генриха Гейне и издав эти переводы с языка оригинала отдельной книжкой.

С друзьями-сослуживцами из Абхазии я делил кусок хлеба, старался, пользуясь «блатом», подыскать для них теплые места в условиях казармы, хотя бы до наступления весенней оттепели. Одного из них смог через командира роты определить в «сушилку» для сушки влажных от снега валенок. Другого — еще в какое-то в помещение, чтобы уберечь его от лютого сибирского мороза.

Служил с нами один парень из Сухума — парень, как говорится, душа нараспашку. Его родной брат работал проводником поезда «Сочи-Иркутск», и когда в две недели один раз состав прибывал на Иркутскую железнодорожную. станцию, вся наша абхазская «шатия-братия» правдами и неправдами (как бы в самоволку) выбиралась туда, чтобы разделить всем поровну (как в шолоховской «Судьбе человека») содержимое посылок, переданных нашему добрейшему сослуживцу. Но не могу не вспомнить еще одного земляка, красавца Чаму, которого мы, как это ни прискорбно, не смогли уберечь. Он не выдержал суровых климатических условий, где-то успел простудиться, и как только появились первые симптомы заболевания легких, мы потребовали от начальства его оперативной госпитализации в Иркутский военный госпиталь. Вроде бы там его полечили основательно, выписали путевку в военный санаторий, но он решил, что родной абхазский воздух — лучшее средство от любых болезней. Увы, временное улучшение состояния здоровья оказалось обманчивым. Он ушел из жизни совсем молодым…

Бригада «самозванных» плотников

Наступила весна 1977 года. Однажды капитан Шарафутдинов вызвал меня в канцелярию и, по обыкновению, не спеша докуривая сигарету, сказал мне то, о чем я давно догадывался: «Ну, зимой я не стал гнать тебя на стройку, но теперь уже условия благоприятные, решил назначить тебя бригадиром бригады плотников. Бери в свое подразделение своих земляков, на месте прораб определит тебе и твоим подчиненным фронт ра-

боты». Почему именно в бригаду плотников? Потому что я сам в веселой компании с ротным частенько выпендривался, говоря, что превосходно владею плотницкими делами… Теперь уже приходилось не теоретически, а на практике проявить свои «незаурядные» способности. Я поблагодарил командира и пошел на стройку, располагавшуюся почти в двух километрах от войсковой части. Здесь завершали строительство многоэтажного жилого дома для офицеров и их семей. Поначалу немного волновался, думал: «а что именно придется чинить, мастерить? В связи с незнанием нового «ремесла» надеялся на поддержку нормировщика Фатулаева из Азербайджана, который постоянно находился на объекте. А мы с ним подружились через бутылку армянского коньяка, присланного из Абхазии кем-то из родственников. В Сибири, а в стройбате тем более, бутылка порой ценилась куда больше, чем ее рублевый эквивалент. За две бутылки водки в Иркутске, на барахолке, можно было достать неплохую офицерскую дубленку…

Первой проверкой компетентности моей заведомо проафишированной «плотницкой бригады» стала установка антресольных шкафов в коридорах между кухней и ванной. В результате наших мученических усилий дверцы шкафа, укрепленного дюбелями между двумя стенами, стали открываться во внутрь, то есть установили шкаф наоборот… И в момент, когда мы с моими «мастерами» сидели и думали, что делать, к нам, как назло, совершенно неожиданно заглянул прораб. Оценивая нашу работу, он «неодобрительно» махнул рукой, посмотрел на нас как на непутевых и пробурчал, насколько помнится, без особого жестокосердия, даже с некоторым сочувствием: «Эх, Зантариа, это тебе не шашлыки у вас в Абхазии жарить на вертеле… Тоже мне плотники, ядрена мать...».

Я пытался внушить прорабу, что больше мы такую ошибку не допустим, ребята будут стараться и т.д. и т.п., на что начальник отреагировал с некоторой усмешкой…

Потом он позвал нас к себе и членораздельно подсказал, что и как делать, как устранить дефект… Понемногу мы научились кое-чему.

От прогулки по Ангарску до гауптвахты

Жизнь в казарме текла своей занудливо-привычной чередой.

Однажды, где-то в конце апреля, в выходной день, старшина роты Опаршин уговорил меня съездить с ним в г. Ангарск на электричке. «Поедем, отдохнем, увидишь город, там у меня есть друзья. В их компании не будет скучно. По ходу скинемся, купим бутылку шампанского», — подзадоривал меня старшина. Честно говоря, трудно было отказаться от столь неожиданного «мероприятия», предлагаемого, худо-бедно, вторым лицом в роте. Я дал согласие, но с тем лишь условием, что он выпишет на меня увольнительную записку, так как собирались мы в Ангарск, относившийся к чужому военному гарнизону.

Но прапорщик пообещал, что он возьмет на нас двоих пустые бланки увольнительных с печатью и заполнит их сразу по приезду в Ангарск.

Но случилось то, что я предчувствовал нутром. Как только мы приехали в город, старшина попросил меня подождать у входа в гастроном, а сам со свойственным ему проворством и сообразительностью заскочил туда, чтобы взять бутылку шампанского. И в это время ко мне, вдруг откуда ни возьмись, подошел патруль, и начальник патруля, офицер внушительного роста с красной повязкой на руке, потребовал от меня увольнительную… Сначала я, конечно, растерялся, но чуть придя в себя, решил сослаться на старшину, сказав, что он сейчас подойдет, что все документы у него в кармане.

И как раз в это время из гастронома вышел прапорщик Опаршин… Начальник патруля еще более властным тоном потребовал от него право на въезд в чужой гарнизон… Мой шеф, как ни в чем не бывало, держа в левой руке бутылку шампанского, правой отдал честь майору и, притворившись, будто с документами все нормально, вручил злополучную бутылку мне и стал доставать из внутреннего кармана своей шинели какие-то бумажки. Чуть волнуясь, положил два пустых бланка увольнительных записок на ладонь левой руки и стал заполнять их лихорадочно шариковой ручкой…

Но не тут-то было… Начальник патруля, ростом с дядю Степу, жестко скомандовал: «Старшина, эти бумаги будете заполнять потом! Залезайте с воином вон туда!» И указал вытянутой правой рукой на кузов грузовой машины… Через несколько минут патруль передал нас начальству гауптвахты. Нас со старшиной повели под конвоем в разные камеры. Сначала повели меня к начальнику караула, приказали раздеться и снять нижнее белье. Такие тут у нас «уставные» требования, потом опять одеться. Спросили, нет ли с собой ничего острого? И процедура эта происходила в присутствии молодой симпатичной военнослужащей, заносившей все данные в какой-то журнал… Меня как абхаза эти моменты немного смущали, а им все это было до лампочки. Потом повели в камеру… В моей новой «обители», узкой до невозможности, теснилось человек десять. В камере было темно, слабый отсвет тусклых лампочек попадал сюда из узкого коридора. Всем «друзьям по несчастью» пришлось всю ночь сидеть на корточках или стоять, переминаясь с ноги на ногу, потому что лежать было негде. Стены были вымазаны каким-то страшным, клейким гудроном. Цементный пол ужасно холодный… Ноги задубели… Мне страшно хотелось пить воду, я стал стучать по железной двери с щелочкой, подошел кто-то из охранников. Я попросил его принести мне питьевую воду… Он пробурчал что-то непонятное и пошел по коридору, глухо стуча сапогами, как кувалдами, по бетонному полу. Минут через десять солдат принес мне воду в большой алюминиевой кружке, наподобие той, в чем мы пили, бывало, водку с капитаном Шарафутдиновым у него в канцелярии, на Батарейной… Я выпил воду взахлеб, утоляя жажду, вызванную не только естественным биологическим желанием, но и стрессом, пережитым из-за всей этой дурацкой истории, затеянной старшиной роты.

Чуть придя в себя, я стал ненавязчиво знакомиться с солдатами, с которыми волею судьбы и странных обстоятельств я оказался в одной видавшей виды «кутузке». Чувствовал, что некоторых из них тоже разбирало любопытство: кто, откуда и каким образом я попал сюда? И вот так, тихо пополняя свой банк данных об «узниках» Ангарска, я вдруг с удивлением

узнал, что парень с типичными кавказскими чертами лица, стоявший рядом со мной, прислонившись к стенке, оказался родом из Сухумского района… И для него это было приятной неожиданностью. Фамилию его я уже точно не помню, кажется, Кварцхава, но по национальности он был мингрел. Ну, он, сразу понял, что я абхаз, видимо, по манере разговора и каким-то особенностям акцента. Здесь, вдали от родины, и тем более в таких издевательских условиях национальная принадлежность, отступала на второй план, главное, мы — земляки, и каждый из нас думал о том, как бы быстрее вырваться на волю.

Присев на корточки, я долго думал о том, каким образом можно будет выбираться отсюда. Какую такую придумать абхазскую хитрость и смекалку? Моментами приходила в голову шальная мысль: а что если еще раз постучаться в дверь и потребовать от охранника, чтобы он свел меня с начальником караула… А там, если удастся, как-нибудь уболтать его, чтобы он выпустил меня на волю, а я бы пообещал ему пару бутылок коньяка, внушив «его величеству начальнику», что я абхаз и умею держать слово. Но все-таки в душе у меня теплилась надежда, что мой ротный старшина как-нибудь выкрутится, как раз он мужик находчивый, гибкий, что-нибудь придумает, и нас, скорее всего, пошлют отсюда ко всем собачьим чертям… Едва успел я обсудить с самим собой какие-то возможные варианты нашего «освобождения», как, действительно, охранник открыл тяжелую, скрипучую дверь и позвал глуховато-ворчливым голосом: «Рядовой Зантариа (с ударением на последнем слоге, на французский лад) — на выход!» Я попрощался со всеми сокамерниками и, пока еще не зная куда и к кому позовут, побежал по полутемному коридору, и вдруг, смотрю, идет мне навстречу, чуть улыбаясь, прапорщик Опаршин…

Ранним холодным утром мы шли марш-броском к железнодорожному вокзалу. По пути старшина рассказал мне, что отпустили при условии, что он достанет им 200 литров бензина. Я не спрашивал о нюансах его договора с ними, позволившего выйти из этого ужасного «каземата». Где-то не доходя до вокзала, старшина заметил какого-то мужика лет семидесяти в ушанке, несшего службу на КПП автопарка. Он забежал к

нему в сторожку, перекинулся словами о чем-то, тот кивнул головой в знак согласия, и прапорщик вышел оттуда довольный. Он сказал, что договорился со сторожем, что мы возьмем бутылку в ближайшем магазине, а он достанет закуску из своих «резервов». Оказывается, старшина успел припрятать на губе какие-то рубли… Я не скрыл от него своего беспокойства по поводу того, что мы можем опять нарваться на наряд патруля. Но он отреагировал на это пофигистской усмешкой: «Ничего, мы быстро оформим это дело — остаграмимся, занюхаем чем-нибудь (на худой конец свежим сибирским воздухом) и сразу побежим на вокзал…А то муторно как-то на душе от вчерашних злоключений».

Самогоноварение по-иркутски

На Батарейной тоже нам здорово досталось от капитана Шарафутдинова, которому поневоле пришлось в подробностях докладывать о наших неудачных ангарских похождениях. Мне и белоусому Опаршину пришлось втихомолку скинуться, чтобы умиротворить шефа, который не был в курсе наших «задумок», и он вполне мог дать нам заслуженных «чухалей» за самоуправство.

Абхазская группа неплохо пережила зиму благодаря тому, что нас немного опекал командир роты… Но этот «блат» имел свою подпитку: особенную роль в упрочении связей с начальством играла незаменимая «абхазская чача», за редким случаем, вовремя поступавшая из Абхазии в «резиновых грелках» (в целях безопасности продукта). Наши родители не скупились на нее, зная, что этот ценный напиток не будет израсходован бездарно… Но по разным причинам бывали и перебои с его поставкой. Вот тогда и начинал проявлять глубокую обеспокоенность и нервозность наш шебутной шеф. Эх, знал бы этот татарин, сколько дров приходится подкладывать нашим неутомимым абхазским матерям и бабушкам под медные котлы с фруктовыми и ягодными выжимками, чтобы под долгим воздействием воспламеняющегося огня это фруктово-дрожжевое

месиво стало медленно превращаться в синевато-сизый раствор под названием «абхазская чача»?

«В чем дело, Зантариа?» — спрашивал он, судорожно поглаживая свои прокопченные табачным дымом рыжеватые усы. Разговор происходил у шефа в канцелярии. Я пытался объяснить ему, что процесс перегонки чачи не всегда проходит благополучно, бывает, что материал не добродит или перебродит, в зависимости от сырья… Может быть, по этой причине «недовоз», а может быть, посылки с резиновыми грелками завалялись где-либо по пути следования…

Эти объяснения его, конечно, никак не утешали. Ему было наплевать на них. Он говорил: «Давай думать, как выкрутиться, как дожить до очередной получки…». И однажды, поняв, что с меня никакого толку, капитан, вдруг взбодрившись и задумчиво почесав затылок в знак того, что он нашел какой-то выход даже, казалось бы, из безвыходного положения, достаточно уверенно озвучил основательно промониторенную в мозгах идею: «А давай мы соберем в выходные дни ранетки (это сорт сибирских яблок) и попробуем зарядить самогон по вашему абхазскому рецепту! — На сахар и дрожжи я вам найду бабки. Где найду — это мои проблемы», — добавил он, улыбаясь как бы самовлюбленно, будто его вдруг осенило некое эвристическое решение.

Сначала я опешил от этого неожиданного предложения, но потом, боясь выглядеть человеком несведущим в подобных технологиях, стал входить в новую роль и спросил его: «Товарищ капитан, а в чем, в какой посуде будем готовить чачу?»

— Ну, допустим в двух выварках… Пойдет?

— А где мы их возьмем?

— Да это не твои проблемы, — сказал он, по новой заряжая свою трубку.

Ну и какого хрена я стал бы спорить с ним! Я безоговорочно одобрил идею…

Хотя с самого начала усомнился в пригодности для задуманного «проекта» не дозревающих в сибирских условиях, кисловатых на вкус ранеток … Но я же не мог спорить по этому поводу, навлекая на себя гнев своего начальника…

Прошло всего пять дней со дня закваски самогона, хранившегося под присмотром одной местной бабульки, в сарае, расположенном за пределами войсковой части, как вдруг вызвал меня шеф и предложил приступить в ближайшие выходные к процессу винокурения… Я выслушал его внимательно, но попросил его не спешить, будучи уверенным, что чача еще не созрела, тем более что сомневался в пригодности ранеток как сырья. Это небольшие яблочки, имеющие характерную кислинку, с терпким вкусом… Да, опытные сибиряки пускали их в переработку, изготавливая варенья, джемы, компоты. Но у меня были сомнения, что из ранеток получится чача, как раз вот та самая кислинка испортит все. Это вам не абхазские яблоки, алыча или инжир, из которых можно выжать все что угодно. Я чувствовал, что получится какая-нибудь бормотуха типа сванского «араки» — самогона из бузины…

Но командир настоял на своем, явно предвкушая превосходный результат нашей с ним татарско-абхазской «алхимии». Я — подчиненный, мне приказали, я отвечаю: «Есть!» Но мои опасения, конечно, подтвердились. Из нашей закваски получилась не «чача», а мутное зелье наподобие полукавказской, полусибирской бузы. В итоге капитан сделал меня козлом отпущения, сказав, что я изображаю из себя знатока многих технологий, а на деле — все это теория, а практики никакой… И тогда, и сейчас мне на память приходили строки великого Гете: «Суха теория, друг, а древо жизни пышно зеленеет…» Пока мы с шефом экспериментировали с изготовлением «чачи», с небольшой задержкой прибыли посылки из Абхазии. Подоспела и очередная получка командира. И жизнь пошла своим чередом…

***

Понемногу я привыкал к службе, днем ходил со своей бригадой плотников на стройку. Ночами, когда в казарме наступала относительная тишина, заходил в ленинскую комнату и пытался зафиксировать в своем маленьком поэтическом блокноте какие-то сумбурные мысли, наброски образов, из которых потом получались стихи. А если не получались, я их

безжалостно зачеркивал. Дембеля не давали покоя молодым: доставали с требованием пожелать им спокойного сна. Помню дурацкие двустишия типа: «День прошел, короче ночи… Дембелям спокойной ночи!»

Несчастным молодым, с утра до вечера гнувшим спины на стройке, приходилось еще по нескольку раз хором и громко произносить эти дебильные стишки. Я, конечно, прикинулся, что меня эти упражнения в дебилизме не касаются, и старался до 12 часов ночи не попадаться на глаза долбаным сержантам и ефрейторам. И они свыклись с моим отношением к их неуставным установкам. Я успел им за несколько месяцев службы внушить, что на Кавказе уважительное отношение к старшему по возрасту — это неписаный закон. Сначала подхихикивали надо мной, думая про себя, какой, мол, однако, борзый. Но потом поняли, что меня теперь уже поздно перевоспитывать. Смирились… Иногда, подбрасывал им пачки сухумских сигарет, и они на какое-то время успокаивались. Хотя пучеглазый дед (теперь уже дембель) по кличке «Пузырь» припоминал мне моментами, в зависимости от настроения, про «старую вешалку»…

Иногда по вечерам я уходил в самоволку, чтоб посмотреть какой-либо хороший фильм в киноклубе дома офицеров, находившегося неподалеку от нашей казармы. Помню, однажды попал на широкоформатный цветной фильм «Табор уходит в небо». Вещь молдавского кинорежиссера Эмиля Лотяну по мотивам ранних рассказов М. Горького. Кинолента изобиловала цыганскими любовными страстями. А что еще надо было солдату стройбата? Прямо как ладан на душу!

В доме офицеров, построенном в стиле сибирского сруба, был хороший читальный зал. Особо не афишируя, я иногда посещал его и знакомился с художественной литературой. Заглядывал и в подшивки окружной газеты «Забайкальский воин». Посоветовавшись с замполитом части, часто путавшим абхазов с какими-то «хазами» (то бишь хазарами), решил отправить в окружную газету несколько корреспонденций на тему строящегося жилого дома для офицеров и их семей и еще каких-то военных будней. Замполит чуть ли не восторженно

воспринял мою идею. Тем более, что моя военная специальность, отраженная в военном билете, так и называлась: «военный корреспондент». Не думал, что в редакции «Забайкальского воина» кто-то всерьез ознакомится с моими статьями (хотя они были достаточно скромны по объему). Но вдруг, вопреки моим ожиданиям, в очередной раз перелистывая новые номера военной окружной газеты, я увидел корреспонденцию, под которой стояла моя фамилия. Я не без гордости сообщил об этом своим абхазским однокашникам, а потом командиру роты и замполиту части. Реакция последнего была по-прежнему «жизнеутверждающей», оптимистичной, и главное — акцент был сделан на моей национальной принадлежности: «Ну, молодцы, хазы! Это уже успех!»

«Откуда бы, право, такая хандра?»

Где-то в середине мая 1977 года я стал чувствовать какое-то непонятное недомогание. Заметно похудел. Моментами покашливал. Стал температурить. Сначала не придавал этому значения. Потом понял, что это — не просто грипп. Пошел в санчасть, выписали таблетки, но хандра не проходила… Пропал аппетит, а это тоже нехороший симптом. Перестал ходить в столовую, правда, друзья из Абхазии приносили мне в казарму хлеб с маслом или еще что-нибудь, чтобы я хоть как-то поддерживал свой заметно ослабевший организм.

И почему-то я вспоминал в те дни, погружаясь в поэзию и пытаясь таким образом отвлечься от навязчивых мыслей, строки любимого Поля Верлена в переводе Пастернака, в чем-то созвучные моему тогдашнему меланхоличному состоянию, или, может быть, мне так казалось…

В сердце растрава,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?
О дождик желанный,

Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.
Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни отчего…

А в случае с моей хандрой причины как раз-таки были, но мне трудно было понять, какие именно. Позже стал думать: может, простудился серьезно, я же весной бегал на Ангару в одной майке, демонстрируя сибирякам свою южную закалку… Старался не зацикливаться на пока еще непонятных симптомах и догадках. Но моим сослуживцам из Абхазии не понравилось мое состояние, они посоветовали мне срочно обратиться к капитану Шарафутдинову, к которому у меня был прямой доступ, и, если надо — настойчиво внушали они мне, — надо будет без промедления ложиться в госпиталь… Командир тоже запереживал. Оформил мне документы, нашел транспорт, на чем я с друзьями мог бы доехать до Иркутска, и пожелал скорейшего выздоровления… В таких вопросах он был человечен и отзывчив.

Увы, хандра оказалась далеко не беспричинной и не бессимптомной…

В Иркутском военном госпитале поставили мне диагноз: двустороннее воспаление легких. Пришлось ложиться на обследование и прохождение курса лечения. Прикрепили меня к врачу-терапевту с военно-академическим образованием и достаточным опытом. Статная, миловидная женщина из Воронежа, которой было на вскидку где-то под сорок, горделиво (но не высокомерно) носила звание капитана медицинской службы. Видно, было, что она ценила свою военную карьеру, сулившую ей дальнейший рост и успехи. Она мне назначила препараты, которые, по идее, могли быстро заглушить воспалительный процесс… Но что-то лечение затягивалось, и я как человек эмоциональный, а порою и сверхэмоциональный начал внушать себе, будто от меня скрывают нечто более се-

рьезное, чем то, что указано в истории болезни… В общем-то я испытал на себе, что постоянным самовнушением можно создать себе дополнительные проблемы. Тем более, что один нагловатый парень из Красноярска по фамилии Белозеров, лежавший со мной в одной палате с другими болячками, быстро уловив, что я человек мнительный, к тому же легко ранимой творческой натуры, решил поиграть мне на нервах и начинал, корча из себя этакого «специалиста», сочувственно поддакивать мне, когда я затрагивал тему моих «подозрений».

«Да, мне тоже кажется, что у тебя, друг, что-то посложнее, чем тебе говорят так, для успокоения», скажет, бывало он мне сердобольно-сострадательным тоном, и этого было достаточно, чтобы у меня появилась бессонница… Правда, был у меня в палате замечательный друг из Харькова по имени Саша Липовой, инженер-экономист, парень толковый, начитанный, попавший сюда с полиартритом (обморозил ноги на ночном карауле). У него дела были куда посложнее, но никогда не ныл, не жаловался, не паниковал, как я, а молча и каждодневно делал то, что советовали врачи. Саша достаточно методично пытался развеять ложные мотивы моего самовнушения.

— Ну как ты, Володя, можешь верить этому балбесу, он же издевается над тобой, ты же человек грамотный, умный… У тебя обычное воспаление, но ты ведь сам осложняешь процесс, — вот так с утра приступал он к своим психоневрологическим упражнениям, и туман в моей голове понемногу рассеивался, как дым над тлеющими очажными углями. Но ненадолго… — Пойдем-ка, выйдем на территорию госпиталя, возьмем бутылочку венгерского «Рислинга» в военном магазине, выпьем по стаканчику, поболтаем о том о сем, и ты увидишь, как нам обоим полегчает. — Вот так дипломатично, но в то же время решительно брал меня в оборот милый Саша, которого после службы я пригласил на отдых в Абхазию. Пациентам пить в госпитале было строго запрещено, но мы с добрейшим харьковчанином делали это без шума-гама, втихомолку. Но параллельно я продолжал нагнетать обстановку, даже решил сообщить родственникам в Абхазию, намекнув им, что романтика со службой в Сибири сменилась некоторой

депрессией, упадком сил… В своих «письмах издалека» я давал знать достаточно закодированным языком азбуки Морзе, что я не совсем здоров… Позже выяснилось, что мои полускрытые переживания были восприняты моей бедной матерью и дядями как не очень благоприятная ситуация, требующая их чрезвычайного вмешательства… Сначала я напугал, растревожил их, а потом стал успокаивать. Ну, это уже мой характер, врожденный он или приобретенный — увы, в этом может разобраться только опытный психолог…

После венгерского «Рислинга» (а по происхождению он — рейнский) какое-то расслабление наступало дня на два-три. Но дурные мысли пока по-прежнему брали верх. Какой-то дьявол, проникнув мне в душу, назойливо и коварно нашептывал: «Ничего у тебя хорошего, дружище, ничего утешительного…» Но я об этом никому не говорил, по наущению добрейшего Саши я шел в библиотеку госпиталя и начинал читать… Помню, в госпитале я впервые прочитал гениальные рассказы и повести Андрея Платонова, роман Фолкнера «Свет в августе», «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и многое другое… Читал усердно, но в мозгах по-прежнему роились нехорошие мысли. Иногда приходилось перечитывать целые абзацы и страницы уже прочитанного. Потому что шел «поток сознания», не дававший мне сосредоточиться на тексте. Все это было схоже с навязчивым неврозом…

На полях книги

И мой терапевт, та молодая статная женщина, как-то незаметно щеголявшая своей вполне заслуженной карьерой и капитанским званием, догадывалась, а сейчас уже явно убедилась в том, что я неспокоен и чем-то глубоко встревожен…

Однажды она попросила меня выйти с ней во двор госпиталя и прогуляться… Капитан медслужбы нежно взяла меня под руку и тихо, без какого-либо напряга и суеты идя со мной по аллее, стала интересоваться моим творчеством, образованием, работой, ситуацией в Абхазии, нашими национальными

традициями и прочими делами, казалось бы, не имеющими ничего общего с моей болезнью и ее лечением. Я отвечал на ее на редкость дружелюбные вопросы, спокойно, с завидным мальчишеским послушанием. И в конце нашей беседы врач сказала мне несколько слов, которые понемногу стали выводить меня из глубокого стрессового состояния… Почти такая же была у меня беседа с доктором медицинских наук, очень опытным невропатологом, который, постучав по моим коленям своим «волшебным» неврологическим молоточком, понял, что я усердно занят настоящим самовзвинчиванием… Выписал какие-то микстуры, подбодрил, сказав, что ничего страшного, это проявление излишних эмоций, и вскоре дело пошло на поправку… Приехали мои абхазские сослуживцы со стройбата с гостинцами, письмами, прибывшими в батальон после моей госпитализации. Друзья обрадовались, узнав, что дело идет на поправку… Я пообещал, что скоро вернусь в роту и там договорим, дообсудим любые темы…

У начальника терапевтического отделения майора Вовкодавка (позже я понял, что с украинского на русский это переводится как волкодав) с моим лечащим врачом, той самой миловидной и статной женщиной в звании капитана, был негласный договор, что для окончательного изгнания сибирской хвори из моего организма необходимо покончить с моими абхазскими самовнушениями. (Иногда мне казалось, что меня беспокоит не пневмония, а какая-то непонятная боль в голове… На всякий случай ночью медсестры, зная, что я от них не отстану, прикладывали к области лобных пазух, на мнимую боль в которых я часто жаловался, какие-то водочные компрессы).

Майор Вовкодавк, молодой человек с отличной офицерской выправкой, строгий, немногословный, приходил по утрам ко мне в палату, поднимал по команде и ставил мне задачу посчитать количество койко-мест в госпитале. Сначала я не понял, зачем и кому это надо, но спорить с начальством было не положено. И я принимался за эту нудную работу, взяв блокнот и ручку… Ходил долго по всем этажам, отделениям, палатам и в результате насчитал чуть более 2 тысяч коек. После подсчета,

смахивая пот со лба, шел в ординаторскую и докладывал майору, а он требовал пересчета, подвергая сомнению результаты. И я начинал все по новой. Это было мучительное и бестолковое занятие… На мои не очень агрессивные, но назойливые вопросы, почему именно я должен заниматься этим нудным делом, майор отвечал с олимпийским спокойствием: «Потому что Вы с высшим образованием!»

И со временем я стал замечать, что из головы уходит сумбур моих прежних сомнений и треволнений. Моим мозгам некогда было думать о «скрываемой» от меня болезни, приходилось очень внимательно пересчитывать количество коек, заходя в каждую палату, приводя в недоумение больных, не понимавших, что за нескончаемую идиотскую работу я выполняю… Позже, выписавшись из госпиталя вполне здоровым, я пришел к выводу, что метод майора Вовкодавка был вынужденным, придуманным им вместе с моим лечащим врачом, капитаном медслужбы, чтобы понемногу развеять нависшие надо мной облака самовнушения и пессимизма.

Неожиданный приезд того, кто безуспешно пытался сделать из меня кораблестроителя

Однажды после завтрака я решил дочитать сборники повестей и рассказов А. Платонова. Меня, как я думаю, и многих молодых пишущих, ступивших на литературную стезю, приводил в умиление необыкновенный стиль, выражавшийся, как пишут сейчас некоторые текстологи, «странноязычие» и «неуравновешенность синтаксиса» выдающегося русского прозаика.

Лежа у себя на койке, располагавшейся в углу комнаты, я углубился в мир чудаковатых героев Платонова, от души наслаждаясь их диалогами, переполненными здоровым юмором. Чего стоил хотя бы рассказ «Кончина Копенкина», не говоря уже об остальных вещах? Каким надо быть талантли-

вым человеком, чтобы показать войну в таком трагикомичном преломлении? Я стал чувствовать, что депрессия понемногу проходит: это было видно даже по тому, как я читал взахлеб Платонова… Потому, что стал меньше думать о той коварной «болезни», что затаилась на подкорках сознания.

Чтение неожиданно было прервано многократным стуком в дверь палаты. Дверь открылась, вошла медсестра Надежда Жданова. Девушка была внешне весьма привлекательная, приветлива, к тому же с тонким природным чувством юмора: не обижалась, когда я ее называл внучкой члена Политбюро Жданова. Это ее я заколебал своими лобными пазухами и компрессами для утоления «несуществующей» боли…

Надя подошла к моей кровати и по-военному, скороговоркой сообщила мне: «Слушайте, товарищ поэт! В проходной госпиталя Вас ждет какой-то родственник из Абхазии». «Отрапортовала» и быстренько упорхнула из палаты, чувствуя, что я начну опять подкалывать ее по поводу «ждановской» родословной…

Честно говоря, я опешил от услышанного. Я, конечно, допускал, что после моих слезных жалоб, что со мной, мол, происходит что-то не то и как будто бы лечение затягивается, родственники могли «командировать» в Иркутск кого-то из самых близких, чтобы поговорить с врачами и определить мою дальнейшую судьбу… Но вот так неожиданно и так оперативно? Подумать только: где Абхазия, где Иркутская область?

Я отложил в сторону Платонова (сейчас были дела поважнее его увлекательнейших фантасмагорий и несусветной мифопоэтики) и побежал к воротам госпиталя.

Мой любезнейший наставник дядя Ваня, несмотря на свою усталость, — все-таки около десяти часов утомительного полета, да еще с таким тяжелым багажом, — встретил меня доброй улыбкой и приобнял крепко, похлопал по плечу: мол, держись, все будет нормально! Я, конечно, немного расчувствовался, глядел ему в лицо, едва сдерживая слезы… Мы с ним зашли в вахтерскую, где он временно отдал на хранение несколько тяжелых сумок. Я сразу смекнул, что он привез из Абхазии множество вкусностей и превосходных напитков. Для

меня, для моих друзей, ну и для врачей, разумеется, от которых зависело мое душевное состояние.

Вскоре через вахтеров КПП я нашел для него комнату, где он мог бы чуть передохнуть и попить чаю. «Гостиница» оказалась совсем рядом с госпиталем, ее хозяюшка, пожилая, но внешне на редкость опрятная иркутянка, была женщиной весьма гостеприимной. Мы занесли туда вещи, выпили чаю, и Иван Гиджович, совершенно не думая об отдыхе, засучив рукава принялся за дело. Он сказал, что не может долго оставаться здесь, на краю света, долго его жена, моя невестка Раиса Султановна, сама никак не справится с хозяйством, тем более следить за своенравными буйволами, которые порой, уходя далеко от дома, не возвращаются… и их приходится пригонять насильно.

Дядя Ваня сказал, что хочет встретиться с моими врачами, поговорить с ними по-милому, пригласить их на отдых в Абхазию, и это все для того, чтобы они ускорили мое возвращение в родную тамышскую обитель…

«Там, я уверен, ты окрепнешь моментально… Наш чудесный климат избавляет от любых недугов, и ты это прекрасно знаешь. Поедешь летом на Ауадхару или в Бакькан (высокогорное село в Восточной Абхазии), подышишь горным воздухом, и все пройдет мгновенно», — внушал мне тот, кто когда-то напрасно старался сделать из меня кораблестроителя… И даже оттого, что он говорил просто, по-отечески, мне становилось хорошо. «Эх, в какую несусветную даль тебя забросили, племянничек!.. Но ты же сам напросился. Ты же искал романтику, вот и нашел», — подшутил дядя по-доброму, по-родственному и, надев свою плоскую абхазскую шапку, стал одеваться, чтобы срочно приступить к «великой» посреднической миссии между мной и моими врачами…

***

Дядя встретился с моими милыми терапевтами, с начальником отделения и даже каким-то образом добрался до главврача госпиталя… Уезжая, он сказал мне, что скорее всего они выпишут мне путевку в какой-нибудь военный санаторий на юге,

и, если удастся, направят на реабилитацию непосредственно в Абхазию. И он уехал, окрыленный откровенными беседами с военными врачами, которые, скорее всего, посетовали ему на мое упрямство и совершенно излишние самовнушения и даже самолечение (видимо, имелась в виду история с моими лобными пазухами и водочными компрессами).

***

Вскоре врачи разрешили мне съездить в свою войсковую часть на Батарейной. Я встретился с друзьями и сослуживцами, попрощался с нашей «монолитной» абхазской группой, с которой я почти год жил, как говорится, душа в душу. Капитана Шарафутдинова, теперь уже безбородого (полковник Банкожитенко добился-таки исполнения своего приказа, и мой командир помолодел как минимум лет на десять), застал в канцелярии, от души поблагодарил его за опеку и внимание ко мне, к моим близким друзьям. Пообещал ему, что как только подкреплю здоровье непременно приглашу его в Абхазию. Прощаясь со мной, командир достал из сейфа красивую синеватую бутыль и от души налил мне и себе какую-то сибирскую водку отменного качества. Капитан подарил мне хороший бинокль, присланный ему лично баргузинскими охотниками в обмен на офицерскую дубленку. Я, конечно, был восхищен таким жестом!

Выходя из казармы, неожиданно встретил того самого смурного деда «Пузыря», который, нашив себе на рукав какие-то крутые шевроны и прикрепив к груди спертые у кого-то значки и медали, готовился к ближайшему дембелю. Узнав, что я уезжаю на Родину, «Пузырь» пожелал мне счастливого пути, но успел съязвить мне на тему «старой вешалки»…

***

В госпитале я вновь попрощался со всеми врачами и медсестрами, с друзьями по палате. Искренне пожелал лечащему врачу роста в должности и в звании. Майору Вовкодавку пообещал, что никогда не забуду изобретенного им метода лечения от самовнушения. Надежде Ждановой, прощаясь, успел

еще раз напомнить про ее великую родословную. Оставил всем свой сухумский адрес, координаты. Вышел во двор госпиталя с моим другом — душеспасителем Сашей Липовым, который не скрывал от меня своей великой радости оттого, что зловещий туман самовнушений в моей голове понемногу рассеивается. Мы с ним зашли в тот самый военный магазин, куда ходили не раз, нарушая устав, взяли бутылочку вожделенного «Рислинга» и распили его в уютном скверике, спокойно довершая дружескую беседу, начатую когда-то под сводами госпиталя. В свою сумку я положил какие-то вещи, но не забыл засунуть в нее и те самые книжечки — «По направлению к Свану» Пруста, «Выходя на дорогу, душа оглянулась» Ю. Кузнецова и «Зеленое поле» Г. Аламиа, сослужившие мне добрую службу в дни, когда под безбрежным сибирским небом бывало «и скучно, и грустно, и некому руку подать…»

Вот так завершилась моя иркутская эпопея, на всю жизнь отложившаяся в закоулках памяти. В Адлере меня встречали самый младший из всех моих дядей по отцу — Георгий Гиджович, знаменитый абхазский гаишник, проводивший свободное время в сухумских ресторанах почему-то с писателями и журналистами. Кстати, во время учебы в Тбилиси он всегда заступался за своих земляков, если кто обижал их от нечего делать. Сопровождал его мой зять Рудольф Михайлович Когониа, отличный парень, служивший, кстати, намного севернее Иркутска, аж в Якутске. У выхода из Адлерского аэровокзала они искупали меня «Советским шампанским» в буквальном смысле этого слова. Бутылок десять этого шикарного напитка лилось на меня как шипучая пена из огнетушителя.

***

Вернувшись на Родину, я почувствовал такую бодрость души, такой мощный прилив сил, что навсегда выбросил из головы мысль об отдыхе в санатории. Лучшим санаторием стал мой отцовский дом в Тамыше, мой прекрасный яблоневый сад, а лучшим меню — крутая мамина мамалыга, фасоль, ароматизированная множеством пряностей, кусочек домашнего сыра и заквашенное кислое молоко со сливками — бесподобное сна-

добье против любой заразы. Моя бабушка Елана (мне всегда казалось, что этим мифологическим именем нарекли ее грамотные родственники в честь той самой Елены Аргивской, из-за которой был целый сыр-бор у Гомера в «Илиаде»), встречала меня аж у наших больших ворот, выходивших к центральной трассе. Очень долго вращала непоседа Елана Есхаковна свою правую руку вокруг моей головы, громко произнося традиционное «иухьша сыхьаайт!» (дословно: чтобы все твои болячки перешли на меня). Я старался выглядеть бравым воином, но едва сдерживал слезы умиления. Честно говоря, с армейской службой в Иркутске связаны не самые приятные воспоминания, но ностальгия по ней продолжает пульсировать где-то в глубине души, это частица моей жизни, и ее никак не выбросишь из памяти. Куда деть теплые воспоминания о сказочной сибирской природе, о добрых и отзывчивых людях? Юмор, сопутствовавший мне и моим сослуживцам всю дорогу? Стихи, написанные в бессонные ночи в казарме стройбата, под грустное завывание сибирского ветра?

Ритуальное застолье по случаю моего удачного возвращения из Сибири

Приехав в родной Тамыш, увидев всю свою родню, я думал отдохнуть как минимум одну неделю, т. е. оставаться в деревне, выспаться, забыть хотя бы на время про армию и прочие безобразия. Но мои планы не совпали с замыслом моей матери, давшей себе зарок сразу по моему возвращению зарезать бычка, пригласить на хлеб-соль человек 20–30. Рыженький и бодливый на вид бычок, специально выращенный моей матерью Тамарой для этого случая, стоял по колено в сочной траве и не подозревал, что скоро его положат на жертвенный алтарь в честь моего счастливого возвращения из «сибирской ссылки». Естественно, я не стал спорить с матерью и по ее же поручению поехал в Сухум, чтобы пригласить самых близких друзей на ритуальное мероприятие. Забежал в редакцию газе-

ты, где, как ни парадоксально, первым встретил у парадных дверей одного из персонажей «моих имитаций», показавшего мне, где раки зимуют. Но я не стал проявлять обиду, как-то старался вообще не вспоминать про тот дурацкий «заговор», тем более мой «герой» встретил меня чуть ли не с распростертыми объятиями, как бы не нарадуясь моему возвращению. «Уа, Анцəа иҵьшьоуп, узгаз рымшра ааугааит!» — воскликнул «коллега», воздев руки к небу, благодаря Всевышнего, вернувшего меня домой живым и здоровым. Таковы превратности судьбы.

И вообще, жизнь показала мне, что с шутками и подколками надо быть поосторожнее… Вон, Осип Мандельштам написал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны…», где, может быть, не из особой неприязни к Большеусому, но все-таки подзадел его. Потом, когда понял, к чему приводят такие памфлеты и игры с «кремлевским горцем» (Пастернак назвал эту вещь «актом самоубийства»), написал и хвалебный стих о великом кормчем, но, увы, не помогло… Закончилось арестом со ссылкой в Приморский край, во Владивосток. То есть Осипа Эмильевича отправили еще дальше, чем меня… Моего любимого поэта, автора гениального эссе о Данте — Мандельштама, посещавшего Абхазию и успевшего написать блестящий очерк о Сухуме.

***

Я зашел к главреду, в кабинеты отраслевых отделов, к машинисткам, которым, в бытность переводчиком, частенько приходилось диктовать переводы «снотворных» речей Генсека Брежнева. Обошел всех, с кем в свое время непосредственно сотрудничал, пообщался с ними, не отвлекаясь на второстепенные темы. Нанеся коллегам визит вежливости, я вновь быстренько спустился вниз.

Здесь и произошло то, чего я не ожидал вовсе. Прямо напротив редакционно-издательского корпуса стояли полукругом и спокойно, в отличном расположении духа беседовали знакомые и близкие мне люди: Алексей Гогуа, Мушни Ласуриа, Олег Дамениа, Владимир Ацнариа и еще какой-то приезжий солидный мужчина славянской внешности, среднего

роста, лет пятидесяти, в широких очках, с чуть зачесанной наверх гладкой шевелюрой. Он жадно впитывал в себя все, что говорили ему друзья на ту или иную тему. Я подошел к ним, поздоровался с каждым лично. Приобнял каждого, не скрывая, что за год отсутствия в Абхазии сильно соскучился по ним. «О, узгаз рымшра ааугааит!» — воскликнул кто-то из них, громко выражая восторг по случаю моего долгожданного возвращения из армии. Другие попеременно, также эмоционально поприветствовали меня и сразу же стали знакомить с Вадимом Валериановичем Кожиновым, крупным русским филологом и философом, страстным полемистом, в последние годы достаточно ревностно защищавшим интересы абхазов, особенно в связи с новыми экспансионистскими устремлениями «картвелов» на Абхазию.

Я сразу подумал о том, кто мог по-настоящему украсить мое тамышское застолье: вот эта отличная компания людей, которых, можно сказать, в тот день я неожиданно выиграл по лотерее. И боясь растерять их по какой-либо причине, тут же, как говорится, не отходя от кассы, решил объявить им о своем твердом намерении пригласить их на свое запланированное мероприятие. «И на ловца зверь бежит!» — произнес кто-то, широко улыбаясь, в ответ на мое неожиданное предложение. Позже мне удалось выведать тайком, что своего коллегу наши ребята все эти дни возили по деревням, опрокинули с ним не мало фужеров с благоуханной «Изабеллой», но им очень хотелось пригласить Большого Друга Абхазии еще куда-нибудь перед его отъездом в Москву… Вот как раз и мой жест вполне соответствовал их сокровенному желанию. Мушни Ласуриа, открывший Вадиму Кожинову наш духовный мир и историю, и сейчас тепло вспоминает добрую встречу в моем отцовском доме, где его московский друг чувствовал себя достаточно комфортно. А сам Вадим Валерианович во время моей беседы с ним в Москве (в 1994 году), у него на квартире (видеозапись этой беседы, к счастью, сохранилась), как-то философски оценил то, что слышал из уст моих соседей, сидевших напротив него, опершись о свои посохи.

Тамышское застолье с Вадимом Кожиновым. Целесообразность — без цели…

Сидели мы вокруг длинного стола, к которому были приставлены п-образно еще два небольших стола. Начали с инжировой чачи моей матери, которую она смогла припасти в значительном количестве несмотря на непомерные аппетиты моего иркутского командира, к которому абхазский самогон шел чуть ли не конвейером. Не помню, кто был тамадой, но за столом царила демократическая атмосфера, проявлявшаяся в приверженности евразийским культурным ценностям. Произносили один за другим философские тосты, читали стихи, плавно и достаточно виртуозно перешли от чачи к белому вину из «цоликаури» (на грузинские сорта вин национальный вопрос не распространялся), которого у моих заботливых дядей Самсона и Ивана хватало не то чтобы на один такой скромный банкет, но и на две большие свадьбы. Разговор о традициях плавно перешел в литературную плоскость. Кто-то из наших классиков заговорил о народной метрике. Тема чрезвычайно заинтересовала Кожинова. Алексей Гогуа, к тому времени только психологически вынашивавший идею романа «Асду» («Большой снег») стал рассказывать гостю о том, что свой возраст многие абхазы соизмеряют с 1911 годом, когда в Абхазии выпал обильный снег, достигавший крыши домов. Тема обрастала интересными нюансами, этому в определенной степени способствовали осушаемые один за другим бокалы. И в самый разгар дискуссии кто-то из седовласых стариков-соседей, присутствовавших на застолье, вдруг неожиданно и витиевато вставил: «И, наверное, нашему гостю скучно, потому что мы говорим в общем одно и то же… И самое главное, мы не знаем, зачем это нужно? Одно мы знаем, что это нужно…»

Вот такую странную и загадочную антиномию выдал нам сосед Кунта, которому к тому времени перевалило за сто… Мы не придали особого значения весьма своеобразной парадигме «абхазского оракула», сидевшего напротив гостей, чуть опершись о свой совершеннейший самшитовый посох. Потому что

абхазским ученым было не привыкать к мудрым изречениям абхазских сказителей, облеченным порой в очень сложную и замысловатую абстрактную формулу. Однако Вадим Валерианович нашел в словах Кунты, нарушившего привычный ритм и композицию стола, нечто неординарное, глубокое. Он мгновенно вскочил, ошеломленный неожиданными эвристическими откровениями абхазского старца, и, обращаясь к сотрапезникам, чуть жестикулируя для усиления пластичности своей речи, четко расставил акценты: «Вы знаете, дорогие друзья, это очень глубокая и оригинальная мысль… Это, если хотите, основная мысль всей философии Эммануила Канта. «Целесообразность — без цели… Потому что, если обозначить цель, она всегда будет узкой… Беда получается, когда намечают цель». Наступила небольшая пауза, все призадумались, после которой мы вновь благополучно вернулись к классической очередности своих тостов… Наклонившись к нашим старикам, кое в чем неосознанно соперничавшим с Кантом, я вполголоса стал разъяснять им на абхазском, что высокому московскому гостю понравились их мудрые изречения… Старики, конечно, были польщены и весьма признательны профессору.

К концу нашей вечеринки от тамышского белого антидепрессанта лица у всех заметно раздобрели, всем хотелось привнести еще что-то новое в содержание тостов, Вадим Валерианович был на седьмом небе… Если бы он побыл с нашими крестьянами еще денек, возможно, он нашел бы в их вольных рассуждениях еще и учение Спинозы о субстанции, которая, по мнению выдающегося нидерландского мыслителя, уподоблялась Богу…

Казалось бы, Вадим Валерианович, занятый массой исследовательских проблем, мог бы чуть подзабыть про наше тамышское застолье, каких было немало и в других еще более знаменитых абхазских селах. Однако в Москве он чуть ли не в деталях воспроизводил в памяти философские беседы с нашими стариками. «Причем чувствовалось, — говорил мне Вадим Валерьянович, мысленно окунаясь в тамышский быт конца 70-х, что люди хотели не только сказать что-то задушевное, но они хотели сказать красиво, то есть думали о сво-

ей речи как таковой, о красоте речи… И я вот тогда понял, что застолье — это какая-то школа человеческого духа, человеческого достоинства».

Тот бурный 1978 год…

После удачного отправления обряда по случаю моего возвращения из армии я не стал задерживаться в деревне, хотя изначально вынашивал крайне нереальную и несбыточную в наших условиях мысль о хотя бы недельном уединении (то бишь тамышской нирване). Но осмыслив ситуацию, махнул на все, поехал на второй же день в Сухум, зашел еще раз к главному редактору газеты «Апсны Капш», который посоветовал мне продолжить работу в отделе культуры, где как раз-таки не хватало литсотрудника. Главред относился к литературе и, в особенности к поэзии, с некоторым скепсисом, считал все это несерьезным занятием, но кто-то из наших старых сотрудников смог убедить его, что без литературной рубрики читать нашу официальную газету, и без того перенасыщенную речами и докладами Брежнева, безнадежно впадающего в склероз, никто не будет. Видимо, поэтому главред определил мне новый фронт работы. Временно исполняющим должность заведующего отделом культуры был поэт Рауль Ласуриа, с кем меня связывали близкие творческие отношения. Друзья называли его по-доброму Пушкиным, и не случайно, лицо его, особенно в профиль, как будто было скопировано с волшебника русского слова. И ему такие комплименты весьма льстили. «Да, да, похож, ничего не поделаешь», — так же спокойно отшучивался талантливый парень, выходец из села Кутол — нашего абхазского Парнаса, с той лишь разницей, что Парнас — гора, а Кутол — всего лишь предгорье, но весьма колоритное. Обсудив с Раулем какие-то замыслы по подготовке новой литературной страницы, я, ничуть не мешкая, спустился вниз и, немного постояв перед редакционно-издательским корпусом, решил пообщаться с интеллигенцией, погруженной в политический процесс. Здесь, перед редакцией и издательским до-

мом, как раз собирались к обеденному часу люди достаточно разношерстные. Но среди них было немало представителей абхазской фронды. К тому времени Абхазия вступала в новый цикл борьбы за самоопределение. Это был период очередного всплеска национально-освободительного движения, подхлестываемого неуклюжими (а иногда и авантюристическими) действиями властей и спецслужб. Оно временами стихало, но после десятилетнего затишья вновь доходило до апогея. Наша борьба чем-то напоминала приливы и отливы, периодические колебания уровня воды в океане, обусловленные гравитационным притяжением Луны и Солнца. Думаю, что еще предстоит нашим ученым исследовать абхазское движение и с гравитационной точки зрения.

Сейчас все ждали приезда большого московского чиновника — секретаря ЦК Капитонова. После жесткой расправы с авторами Абхазского письма за подписями 130, обстановка в стране заметно накалилась. Были исключены из партии и освобождены от занимаемых должностей такие влиятельные лица, как Алексей Джения, Юрий Аргун, Лесик Ахиба. Особенно тревожно было среди представителей научной и творческой интеллигенции, традиционно задававшей тон протестным настроениям. В коллективах, где работали авторы письма, их подвергали публичной обструкции. Шло навешивание ярлыков со стороны марионеточных властей Абхазии. Делалось это по прямому указанию из Тбилиси, а иногда по собственному желанию местных властей для того, чтобы им тверже проявить свою незыблемую лояльность тбилисскому сюзерену. Называли авторов и подписантов письма «оборотнями», «националистами», «разжигателями межнациональной розни», «клеветниками», «пасквилянтами». Печать тех лет пестрит именно подобными оскорбительными выражениями. Словом, травля шла на всех уровнях. Но сейчас редко кто вспоминает об этом. Мол, да, было так, но вести себя таким образом некоторых вынуждала обстановка, субординация.

Проводились специальные показательное бюро, пленумы обкома, партийные собрания, на которых на лидеров обрушивали шквал надуманных обвинений: «мол, они, куч-

ка отщепенцев, посягают на нерушимую дружбу и братство грузин и абхазов…» Слава Богу, люди, составившие, выстрадавшие и подписавшие этот политический документ о фактическом геноциде абхазской нации, и их соратники жестко парировали агрессивным действиям тех, кто грубо искажал смысл Письма. Поборники идеи вели себя очень мужественно несмотря на нажим со стороны тбилисских спецслужб и их местных приспешников. Абхазский этнолог Юрий Аргун сам рассказывал нам о подробностях своих жестких словесных перепалок с Шеви прямо в кабинете последнего. Он был срочно вызван в Тбилиси, как директор Абхазского государственного музея, осмелившийся несмотря на свою соподчиненность властям подписать столь нашумевший документ. В итоге Шеви, скорее всего, понял, что такие фанаты абхазской идеи, как Юрий Гудисович, не прогибаются в вопросах, касающихся судьбы нации. Конечно, были среди абхазских чиновников и сочувствовавшие лидерам национально-освободительного движения, но эти симпатии они не смели и не могли проявлять открыто в силу своего служебного положения. Такова была система изначальной вышколенности кадров. «Агәыр рылацаны иаарышьҭит…» — поговаривали в народе о тех, кто проходил спецстажировку в Тбилиси. То есть «ввели в их кровь инъекцию верноподданности». Хотя в 1989 году достаточно откровенная и циничная антиабхазская политика тбилисской метрополии привела к тому, что представители политической элиты нашей республики демонстративно поставили свои подписи рядом с подписями лидеров «Аидгылара» и национальной интеллигенции — под требованием о восстановлении государственного статуса Абхазии 1921 года. Документ этот вошел в новейшую историю страны как Лыхненское обращение.

***

В первый же день прибытия из Тамыша в Сухум я попал на встречу с председателем чисто формального Совета наци-

ональностей тогдашнего советского парламента Виталием Рубеном и академиком Владимиром Кудрявцевым, одним из главных экспертов по государствоведческим вопросам. По характеру и тональности выступлений чиновников, командированных из Кремля, чувствовалось, что они направлены сюда для предварительной пропагандистской «острастки» абхазских «мятежников». Встреча проходила, насколько помню, в Доме политпросвещения обкома. Помню очень расплывчатые ответы Рубена (Рубэниса, латыша), недостаточно компетентного, как тогда показалось, в грузино-абхазской проблематике, на вопросы представителей абхазской интеллигенции. Они были моментами настолько не обоснованы и не убедительны, что кремлевский чиновник, растерявшись, вынужден был судорожно вносить поправки в свои же комментарии к тем или иным вопросам. Во-первых, он с самого начала перепутал Абхазию с Аджарией, на что не в меру энергичный и эмоциональный Владимир Агрба отреагировал весьма удачно, спросив: «Как вы собираетесь решать проблемы Абхазии, если путаете ее с Аджарией?» И это вызвало вполне предсказуемое оживление в зале. Сия парадоксальная история поневоле напомнила присутствовавшим забавный сюжет из великолепного рассказа «Начало» Фазиля Искандера, где в ответ на вопрос московского профессора «Абхазия — это Аджария?» абитуриент ответил с достоинством, но не заносчиво: «Абхазия — это Абхазия!».

На встрече присутствовал второй секретарь ЦК КП Грузии Г. Колбин, который, по всей вероятности, углубляясь в процесс по долгу службы, стал чуть лучше понимать, в чем «корень зла», но, видимо, до поры до времени ставленники Кремля предпочитали держать свое мнение при себе. Бросаться с открытым забралом в политические распри означало бы пожертвовать во имя справедливости своей карьерой. Ждать от академика В. Кудрявцева каких-то неожиданных идей и предложений, связанных с ломкой сталинской матрешечной системы устройства советской державы, было просто бессмысленно. Да, он считался крупным правоведом, но был человеком, входившим в номенклатуру высшего политического

руководства, не прощавшего ученым такого ранга проявления какого бы то ни было инакомыслия и новаторства.

Встреча длилась до позднего вечера. Помню, какие убедительные доводы о невозможности дальнейшего сосуществования Абхазии и Грузии в составе одного государства приводила великая Тамара Шакрыл, любое движение которой отслеживалось генералами КГБ, начиная с Семичастного и кончая Андроповым. Нелегко было противопоставить какие-либо контраргументы доводам В. Ацнариа и О. Дамениа. Пришлись ко двору и некоторые реплики, обращенные к членам делегации. Москва не могла не признать высокого уровня компетенции абхазской интеллигенции, представлявшей политическую элиту республики. А если быть до конца объективными, кто мог соперничать с Тамарой Платоновной по вопросам международного права и конфликтологии в целом? Помните, даже профессор (пушкинист) Боден, личный представитель Генсека ООН в Абхазии, не мог скрыть своего восхищения ее незаурядными способностями в письме по случаю ее безвременной гибели. А какими пронзительными, трогательными словами отзывался о ней известный политик, политолог, публицист, народный депутат СССР Федор Бурлацкий, с которым Тамара Платоновна была знакома близко:

«В 1950 году мы жили в одном общежитии Академии наук СССР на Малой Бронной. Тамара была самой красивой и обаятельной девушкой среди всех аспиранток: горянка, с изящной фигурой, тонкой талией и огромными сверкающими черными глазами. Мы работали вместе в аспирантском совете и издавали юмористическую газету.

Она прекрасно играла на гитаре и вместе с сестрой пела протяжные абхазские и веселые русские песни. Но мысли этой юной красавицы были далеки от наших повседневных аспирантских дел. Однажды она обратилась ко мне с просьбой помочь ей написать письмо Сталину. О чем? О защите абхазской культуры, абхазского языка, о независимости абхазского народа, который все больше терял свою самобытность, традиции, свое место среди других кавказских народов. Мы несколько

вечеров сочиняли это послание, и сама Тамара нашла способ направить его грозному адресату.

Это был смелый, мужественный и опасный шаг — писать вождю “всех народов», грузину, отнюдь не мусульманину, об острых проблемах абхазской автономии.

И на удивление, она получила ответ. Более того, в Абхазию была направлена из Москвы авторитетная комиссия, которая осуществила крупные изменения в положении абхазской словесности, издании учебников и художественной литературы, а также в кадровой политике.

С той поры началась мужественная борьба Тамары. Ее снимали с работы, подвергали гонениям, но это не сломило ее, наоборот, она превратилась в смелого и яркого общественного деятеля. Во времена перестройки Тамара Шакрыл стала известным правозащитником и время от времени советовалась со мной как с председателем Международной комиссии по правам человека».

***

Это были мои первые живые впечатления от непосредственного участия в событиях 1977–1978 годов. Я был буквально окрылен тем, что был рядом с известными правозащитниками, истинными борцами за суверенные права нашего народа. Это было начало моего дальнейшего сближения и достаточно энергичного сотрудничества с ними.

Но нередко бывает и так, что первые впечатления о том или ином человеке оказываются обманчивыми и предвзятыми. Недавно я знакомился с рассекреченными материалами заседания секретариата ЦК КПСС от 19 мая 1978 года, посвященного ситуации в Абхазии. Обстановка тогда была настолько взрывоопасной, что Брежнев поручил координацию вопроса лично члену Политбюро Суслову, главному куратору тогдашней идеологии так называемого развитого социализма. Документы эти опубликовал бывший главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко. Так вот, там я и увидел достаточно объективный взгляд Рубена, на которого у нас в Сухуме совершенно безжалостно

обрушился один из «буревестников» абхазской революции Владимир Бабахович Агрба. Как видим, Рубен, попавший в Сухуме под горячие руки абхазских повстанцев, накануне на секретном заседании секретариата ЦК говорил буквально следующее:

«Руководители ЦК Компартии, Совета Министров Грузинской республики, безусловно, допустили ряд серьезных ошибок и недостатков. Например, абхазцы апеллируют документом Совмина Грузинской республики, в котором идет речь практически о насильственной ассимиляции абхазцев, о значительном переселении в Абхазию грузин.

Считал бы целесообразным, чтобы ЦК Компартии Грузии создал авторитетную и солидную комиссию, которая бы проанализировала все принятые подобные акты и, в случае признания необходимости, эти решения были отозваны. Я бы просил дать согласие на такие действия…»

И представьте себе, Суслов, которого Рой Медведев охарактеризовал как серого кардинала брежневской эпохи, на том же заседании отчасти поддержал идеи Рубена. Протокол гласит: «Суслов: Это правильно. Ни о каком переселении грузин в Абхазию в больших количествах не должно быть и речи. Конечно, если идет разговор об обеспечении того или иного нового строительства рабочей силой, тогда другое дело. Но и это все надо делать в разумных размерах».

По версии автора «Абхазской драмы», российского публициста В. Огрызко, в те времена существовало неофициальное мнение, будто Суслов в чем-то скрыто покровительствовал абхазам.

«Позже некоторые политологи писали, будто у абхазских закоперщиков имелись свои покровители в Кремле, которые им во всем потакали…», — пишет экс-редактор «Литературной России», хотя и он не исключает, что секретарь ЦК, возможно, в чем-то и сочувствовал абхазским интеллектуалам, но публично он выступал всегда против выхода Абхазии из состава Грузии.

Исключено, конечно, чтобы такое одиозное лицо, как Суслов, опекал абхазов в их вполне обоснованных устрем-

лениях по выходу из-под тбилисского диктата, но некоторые видные политики, такие, как, например, Энвер Капба могли снабжать кремлевского идеолога достаточно объективной информацией об истинных причинах грузино-абхазского конфликта. Энвер Эрастович рассказывал мне лично о том, как неоднократно, по долгу службы встречался в Пицунде и в Гагре с Сусловым, сопровождал его в поездке на знаменитое Гудаутское форелевое хозяйство, где во время имитации рыбной ловли и за дегустацией лучших абхазских вин на берегу Мчыщты моментами допускалось вне рамок протокола обсуждение проблемы взаимоотношений Сухума и Тбилиси.

На том закрытом заседании секретариата ЦК представители высшего эшелона власти, конечно же, в основном осуждали абхазов. Считали, что инспираторами очередного бунта являются 50–60 человек, среди них 5-6 лидеров, с которыми надо говорить серьезно и т.д. Очень жесткую позицию занимал шеф КГБ Андропов. Признавая чрезвычайную сложность положения в Абхазии, он пытался возложить главную вину на абхазов. А вот 1-й зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецов, хоть и поругивал лидеров абхазского движения в общем «дружном» антиабхазском хоре участников заседания, но акценты в своем выступлении расставлял не совсем в пользу тбилисской метрополии. Вот далеко не ординарный фрагмент его выступления из публикации В. Огрызко:

«Грузинские товарищи, руководство ЦК Компартии Грузии, видимо, длительное время давали повод для зарождения в умах людей сомнения в правильности проводимой линии. Как приняли Конституцию Грузинской ССР, в которой была сделана запись о грузинском языке, так отсюда сразу все и пошло. По моим данным, секретарь ЦК Компартии Грузии т. Сирадзе ведет себя не совсем правильно. Например, она допускает такие высказывания, что абхазцев как таковых нет, что это те же самые грузины». Воспользовавшись моментом, крупный представитель Кремля Бровиков, курировавший на тот момент Абхазию, к характеристике амбициозной барышни из тогдашнего тбилисского истеблишмента, перечеркнувшей одним ро-

счерком пера всю абхазскую многовековую историю, добавил очень важную деталь, раскрывавшую ее крайне циничную национал-шовинистическую сущность:

«Бровиков: На бюро ЦК Компартии Грузии вчера она (Сирадзе — *В.З*) сказала о том, что надо подтянуть танки к Абхазии и пресечь таким образом все эти действия».

Кстати, я слышал от разных очевидцев, что такие же публичные призывы о применении силы на одном из экстренных совещаний в Сухуме в 1978 году злобно выпаливали генерал Инаури, шеф грузинского КГБ, и другие грузинские силовики, однако без жесткой реакции со стороны присутствовавших там абхазов эти выпады не остались. Резко возразил им и Валериан Османович Кобахия.

И в конечном итоге, кремлевские вершители наших судеб приняли окончательное решение направить в Абхазию секретаря ЦК Капитонова и его помощников для разрядки напряженности.

Как видим, в то время, когда в Абхазии бушевали политические страсти в Кремле пытались найти некое соломоново решение, способное ввести ситуацию в более спокойное и стабильное русло. Лидеры абхазского национального движения не сидели в это время сложа руки, четко осознавая, что, если к приезду московского чиновника столь высокого ранга не собрать народ, возмущенный авантюристическими действиями тбилисского партаппарата, то документ за подписью 130, колоссальная разъяснительная работа, проведенная за последние годы, могла превратиться в сизифов труд.

Поход в Абжуйскую Абхазию

В Центральном выставочном зале в Сухуме я встретил не только своих друзей-художников, но и некоторых знакомых писателей, ученых, актеров. По тому, как люди, расположившись полукругом, достаточно озабоченно обсуждали далеко не творческие вопросы, я понял, что Абхазия — накануне новых нелегких испытаний. Шло распределение людей по горо-

дам и селам для оповещения их жителей о сходе на Сухумской площади им. Ленина.

Разнарядки выписывали лингвист Валерий Кварчия и авангардист Сергей (Виссарион) Цвижба. Никто не удивлялся тому, что абхазские художники оказались в гуще революционных процессов. Достаточно поучителен пример мексиканского мастера Давида Сикейроса, принимавшего участие в политическом противоборстве на стороне конституционалистов. В нашей абхазской ситуации почти такую же роль играл Сергей Акунович, колоритом и цветовой гаммой произведений которого восхищались не только в Абхазии, но и далеко за ее пределами. Но в отличие от Сикейроса, на которого коммунисты по поручению Сталина возложили ликвидацию Троцкого (уцелевшего благодаря тому, что он успел спрятаться под кроватью), наш сухумский авангардист ни в каких заговорах замешан не был. Весь его повстанческий пыл был направлен против тбилисского режима. И сейчас уже, в условиях независимой Абхазии, он спокойно, без угрызений совести продолжает свою энергичную творческую деятельность, привнося в свой авангардистский стиль и едва уловимые элементы реализма, по которому с возрастом многие мастера начинают чуть ностальгировать.

Друзья оперативно записали меня в одну из групп, срочно направлявшихся в Абжуйскую Абхазию. Я оказался в одном боевом экипаже с Валерием Гамгиа, Владимиром Ацнариа, Ермолаем Аджинджал, Сергеем Цвижба. Выезжали из Сухума в сумерки. Маршрут предполагал несколько сел Очамчырского района. Начали с Пакуаша, учитывая его значительные масштабы и революционный опыт. Чуть пощадив новенькую красную «шестерку» Валерия Гамгиа, мы по наущению Ермолая Кесуговича решили добраться до центра села окольными путями. Сначала достаточно уверенно повел нас коренной пакуашец. Но через несколько минут мы оказались на страшном бездорожье, пришлось из ольховых и грабовых зарослей доставать толстые ветки, наспех отстругивать их перочинными ножами, чтобы потом с их помощью преодолевать непролазную грязь. «Эх ты наш Иван Сусанин!» — подшучивал над

известным абхазским историком Ермолаем харизматичный и мудрый Костя Ацнариа, удивительным образом совмещавший науку, литературную критику и искусство застольного этикета с политикой.

Но в итоге мы достучались до авторитетных людей, от которых зависело солидное присутствие мятежного Пакуаша в массовой акции в защиту интересов Абхазии. С трудом вернувшись до нашей красной «шестерки», ради сохранности которой мы прошли такой неимоверный тернистый путь, решили чуть передохнуть, привести себя в порядок, отмыть грязь от обуви и отправиться дальше по намеченному маршруту. Объехав в течение двух-трех часов Гуаду, Джгиарду и Кутол, часов в 11 вечера мы по настоянию Куасты заехали ненадолго в поселок Чааркыт — в гости к его матери. Не успели мы отдышаться, как аиладж (горячая мамалыга с сыром) был готов. Сидели мы в апацхе около часа. Подняли по рюмочке за успех завтрашнего мероприятия, от души закусив ароматным аиладжем, и двинулись дальше. В Тамыше, в полночь, подъехали к моему дяде Ивану Гиджовичу, тому самому, кто тщетно пытался сделать из меня инженера-кораблестроителя, оперативно поставили его в известность о предстоявшем грандиозном событии и думали уехать сразу, не доставляя лишних хлопот хозяину. Иван в мгновение ока понял свою задачу… Но уехать сразу — не получилось. Есть крылатое абхазское выражение: «счеицьыка шәаҕрамгылан...» (не смейте наступать на мою хлеб-соль...» Вот это неписаное правило нас и удержало. Авральный прием столь поздних гостей мой дядя сымпровизировал прямо у настежь распахнутых ворот несмотря на позднее время. Ему к таким вещам было не привыкать…

***

По пути успели сообщить обо всем кындыгцам, адзюбжинцам, атарцам. И вот так, нежданно-негаданно, я оказался сразу после армии в водовороте новой абхазской революции. Честно говоря, я не думал, что сход по случаю приезда Капитонова и перехода общенациональной акции в новую стадию станет поводом для такого огромного митинга… По разным

версиям, на сходе присутствовали, до 30–35 тысяч человек. Помню, люди не вмещались в ту часть площади, где обычно проходили первомайские праздничные шествия. И это при том скрытом противодействии, которое тбилисские эмиссары и их местные сподручные оказывали проведению общенационального плебисцита. В этом мы убеждались неоднократно, посещая те или иные села, где, опережая нас, безудержные «гонцы» грузинского ЦК и обкома внушали лидерам на местах, что схода не будет, не верьте, мол, всяким провокаторам и смутьянам. Но наученные горьким опытом, сельчане говорили гонцам «ишәҳәаз ҳаҳаит» («все поняли»), а поступали с точностью до наоборот…

До Сухумского схода волна недовольства успела захлестнуть чуть ли не все районы Абхазии. В марте-апреле собрания с участием партийных чиновников разных уровней прошли в селах Бзыбь, Звандирпш, Абгархук, Пакуаш, в г. Ткуарчал. Лыхненская акция была наиболее массовой, мощной, резонансной. В ней приняли участие более 12 тысяч человек, сюда съехались люди, представлявшие почти все главные населенные пункты республики. На знаменитой Лыхненской поляне речи произносились под сенью легендарного липового дерева (аҭәатɫа), помнящего немало подобных событий, связанных, прямо или косвенно, с судьбой Абхазии. На одном из лыхненских сходов на жесткие и нелицеприятные вопросы абхазских мятежников пришлось отвечать и самому Бровикову, наделенному чрезвычайными полномочиями от орготдела — фактического штаба ЦК КПСС. Когда разброс поднимаемых проблем оказался чересчур обширным, в том числе связанных и с персональными кадровыми назначениями, посланец Кремля вынужден был ужесточить свою позицию, заявив, что он не может решать все эти вопросы в одночасье, стоя здесь под абхазской липой, какими бы мифами и легендами этот уникальный кавказский вид растения ни был овеян. Бровиков был достаточно опытен и хитер, чтобы не принимать сиюминутные «липовые» решения. Кстати, липа играла в нашей неспокойной истории не только консолидирующую для всех абхазов роль, но и имела она еще и утилитарно-прикладную значимость. Из ее гладкой древесины

мастера вытесывали отменный желоб для давки винограда, преимущественно «Изабеллы», входившей в прекрасный симбиоз с ароматным запахом липы. Более того, из цветущих лепестков липы, абхазские пчелы изготавливали и изготавливают лучший в мире мед. Так что липа очень долго обладала в нашей истории полифункциональными свойствами. Откуда было знать обо всем этом Бровикову, едва приступавшему к исследованию во многом противоречивой абхазской ментальности…

А вот в Ткуарчале, где 9 апреля собралось более 6 тысяч человек, пришлось выступить чуть ли не с пламенной речью Г. Колбину, 2-му секретарю ЦК Грузии, де-факто наместнику Кремля в Грузии.

Баграт Шинкуба в своих дневниках пишет, что Бровиков изначально допустил немало ошибок, действовал моментами весьма опрометчиво, но потом, вникнув в суть всей ситуации, очень усердно взялся за исправление допущенных оплошностей.

«Наш московский гость Бровиков нас не сторонится, хочет быть ближе к нам, ездит с нами, и если добьемся взаимопонимания, это может пойти на пользу нашим делам… И он (Бровиков) понемногу начал нащупывать корни происходящих событий…»

В личных беседах с Г. Колбиным Баграт убеждался в том, что тот сначала слабо разбирался в причинах недовольства абхазов, их исторических, правовых, политических мотивациях. Но узнав и познав многое, стал информировать Москву более сдержанно, но объективно. Можно представить себе, как тбилисское окружение годами затуманивало ему мозги, с пеной у рта доказывая поверенному Кремля, что «абхазы те же грузины, но зазнавшиеся и неблагодарные до такой степени, что возомнили себя аборигенами грузинской земли, то бишь Абхазии».

Это мои доводы, но не лишенные реального основания. Это типичные атрибуты грузинской пропагандистской системы, начиная с печально памятных ингороковских времен.

На Ткуарчалском сходе Г. Колбин психологически был готов к откровенному разговору с людьми и закончил свою речь

лозунгом «Да здравствует трудолюбивый абхазский народ!», сорвав бурные, продолжительные аплодисменты.

***

За два часа до начала сухумского схода я решил заглянуть в редакцию. Ряд сотрудников, несмотря на то что они представляли официальную прессу, намеревался принять участие в сходе. Шеф по-человечески понимал своих сотрудников, но как редактор как огня опасался революционных настроений, однако препятствовать им он не мог. Я думаю, где-то в глубине души и он чувствовал, что рано или поздно Абхазия добьется своей независимости. В тот момент, когда я настроился, не задерживаясь на работе, поторопиться на митинг, прямо в коридоре столкнулся с шефом. Догадываясь, что он, скорее всего, знает о моих ночных похождениях и агитпропе, я поздоровался с ним весьма любезно. Помнится, будто даже приобнял его, но он это не проглотил и, чуть дистанцируясь от меня, задал лобовой вопрос: «А где ты был, с позволения сказать, вчера, позавчера? Кого-там настойчиво агитировал?»

Поняв, что кто-то из кагэбешников, державших ухо востро, успел четко проинформировать шефа обо всем в подробностях, я не стал фантазировать, сказал открыто, встав в позу и даже с подчеркнутым пафосом, что я был с теми, кто сегодня находятся в гуще народа… В ответ шеф пробурчал что-то обиженным голосом и добавил: «А я-то думал назначить тебя начальником отдела… Ты, мол, сам сделал все, чтобы обком отклонил твою кандидатуру».

— Не переживайте, я и рядовым сотрудником готов работать не менее успешно… — сказал я вдогонку редактору, торопившемуся на какое-то экстренное совещание в верхах.

***

На главной площади Сухума многие наблюдали за происходящим, расположившись в прилегающих к плац-параду скверах и даже умудрившись занять места у левого и правого флигеля дома правительства. Многие до последнего момента надеялись, что посланник Брежнева — Капитонов все-таки

объявит о выходе Абхазии из состава Грузии, куда она была насильственно втиснута волей Большеусого в 1931 году. Может быть, такую надежду вселяло огромное (в масштабах Абхазии) количество людей, откликнувшихся на призыв лидеров национального движения. «Может быть, Москва держит что-то в глубокой тайне?» — такие догадки и предположения помогали людям сохранять бодрость духа.

Однако Белый Лис и его шайка делали все, чтобы не допустить радикального поворота событий. Притчей во языцех успели стать слова историка Ермолая Аджинджал о том, что если Москва не примет решения об отсоединении Абхазии от Грузии, то он повесится прямо на вытянутой правой бронзовой руке Ленина, грозно возвышавшегося над переполненной людьми площадью, носившей его же имя. Когда стало темнеть, помню, люди ходили группами в ближайшие магазины и гастрономы и закупали побольше лаваша, лимонада и иного необходимого товара на случай, если сход примет затяжной характер. У каждой группы, представлявшей то или иное село, районный центр, был свой негласный руководитель, постоянно подбадривавший своих людей, призывавший к терпению и настойчивости.

Митинг шел до позднего вечера. Открыл его вступительным словом Баграт Шинкуба, которого на фоне периодических выступлений абхазов за политическое самоопределение прозвали в народе абхазским Хомейни, так как он был духовным вождем абхазских революций, начиная с эпохи сталинизма, когда вместе с Георгием Дзидзария и Константином Шакрыл он подписал и отправил письмо в Кремль с подробным изложением фактов откровенно- ассимиляционной политики, внедрявшейся тогдашними грузинскими властями под неусыпным наблюдением «четырехглазого» (так абхазы называли главаря тогдашней нквдшной банды Лаврентия Павловича Берия).

Перед появлением на трибуне народного поэта вся публика замерла в ожидании того, что же все-таки он скажет? Чем охладит страсти протестующих? На встрече в обкоме было решено, что первым Шинкуба предоставит слово Шеви, а потом Капитонову. Но многоопытный Баграт, чувствуя очень напря-

женную атмосферу, царившую на площади, сделал вид, что забыл про предварительную договоренность в обкоме, и пригласил к микрофону Капитонова, что немного смутило официального посланника Кремля. Достаточно интересно описаны эти нюансы в дневниках народного поэта:

«Капитонов:

— Мы же договорились, не я должен сейчас выступать! — произнес он негромко, посмотрев мне в лицо.

Шинкуба:

— Ошибся! — ответил я.

Хотя я не ошибся, я поступил так умышленно. Если бы я первым дал слово Шеварднадзе, его выступление было бы сорвано, и наше собрание могло принять совершенно другой оборот, и было бы непросто успокоить людей».

Хотя Баграт занимал номинальную должность Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии, партийные бонзы из Москвы и Тбилиси не могли не считаться с его мнением, потому что он был одним из тех, кто даже в эпоху кровавого сталинского террора выступал в защиту интересов нации. Недавно я знакомился с его дневниками, где он пишет о том, как аукнулись те тревожные события в городе горняков Ткуарчале, куда он был срочно командирован Москвой для успокоения бастующих.

***

Обращение Шинкуба вроде бы чуть ослабило накал, но на площади по-прежнему стоял гул от возмущения недовольных. Все чувствовали, что Капитонов принес из Кремля бумагу, не созвучную кардинальным требованиям, выдвинутым абхазской интеллигенцией. Дело в том, что за день до сухумского схода, 21 мая 1978 года, Капитонов вместе со своими помощниками и тбилисским начальством побывал на собрании в обкоме и горкоме, где однозначно заявил то, что конкретно вложили ему в уста кремлевские вожди: Абхазия не выйдет из состава Грузии. Мотивация: этим прецедентом могут воспользоваться и другие автономные республики. И что это может стать детонатором центробежных тенденций, способных по-

шатнуть систему в целом и т. д. То есть все вопросы такого характера должны решаться строго в духе Конституции Грузии и бывшей советской державы. Эту коммунистическую догму, как древнюю восточную мантру, дотошно и навязчиво озвучивали на всех открытых и закрытых заседаниях. Попытки абхазской интеллигенции внести поправки в Абхазскую Конституцию, закрепляющую за государствообразующей нацией законное право на политическое и правовое самоопределение вплоть до выхода из состава Грузии, натыкались на глухое противодействие системы.

Фактически в своей речи на сходе Капитонов озвучивал основные положения будущего постановления высшего политического руководства бывшего СССР. И этот документ, рожденный позже, предусматривал комплекс мер по укреплению экономики и культуры Абхазии и был рассчитан на снижение градуса напряженности. Наиболее весомыми достижениями национальной интеллигенции, сумевшей так или иначе достучаться до Кремля, было решение об открытии Абхазского национального телевидения и Абхазского государственного университета, издании новых журналов, увеличении объема печатной продукции и т.д.

Кремлевское решение налагало запрет на промышленную рубку леса, на которой тогдашняя грузино-абхазская мафия годами исправно пополняла свой личный капитал. Все эти вопросы ставились десятилетиями, но Тбилисские «сеньоры» и их местные «вассалы» всячески препятствовали их реализации, потому что даже лишь два идеологических учреждения — национальный университет и телекорпорация — могли стать центрами средоточия носителей абхазской идеи и свободомыслия.

Вся площадь на мгновение замерла, слушая Капитонова внимательно, чтобы убедиться окончательно, пойдет ли Москва на отсоединение Абхазии от Грузии или некогда аннексированная кровавым жорданиевским буржуазно-демократическим режимом Абхазская республика по-прежнему останется в прямом подчинении «малой» грузинской империи, как позже достаточно метко охарактеризовал ее академик А. Д. Сахаров.

Однако категорический отказ Кремля от кардинального решения данного вопроса заметно накалил обстановку. Масса протестующих громко выражала свое недовольство. Недавно аналитик Ахра Бжания в нашей с ним дружеской беседе за чашкой кофе напомнил мне, как, разрывая оцепление ОМОН-а 8-го полка, грузинские спецслужбы силовыми методами пытались внедрить в плотную среду митингующих какие-то группы грузин, специально привозимых автобусами из разных регионов. Но абхазы дружно и умело выталкивали их, догадываясь, что делается это с провокационной целью. Протестующие старались избежать прямых столкновений с теми, кого использовали скорее всего для дестабилизации обстановки. Вместе с Ахрой на Сухумском сходе были тогда еще совсем молодые, как он, Адгур Кове, Асик Квициния, Бесик Герхелия.

Выступления лидеров освободительного движения продолжались. Я помню весьма эмоциональную речь известного певца и композитора Тото Аджапуа, который стоял на трибуне в черном, традиционно завязанном башлыке, произносил весьма патетичные, моментами зажигательные речи, настраивая народ на продолжение акции… Моментами, стоя почти рядом с памятником Ильичу, Тото Тарашевич как-то странно поглядывал на него — на того, кто в далеком 1921 году подписал депешу из Смольного в Сухум, подтверждавшую рождение новой независимой Абхазской республики, которую ревностные поборники грузинского унитаризма пытались умертвить еще в зародыше.

В 70-е годы на всем необъятном пространстве бывшей советской империи любые политические выступления упреждались недремлющими стражниками спецслужб, в арсенале которых были и такие средства, как шантаж, запугивание, аресты, черная магия.

А вот с абхазским мятежом, обретавшим все более широкий резонанс и масштабы, по существу ничего не смогли сделать. Потому что народ доверял своей интеллигенции и в нужный момент открыто и демонстративно поддерживал ее. Так было и в 1967 году, когда накопилось множество фактов, свидетельствовавших о грубом попрании суверенных прав аб-

хазского этноса. Это и кадровая политика, ставившая абхазов в зависимое и унизительное положение у себя же на Родине, и продолжавшееся насильственное внедрение грузинского языка в пределах бывших автономий, новая переселенческая компания под видом нехватки рабочей силы на местах. Ходили слухи, что в Грузинском институте субтропического хозяйства (г. Сухум), одном из рассадников грузинского национал-шовинизма, даже уборщиц и сторожей брали на работу предпочтительно из Зугдиди или Чхороцку, будто здесь, в Абхазии, ощущался их дефицит.

И все это вызывало вполне естественную обратную реакцию. Как видим, у Абхазской реконкисты, как образно охарактеризовал наше национальное движение вечный диссидент Е. Аджинджал, своя глубоко выстраданная и драматичная предыстория…

***

Вскоре после Капитонова к трибуне подошел руководитель компартии Грузии Э. Шеварднадзе. Один из ярых ненавистников идеи самоопределения абхазов, он стал вдруг клясться, божиться, что лично сделает все возможное для решения всех вопросов, но при непременном условии, что республика останется в составе Грузии. Не успел он досказать свое слово, как вся площадь обрушила на него гнев и возмущение. И без того возбужденная масса освистала его, выражая тем самым полное недоверие к нему и его партийно-мафиозной касте. Вихрь нараставшей со страшной силой протестной волны словно сдул «оратора» с трибуны, и я сам воочию видел, как Белый Лис бежал со свитой, поджав свой куцый ментовской хвост.

Мне кажется, что достаточно интересно и остроумно представил эту ситуацию известный журналист Виталий Шария в своей книге «Абхазская трагедия»: «22 мая с раннего утра площадь Ленина в Сухуме стала заполняться абхазами, приезжавшими из всех уголков республики. Для того времени это было что-то невиданное, напоминающее грозную стихию... Вечером на площадь, где собралось около 20 тысяч человек, приехали

«партия и правительство». Капитонов зачитал текст своей речи, которая и так уже с утра периодически прокручивалась по Абхазскому радио и появилась на следующий день во всех газетах, выходивших в Сухуме. Суть ее сводилась к тому, что многие вопросы представителями абхазской общественности ставятся правильно и будут решаться, но «выходить из Грузии Абхазии нецелесообразно, это не принесет пользы ни абхазцам, ни людям других национальностей, проживающим в республике». Первый секретарь ЦК КП Грузии Эдуард Шеварднадзе тоже попытался обратиться к собравшимся: «Дорогие братья абхазцы! Кроме отсоединения Абхазии от Грузии все, что требуете, мы сделаем!», но каждый раз, когда он начинал говорить, слова его встречались оглушительным свистом. Когда какой-то парень из собравшихся на площади полез срывать громкоговоритель, Шеварднадзе предпочел спешно удалиться. После этого по городу ходили рассказы о том, что, уезжая, он в растерянности пытался открыть не дверцу автомобиля, а... багажник. Эпизод на сухумской площади, очевидно, долго не мог изгладиться из памяти Шеварднадзе — не случайно он упоминает его в своей книге «Мой выбор».

Новый руководитель обкома партии Б. В. Адлейба и Б.В. Шинкуба долго еще оставались на площади. Недовольный коварными играми Москвы и Тбилиси, народ не думал расходиться. Баграту Шинкуба пришлось выступить дважды по Абхазскому радио, процеживая каждое слово, обращенное к протестующим. Происходило все это в полночь. Все устали, но готовы были слушать людей, способных подсказать, что делать, как действовать дальше? Выступали один за другим подписанты письма, среди них был и писатель Джума Ахуба.

Да, выступление народного поэта вселяло надежду, что все вопросы будут решаться шаг за шагом, но категоричное и железное «нет» Кремля глубоко расстраивало всех, кто прибыл на эту площадь с верой в торжество справедливости: это было великодержавное «нет» отсоединению Абхазии от Грузии. Дневники Б Шинкуба проливают свет на некоторые закулисные разговоры, о подробностях которых мало кто знает. Из доклада Капитонова, зачитанного на бюро обкома, при

отправке в прессу вычеркнули очень важные для абхазов той эпохи слова о том, что «в Абхазии еще жива «бериевщина» и другие принципиально значимые выражения. Видимо, грузинские пронырливые политики успевали даже в этой страшной суматохе запускать свои испытанные цензурные ножницы, невзирая на то, что это было выступление непосредственного порученца Генсека Брежнева.

Сухумский сход, несмотря на то что он основательно встряхнул всю политическую систему, не смог добиться своей главной цели: выхода Абхазии из подчинения Тбилисской метрополии. Но он дал сильный толчок дальнейшей борьбе за самоопределение нашего народа. Люди долго еще обсуждали в сухумских кофейнях, в том числе и на «Брехаловке», где заседали бессменные эксперты по всем животрепещущим вопросам, на свадьбах и похоронах тему общенационального схода, эхо которого дошло даже до Европы и Америки, как огня боявшихся сепаратизма. Хотя в самом понятии сепаратизм, т.е. отделяюсь, не было ничего пугающего, страшного. Например, в большой абхазской семье, где, допустим, три брата, двое из них отделяются и создают новые очаги, еще больше укрепляя родственные узы. Но абхазов больше всего обижало то, что грузины называли нас не просто сепаратистами, но еще и «апсуйскими» сепаратистами.

Многие, думая о многотысячном сухумском сходе, не могли понять, каким образом удалось фактически за сутки собрать такое количество людей? Национальный вопрос тлел во многих республиках бывшей супердержавы, но нигде он так неожиданно не воспламенился, как в 1977–1978 годах в Абхазии. Фазиль Искандер во время нашей с ним встречи в узком кругу в кафе «Диоскурия» после тех бурных событий философски объяснил причины такой мобилизационной и психологической готовности абхазов к участию в массовых съездах. На его взгляд, этот инстинкт выработался на протяжении многих веков в результате обязательного посещения абхазами разных традиционных ритуалов. Мол, в их закулисной части они втихомолку постоянно обсуждали и политические вопросы. Поэтому на сходы они являлись без особого приглашения, чув-

ствуя внутренне, что раз зовут туда, значит, идти надо, отложив все будничные дела. Да и вообще издревле существовало понятие «аизарауаҩы» («человек, рожденный для собрания»). Так что здесь по версии великого писателя, взаимодействовали несколько факторов: и чувство бдительности, и психология людей, веками приобщенных к ритуальной культуре.

После схода еще долго не утихали политические страсти. Наиболее болезненными были кадровые вопросы, потому что чудом избежавшая потери черноморской абхазской жемчужины, Грузия продолжала перекачку кадров в автономную республику. Недовольство подобным самоуправством перерастало в очередное грузино-абхазское противостояние. Критической точки оно достигло в Гагрском районе, где все ключевые посты занимали исключительно лица грузинской национальности. Партийный руководитель района Г. Кванталиани, возомнив себя всевластным царьком, никому не подчинялся. Ходили слухи, что, напившись в доску, ставленник Шеви стрелял в ресторанах. Такая вакханалия беззакония в начале 80-х годов стала очередным детонатором массовых выступлений жителей Гагры и представителей соседних регионов. Срочно прилетели из Тбилиси Шеварднадзе и Колбин. Они решили освободить хулиганствующего партсекретаря и заменить его другим, более уравновешенным партработником, но все той же грузинской национальности. Абхазского руководителя грузины не хотели назначать в Гагре, потому что он мог получить по дипломатическому протоколу прямой доступ к кремлевским вождям, отдыхавшим в Пицунде, а это ущемляло интересы тбилисского партаппарата.

Эти действия еще больше накалили обстановку. Дойдя до отчаяния, абхазы окружили горком, перекрыли движение на автомагистрали. Шеви вынужден был взять тайм-аут. И через несколько дней он провел в Гагре чрезвычайный пленум и назначил руководителем района достаточно авторитетного чиновника, абхаза по национальности Астико Гварамия. Но и после этого в районе долго еще не спадала волна недовольства. В июле 1980-го в одном из центров большевистского движения Бзыбь состоялся очередной сход, вызванный тайной

установкой памятника генералу Леселидзе, армейскому другу Брежнева, не имевшему никакого отношения к Абхазии. Народ выступил с жестким требованием убрать бюст. Дело дошло до столкновения. В итоге повстанцы добились своего и вместо изваяния грузинского генерала на том месте была установлена мемориальная доска в честь киаразавцев, изгнавших в свое время грузинских меньшевиков из Абхазии.

Власть ответила на этот шаг арестами Леуанта Гицба, Мирона Тыркба, Алекскандра Блабба, активистов национального движения. За остросюжетный репортаж о бзыбском сходе, переданный по эфиру Абхазского радио по горячим следам событий, был сослан в высокогорное село Псху автор радиопередачи — один из подписантов «Письма 130», радиожурналист Семен Адлейба. Сначала его вызвали на бюро обкома, чтобы поставить вопрос об исключении из партии, но вскоре выяснилось, что он не член компартии. Решив сгладить свою досадную оплошность, обкомовцы решили отправить мятежного корреспондента в высокогорное с. Псху сроком на два года. Ссыльного без работы не оставили, он был назначен директором местной школы. Однако наш коллега и соратник ничуть не отрекся от инакомыслия, проявляя его в разных формах. Вместо грузинского языка в местной русской школе единоличным решением он ввел абхазский. Параллельно занимался выращиванием кукурузы, производством меда, ловлей форели и спелеологией. Однажды мы приехали к нему в гости, лично я не почувствовал там каторжных условий. Но его душа рвалась на радио и с истечением предписанного срока он вернулся в Сухум, вновь окунулся в свою журналистскую стихию. Семен влился в национально-освободительное движение с еще более воинственным настроем. На деликатные предупреждения начальства телерадиокомпании реагировал внешне спокойно, замечания принимал к сведению, но убеждения менять и не думал. Был уверен, что второй ссылки не будет. В его защиту выступал профком телерадиовещания, председателем которого позже был избран он сам.

Я присутствовал на Бзыбском сходе. Запомнились многие выступления, но по- особому впечатлила речь поэта Владими-

ра Ахиба. Он был в национальном наряде защитного цвета, в отполированных до зеркального блеска кожаных сапогах. В конце своего ярко-патриотического выступления прочитал собственные стихи, взбодрившие протестующих. Вова Ахиба был поэтом от Бога, но коварная болезнь лишила его творческого долголетия.

И Бзыбский сход, и другие акции протеста, продолжавшиеся на волне событий 1977–1978 годов, не оставались вне всевидящего ока грузинского КГБ. Всех их участников брали на заметку, фотографировали скрыто специальными средствами, которых и в те времена было предостаточно, заносили в списки неблагонадежных. Думаю, я был занесен в такие списки еще с периода моей учебы в СГПИ, когда вынужден был вступить в конфликт с проводниками идеологии грузинского национал-шовинизма. Почему-то в последние годы, когда жизнь и возраст начинают тянуть меня к воспоминаниям, я поневоле задаюсь вопросом: собственно говоря, а что означает это понятие «неблагонадежный» — ярлык, навешивавшийся на всех и вся и в особенности на абхазскую интеллигенцию только за то, что она осмеливалась выступать против политики открытой колонизации Абхазии. Недавно заглянул на всякий случай в академические словари и там обнаружил два толкования этого уникального термина: 1. Не внушающий достаточного доверия, ненадежный (разг.). 2. Подозреваемый полицией в сочувствии революционным идеям, или в принадлежности к революционной партии, или вообще в свободомыслии (офиц. дорев.). Политически неблагонадежный. И тут же приводится иллюстративный пример из какого-то чеховского произведения: «Могут за такие слова в губернское жандармское управление по причине твоего неблагонадежного поведения».

В случае с Абхазией 60–70-х годов за неблагонадежное поведение могли вызвать в КГБ или МВД, так как жандармские функции им вменила незыблемая советская система.

***

Так вот, Бзыбский сход вроде бы отшумел, а через несколько месяцев после него по воле непредвиденных обстоятельств

я оказался в одной компании со своими двумя тамышскими соседями: дознавателем прокуратуры и офицером КГБ. Разговор из плоскости привычных дружелюбных тостов как-то незаметно перетек в плоскость политических взаимоотношений. Дружелюбие и обмен любезностями не помешали работнику прокуратуры напомнить мне в достаточно корректной форме о моем участии в Бзыбском сходе, а капитан КГБ, будто предвкушал такой неожиданный оборот нашего разговора, и не в силах сдержать своего низкопоклонства перед дознавателем, вдруг соткровенничал, заявив, что у КГБ есть фотоснимок, подтверждающий мое нахождение на сходе. Моим визави казалось, что эта информация застигнет меня врасплох. Однако их явно огорчила моя усмешка. «Кто бы мог сомневаться, что вы не пополните мое досье подобными эпизодами», — произнес я как-бы иронически, намекнув на то, что такими методами они способствуют укреплению моей популярности в обществе. А вообще, как бы мне хотелось узнать, из каких справок и сведений состоит моя политическая биография, пополнившая список неблагонадежных.

***

Я продолжал свою работу в национальной газете. Поле для творчества суживалось с каждым днем. Режим стал ужесточаться особенно после неожиданного визита госпожи Сирадзе в нашу редакцию. Она пришла к нам с целью зондирования обстановки в связи с нашим обращением в Кремль в поддержку «Письма 130», подписанным также группой сотрудников «Апсны Капш». Встреча прошла не совсем гладко и не по сценарию обкома и грузинского ЦК, нашлись сотрудники, сумевшие обосновать свое отношение к происходящим процессам.

Основной вариант текста обращения в Кремль, на имя Генсека Брежнева, был составлен мной и подписан двадцатью сотрудниками редакции. Письмо датировано 6 мая 1978 года. Это был самый разгар протестных выступлений, направленных на демонтаж грузино-абхазских взаимоотношений, ставивших наш народ в полную зависимость от тбилисского

диктата. Честно говоря, я не рассчитывал на такую открытую поддержку своих коллег по редакции. Письмо, казавшееся нам самим, его подписантам, не имеющим особого значения в условиях бурного развития событий, все-таки послужило еще одним ощутимым толчком, вынудившим власти Грузии и Абхазии срочно командировать в нашу в общем-то безмятежную газету аж секретаря ЦК.

После определенной взбучки, устроенной властями, газета вернулась в русло своей серой повседневности. Опять приходилось свыкаться с пропагандой и тиражированием великих «идей» тбилисского партаппарата, догматических установок Кремля, схоластических нравоучений идеологов местного марионеточного режима. Я не терял надежды на то, что после достаточно решительного и принципиального письма в Москву в поддержку лидеров абхазского национального движения, в нашем коллективе начнутся некие брожения, однако эти упования оказались обманчивыми. Думаю, стоит упомянуть один интересный нюанс, связанный с казавшейся нам секретностью письма Брежневу. Вроде бы документ готовился нелегально. Подписанты хотели обеспечить отправку документа в Москву такими путями, чтобы спецслужбы не успели перехватить его. Однако позже, к нашему удивлению, выяснилось, что «надежнейший» парень, пообещавший пересылку журналистского обращения через Сочинский главпочтамт, сделал все как положено, только при этом успел заранее вручить копию документа с подписями соответствующему отделу КГБ Абхазии. Так что, «Система работала, сашьа!» Эту фразу Якуба Лакоба я запомнил навсегда. А произнес он ее достаточно риторично в момент подготовки записи его воспоминаний о Фазиле Искандере. Дело в том, что наш телеоператор опаздывал по техническим причинам на полчаса. «Он не опаздывает, а его задерживают…», — сказал Якуб. Я пытался как-то разубедить своего друга, еще раз разъяснив причины задержки оператора. «Система работает, сашьа!» — внушал мне Якуб Васильевич, как бы насмехаясь над моей наивностью. Он был уверен, что властям не нужен лишний повод с его появлением на контролируемом ими государственном телеэкране и потому на сей

раз опоздал оператор, а завтра может испортиться видеокамера и т. д. и т. п. Фазиль Абдулович услышав об этой забавной истории, частенько повторял ставшую крылатой фразу своего друга — знаменитого сухумского правозащитника.

На фоне бурного развития событий и ужесточавшейся цензуры в редакциях партийных газет я не видел смысла своего дальнейшего сотрудничества с «Апсны Капш», которая вынуждена была заниматься тем, что запускала на своих страницах конвейеры пустопорожних речей и докладов партийных вождей. Какие-то литературные страницы, фельетоны и прочие полуразвлекательные публикации выглядели лишь блеклым придатком официоза, насаждавшегося вертикалью власти.

Национальное телевидение — детище абхазской революции…

И в это время Абхазское телевидение, рожденное в муках национально-освободительной борьбы, начинало свою деятельность по временной схеме (с ноября 1978 года). Людям даже не верилось, что теперь уже у нас есть свое собственное телевидение, о котором мечтали целые поколения абхазов. Волею обстоятельств мне предстояло связать свою журналистскую судьбу с новой организацией, призванной стать провозвестницей духовного возрождения Абхазии.

Позывные АТВ, созвучные абхазской «Марсельезе» — «Шәнеибац, шәнеибац, аҧсуаа рыҧкәынцәа!» (автор музыки Леонид Чепелянский) — вызывали в людях некое очистительное и в то же время духовно ободряющее чувство веры в свой народ, в его перспективу.

Но телевидение, начинавшее свою деятельность практически с нуля, особенно в первые годы нуждалось в журналистах, режиссерах, операторах, инженерно-технических работниках. Да, к тому времени какие-то кадры, прямо или косвенно соответствовавшие телевизионной технологии, готовились в спецвузах бывшего СССР. Но ждать, пока они завершат учебу

и вернутся на Родину, было некогда. Запускать ТВ надо было здесь и сейчас, и поэтому новый коллектив формировался из тех, кто был рядом, имел определенное отношение к электронным СМИ. Имидж АТВ во многом зависел не только от штатных работников, но и первых внештатных телеобозревателей, музыкальных редакторов, спортивных комментаторов. Они формировали общий информационно-развлекательный фон. Помню, как трепетно и восторженно воспринимали наши соотечественники появление на экране поэта Терентия Чаниа, который преподносил международные новости в весьма доступной форме. Он рассказывал о международной геополитике, порой прибегая к такой простой манере речи, которая была бы доступна и для куланырхувца, и для акуарчапанца. А вообще я заметил, что абхазы не любят излишней витиеватости мысли.

Шамиль Пилия, возглавлявший Гостелерадио, всячески изощрялся, чтобы быстрее избавиться от оков грузинского телевидения, которое старалось как можно дольше держать нас хотя бы под своим техническим контролем. Формально выполняя циркуляры и директивы из Тбилиси, Шамиль Хусейнович параллельно налаживал связи с начальством Гостелерадио СССР, добиваясь централизованного финансово-технического обеспечения нашего телерадиоцентра. Строительство нового телерадиокомплекса в Сухуме, на Клухорской, шло медленно. Было такое ощущение, что чья-то невидимая рука тормозила этот процесс. Шеф телевидения постоянно теребил строителей, подчас жестко наезжая на них. Моментами он открыто заявлял с высокой трибуны, что вынужден обратиться в ЦК КПСС. И тогда темпы строительства немного ускорялись, но очень быстро шли на спад. В итоге тот объект на Клухорской так и остался недостроенным, оброс мхом и плющом, думаю, вполне может быть включен в реестр охраняемых памятников.

Время шло. Наши коллеги с Центрального телевидения с удовольствием откликались на приглашения Шамиля Хусейновича, зная, что он не поскупится на шикарную абхазскую хлебсоль, за которой, решая с московским начальством неотложные технические вопросы, достаточно колоритно рассказывал

им не только о «новшествах» телевизионного ремесла, но и про свои морские приключения. Так что особый аромат морей и океанов будет еще долго ощущаться в творческой атмосфере нового Абхазского телевидения. Шамилю Хусейнович удалось наладить добрые отношения с Валентином Лазуткиным, заместителем Гостелерадио СССР, человеком весьма влиятельным в системе советского телерадиовещания, являвшимся президентом Совета Интервидения. Кстати, в августе 1991 года он издал приказ о «департизации» Всесоюзной ГТРК. Однажды из Москвы приехала представительная делегация, возглавляемая одним из крупных начальников Центрального телевидения. Шамиль думал о том, в какую бы абхазскую деревню повезти гостей и дать им отведать традиционную кухню. Я вспомнил о просьбе Фени Авидзба, участницы национального движения, женщины на редкость энергичной и гостеприимной, приехать к ней в Аацы и спокойно провести время за хорошим абхазским столом. Такие предложения мы моментально брали на заметку. Поводом для столь великодушного жеста стало успешное возвращение из спецвуза ее племянника Г. Смыр. Он учился на инженера телевидения по лимиту. И по окончании учебы пополнил ряды специалистов АГТРК.

Феня Михайловна устроила нам сказочный прием у себя дома. Наши московские коллеги не скрывали своего восхищения роскошеством двора и изысканностью блюд и ассортимента абхазских вин. Помню, как здорово вписывался стол, накрытый прямо во дворе, в его прекрасный пейзаж.

Да, тбилисские чиновники, сковывавшие нас временной схемой, т.е. режимом, позволявшим выходить в эфир только полчаса в день, продолжали вставлять палки в колеса, чуть ли не демонстративно мешали развитию. Но зацепка у Шамиля Хусейновича была серьезная — решение советского правительства по Абхазии так или иначе контролировалось кремлевскими кураторами. И он временами попугивал этим тбилисских и наших местных чиновников, ответственных за строительство телекомплекса.

Бывало, что наш шеф моментами путал свой обширный кабинет с кают- компанией корабля, на котором он, плотно

освоив обязанности замполита, плавал десять лет, и вместо редакторов и корреспондентов приглашал на судком, то есть на планерку, мичманов, лоцманов, матросов и других членов экипажа.

Шамиль Хусейнович со временем устал соблюдать субординации. Помню, по следам горячих событий 1977–1978-х годов он выступил на очередном пленуме обкома так резко против тбилисской политики, в присутствии секретаря ЦК Сулико Хабейшвили, что потом тбилисские партаппаратчики всячески пытались приписать ему национализм и впридачу к нему — экстремизм. Но он оказался не из робкого десятка, твердо стоял на своем и снискал себе уважение многих патриотически настроенных абхазов.

Приходилось начинать все с нуля. Брать журналистов было неоткуда кроме как из абхазской газеты. Из той газеты, из которой я ушел, надеясь, что в новой абхазской телестудии найду атмосферу хотя бы относительного творческого вольномыслия. Сначала до меня дошли слухи о том, что руководство АТВ намерено пригласить меня на работу в качестве редактора или корреспондента. В принципе я готов был работать в любой журналистской ипостаси. Честно говоря, больше соблазняла корреспондентская работа. Потому что это живые связи с людьми, постоянные поездки, новые сюжеты, репортажи. Это то, что дает реальную возможность набить руку, приобрести сноровку. Вскоре слухи превратились в реальность. Меня пригласили официально, побеседовали со мной… и пожелали попутного ветра.

И вместе с моим другом Раулем Ласуриа, тем самым, кого друзья из добрых побуждений называли Пушкиным, я оказался в главной редакции Абхазского телевидения. Рауль, как опытнейший журналист, поднаторевший в газетном деле, был назначен главным редактором. Считалось, что если Рауль завизировал текст новостийного выпуска, то можно смело пускать его в эфир. Тогда некогда было разбираться, кто формирует текстовую основу телепрограмм, газетчик ты или писатель. А у Рауля Ласуриа тандем с главным режиссером Гурамом Амкуаб сложился достаточно плодотворный. Гурам успешно кон-

тактировал с абхазскими писателями и творческой интеллигенцией в целом, а Раулю это льстило как писателю, как журналисту, понимавшему, что без литературно-драматического вещания и художественного творчества в целом телевидение не выживет, не расширит своего информационного и публичного диапазона.

Талантливый человек мог в достаточно сжатые сроки освоить специфику телевизионной журналистики. Для нас, первопроходцев национального телевещания, в новой сфере был крайне важен безупречно выверенный текст, а в какую облечь его форму, в каком стиле подать — это была задача сугубо режиссерская. Сначала я был рядовым редактором телевидения. Старшим — Владимир Хашба, опытный, общительный и неутомимый журналист, пришедший сюда из главной редакции радиовещания. Единственной странностью, свойственной его спокойной и добродетельной натуре, было то, что он воспринимал близко к сердцу газетные сообщения о судьбах каких-то диктаторов и тиранов. Увидел в какой-то советской партийной газете карикатуру с изображением Анастасио Сомосы, брошенного в жерло вулкана, и ходил несколько дней в ужасном настроении, забыв о том, что это всего лишь карикатура, плод воображения какого-то художника.

Позже он с глубоким переживанием показывал всем нам публикации о том, что в 1956 г. «в городе Леон молодой поэт Ригоберто Лопес Перес совершил покушение на Анастасио Сомосу (по прозвищу «Тачо», то есть «Мусорное ведро»), выстрелив в него несколько раз из револьвера «Смит-Вессон» 38-го калибра. Поэт был застрелен личной охраной диктатора. Сомоса был смертельно ранен, доставлен на вертолете США в госпиталь США в зоне Панамского канала и умер 8 дней спустя, после операции».

«Туда ему и дорога!» — говорили одни, а другие воздерживались от эмоций. А сам благороднейший Сатбеич часто страдал, считая, что даже к диктаторам и человеконенавистникам следует относиться более гуманно. Хотя наш друг сожалел и о судьбе поэта Переса, совершившего покушение. Со временем Сатбеич стал относиться к подобным явлениям более спо-

койно и хладнокровно, понимая, что от наших переживаний и душевных мук ничего не зависит.

Технология подготовки новостей в пору становления телевидения была весьма примитивной: видео еще не было, и приходилось компенсировать это фотосюжетами. Но наш энтузиазм зашкаливал. Мы вкладывали душу в содержание фотосюжетов. Да и сами фотографии, насколько помнится, были очень привлекательные, они несли какую-то идею, какой-то смысл, отголосок жизни. В деревнях нас встречали с неописуемым воодушевлением. Театральный режиссер, человек неуемной энергии, Михаил Мархолия — один из тех, кто стоял у истоков АТВ, отсутствие синхрона пытался восполнить ему одному понятными способами. Помню, как он снимал на Сухумской горе любительской камерой какие-то арии в исполнении Томаса Куакуаскир, изощряясь потом устранить на монтажном столе несовпадение артикуляций певца с аккордами спетой им песни. Вот так, из такой примитивной технологии вырастало профессиональное телевидение. Зачастую не хватало транспорта. Помню, как выручал красный «Запорожец» замечательного актера Геннадия Тарба, некоторое время сотрудничавшего с нашей Главной редакцией.

На полях книги
Занимательный сюжет о первом лирическом сборнике

К концу 70-х я был достаточно известен в Абхазии как поэт и критик, благополучно перешагнувший возраст начинающего. Печатался частенько в литературных изданиях. А в 1979-м в издательстве «Алашара» вышел мой первый поэтический сборник «Аҧеымтра абжьы» («Звук молчания»). Первая книжка — особый этап в жизни любого писателя, это серьезная претензия на профессиональную зрелость. Для меня с ней были связаны и вполне естественные радости и переживания. Я всегда был излишне придирчив к себе. Те шероховатости

языка и стиля, которые не замечаешь в рукописи, просачиваются наружу на книжных страницах. А они, книжные листы, обладают порой эффектом лакмусовой бумажки, своеобразного индикатора, определяющего качество художественной продукции.

Но время от времени перелистывая свой первый сборник, начинаю тешить себя мыслью о том, что там немало стихов, выражающих мое субъективное зантариевское мироощущение. Немало строк, иллюстрирующих мою непохожесть на других.

На книжку очень искренними положительными отзывами в печати отреагировали достаточно известные в то время абхазские поэты Мушни Микая и Виталий Амаршан. Недавно перечитывал я их статьи о моем сборнике. Еще раз убедился, что в них было больше похвалы, нежели критики, хотя и она присутствовала в умеренной дозе. А если честно, в сборнике были стихи, к которым можно было придраться жестче. И в особенности к некоторым языковым погрешностям, вводящим меня в краску по сей день. Абхазское слово — вещь страшная, разгадкам его магической многозначности надо учиться всю жизнь. Понимаю, что сдерживало моих старших собратьев от более взыскательных оценок моих стихов… Абхазские критики и писатели не могут в силу нашей национальной ментальности, родства, кумовства обращаться друг с другом как, допустим, Белинский и Гоголь, которого «подлинный властитель дум» (Тургенев — о Белинском) мог запросто окрестить «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия и т. д.». Это по поводу выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, хотя великий критик признавался в гениальности автора «Ревизора» и «Мертвых душ».

Старшие братья по литературному цеху явно пощадили меня, видимо, надеясь, что с годами окрепну, возмужаю, устраню рыхлость почерка. В моей библиотеке сохранилось всего три экземпляра этой книжки, своеобразного творческого паспорта, закрепившего за мной право вхождения в большой литературный мир. Я восхищаюсь тем, что соредакторами

этого 57-страничного издания были Таиф Аджба и Шамиль Акусба, два классика, внесших достойный вклад в нашу абхазскую художественную словесность. Очень оригинальное художественное оформление сборника выполнил Алик Шанава, в ком удивительным образом сочетаются качества мастера по мозаичному панно и книжным иллюстрациям. А вот первое мое стихотворение, открывающее книжку, в переводе безвременно ушедшего московского поэта, истинного художника Володи Еременко:

Так ясен неба лик!
Так явен солнца дух!
И не опишешь вслух,
Как нежен пух травы.

Нарушить тишину
Вольна пчела одна.
Еще с утра она
Летит своим путем…

Гудение ее,
Как бы блаженства глас:
Душою я не раз
Ходил на этот зов.

Как ясен неба лик!
Как явен солнца дух!

Владимир Еременко, с которым заочно меня познакомили наши общие друзья, прежде чем приступить к переводам по моим подстрочникам, приехал ко мне в гости. Был он со своей весьма интеллигентной женой, дорожившей его самобытным творчеством. Я повез их в деревню, долго там общались под сенью грушевого дерева, росшего в самой середине большого двора. Утомленные бешеным ритмом мегаполиса, они чуть расслабились, любовались роскошным ландшафтом местности. И пока моя мать готовила нам обед в апацхе, которую я построил своими руками, мои гости решили выйти за пределы нашего двора и поразмяться. К моменту, когда мать пригото-

вилась выкладывать мамалыгу, я спохватился, не понимая, где могли так долго задержаться мои милые гости. Застал их перед нашей старой водяной мельницей, где они с великим любопытством проверяли на ощупь какие-то сухие крупные комки и даже принюхивались к ним. Подойдя поближе, я понял, что они держат в руках комья сухого конского навоза. Я от души расхохотался… А они мне в ответ:

— Володя, а мы же толком и не знаем, что это такое… И лошадей редко видим, живя в ужасной круговерти нашего огромного города… Все это — для нас в диковинку.

Позже я думал о том, что и подобное «натуралистическое» освоение моего тамышского быта, по всей вероятности, сыграло какую-то роль в процессе перевода моей лирики, на мой взгляд, достаточно успешного. Такие переводчики в наши дни — редкость, штучные люди.

Я получил за свою первую книжку тиражом 800 экземпляров солидный по тем временам гонорар. Тогда по общепринятым советским расценкам за строку (поэтическую) платили 1 рубль. И запомнилось это литературное поощрение особо тем, что оно было потрачено на наше с супругой Нонной Тачьевной скромное свадебное путешествие. Не буду называть город, но он весьма колоритно вписывается в российскую Черноморскую Ривьеру.

Абхазо-киргизский шашлык с белорусской примесью

Вскоре, приблизительно где-то в 1981 году, меня и художника Абхазского телевидения Пальмиро Амичба командировали в Москву на два месяца для прохождения профессиональной стажировки. Нас поселили в общежитии Гостелерадио СССР на ул. Вавилова. На лекции ходили на Шаболовку, в школу радио и телевидения. Делились своим опытом очень известные журналисты, политобозреватели, дикторы, режиссеры, телережиссеры и другие специалисты разного профиля. Это были мастер-классы высокого профессионального уров-

ня. Мы были счастливы, что имели такую уникальную возможность и, насколько могли, лихорадочно фиксировали все ценное, полезное, что слышали из уст наших лекторов. Особо запомнились летучки у Сергея Есина — главного редактора литературного вещания Всесоюзного радио (в ГДРЗ на ул. Пятницкого), писателя, журналиста, автора таких достаточно известных вещей, как «Живем только два раза», «При свете маленького прожектора», романа «Имитатор» и т. д. Сергей Есин в 1992–2005 годах занимал пост ректора Литературного института им. А. М. Горького. Был вице-президентом Академии российской словесности. Насколько помню, приезжал в Абхазию, поддерживал связи с нашими литераторами.

На совещаниях у Есина шло предметное и достаточно взыскательное обсуждение радиопередач, прозвучавших в эфире на предыдущей неделе. Давали прослушивать радиопьесы в превосходном исполнении Алексея Баталова, затем режиссеры раскрывали нам технологии подготовки подобных произведений.

Стажерские курсы запомнились еще и отличными лекциями крупных политологов и военных экспертов. Не помню кто, но кто-то из достаточно известных международных политобозревателей в своей лекции о ситуации в Афганистане затрагивал такие моменты, о которых невозможно было услышать на периферии. А в такой аудитории, как наша, как будто впав в беспамятство и забыв о существовании цензуры, обозреватели-международники допускали по малым дозам утечку полусекретной информации. Например, один из лекторов чуть ли не в подробностях раскрывал нам информацию о планах советских войск по использованию горной системы Гиндукуш (издревле считавшейся неприступным барьером) в военно-стратегических целях. А вообще с суровым Гиндукушем связано много трагических историй, эта гора считается местом индуистского геноцида.

***

Однажды на импровизированной вечеринке, посвященной более близкому знакомству между собой слушателей Высшей

телевизионной стажерской школы, мы с моим другом Пальмиро имели неосторожность сказать подшофе, что мы, мол, лучшие специалисты по изготовлению абхазских шашлыков и пообещали продемонстрировать свои незаурядные способности на следующей неделе. С нами на стажировке находились телевизионщики из Белоруссии, Прибалтийских республик, с Северного Кавказа, с Камчатки и Сахалина, Дальнего Востока, из Средней Азии и других национальных регионов. Наша идея вызвала бурю эмоций и аплодисментов. Добровольно записался к нам в помощники и художник из г. Фрунзе Кочкорбай.

В назначенный день мы купили килограммов пять отменной свинины (хотя из уважения к коллегам-мусульманам надо было взять хотя бы баранину) в ближайшем магазине. Стоило она совсем недорого. Кажется, 3 руб. за килограмм. На кухне общежития разрезали мясо по кусочкам. Насадили на шампуры. Положили заготовку в холодильник. Потом мы втроем, два абхаза и один киргиз, плотно занялись разжиганием огня где-то в скверике, неподалеку от здания. Из подвала общежития достали какие-то старые сосновые ящики. Расколов дощечки, разожгли огонь, как говорится, с горем пополам. Но он плохо горел, щепки запахли старой смолой. Я почувствовал, что на таком огне, где угли не горели, а тлели как жесткая баранья шкура, мы вместо шашлыков получим сплошную копоть. И, ей Богу, опозоримся! Но киргиз внушил мне, что огонь мы в любом случае раздуем, разожжем попозже, подбросив в него и сухих березовых веток.

— А сейчас, главное, нам надо срочно найти уксус для облагораживания шашлыка… — сказал многоопытный художник с Фрунзенского телецентра и сагитировал сходить в большой гастроном около станции метро «Черемушки», хотя, наверное, уксус можно было найти где-либо поближе. Мы с Пальмиро (не Тольятти, конечно, а Амичба), словно загипнотизированные тибетско-монгольскими шептаниями киргизского художника, легко поддались уговору, уксус там мы не достали, он стал в тот день почему-то большим дефицитом, и киргизский собрат по телевизионному цеху уболтал нас минут на пятнадцать зайти в ресторан «Черемушкинский». Мы здесь

решили выпить по сто граммов за успех нашего барбекю. Но обмен любезностями затянулся, а когда пришли к себе домой, наши ящики догорали, превращаясь больше в синюю золу, нежели в красные угли.

Но мы не растерялись. Бросили в огонь несколько сухих березовых веточек и через полчаса положили свои шампуры прямо на полутлеющий-полугорящий огонь. Мы с Пальмиро крутили, вертели свои шампуры, а Кочкорбай подбрасывал сухих березовых веток. Вообще-то мясо должно жариться над раскаленными докрасна углями, а мы обдавали его пламенем, копоть от старых сосновых ящиков еще больше приставала к кускам мяса, но в итоге мы изобразили какое-то подобие абхазо-киргизского шашлыка и подняли на один из этажей общежития, где нас ждал народ в сладко-томительном предвкушении нашего необыкновенного восточного приготовления.

Первым дал оценку нашему национальному бренду, который был на слуху чуть ли не у всего Гостелерадио СССР, главный редактор Белорусского телевидения Шимук. Он признавался мне с первых дней моего знакомства с ним, что очень любит Абхазию, и я надеялся, что такой фанат моей страны будет не очень жестокосерден к нам. Однако увидев на кухне вместо пропитанных черноморским ароматом, тающих во рту кусков жареного мяса, пропахшие насквозь сосновой смолой, обугленные комки, чем-то напоминавшие жареные яблоки, он так страшно нахмурился, что я и вправду испугался. Киргиз Кочкорбай улыбался лукавой, заискивающей улыбкой. Переживающим взглядом наблюдал за сценой Пальмиро Сухумский. Стажеры, столько дней разжигавшие свой аппетит, украсившие наше застолье богатым букетом национальных напитков, сидели за столом глотая слюнки, в трепетно-волнительном ожидании, что же все-таки скажет белорусский редактор, самый старший среди нас. Однако умудренный житейским опытом Шимук произнес не самые страшные слова. Он все-таки чуть пощадил нас, но вынужден был выдать сермяжную правду.

— Шашлык у наших друзей, увы, не получился, видно, что они его не мариновали достаточно, и жарили мясо не на

углях, а на тлеющем огне, но ругать их не будем, я нашел выход из положения…

Я слушал коренастого, плечистого минчанина с хитрым прищуром и думал: «Эх, если бы он знал про наши злоключения с поисками уксуса…»

Стажеры удивленно переглянулись, думая, что же такое задумал белорусский редактор, чтобы придать неудавшимся абхазо-киргизским шашлыкам хоть какой-то товарный вид.

Выяснилось, что Шимук решил чуть соскоблить копоть с наших шашлыков и пережарить их на смальце, на большой сковородке, по-белорусски. Смалец он привез из Белоруссии, словно чувствовал, что где-то пригодится…

Вот так мы опростоволосились перед всем честным народом со своей дурацкой шашлычной историей. Но зато долго потом смеялись, вспоминая этот забавный случай.

Учеба в школе повышения квалификации предполагала и культурную программу. Мы успели пойти в московские театры, музеи. Воистину уникален музей Л. Толстого в Хамовниках, куда великий классик в зимнюю пору перемещался с семьей из Ясной Поляны. Неизгладимое впечатление оставили в моей памяти старинные рукописи, издания писателей с их автографами, рукописные книги, редкие фотографии, увиденные в Государственном литературном музее.

Надолго запомнился спектакль А. Гончарова «Беседы с Сократом» по произведению Эдварда Радзинского, поставленный в Московском академическом театре им. В. Маяковского. Невозможно забыть великолепную игру Армена Джигарханяна в роли Сократа, его яркие импровизации, его незаурядную фактуру, дикцию, захватывающую речь. Его философские монологи, рассчитанные на сопереживание зрителя.

«Я с увлечением работал над пьесой о трагической судьбе человека, не понятого своим временем, смертью утвердившего справедливость собственных убеждений», — так объяснял мотивы своей весьма оригинальной режиссерской интерпретации Александр Гончаров.

В Ленкоме я смотрел революционный этюд Михаила Шатрова «Синие кони на красной траве» в постановке Марка Захарова. В роли Ленина был Олег Янковский. Вещь вызвала

бурю дискуссий среди творческой интеллигенции, театральной элиты. Но она мне показалась смелой, привлекательной, достаточно динамичной, допускавшей много условностей и стилевых решений.

***

Перед завершением учебы супруга прислала мне денежек, чтобы я купил себе какую-нибудь теплую обувь, а ей — сапоги. Я решил заняться этим в выходной день. Кажется, в воскресенье я вышел на Ленинский проспект. Помню, шел снег. Был морозец. Я поспрашивал у прохожих, где можно поискать хорошую зимнюю обувь. Мне подсказали. Перед домом обуви выстроилась большая очередь за женскими югославскими сапогами. Я, не мешкая, встал в очередь, радости моей не было предела. Очередь продвигалась медленно, но внушая надежду, что и мне достанется вожделенная пара югославских… Моментами из пущего любопытства я окидывал взором людей, стоявших в начале очереди. И вдруг среди тех, кто медленно, но уверенно продвигался вперед, я увидел мужчину невысокого росточка, чьи черты лица мне показались очень знакомыми. Думал, думал и, избавляясь с помощью рук от паутины забвения, наконец-то вспомнил: о, Господи, это же Тарас Халбад, наш уважаемый лингвист из АбНИИ. Смотрю, и он улыбается и по-дружески машет мне рукой. Предупредив стоявшего сзади меня мужчину, что я отойду лишь на минуту, подбежал к земляку, и мы обнялись… Эти любезности со стороны могли показаться странными, но, представьте себе, как оказавшиеся волею Аллаха в одной огромной московской очереди, два абхаза могли не подтвердить свой восторг крепкими братскими объятьями… И это абсолютно не нарушило равномерного продвижения длинной очереди, и мы с Тарасом весьма благополучно приобрели самые модные в те времена югославские женские сапоги за свою цену… Можете представить себе, какой всплеск приятных эмоций такой царственный жест мог вызвать у наших жен?!

Два месяца моей творческой командировки были насыщены очень важными (а если честно, и не важными) событиями.

И я вернулся домой в таком воодушевленном состоянии, будто закончил Академию телевидения, хотя и московские курсы значительно обогатили мои познания и информационный багаж. Любая поездка — это свежие впечатления, новые знания, новые знакомства и беседы с людьми, чьи мысли и взгляды сопровождают тебя всю жизнь.

***

Я продолжал свою прежнюю работу на телевидении, но совершенно неожиданно мой шеф предложил мне возглавить отдел программ и выпуска нашего радиовещания. Я не стал набивать себе цену, кокетничать, тем более что свою журналистскую карьеру я начинал с радио. Шамиль Хусейнович обещал оказать мне всяческую поддержку. В честь нашего недвусмысленного корпоративного взаимопонимания, он налил мне и себе по полфужера кубинской текилы — усовершенствованного аналога нашей фруктовой абхазской чачи, и произнес, глядя мне в лицо добрым дружеским взглядом: «Удачи, тебе, друг!» Я заметил, что тоска по океанским просторам не сходит с его глаз.

Не стану увлекаться утомительными пассажами о том, как готовились наши программы, какие решали идеологические задачи и т. д. и т. п. Ничего такого неординарного, чего не делали другие провинциальные радиостанции, мы не создавали. Но абхазская редакция по-прежнему оставалась стержнем национального радиовещания. Главное, чтобы наш преданный радиослушатель чувствовал наше присутствие в эфире… Были успехи, были промахи, печать обыденщины так или иначе сказывалась на каждодневной продукции. Начиналось все с победных реляций по сбору табака и чая, заканчивалось героическими песнопениями наших лучших хоровых коллективов. Но вся философская суть радиовещания заключалась не в этом. Дело в том, что наши ежедневные обращения на родном языке к соплеменникам с позывными их родного радио и не стареющим клише «Ицәажәоит Аҟәа!» («Говорит Сухум!») подбадривало людей, лишний раз напоминало им о том, что мы еще живы, чем-то ассоциируясь с Искандеровским подхле-

стывающим возгласом: «Вы живы еще, ачандарцы, значит, мы живы еще!»

Я не могу не воспроизвести в памяти одну занимательную историю, связанную с тогдашней моей работой на радио…

На полях книги
Абхазское радио и его странные гости

Однажды к нам в редакцию пожаловал достаточно известный сухумский географ, спелеолог и публицист Аристофан Алмахситович Цангурба. Древнегреческое имя географа абхазской национальности может кого-то удивить и даже насторожить. Но в Абхазии давно существует традиция нарекать своих детей именами классиков мировой науки, философии и литературы. Например, немало абхазских Шекспиров, Сократов, Платонов, Пифагоров, Страбонов… Помню, был уважаемый абхаз из одного предгорного селения по имени Карамзин. В одно время было в моде присваивать отпрыскам некоторых абхазских родов (независимо от сословия) названия целых стран и даже континентов: Япония, Финляндия, Африка и т. д. Связано было это с тем или иным эпохальным событием. Моего деда по матери, кстати, звали Пония (то есть почти Япония), потому что родился он в год начала русско-японской войны. И он гордо носил это имя, считая, что не дает своим именем забыть о той страшной трагедии…

Аристофан Алмахситович подкрался к нам, как опытнейший охотник, приближающийся к своей жертве тихо, незаметно, затаив дыхание… Географа (со спелеологическим уклоном) в Сухуме и в других центрах вполне заслуженно называли двигателем новых идей. Вниманию геронтологов и антропологов всего мира он предложил проект Музея кавказских долгожителей в селе Амра-Чапхарста, одновременно придумав название единственного в мире геронтологического ресторана — «Ажгери-Кучук-Куаталей-ипа» со специальным меню, стимулировавшем долгожительство и высокую мужскую потенцию. Правда, все это так и осталось на уровне интересных

теоретических изысканий и сенсационных публикаций. «Главное — запустить идею», — говаривал Алмахситович, достаточно искушенный в подобном изобретательстве. Ради своих оригинальных замыслов он, совершенно не комплексуя, выходил за рамки собственных географических познаний…

Подоспел Алмахситович очень своевременно, словно почувствовав, что нам позарез необходим чей-то полезный совет, ведь мы были в поиске «героя дня» для новой информационно-развлекательной субботней программы.

Помню, наш приятель был в бежевом вельветовом пиджаке и в вельветовой кепке почти такого же цвета, в широких летних брюках пепельного цвета и в светло-коричневых замшевых туфлях. Вообще Алмахситович был на редкость опрятен и элегантен. Знаменитый автор множества брошюр, шикарных альбомов с суперобложками и буклетов, изданных в Сухуме и в самых престижных издательствах, контактировал в основном с редакциями официальных газет и издательств. Но и некоторым радиожурналистам тоже время от времени подбрасывал ценную информацию. Небольшую сенсационную архивную находку Аристофан мог раздуть до такой степени, что она мгновенно облетала весь мир, обрастая самыми невероятными домыслами и версиями.

Любезно поприветствовав нас, наш географ как бы между прочим поинтересовался нашими редакционными материалами. По нашему унылому настроению он понял, что у нас глубокий творческий кризис. Ничего такого, что могло заинтересовать своей новизной, сенсационностью и яркостью, он от нас не услышал.

Мы стояли перед ним, смущенно и виновато разводя руками. И почувствовав свою особую востребованность здесь и сейчас, как бы по-дружески подтрунивая над нами, наш гость, обращаясь к нам, произнес как бы сострадательно-поучительным тоном:

— Эх вы, мастера великие! Вы тут «хамсу» всякую ловите, когда неподалеку от вас спокойно и беззаботно плавают океанские «киты и акулы»!

— А кого, кстати, Вы имеете в виду? — спросил я, догадываясь о том, что географ широкого профиля вновь успел заманить в Абхазию кого-то из очень маститых и популярных.

— Вы, абхазцы, хотите знать все сразу! Так, милые мои, не бывает! — урезонил нас Алмахситович, лукаво улыбаясь и как бы по-детски щурясь. При этом он, в выражение «вы, абхазцы…» вкладывал какой-то странный и двойственный смысл, будто он абхазец, но не такой, как все мы, а чуть отстраненный от абхазскости. Некоторое время он стоял, слегка подбоченившись, словно готовясь в такой позе к публичному раскрытию и обнародованию своего нового творческого замысла. Затем, деловито и озабоченно посмотрев на свои большие швейцарские часы, дал нам знать, что ерундой заниматься некогда, надо решать проблему оперативно. Надо немедленно отправляться в путь, иначе «киты и акулы» могут незаметно уплыть очень далеко, в океан, и «мы с вами останемся ни с чем!» И через некоторое время мы с моим другом, молодым радиожурналистом Мазлоучиком, усадив своего доброго наставника на более удобное место, ехали на красно-оранжевом микроавтобусе Сухумского радио в сторону Сухумского аэропорта.

По пути тезка великого древнегреческого комедиографа шутил по поводу того, что некоторые местные одиозные писатели и ученые тоже частенько приглашают к себе очень известных людей, но какой, мол, от этого толк? Они, мол, в отличие от него, их никому не показывают, прячут, как абхазских невест, делают свои дела скрытно, втихомолку, всегда чего-то боясь, комплексуя. «А бывает и так, что кое-кому из визитеров, которые помаститее, наши деятели режут быков и буйволов, а то и зубров, устраивают им пышные оргии, но все это делается исключительно из своекорыстных соображений», — рассказывал Алмахситович, моментами хохоча от души, по-детски, подчеркивая тем самым, что он, дескать, стоит выше всяких мелочей и меркантильных интересов. Когда он смеялся по какому-либо поводу, его белое нежное лицо заметно багровело от прилива крови.

— Поймите, ребята, мне лично эти «киты» и «акулы» совершенно ни к чему! У меня личных проблем нет! Я свои лич-

ные проблемы решил давно! Мое имя вписано в историческую и географическую энциклопедию… Пусть «киты и акулы» помогают Абхазии! Больше мне ничего ровным счетом не нужно! Наша многострадальная Родина, Страна Души, ее география, история, этнография — вот что превыше всего! — продолжал Алмахситович, испытывая большое удовольствие оттого, что он имеет возможность лишний раз продемонстрировать нам, молодым, малоопытным, наработанные годами личные связи и умение перетягивать важных особ на свою сторону.

–Лично мне ничего уже не нужно, это нужно вам, абхазам! — повторял он, входя в азарт. Мы с Мазлоучиком скромно молчали, но были явно заинтригованы. Перед охотой на «акул и китов» главное — сохранять спокойствие и самообладание и держать свои гарпуны с зазубринами наготове.

***

Стоял жаркий летний день. На площади перед Сухумским аэровокзалом толпились утомленные солнцем и подуставшие от сутолоки туристы. Кто-то прилетал, кто-то улетал. Кто-то встречал, а кто-то провожал кого-то… Алмахситович упрямо не озвучивал нам имя того самого «кита», который мог выдать нам «нечто удивительное» для нашей субботней радиопрограммы. Географ (со спелеологическим уклоном) нежно и весьма осторожно приставил свою белоснежную пятерню к красному морщинистому лбу, чтобы уберечь свое просвечивающееся насквозь лицо от испепеляющего июльского солнца, и стал искать в толпе туристов для нас пока еще полумифического героя нашей радиопрограммы. И надо было видеть, как воссияло лицо Аристофана Аристарховича, когда вдруг из толпы раздался восторженный голос пожилого плотного мужчины среднего роста. Это был Виктор Боков! Русский поэт держал в левой руке старую авоську, полную чуть переспелых и приятно пахнущих фейхоа, которые ему кто-то посоветовал взять с собой в Москву как лучшее лечебное средство от стенокардии и болезни щитовидной железы. Дело в том, что фейхоа содержит много йода и, кстати, из фейхоа получается превосходнейшая чача, не уступающая ни кубинской текиле, ни

классическому грогу — детищу британского вице-адмирала Эдварда Вернона — «Олд Грога» (Old Grog). Еще лучше и полезнее есть фейхоа, пропущенное через мясорубку, с чистым абхазским медом.

Но почему-то моя бабушка, на морщинистой шее которой, сколько я ее помню, заметно выступал узловой зоб, никогда не ела фейхоа, хотя этого добра у нас всегда хватало. Видимо, бабушка больше доверяла своим янтарным бусинкам и шептаниям профессиональных шептальщиц, не дававшим разрастись зобу.

…Алмахситович и Виктор обменялись любезностями, затем наш географ, вдруг резко ужесточив свой взгляд, посоветовал нам срочно приступить к записи его беседы с известным московским поэтом, который заметно волновался, боясь опоздать на самолет.

По судорожным движениям кончиков роскошных донкихотских усов моего друга Мазлоучика и по тому, как он вдруг нервозно сжал губы, я понял, что его не совсем устраивал уровень и «калибр» интервьюируемого. Очередная «жертва» Аристофана Алмахситовича явно не соответствовала нашим умозрительным представлениям о значимости и весомости обещанных «китов» или «акул». Но чуть позже мы поняли, почему наш Страбон был так заинтересован в беседе со своим добрым приятелем и большим другом Абхазии. Мазлоучик включил старый, успевший отработать свой срок тяжелый репортер и задал нашему гостю первый вымученный вопрос: «Скажите, пожалуйста, какое впечатление осталось у вас об Абхазии, о наших нравах и обычаях?» Собеседник отвечал бодро, уверенно и очень восторженно, словно давно уже ждал с нетерпением, что зададут ему именно такой удобный вопрос.

«Да, я влюблен в Абхазию, я обожаю этот волшебный край, восхищаюсь его неописуемой красотой», — помню, примерно так выразил гость нашей субботней радиопрограммы свое отношение к нашей стране, и за этими словами последовал целый каскад сравнений и эпитетов, превозносивших нашего неутомимого попутчика.

«Я благодарен судьбе, что познакомился с великим абхазским географом, историком, краеведом, музееведом, крупнейшим абхазоведом, — продолжал он. После недолгой передышки: — Писателем, академиком, спелеологом… первооткрывателем Новоафонской пещеры, большим энтузиастом и патриотом… Я безмерно признателен Аристофану Алмахситовичу, что он открыл мне эту благословенную, поистине сказочную страну…»

Вот такой ошеломительный тон был задан интервью, к которому мы готовились с самого утра с нескрываемым волнением и переживанием. Шла запись. Алмахситович заметно нервничал и чуть морщился, когда гул набиравших обороты самолетов заглушал посвященные ему слова известного русского стихотворца. Изношенные бобины старого репортера моментами поскрипывали, вызывая такое неприятное ощущение, будто они прикасались к какому-то ржавому металлическому предмету. Мимика растерянного Мазлоучика и нервно-судорожное подергивание его молодых, пышных и чуть подкрученных усов нагоняли на меня ужасающий страх. И в момент, когда в ходе записи пошло подряд перечисление всех заслуг, званий, регалий и достоинств нашего Страбона, он не в силах скрыть своего блаженного состояния, чуть наклонив ко мне голову, шепнул на ухо по-абхазски, что: «Акы ҳзыр-ҳәа-қәоит…» мол, о нас говорят что-то очень приятное… А я ему в ответ как бы полушепотом: «Да, это хорошо, конечно, дорогой Аристофан Алмахситович, но не переборщить бы с эпитетами и метафорами, тем более, что первооткрыватель Новоафонской пещеры вроде бы известен, это же знаменитый спелеолог и художник Гиви Смыр…» Но Алмахситовича ничуть не смутили мои опасения. «Не нервничай! «Ир-ҳәа-лааит!» (Пусть говорят!) Это ничуть не ущемит достоинств и заслуг моего друга Гиви — произнес он, как бы растягивая своим многозначительным и художественным произношением эти слова и совершенно хладнокровно намекнув, что в деталях интервью никто разбираться не будет. — Главное то, что происходит здесь и сейчас, де-факто! — убеждал меня знаменитый географ. Позже я узнал, конечно, что он не спускался в пещеру с

нашими опытными абхазскими спелеологами, но по каким-то вопросам консультировал их перед началом экспедиции, даже помогал им спустить веревочную лестницу. И теперь уже понял, почему он так спокойно отвечал мне: «Пусть говорят…», когда у меня возникли сомнения по поводу его непосредственной причастности к открытию уникальной пещеры.

И, наконец, известный московский поэт, который, как нам показалось, явно не тянул на роль «кита» или «акулы», завершил свою экспрессивно-возвышенную речь стихами об Абхазии и Черном море, посвященными его доброму абхазскому кунаку — Алмахситовичу. Последний к завершению радиобеседы не мог скрыть слез умиления. Помню, в том проникновенном посвящении было нечто вроде:

Морюшко камешки перемывает,
Занятость прачечной перенимает…

— Как ты работаешь? Сдельно? Аккордно?
— Я не за деньги! — ответило гордо, –

Что мне зарплата, гроши человечьи?
Ведомость моря, не месяц, а вечность…

Вечность — за деньги не продается,
Вечность, она от природы дается!..

Виктор Вениаминович время от времени тревожно поглядывал на часы и внимательно слушал объявления справочного отделения аэропорта, чтобы, не дай Бог, не опоздать на самолет! В это время мой коллега Мазлоучик поставил магнитную запись на начало и стал слушать, чтобы на всякий случай проверить качество звука. Настроился слушать столь уникальную и драгоценную запись и сам Аристофан Алмахситович, будущий герой нашей субботней программы. И вдруг лицо Мазлоучика неожиданно и резко помрачнело, его усы зашевелились от растерянности… Вместо речи наших собеседников магнитная лента передавала ничего не говорящее глухое шипенье. «Эх, черт побери! Оказывается, запись шла вхолостую!

Это уже не первый раз подводит нас техника!» — произнес спецкор субботней программы, пытаясь хоть как-то оправдаться перед многоуважаемым гостем из Москвы и его абхазским коллегой, так старавшимся, чтобы беседа состоялась. Однако Аристофан Алмахситович несмотря на свое добродушие не прощал таких промахов! Выдержав паузу, он властным и даже угрожающим тоном потребовал от нас записать беседу с поэтом повторно. Гость, как настоящий интеллигент, с достаточным пониманием отнесся к случившемуся и без особых переживаний и суеты согласился дать интервью повторно. На сей раз запись получилась даже более удачная (правда, это чем-то напоминало повторную сдачу экзамена) и, более того, количество эпитетов и метафор о нашем Страбоне удвоилось, даже утроилось. Как раз в момент благополучного завершения беседы объявили посадку в самолет, и наш всемогущий географ поторопился вместе с поэтом (увы, даже виртуально не соизмеримым с образом воображаемой «акулы») к месту прохождения паспортного контроля. Алмахситович, умело и профессионально войдя в роль торопящегося куда-то шерифа, показал проверяющим какую-то толстую красную корочку, и русского поэта с сеткой, наполненной вкуснейшими плодами наших лечебно-профилактических субтропиков, пропустили вне очереди. Виктор Вениаминович еще больше поверил в высокую степень влиятельности и могущества своего абхазского патрона. Удаляясь, он помахал нам рукой как преданнейший друг Абхазии…

Продолжение охоты за «китами и акулами»

На обратном пути в Сухум Алмахситович предложил заехать в поселок Агудзера, в Дом творчества «Литературной газеты», где он хотел познакомить нас с еще какими-то «знаменитостями», которые, судя по его оптимистическому настрою, могли стать еще одним бесценным открытием для наших радиослушателей. Но имена новых «китов» и «акул» он, как и

прежде, предпочел держать от нас в тайне до момента непосредственной встречи и общения с ними…

Через полчаса мы с нашим великим учителем шли по Агудзерскому пляжу. Алмахситович, по обыкновению, вновь приставил пятерню к красному и потному лбу, как бы по-детски, беззащитно щурясь от яркого солнца. Он разыскивал среди тьмы отдыхающих, беззаботно распластавшихся на песчаном морском берегу, тех, кого хотел представить нам как самых крупных деятелей современной русской культуры. Мы с Мазлоучиком чуть было взбодрились в ожидании еще одной встречи, предвещавшей, как нам казалось, несомненный успех и фурор.

Географ достаточно уверенно и властно шел впереди. Я тоже старался не отставать от поводыря. А Мазлоу почему-то сильно запаздывал. Оглянувшись назад, заметил, что мой младший коллега, подойдя близко к какой-то молоденькой миловидной женщине, спокойно загоравшей на пляже, любопытно уставился на нее. Я решил вернуться назад, чтобы понять, в чем дело. Наш наставник, заметив, что мы сильно отстали от него, стал нервничать. А когда он понял, что мы пытаемся выяснить, кто эта женщина, чьи черты лица так узнаваемы, не выдержав, стал повышать тон:

— Ну, дорогие, вы опять «хамсу» всякую ищете, я же вам сказал, что «акулы» совсем рядом!»

И в этот момент Мазлоучика осенило! «Ор-р-а, по-моему, это та самая знаменитая Элеонора!» — произнес он с каким-то детским восторгом, судорожно приподнимая и опуская пальцами линзы своих очков.

— Какая тебе Элеонора? — спросил я, совершенно не понимая, о ком идет речь.

— О-р-р-а-а, Элеонора Беляева, ведущая самой крутой музыкальной телепрограммы.

— Да не может быть! Как она могла оказаться здесь? — сказал я, не скрывая своего удивления и как-то упустив, что в Гулрыпшском доме творчества «Литературной газеты» отдыхают не только писатели. И в это время, услышав, что какие-то незнакомые люди чуть ли не громогласно склоняют ее по всем

падежам, знаменитая телеведущая, так умиротворенно и самозабвенно принимавшая солнечные ванны на лазурном берегу, вдруг неожиданно и легко привстала и, повернувшись к нам лицом, спросила вполне миролюбивым тоном:

— Мальчики, а кто вы будете и, если не секрет, что вам нужно? Может быть, смогла бы я вам помочь чем-нибудь?

Мой Мазлоучик сначала немного растерялся, но затем, сориентировавшись, произнес:

— Вы знаете, мы из единственного в мире Сухумского радио! Были бы признательны Вам, если бы ответили на наши вопросы для новой информационно-развлекательной программы.

— Ой, с удовольствием, мальчики! С удовольствием! — отвечала Элеонора милым, располагающим тоном, встав в полный рост, покоряя нас своей очаровательностью.

Аристофан Алмахситович, поняв, что нас уже невозможно оторвать от столь интересной и эффектной собеседницы, хоть и сильно нервничал, но все-таки решил немного подождать. Мазлоучик включил свой прибор и, заметно волнуясь от неожиданности, задал будущей гостье нашей программы свой вопрос, заготовленный на все времена и случаи жизни:

— Скажите, пожалуйста, каковы Ваши впечатления об Абхазии, о наших нравах и обычаях?..

Заданность вопроса ее ничуть не смутила. Она отвечала просто, весьма эмоционально, выражая восхищение красотами нашего края. Ну и не скрыла своего глубокого уважения к нашим традициям.

Казалось бы, все отлично и, в принципе, можно было бы ограничиться этим лаконичным ответом. Но у моего друга Мазлоучика вдруг затрепетало сердце… Вновь зашевелились его донкихотские усы. Чувствовалось, что он беседует с известной московской меломанкой не только как с телеведущей, но и как с очень приятной женщиной, чья обаятельность показалась нам еще более трогательной оттого, что она давала интервью в модной пляжной одежде, подчеркивавшей ее грациозность на фоне роскошного пейзажа нашего гулрыпшского прибрежья. Затем, мгновенно совладав с собой, Мазлоучик

попытался актуализировать начатую тему. На всякий случай еще раз аккуратно подкрутив пальцами кончики своих усов, он вновь обратился к героине своего сюжета с вопросом, настраивавшим, как казалось моему собрату по журналистскому цеху, на разговор о национальных особенностях абхазского песнопения:

— А вот что Вы могли бы сказать о современной абхазской музыке?

— Ой, вы знаете, мне трудно говорить конкретно на эту тему. Но я люблю песни Бубы Кикабидзе, например…

Такой неожиданный поворот беседы явно не устраивал моего друга (как, впрочем, и меня), и он дал знать звезде голубого экрана, что Буба Кикабидзе, как никак, грузинский певец, а его интересует ее личное отношение к современной абхазской музыке… К тому же, такой ответ был бы неправильно понят нашей публикой, и без того уставшей от грузинского шансона и частых гастролей их исполнителей.

Я чувствовал, что могла повториться старая скандальная история с подражанием радио «Монте-Карло»…

Телеведущая, конечно, сожалела о том, что она не может экспромтом ответить на интересующий абхазского радиожурналиста вопрос. Но в конце интервью он все-таки решил как-то сгладить разговор и вернул милую Элеонору к излюбленной теме великолепия нашей природы и не блекнущей абхазской экзотики. И миловидная москвичка с удовольствием делилась своими прекрасными ощущениями, добрым отношением к нашей стране и к нашему народу.

Вот так, правдами и неправдами, мы смогли наладить контакт с еще одной «акулой», несмотря на то что эти непредвиденные обстоятельства не соответствовали сценарию нашего Страбона, пытавшегося совместить приятное с полезным. О том, что очаровательная Элеонора Беляева прекрасно разбирается в особенностях абхазского мелоса, я убедился в начале 90-х, когда мне удалось спокойно побеседовать с ней после концерта одной знаменитой абхазской певицы в одном из знаменитых московских салонов. Элеонора была тогда в роли конферансье.

А наш неутомимый географ, разумеется, не сидел все это время сложа руки. Купив несколько початков красной вареной молодой кукурузы у мингрела не молодого возраста, который ходил по пляжу в ярко-синих шортиках и в сомбреро, Алмахситович преподнес свои угощения тем двум «акулам», чьи имена он держал (видимо, для интриги!) в глубокой тайне. И вот он, теперь уже не скупясь на улыбку, подвел нас к двум пожилым женщинам, сидевшим на пляже, тихо и мирно беседуя между собой. Белые курортные панамки, чем-то напоминавшие легкие летние шапки горных абхазских пастухов, защищали их от палящего солнца.

— Маргарита Алигер и Лидия Лебединская! Классики русской советской литературы! — торжественно и бравурно, словно с какой-то праздничной сцены, произнес Аристофан Алмахситович. Было такое ощущение, будто мы находились не на морском пляже, а в зрительном зале летнего театра, переполненного людьми. Наш географ тут же, в той же торжественной тональности рассказал гостям о нас, представив чуть ли не как основоположников абхазской радиожурналистики. Измученный всякого рода злоключениями, мой Мазлоучик вновь включил свой тяжелый репортер, не гарантировавший качество и безопасность записи. И на первый его вопрос (на все случаи жизни): «Что вы могли бы сказать о нашей природе, о наших нравах и обычаях?» Маргарита Алигер ответила достаточно отвлеченно и абстрактно:

— Ой, вы знаете, я так люблю и ценю лапидарность во всем!

Я понял по смущенному взгляду Мазлоучика, что он был страшно встревожен незнакомым иноязычным словом «лапидарность».

— Не беспокойся, будем разбираться по словарю иностранных слов!» — шепнул я ему на ухо, и осторожненько подтолкнул его под локоть, чтобы он продолжил свою работу.

А далее две знаменитые женщины, попеременно, произносили панегирики нашему Страбону. Алмахситович, как говорится, был на верху блаженства.

«Акы хзыр-хва-ко-о-ит!.. Что-то приятное говорят о нас!..» — вставлял он моментами.

На сей раз старый прибор, который давно уже был готов для отправки в «сухумвторчермет», не подвел Мазлоучика.

Мы возвращались в Сухум, стараясь скрыть от Алмахситовича чувство некоторой усталости и недовольства, вызванного тем, что охота на «акул и китов» увенчалась не тем громким успехом, на какой мы рассчитывали изначально.

* * *

Географ временно попрощался с нами, пообещав, что часам к пяти вечера, за полтора часа до записи субботней программы, он непременно заглянет к нам в студию и послушает готовый к эфиру материал.

В момент, когда мы с Мазлоучиком приготовились монтировать передачу, шеф вызвал нас к себе и срочно потребовал, чтобы дали ему послушать на спецаппаратуре, стоявшей у него в кабинете, новые интервью и репортажи. Такие «прослушивания» он ввел в обиход после той нашей неудачной аранжировки заседания бюро обкома в стиле радио «Монте-Карло». Мы надеялись, что материал заинтригует председателя неординарностью мыслей интервьюируемых, их добрым и трепетным отношением к Абхазии, к нашей культуре.

— Да, в целом, это заметно освежит программу… — обратился ко мне Шамиль Хусейнович…Я не против таких интервью и бесед…

— Однако, — произнес он с некоторой ухмылкой, — чувствую необходимость некоторого «нейрохирургического» вмешательства в передачу.

То есть, указание шефа заключалось в том, чтобы дать как можно больше отзывов наших гостей об Абхазии, и как можно меньше эпитетов и дифирамбов о нашем географе, который, несмотря на переоценку значимости и излишнюю мифологизацию «акул и китов», все же вложил немало труда в их поимку.

Поэтому замечания шефа были, конечно, не совсем справедливы и почти невыполнимы. Все-таки нельзя сбрасывать

со счетов, что Алмахситович, пожертвовав драгоценным временем, в такую жару и на такой жесткой, некомфортабельной автомашине поехал с нами на поиски новых героев нашей программы. Ну, допустим, добыча оказалась не такой внушительной и сенсационной, какой мы ее себе представляли. Но человек-то потрудился, организовал нам непростую встречу с непростыми людьми…Ну и ничего, видимо, страшного в том, что позаботился и о своем реноме…

В то же время злить своего шефа мы не хотели, особенно после его недавней стычки с обкомовскими надзирателями из-за того злополучного проекта в стиле радио «Монте Карло». Выйдя из кабинета руководителя, я долго думал о том, как найти такую золотую середину, чтобы, как говорится, «и шампур не сгорел, и мясо прожарилось». В итоге, так и получилось, Мазлоучик очень аккуратно вырезал всякие повторы, длинноты и слишком животрепещущие излияния, посвященные Аристофану Алмахситовичу. И как раз к моменту завершения «операции», в цех звукозаписи постучался наш друг и наставник.

— Ну, как наши «акулы?» — спросил он, ни на йоту не сомневаясь в том, что на сей раз наш субботний выпуск просто будет обречен на успех.

— Ничего, Алмахситович, все нормально! — ответил я, немного волнуясь, не особо разделяя его оптимистические предвкушения.

— В таком случае дайте мне послушать запись до эфира! — потребовал наш Страбон чуть ли ни в повелительном тоне.

Оператор включил запись. И чем больше отматывалось ленты, тем суровее становился взгляд Алмахситовича. В конце он, резко повернувшись ко мне, спросил обиженным тоном:

— Почему вы сократили то, что гости говорили обо мне?

— Да нет, вроде бы мы почти ничего не тронули… — пробормотал я, виновато опустив голову, явно выдавая свое смущение и то, что невозможно было скрыть от географа (со спелеологическим уклоном).

— Слушайте, я же не дурак, я же вижу, что вы вырезали самые эффектные отзывы обо мне… — не унимался Алмахситович.

— Дело в том, Аристофан Алмахситович, что наш новый шеф, — вступился за меня Мазлоучик, — потребовал подсократить программу в целом, после того как нас недавно беспощадно покритиковали обкомовские цензоры.

— А почему именно те эпизоды, которые касались моей персоны? Никогда я больше не поеду с вами никуда… Все! Все! Все! Ловите себе на здоровье всякую «хамсу»… — не мог совладать с собой географ.

— А от вашего шефа, честно говоря, я не ожидал такой необъективности… мы же все-таки с ним друзья… — произнес отнюдь не милосердно Алмахситович и, пренебрежительно махнув на нас как на ненадежных компаньонов, направился к кабинету председателя, располагавшемуся совсем рядом.

Мы с Мазлоучиком решили дождаться в приемной результата их разговора. Через дверь сначала доносились отголоски беседы, проходившей не на совсем джентльменских тонах. Но потом они плавно сменились на более спокойные, а в конце из кабинета нашего шефа стали доноситься и обрывки добросердечного смеха.

Мы не могли понять, чем все-таки закончилась вся эта история. «Раз смеются, шутят, значит пришли к какому-то консенсусу…» И от этого зависела судьба нашего дальнейшего сотрудничества с географом. Спустя еще немного времени открылась дверь. И Алмахситович в прекрасном настроении попрощался с нашим шефом, даже позволив ему по-дружески похлопать себя по плечу. Он держал в правой руке увесистую книгу «Взгляд Нептуна» (первый том морских заметок нашего председателя), только что выпущенный в свет Абхазским издательством.

— Я скоро буду в Мадриде. Там в ближайшее время выйдет и моя книга «Голубая мечта». Думаю, что успею втиснуть куда-нибудь в последние страницы твое имя и название твоей книги, — успел сказать географ о своей новой задумке нашему шефу, прощаясь с ним в приемной. Что явилось причиной мирного исхода конфликта между нашим шефом и географом, до сих пор мне не известно. О чем они там говорили, на чем условились — знают только они вдвоем.

Так моя работа на Абхазском радио входила в свою привычную колею. Она была сложной, вялотекущей, утомительной, но в то же время ей сопутствовало немало анекдотичных моментов, о которых я вспоминаю с большим теплом. Охота за «китами и акулами» продолжалась. Шла она с переменным успехом… Число слушателей нашей субботней информационно-развлекательной программы не прибавлялось, но и не уменьшалось…

Абхазское радио, как и телевидение, сыграло в моей творческой биографии далеко не второстепенную роль. Журналистика была очень серьезным и полезным подспорьем для многих абхазских писателей. Я это ощутил сполна и на себе.

В Союзе писателей

В 1980 году вышел в свет мой второй поэтический сборник «Ахьышьтрахь» («К истокам»). Несмотря на то, что я уже более двух лет был плотно привязан к журналистскому ремеслу, сотрудничая на радио и телевидении, литературу не бросал, наоборот, старался быть ближе к абхазским писателям, получал огромное удовольствие от общения с ними в процессе обсуждения книг или отдельных номеров журнала «Алашара». Здесь, в маленьком «Клубе писателей» по ул. Ленина (ныне — ул. Леона), разворачивалась настоящая полемика. Чувствовалась особая роль литературной критики, хотя многие авторы встречали ее в штыки. Тон задавали М. Ласуриа, Вл. Ацнариа, А. Аншба, В. Дарсалиа. Эти дискуссии заметно влияли на процесс развития жанров и абхазской литературы в целом. В литературной печати стали появляться материалы под рубрикой «Два мнения об одной книге», «Диалог писателя и критика».

В 1981 году мне предложили работу в Союзе писателей Абхазии в качестве литературного консультанта. И я согласился, хотя нелегко было уходить из цеха телерадиожурналистики, где, несмотря на серию приключений, связанных с неудачным подражанием стилю радио «Монте Карло», мне удалось

проявить свои способности в разных жанрах, особенно в жанре телеочерка.

На новой работе было больше возможностей заниматься собственным литературным творчеством. У председателя правления писательской организации Мушни Ласуриа были большие, наработанные связи с очень известными русскими писателями, с руководителями СП СССР. Мне и Дауру Зантария, молодым авторам, едва ступившим на литературную стезю, можно сказать, крупно повезло. Мушни Таевичу пришлось «повоевать» за нас при рассмотрении наших заявлений о принятии в большую писательскую гильдию. Позже он рассказывал мне, что некоторые члены секретариата и президиума, литературные генералы того времени, не выражали восторга при рассмотрении кандидатур слишком молодых, недостаточно опытных литераторов. Фактически к моменту принятия в СП у нас с Дауром было всего лишь по две книжки. Но шеф абхазских писателей был неотступен, аргументировал свои доводы нашими с Дауром особыми литературными задатками и творческими перспективами. И в итоге его борьба за нас увенчалась успехом. Я с гордостью носил красную пухлую корочку члена СП СССР. К сожалению, я потерял ее во время грузино-абхазской войны, когда был вынужден покинуть оккупированный Сухум. Но зато документ, добытый настойчивостью Мушни Ласуриа, стал основанием для получения аналогичного удостоверения члена СП России, подписанного Валерием Ганичевым уже в 1999 году и обновленного в 2019 году.

Мушни Таевич сделал многое для повышения международного престижа абхазской писательской организации. По его инициативе в Литинститут им. А. М. Горького на конкурсной основе (по целевому направлению) была принята первая абхазская группа переводчиков.

Особо запомнились Дни советской литературы в Абхазии — колоссальное событие (1984 год), ставшее реальностью во многом благодаря личным усилиям М. Т. Ласуриа. Грузия всячески препятствовала проведению столь масштабного мероприятия. Но наш не менее опытный шеф нашел достаточно

результативные дипломатические контрприемы против ее происков и ухищрений.

Помню, какие прекрасные творческие вечера проходили в селах Абхазии. Какое это было страстное состязание в чтении лучших абхазских и русских стихов! И какой это был праздник для сельчан, имевших возможность видеть крупных советских мастеров вживую. Среди них были: Александр Межиров, Евгений Евтушенко, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Юрий Давыдов, Анатолий Иванов, Бэлла Ахмадулина, Юрий Кузнецов, Олег Чухонцев, Марис Чаклайс, Зоя Богуславская, Шота Нишнианидзе, Марфуга Айтхожина, Юрий Лакербай и ряд других признанных мастеров литературы. Возглавлял делегацию секретарь правления СП СССР Юрий Воронов, заведовавший в свое время отделом культуры ЦК КПСС.

На полях книги

Навсегда отпечаталось в моей памяти интервью, которое дал в те дни Абхазскому телевидению Андрей Вознесенский, — один из наиболее популярных шестидесятников. Высоко отзываясь об Абхазии, абхазах, абхазской литературе, он завершил свое достаточно эмоциональное обращение весьма проникновенным чтением потрясающих стихов Николая Асеева, посетившего в далекие 30-е годы нашу страну:

Кавказ в стихах обхаживая, гляжусь в твои края,
советская Абхазия, красавица моя.
Когда, гремя туннелями, весь пар горам раздав,
совсем осатанелыми слетают поезда,
И моря малахитового, тяжелый и простой,
чуть гребни перекидывая, откроется простор,
И входит в сердце дрожь его, и — высоту обсев —
звезд живое крошево осыплет Туапсе,
И поезд ступит бережно, подобно босяку,
по краешку, по бережку, под Сочи на Сухум, —
Тогда глазам откроется, врагу не отдана,

вся в зелени до пояса зарытая страна.
Не древние развалины, не плющ, не виадук —
одно твое название захватывает дух.
Зеркалит небо синее тугую высоту.
Азалии, глицинии, магнолии — в цвету.
Обсвистана пернатыми на разные лады,
обвешана в гранатные кровавые плоды,
Врагов опутав за ноги, в ветрах затрепетав,
отважной партизанкою глядишь из-за хребта.
С тобой, с такой красавицей, стихам не захромать!
Стремглав они бросаются в разрыв твоих громад.
Они, тобой расцвечены, скользят по кручам троп —
твой, шрамами иссеченный, губами тронуть лоб!

Андрей Вознесенский, насколько я помню, отметил в упомянутом телевизионном интервью, что Николай Асеев открыл ему Абхазию. А особые симпатии одного из лидеров движения «шестидесятников» к видному представителю русского футуризма, я думаю, можно объяснить еще и тем, что классик в свое время весьма емко и колоритно охарактеризовал творческую родословную самого Вознесенского, подчеркнув, что «...уже если отыскивать черты родоначального поэтического свойства, то это больше всего напоминает стилистическую манеру Маяковского: тот же неуспокоенный, внетрадиционный стих, то же стремление выразить мысль своими средствами, не заимствуя их у других, свободное обращение со строкой в ее ритмическом и синтаксическом разнообразии».

Хорошо помню, какие театрализованные народные гуляния были устроены на знаменитой Лыхненской поляне для участников литературного фестиваля. И главные впечатления, несмотря на феерическую красочность праздника, ассоциировались, конечно, с задорными, зажигательными абхазскими скачками. Думаю, нет ничего особо парадоксального в том, что я нашел в книге А. Вознесенского фантасмагорический стих «Конские состязания в Лыхны», навеянный духом национальных спортивных игр на легендарном абхазском раздолье под названием Лыхны. Мне кажется, что такого апогея мифо-

поэтики поэтическое воображение А. Вознесенского достигло не без приятного психологического воздействия бесподобного красного вина «Лыхны», давно уже ставшего брэндом абхазского гостеприимства. Тем более что в абхазских плетеных хижинах, куда щедрые хозяева заводили всех участников писательского десанта (и поэтов, и прозаиков, и драматургов, и критиков), редкие вина с клубнично-земляничным привкусом доставались местными виночерпиями-весельчаками прямо из глиняных кувшинов, зарытых в землю по самую горловину:

Кобыла на скачках в Лыхны
Сбросила седока.
Сказала: «Товарищ, дрыхни! Пока».
И возглавила неслыханные бега…

Толпе свело носопырки.
Одна четыре витка
Несется эмансипированная
Лошадь без седока.

Оказывается, на дистанции
Можно без мужика.
Какой тебе приз достанется,
Ротшильд без кошелька?

Серая, серая, серая,
Яблоками бока,
Второго обходишь, первого,
Победа без седока!

Прилипли к заду полетному
Сквозь смазанные времена
Гашетками от пулемета
Прижатые стремена!

Умничка! Взвив уздечку,
Чтоб не запутать бег.
Закушенной той усмешки
Не вынесет человек…

Да ну вас с вашим бензином
И термоядерной мощью.
Живет не овсом единым
Лошадь!

Серая, серая, серая,
Яблоками бока,
Крути безумную серию:
«Лошадь без седока!»

Летит кровать без любовников,
Бежит без баржи река,
«Война и мир» без Хамовников,
Голод без едока.

И вот так, обрастая все новыми нюансами и метафорическими сцеплениями, стихотворение Андрея Вознесенского поневоле ставит нас, читателей, в положение людей, наблюдающих за восхитительным зрелищем, где безграничное воображение поэта то уводит нас с лыхненского поля, то вновь возвращает к нему, чтобы мы вместе с автором домыслили сюжет с диковинным абхазским пейзажем и произнесли в унисон с поэтом и незадачливым жокеем две пронзительные, будоражащие сознание строчки:

Верните мне мою лошадь!
Верните мне времена!

Но пока тема «лошади без седока» обрастает новыми броскими образами, усиливая динамизм этой притчи в стихах:

Несется мысль без мыслителя,
И лермонтовская тоска,
Поручиком не насытившись,
Мчится без седока.

Кому это, дура, нужно?
Тебя стреножат в конюшне.

И приза тебе не дали.
Но это детали.

Уже перевал с Казбеком.
Оседланный небом круп…
Природа без человека
Делает первый круг.

Серая, серая, серая
Над крепостью и ДК
Улыбочкою ощеренной
Взвиваешься в облака.

Глядите! Уже над Африкой
Лошадь без седока.
Летят ароматные яблоки
На головы и века.

Я только запомнил Лыхну
И как вслед пошел вертолет.
И измученную твою улыбку,
Какой никто не поймет.

Верните мне мою лошадь!
Верните мне времена!
Тебя в небесах стреножат,
Кто вскочит в те стремена?

Шатер в честь высоких гостей во дворе Баграта Шинкуба

В уголках моей памяти не утихают гулкие отголоски литературного праздника, прошедшего в живописнейшем селе Члоу. Сюда народный поэт Баграт Шинкуба пригласил своих собратьев по творческому цеху — всех участников дней советской литературы. Обо всем в подробностях рассказать невозможно. Но ярче и роскошнее всего выглядели зрелища, происходившие в огромном шатре, специально сооруженном

властями Абхазии прямо во дворе нашего великого мастера — у холма Лаганиаху, воспетого им в лучших стихах о родном очаге, о родных пенатах. Баграт встречал гостей в своей строгой абхазской черкеске, в большой папахе, соответствовавшей его высокому уровню и фактуре, при всех атрибутах, на фоне которых особо выделялся серебряный кинжал, доставшийся патриарху от предков.

Шатер напоминал гастролирующий цирк, где все зрители видели друг друга и спокойно наблюдали за тем, что происходило на манеже. Столы изобиловали множеством вкусностей. Помимо всего, что входит в свадебное меню, здесь было в достатке и дичи, и пятнистой абхазской форели, и лосося. Ассортимент вин, предложенных писателям, не уступал тому выбору, каким гости довольствовались в Лыхны.

Было много тостов, провозглашенных тамадой, были и импровизированные — в рамках спонтанно сформированных застольных писательских объединений. Как бы ни старался тамада изо всех сил проследить за тем, насколько честно осушали бокалы хозяева и гости, он практически не мог, хотя у него были и заместители по правую и левую руку, сделать это в необъятном пространстве члоуского шатра.

Помню еще одну интересную сцену. Когда все встали из-за стола и вышли во двор, под огромным ветвистым деревом пустились в пляс местные джигиты. Пригласили на танец и самого Баграта, продемонстрировавшего, несмотря на свой солидный возраст, изящность и строгость классических движений. Впечатлил всех лицезревших эти игры блистательный мужской дуэт руководителей республики Бориса Адлейба и Валериана Кобахия. Происходило все это уже поздним вечером, и было такое ощущение, будто члоуские горы, убеленные сединой, погрузившись в странное безмолвие, наблюдают за всем этим древним священнодействием.

Невозможно обойти вниманием еще один полузабавный сюжет. Мы с известным поэтом Терентием Чаниа по поручению своего начальства сопровождали писательскую делегацию. И когда с трудом собрав всех гостей, не желавших прощаться с гостеприимным двором, мы наконец-то усадили их

в автобус, кто-то вдруг вспомнил о том, что они опоздали на ужин в гостинице «Абхазия» в Сухуме. Некоторых это здорово рассмешило, ну а некоторых заметно огорчило. Другое дело, что на фоне члоуского роскошного стола, сухумский ужин с блинчиками и сметаной выглядел куда скуднее. Разговор на эту тему каким-то образом дошел до первого секретаря обкома. И он срочно распорядился погрузить в машину ящик коньяка и еще один ящик разных вкусностей. Это было лучшее продолжение литературного фестиваля. О подробностях я уж лучше промолчу…

«Вы живы еще, ачандарцы?»

В 1982 году мне посчастливилось быть участником Всесоюзного семинара молодых писателей во Львове. Литературный форум был посвящен 60-летию образования СССР. Логика сюжета подталкивает меня к его занимательной предыстории. В Пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа проходили семинары по проблемам жанров. Была дискуссия и по детской (юношеской) литературе. На одной из таких встреч завязалась дружба молодых абхазских литераторов с писателем, куратором творческой молодежи ЦК ВЛКСМ Михаилом Кизиловым и поэтом, литературным консультантом СП СССР Юрием Лопусовым. В условиях наших теплых бесед с ними в кулуарах семинара, появилась возможность рассказать о сложных взаимоотношениях Тбилиси и Сухума, что отражается и на проблемах выхода абхазской творческой молодежи на международные площадки. Ребята не стали обещать нам золотые горы, но вскоре мы заметили, как в обход Тбилиси в Абхазию, в Сухум, в обком комсомола и творческие союзы стали поступать одна за другой телеграммы с приглашениями на очень престижные творческие форумы. Вскоре в «Молодой гвардии» вышел первый сборник молодых абхазских авторов. Ну и мы старались проявить к друзьям хоть какое-то скромное внимание. Надолго остался в памяти эпизод о том, как пригласив наших московских коллег и других, близких им друзей — участников Пи-

цундского семинара, на застолье в роскошном абхазском дворе на Голубом Озере, что по пути к красавице Рице, мы решили к их визиту основательно подготовиться. Надо было достать хорошую, как минимум, трехгодовалую козу, абхазское вино из лучших подвалов. Замысел превосходен, но реализовать его было не так просто. И вот вино-водочным вопросом решили заняться Валерий Гамгиа, Геннадий Аламиа, Виталий Джения по прозвищу «Босс» и я, как достаточно опытный эксперт по винной алхимии. Помню, в Сухуме, на «Кинопрокате», где жил Валерий Гамгиа, погрузили в багажник его видавшей виды красной «шестерки» столитровый дубовый бочонок и решили так, наудачу, выбрать маршрут поиска хорошего абхазского вина. Выбор пал на с. Ачандару, где, как нам казалось, не бывает плохих вин. Разница только в степени их терпкости, которые могли определить наши «эксперты». Выбор ачандарского направления был мотивирован еще и тем, что сам «босс» — один из лучших абхазских скульпторов, был родом из Ачандары. Мы не стали ездить по проселочным дорогам, решили подъехать на вскидку к первому попавшемуся двору и позвать хозяина. Так и сделали. Хозяин даже не дал договорить нам то, о чем хотели намекнуть ему дипломатично. Он уловил подтекст нашей просьбы в мгновение ока. Замечательный ачандарец по фамилии Чхабелия, стройный и на редкость добродушный мужчина лет семидесяти, устроил нам дегустацию разных вин прямо в а҃цара, т.е. в своем родном винохранилище. Здесь бочки со знаком качества лучших майкопских бондарей были расставлены на двух балках по уровню водоизмещения: пятисотлитровые, трехсотлитровые, двухсотлитровые, столитровые и так — по нисходящей… После обмена тостами за Абхазию и за абхазо-русскую писательскую братию, хозяин щадящими ударами молотка выбил из отверстия бочонка деревянную пробку и до самого отверстия заполнил наш дубовый сосуд красно-коричневым вином, которое мы предпочли остальным сортам. Долго мы пытались внушить гостеприимному и мудрому ачандарцу, что будет не по-божески, и не по-абхазски, если он откажется брать с нас скромную плату за такой чудесный напиток. Но он и слышать

не хотел про это… «Вы же это не для себя хотите, а для гостей Абхазии…» — весьма деликатно, облагораживая нашу теплую беседу в винохранилище своей доброй крестьянской улыбкой, отвечал на редкость приветливый ачандарец на все уговоры.

Мы выехали в сторону Рицы. Застолье в сказочном месте на берегу гулко рокочущей горной реки Бзыбь с нашими московскими собратьями достойно отдельного описания. Здесь было много доброго юмора, много вина, много зажигательных танцев, много темпераментных, изобилующих яркими абхазскими афоризмами, тостов. И вспоминая этот эпизод, я поневоле задумываюсь над глубоким философским смыслом хлесткого риторического восклицания Фазиля Искандера: «Вы живы еще ачандарцы, значит мы живы еще!». Видимо, в этой развернутой метафоре великого мастера –источник неиссякаемого жизнелюбия и веры в силу духа.

Вот так, под несмолкаемый шум и клокотанье бурной и своенравной Бзыби молодые жрецы абхазского и русского искусства закладывали основы будущего творческого взаимодействия. Вот здесь и родилась идея делегировать меня на Львовский литературный семинар.

Львовские сюжеты

Во Львове — жемчужине Западной Украины — я никогда не был…Но зато знал, что это город, который впитывал в себя на протяжении многих веков аромат западной и восточной культуры. Город с уникальной архитектурой. Здесь как нигде ощутимо редкое и неповторимое созвучие австрийского модерна со стилем украинского и немецкого градостроительства. Львов может также удивить архитектурой стиля арт-деко, совмещающим в себе модерн, ампир и африканское искусство. Чего стоит хотя бы то, что во Львове 30 лет с некоторыми перерывами прожил сын Вольфганга Амадея Моцарта — Франц Ксавьер — австрийский учитель, церковный органист, автор знаменитого рождественского гимна «Тихая ночь»?..

Готовясь к поездке во Львов, я переживал только за две вещи: тщательно подготовленные подстрочники своих стихов и безупречно отфильтрованную абхазскую чачу, с которой мои «толкачи» по ЦК ВЛКСМ и СП СССР связывали самые теплые воспоминания об Абхазии и ее традициях. Алычовый самогон моей незабвенной матери по своим качествам вполне соответствовал этим стандартам и, если верить тогдашним градусомерам, он достигал отметки 70 градусов. В те времена еще не знали, что алычовая чача содержит немалую дозу антихолестерина. Сейчас такой товар смело можно продавать за твердую валюту, и не уступает он хваленому итальянскому лимончелло собственного производства.

Мать наполнила мне своим лечебно-профилактическим зельем трехлитровую банку и только собралась ее закручивать специальной закруткой, как я вспомнил, что необходимо малость «облагородить» напиток виноградным компотом. Мать сначала не поняла, к чему такая смесь? Я стал объяснять ей, что при посадке в самолет начнут проверять сумки на предмет наличия спиртного. И если что, я бы стал внушать милиционерам, что это компот для друзей и показывать им ягодки изабеллы, плавающие в своем соку.

У моих друзей такой опыт есть, и им удавалось таким образом протащить в салон самолета абхазскую чачу, которая в результате абсолютно не теряет своих брендовых качеств… Мать от души расхохоталась и, достав с полки нашей кладовой банку компота, занялась алхимией по моему рецепту.

Однако мои хитро-мудрые намерения не прокатили в Днепропетровске, где во время промежуточной дозаправки, всех пассажиров вывели из самолета и повезли в зал ожидания аэропорта. Представьте себе, мне не хватило сообразительности не брать с собой ручную кладь с моим драгоценным напитком. Я гордо и самоуверенно вышел с ней из авиалайнера и поехал со всеми пассажирами в зал ожидания. Вот здесь и ожидала меня настоящая профессиональная экспертиза содержимого моей трехлитровой банки. Вскоре объявили посадку на рейс Сухум-Львов и, вопреки моим ожиданиям, мужчины в погонах стали проявлять особый интерес к моей аккуратно застегну-

той спортивной сумке. Они попросили меня пройти с ними в отделение! И там я любезно открыл ее по их просьбе, и мой обычный стеклянный сосуд стал соблазнять мужчин в погонах перламутровыми ягодками, плававшими в странной розовато-малиновой жидкости.

— Что это? — спросил сержант, глядя мне в лицо.

— Так это же компот, ребята!!! Компот для друзей, участников Львовского семинара молодых писателей… Они меня туда пригласили… — отвечал я, войдя в роль человека, не понимающего в чем дело и что за странные вопросы мне задают блюстители порядка.

— Ну понятно, — произнес сержант неудовлетворительным тоном.

Тем временем младший лейтенант поднял мою банку двумя руками и стал трясти ее то влево, то вправо…И в подозрительной жидкости появились маленькие пузыречки…

–Ну вот, видите — компот… Компот, приготовленный для моих друзей моей матерью… — я вновь попытался защитить свою версию, но увы, весьма примитивными аргументами…

— Нет, дорогой, это не компот, а самая натуральная чача… Понимаете, у компота совершенно другие пузырьки… — весьма хладнокровно опровергал мои доводы младший лейтенант, словно он годами специализировался по этим вопросам…Я чувствовал, что могу опоздать на самолет и решил, не вдаваться больше в бесполезный спор и как-нибудь найти общий язык с «контролерами». Наша дискуссия закончилась тем, что я оставил им «червонец» на то, чтобы они могли спокойно пообедать и поднять по стопке за здоровье участника Львовского семинара… А бесценный сосуд с бесценным содержимым, слегка ароматизированным вкуснейшим компотом моей матери — я все-таки забрал…

Помню, с каким смаком и задором я рассказывал про эту забавную историю своим московским «толкачам» во Львове, в сауне, куда они меня пригласили, сделав удивительный сюрприз. Они вручили мне свежий номер газеты «Комсомольская правда» с моим стихотворением в переводе моей молдавской подруги, поэтессы Аллы Коркиной:

Родник в горах — вот мое сердце.
И чтобы жажду утолить,
Спускаются джейраны, серны
Пугливые — здесь воду пить…

Оно — бескрайняя долина,
Где топот яростный коней,
Их ржанье, взмыленные спины
И свист арканов —все слышней…

Ты, сердце, — море без покоя,
Где парус белою фатой…
А может, небо ты ночное,
Средь тысяч звезд — одной звездой?..

И вот я бережно достаю из своего личного архива тот самый № 204 (17510) (от 5 сентября 1982 года) многократно-орденоносной «Комсомолки», на последней странице которой среди таких участников семинара, как М. Максимик, И. Семенова, Н. Давыдовская, В. Протасов, М. Сафонова и других, представлявших различные регионы советской державы, значилась черным по белому и моя фамилия.

Это то самое небольшое стихотворение, с которым могли ознакомиться читатели популярного издания с многомиллионным тиражом. Очень долго и шумно обмывали мои московские «меценаты» вместе со мной номер «Комсомолки», и происходило это в знаменитом львовском ресторане «Фестивальный… Представляю, какие ослепительные фейерверки вспыхнули бы здесь, если бы в популярном молодежном издании появилось не мое скромное стихотворение, а моя целая поэма.

Жили мы в роскошном кемпинге в окрестностях Львова. Сюда съехались молодые авторы со всех республик, краев и областей бывшей советской державы. Знакомились мы за национальным и интернациональным хлебосольством в вестибюлях коттеджей, в парках и аллеях огромной дубовой рощи. Здесь мы проходили своеобразное тестирование перед предстоящей встречей с профессионалами в рамках большого литературного форума.

***

Поэтическую секцию семинара вел достаточно известный по тем временам критик, литературовед, журналист, общественный деятель, бывший в разное время главным редактором издательства «Художественная литература» и «Современник» Олег Финько. Начинал он свою карьеру спецкором «Комсомольской правды» по Дальнему Востоку, был главным редактором «Юридической газеты». С 1993 года становится депутатом Государственной Думы четырех созывов.

Обсуждение представленных работ на семинаре моментами перерастало в жаркие споры. Честно говоря, я немного волновался, боясь, что участники дискуссии не пощадят и меня несмотря на то, что я представлял свое творчество через подстрочники. Но руководитель семинара проявил некоторую сдержанность, видимо, из уважения к российско-абхазским литературным взаимоотношениям. В московских книжных издательствах, главредом которых некоторое время был Олег Финько, выходили солидными тиражами книги Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Гогуа, Д. Ахуба и др. абхазских мастеров и у издателей давно уже сложилось общее представление о нашей литературе. Мне казалось, в силу моей наивности, что и этот момент сыграл свою положительную роль в оценке моих стихов. Почувствовав такую снисходительность, я набрался смелости прочитать на абхазском языке одно из стихотворений, отличавшееся своей философичностью. И тут же воспроизвел на русском языке общий смысл строк, представленных вниманию коллег. Им моя импровизация оказалась по душе. Кстати, я замечал, что абхазская поэтическая речь, как и наша народная музыка, воспринимается хорошо русскими слушателями. Только надо суметь преподнести эффектно природное благозвучие абхазского языка. И еще, как мне кажется, чрезмерная одобрительность тона, с каким друзья отозвались о моих вещах на Львовском семинаре, объяснялась и некоторым эмоциональным воздействием на них моих экзальтированных речей и душевных излияний на шумном сабантуе в кемпинге по случаю непротокольных знакомств участников семинара.

Людмила — жертва идеологизмов

Однако мое достаточно приподнятое настроение было омрачено нападками на стихотворения молодой, весьма элегантной девушки Л. О.-К-ной. У Людмилы была достаточно интересная биография. Она работала стюардессой международного авиарейса «Москва-Пекин». Я представил себе нежную, светловолосую, голубоглазую девушку, сидевшую сейчас рядом, в изысканной ярко-красной униформе бортпроводницы, создающей комфорт и уют в самолете наивысшего сервиса своей очаровательной улыбкой. И в это время из уст молодых авторов, ее собратьев по перу я услышал самые, что ни на есть, суровые слова. Они обрушились со страшной критикой на ее первый лирический сборник, заранее розданный участникам семинара. Да, там было немало интимных стихов, очень проникновенных, страстных, моментами даже чуть эротичных. Но там не было никакой пошлости. Были очень искренние, естественные любовные откровения лирической героини. Но и этой дозы пылких излияний оказалось вполне достаточно, чтобы агрессивно настроенная часть публики накинулась на поэтессу с массой придирок и обвинений чуть ли ни в вульгарности и порнографии.

Слава Богу, нашлись среди нас мужчины, вступившиеся за женщину по-рыцарски. И я не сдержал своих эмоций, попросив слова у руководителя секции, бросил перчатку тем, кто вогнал в краску талантливую девушку, терпеливо выслушивавшую язвительные упреки в свой адрес. Достаточно бойко защищая Людмилу, я вынужден был проявить и свой горский темперамент. И мне казалось тогда, что мои слова немного охладили пыл и ярость мужчин, забывших на мгновение, что они безжалостно, как кровожадные шакалы, терзают беззащитную женщину. В итоге, Людмила и сама смогла спокойно и хладнокровно ответить на вопросы, взбудоражившие ее оппонентов. Подытоживая дискуссию, руководитель секции, как человек многоопытный и мудрый, постарался дипломатично сгладить явные перехлесты. Я запомнил, как некоторые из новоиспеченных критиков, смущенно разводя руками, пытались

потом, после заседания, как-то оправдаться перед автором довольно претенциозных стихов, не вписывавшихся в тогдашние идеологические парадигмы.

Позже, в 1985 году, новые стихотворения Людмилы вошли в коллективный сборник «Вкус дождя». В аннотации к сборнику отмечалась многоплановость символики ее образов, новизна стиля, современность мышления. Вот так понемногу менялось отношение к ценностям. Видимо, потому что на просторах великой советской державы повеяло ветром горбачевской перестройки.

***

Я до сих пор вспоминаю с особым трепетом сказочную поездку из Львова в Трускавец. Везли нас туда на новых цветных автобусах. Это было, насколько помню, в пору обильного созревания груш и яблок. Про Трускавец, славившийся своими минеральными источниками и сероводородными ваннами, я часто слышал от своего большого друга, непревзойденного мастера прозы Алексея Гогуа, который часто ездил туда подкрепить свое здоровье. И возвращался он бодрым, свежим, настроенным на штурм новых литературных высот.

Вот наши автобусы заехали на безграничную территорию какого-то фруктового хозяйства. Один за другим мы стали выходить из автобуса. Впереди меня в салоне шла «многострадальная» Людмила, я как один из ее доблестных защитников, позволял себе кое-какие шутки и любезности в ее адрес…И она отвечала улыбкой, за которой скрывалось чувство признательности за моральную поддержку на семинаре.

Мы вышли из автобуса, и наши кураторы повели нас по тропинкам куда-то в глубину огромного яблоневого сада. Ветки ухоженных яблонь были увешаны крупными сочными плодами, очень похожими на белый «налив». От их пьяного благоухания кружилась голова. Под яблонями были рассыпаны тысячи чуть перезрелых яблок. Помню, хозяева сада говорили нам: «Берите сколько можете!», и мы прямо с земли поднимали щедрые дары природы, клали их в целлофановые пакетики, чтобы и дома от души похрумкать.

Вскоре нас подвели к какой-то открытой беседке на поляне, где ждали секретарь правления СП СССР Олег Шестинский, Юрий Лопусов, Михаил Кизилов и еще кто-то из оргкомитета семинара. Нас пригласили к застолью, напоминавшему своеобразный пикник, трапезу на природе. Здесь дегустировали разные вина, продолжалось знакомство молодых писателей. Было немало вкусностей. Хотя достаточно было опорожнить стакан вина и закусить хрустящими трускавецкими яблоками, имевшимися здесь в большом изобилии. Людей было много, и я медленно, но напористо протиснулся к тому месту, где стоял руководитель творческого форума Олег Шестинский. Улучив момент, представился, произнеся достаточно внятно, чуть амбициозно и хлестко, что я из Абхазии. Шестинский крепко пожал мне руку, и спросил: «Как там Иван Константинович Тарба?..» «Мы с ним — давнишние друзья!» — добавил Олег Николаевич, дружелюбно улыбаясь. Я пообещал ему, что по возвращению в Сухум, непременно позвоню абхазскому классику и передам ему привет от него. Я заметил, как внимательно прислушивался к словам известного поэта, крупного по тем временам литературного чиновника, Юрий Лопусов, который никогда не упускал случая рекламировать Абхазию, замолвить доброе слово о ее культуре. Юрий являлся не рядовым консультантом писательского сообщества, был в статусе ответственного секретаря по работе с молодыми литераторами. А это уже — не маленький начальник.

***

Я уезжал из Львова с кучей книг, визиток, газет, долго потом напоминавших мне имена одаренных авторов из самых разных уголков огромной советской империи, на атласе которой и Абхазия занимала свое скромное, но достойное место. На остатки командировочных денег приобрел, уезжая из Львова, сувениры с видами города, две косы и два напильника для своего дяди Самсона. Правда, инструменты пришлось заворачивать в какую-то специальную толстую бумагу и сдавать их

в багаж. Я стал переживать: вдруг еще кто-то из проверяющих примет мою стальную косу за холодное оружие.

Кстати, во Львове помимо уникальных музеев и других достопримечательностей, были очень хорошие хозяйственные магазины. И я не мог вернуться на Родину, не купив хоть что-то из богатого инвентаря, пусть даже символически. Я знал, что для великого тамышского трудоголика Самсона Гиджовича, коса — это особый подарок. Помню, как ликовало его доброе и отзывчивое лицо, когда, вернувшись из поездки, я преподнес ему львовские косы и напильники. С августа начинал он косить сено, и никакой современный садовый триммер не способен творить чудеса, подобные тем, что в руках богатыря Самсона делала обычная крестьянская коса. К концу осени на наших задворках стояло, как минимум, порядка 20 стогов плотно уложенного золотистого сена. И никто не удивлялся этому, потому что у моего дяди было более 50 голов скота, ждавшего от своего хозяина сухого корма, достаточного для зимней жвачки. Так что я знал, что дядя предпочтет косу перочинному ножу или какой-нибудь другой безделушке.

***

Уезжая из Львова, я оставил свою визитку прекрасной молодой поэтессе, за которую я смело и дерзко заступился, подражая замашкам Рыцаря печального образа — бессмертного персонажа бессмертного произведения Сервантеса. Помните эпизод из обожаемого всеми нами романа: «Прикрывшись щитом, он пришпоривает худые бока своей клячи и бросается, с копьем наперевес, на мельницы с криком: — За тебя, Дульсинея, дама моего сердца!» Коня и копья у меня на львовском литературном ристалище не было, но зато были бойцовский дух и решительность!

Я заметил, что, прощаясь со мной, голубоглазая стюардесса не скрывала искренней признательности мне не только за поддержку ее стихов, но и процесса едва наметившейся в тот период женской эмансипации в русской советской поэзии.

Военкоматы в моей судьбе

Спустя некоторое время после поездки во Львов в сентябре 1982 года совершенно неожиданно я получил повестку из сухумского военкомата. Она меня всерьез озадачила: вроде бы никакой чрезвычайной ситуации нет, из армии я был демобилизован не так давно… Думал, зачем военкомату вдруг понадобился резервист-стройбатовец с учительским образованием и военно-учетной специальностью: военный корреспондент в звании старшего лейтенанта? Такое звание мне присвоили в Иркутске (точнее в Чите, где располагалось командование Забайкальского военного округа) к концу моей службы, видимо, с учетом моего высшего образования. Вот, где еще пригодился диплом о высшем образовании, помимо того, что когда-то в том же Иркутском госпитале многоопытный начальник отделения Вовкодавк заставлял меня считать общее количество койко-мест, пытаясь внушить мне, что человеку с высшим образованием проще решить эту арифметическую задачу, нежели совершенно необразованному…

Я, как человек военнообязанный и законопослушный, в тот же день явился в четвертое отделение родного сухумского военкомата. Подполковник с каменным выражением лица разъяснил мне причину срочного вызова, ознакомил меня с приказом о моей отправке в Баку на Сальянские казармы для прохождения двухмесячных сборов офицеров запаса. Я почему-то на эмоциональной волне решил оспорить это решение. С какой-то глупой наивностью попытался внушить подполковнику с безжизненным взглядом, насколько эта принудиловка может нарушить мои творческие планы и т.д. и т.п. Начальник отреагировал жестко, и в ответ на мои, совершенно непонятные ему сетования, произнес коротко и строго: «Товарищ старший лейтенант, выполняйте приказ!», вручив мне бумагу с резолюцией военкома. Я встал, отдал честь как положено по уставу и, надолго выкинув из головы свои великие творческие замыслы, направился к двери.

Где-то на второй и или третий день после несостоявшегося философского диалога в военкомате я прилетел в Баку, и с

рюкзаком на плечах, настраиваясь на давно позабытый казарменный режим, отправился в Сальянские казармы, о которых услышал впервые в четвертом отделении из уст того самого робота в мундире. Шел я долго, дул неприятный, пронизывающий до костей осенний ветер. Наконец дошел до расположения войсковой части (какой это был род войск, я уже не помню). С трудом добрался до штаба, доложил о прибытии и показал какому-то командиру документы, заверенные круглой печатью сухвоенкомата. Начальник посмотрел на мои бумаги, военный билет, вернул мне их обратно и произнес совершенно хладнокровно, что прислали не по адресу… Наученный горьким опытом, я не стал спрашивать, переспрашивать, выражать протест, теперь уже опасаясь, как бы отсюда из Баку меня от не хрена делать не переадресовали куда-нибудь в Ташкент или Ашхабад. Смирившись со своей печальной участью, отдал честь офицеру, не понявшему тонкого юмора сухумских военкоматчиков, и потопал обратно со своим непригодившимся по своему назначению рюкзаком на плечах, глубоко сожалея о том, что судить о величии и красоте Баку, родине великого Низами Гянджеви, мне придется только по безжизненной и мрачной территории Солянских казарм и колючем ветре, заунывно гулявшем по ней.

***

Приехав в Сухум, я решил, чуть передохнув, сразу пойти в военкомат, доложить о причинах досрочного возвращения из Баку, и немного посканадалить в кабинете того самого, скупого на слова и вечно злого подполковника, чье лицо никогда не выражало никаких эмоций. Я был настроен весьма воинственно несмотря на то, что друзья, побывавшие на сборах, предупреждали — ссориться с сотрудниками военкомата, да и вообще с военными, не стоит. Как говорится, плетью обуха не перешибешь… Но я не мог перебороть себя… Я решил проявить свою прыть и прямо с порога 4-го отделения начал предъявлять свои претензии его начальнику — «наперснику судьбы моей»… Скандал имел для меня весьма неприятные последствия: подполковник вызвал секретаршу, срочно перео-

формил документы и вновь вручил мне, по-прежнему с той же солдафонской толстокожестью произнося: «Товарищ старший лейтенант, выполняйте приказ!» На сей раз в предписании военкомата значился другой адрес: г. Кутаиси, штаб №-го корпуса, артиллерийская войсковая часть № …

Нас там называли «партизанами»

В Кутаиси поселили в небольшую военную гостиницу. На первом этаже разместили офицеров запаса из Сухума. Нас было человек десять, в основном комсомольских работников, педагогов, журналистов. Были резервисты почти таких же специальностей из самого Кутаиси, Гегечкори, Абаши, Зугдиди и др. районов Грузии. Члены абхазской «команды» разместились так, чтобы их койки были рядом. Был в нашей большой комнате общий стол, где мы иногда проводили застолья по разным поводам, вне зависимости от территориальной агломерации и прочих признаков.

Нам дали какое-то старое зимнее обмундирование, потому что в Кутаиси в ту пору уже было холодно. Шел дождь со снегом. По ночам насвистывал ветер. Погоны и другие знаки отличия мы пришили шиворот-навыворот. Сначала знакомились друг с другом за наспех приготовленным, но отличным застольем. Меню состояло из абхазской аджики и чачи, гегечкорской жареной поросятины, кутаисского домашнего сыра и абашского белого вина. Первый тост, как хозяин, произнес заместитель главного редактора газеты «Кутаисская правда» Гия Ар-ния. Затем он предоставил слово самой многочисленной абхазской делегации. Тосты не сильно отличались друг от друга по стилю и пафосу. По ним можно было судить, что здесь в Кутаиси, во время офицерских сборов разборок по национальному вопросу не будет. Договорились обсуждать темы по аспектам, сближающим нас, а не отталкивающим друг от друга. Хотя позже в беседах, не допускавших взаимных оскорблений, такие ток-шоу, в промежутках между темпераментными тостами, оказались неизбежными. Не получилось обойти вни-

манием и тему истории Кутаиси, легендарной столицы средневекового Абхазского царства. Но некоторые из наших наиболее пристрастных сослуживцев Абхазское государство, объединившее всю Грузию в восьмом веке, при Архонте Абазгском Леоне II, педантично и крайне самоуверенно называли грузинским. Все это выглядело немного смешно и примитивно, но мы такому фанатизму не очень удивлялись. Наши «друзья» повторяли как древнюю мантру то, что когда-то вложил в уста своим соплеменникам одиозный филолог и большой фантазер Ингороква. После долгих и запальчивых дискуссий, кто-то из наших сотрапезников предложил поднять тост за Кутаиси, вне зависимости от того, чьей он был столицей. А гегечкорцы, почему-то более лояльные к нам, абхазам, решили сопроводить этот примиренческий тост абхазской героической песней о Смыре Гудисе. Пели они эту песню великолепно, особенно после двух-трех стаканов абхазской изабеллы.

Вскоре удалось выяснить от одного из командиров корпуса, кому мы были подчинены и подотчетны и что стратегической задачей всего нашего интернационального взвода, состоявшего преимущественно из гуманитариев, являлась подготовка и выпуск одного номера войсковой газеты. Если не подводит память она выходила в Кутаисском корпусе под названием «На боевом посту…». Узнав об этом, мы заметно расслабились: подумали: в конце концов здесь собралась чуть ли ни вся элита Абхазии и Западной Грузии, неужели не осилим за целых два месяца один несчастный номер военной газеты, да и то, как выяснилось позже, малоформатной.

После знакомства между собой каждый из резервистов предпочел лично познакомиться с директором нашей маленькой, но достаточно уютной гостиницы, весьма элегантной дамой бальзаковского возраста, спустившейся к нам со второго на первый этаж в первый же день нашего прибытия. Мы почти не слышали ее ненавязчивых советов, касавшихся распорядка и режима проживания в гостинице, настолько были взволнованы ее незаурядной внешностью. В мыслях, каждый из нас поражался тому, как такая изящная женщина, не стала директором одной из лучших отелей второй столицы Грузии…

Хотя, — думали мы, — кто бы тогда дал нам «партизанам» (так нас называли настоящие офицеры) любоваться ее импозантной внешностью… Просясь на прием в ее кабинет под видом уточнения каких-то режимных вунтригостиничных правил, каждый из нас думал, какую бы ей преподнести национальную изюминку,- вино, коньяк, сушеную хурму, орехи, или какой-нибудь буклетик, визитку, чтобы оставить о себе хоть какое-нибудь приятное впечатление.

Но где-то на седьмой день нашей службы начались политзанятия в клубе войсковой части, и мы были вынуждены часами выслушивать донельзя утомительные лекции полковника, замполита войсковой части Семенцова, в том числе о международном положении бывшего СССР. Полковник был большой догмат и приверженец старых идеологических стереотипов. В конце занятия он предоставлял нам возможность задавать ему вопросы по теме. Два резервиста, один из которых, молодой преподаватель истории из Зугдиди Т. П., буквально досаждал полковнику своими вопросами, попахивавшими неким скрытым диссидентством. Они касались советской политической системы, ее изъянов, о чем и вовсе не хотел слышать старый полковник, который готов был сойти в гроб с фанатичной верой в коммунизм. Через некоторое время мы стали придумывать всякие хитросплетения, чтобы по возможности не всем сразу, а небольшими группами пропускать политзанятия, как бы по скользящему графику. И для того чтобы избежать наказания за это, решили задобрить одного из наших «кураторов», лейтенанта С. В. Ему понравились наши ужины в гостинице. Кстати, на ужин в столовую войсковой части не ходил никто, кроме того диссидентствующего историка из Зугдиди, который, от души поужинав, на всякий пожарный брал с собой еще несколько кусков ржаного хлеба.

Один из наших бравых сослуживцев, бывший инструктор горкома, неплохо играл на гитаре, и к концу наших традиционных вечеринок начинал очень громко и в такт напевать нечто вроде: «Настроим гитару под и….. б твою мать…», давая тем самым всем нам намек, что пора спать, а лейтенанту пора идти к себе домой…

После долгих шумных речей и тостов лейтенант покидал нашу гостиницу, забыв надеть свою фуражку (забыл ли?).

В 9 часов утра он стучался к нам в дверь, как будто бы за фуражкой, но на самом деле за тем, чтобы чуть взбодрить себя остатками вчерашней абхазской или гегечкорской чачи. Когда мы исчерпали запасы своих напитков, привезенных из дому, нас выручил заместитель главного редактора «Кутаисской правды». Он редко оставался ночевать в гостинице. Шел к себе домой поздно вечером и появлялся утром, часам к девяти. На сей раз он вернулся к нам с десятилитровым пластмассовым баллоном коньяка. Мы никогда не слышали, чтобы где-то продавали коньяк в таком объеме и в такой странной посуде. Все как один, словно по чьей-то команде, подбежали к нашему на редкость отзывчивому кутаисскому редактору, и плотно обступили его, разбираемые любопытством, где он мог раздобыть такой дефицитный товар, когда мы так остро в нем нуждаемся? Он стоял со своим «золотым» бочонком (своеобразным грузинским бурдюком) и кайфовал от того, что доставил друзьям неслыханное удовольствие… Позже редактор раскрыл нам секрет коньячного изобилия. Оказывается, он жил рядом с Кутаисским коньячным заводом, и смог по блату договориться с рабочими, которые периодически шлангом перекачивали ему через какое-то отверстие солидную дозу коньячного раствора. Он по рецепту своих подельников разбавлял сие зелье еще какой-то ароматизирующей жидкостью и разливал в свои двадцатилитровые стеклянные посудины… После такого колоритного и многокрасочного рассказа нам казалось, что мы пьем какой-то божественный напиток.

Вскоре подоспели и гегечкорцы, которые на днях поехали к себе домой в самоволку, чтобы пополнить наши продовольственные запасы… Помимо жареных поросят, появились и копченые индюшки и немного козлятины. Абхазы жили в кутаисской гостинице беззаботно. Все знали, что для нас немного проблематично ехать на родину за продуктами. На это потребовалось бы не менее суток –туда и обратно на автобусе. Но мы старались восполнить наше общее меню какими-либо вкусностями из кутаисских погребов и харчевен…

После долгих отлыниваний от лекций замполита Семенцова, мы все-таки решили восполнить пробелы и стали посещать занятия. Он, конечно, поворчал на нас, пригрозил, что доложит командованию о нашем недостойном поведении, но в итоге мы нашли с ним общий язык. А спор нашего диссидентствующего историка из Зугдиди с замполитом продолжался, набирая новые обороты.

В послеобеденное время, до ужина, превращавшегося в сабантуй, я не отрывал глаз от севастопольских рассказов и кавказских повестей Льва Толстого. Восхищался гениальностью «Хаджи-Мурата», «Казаков», «Кавказского пленника», «Набега» и др. кавказских текстов русского классика. Начинал делиться впечатлениями с сослуживцами, вычитывая специально для них некоторые фрагменты, касавшиеся психологии горцев. Здесь, в условиях солдатской казармы (т.е. военной гостиницы) я брал на себя роль донельзя педантичного замполита Семенцова, но с совершенно иной идеологической установкой.

Уже в наши дни, участвуя в онлайн-конференциях ИМЛИ им. А. М. Горького, я пытаюсь обратить внимание современных толстоведов на те нюансы, которым редко кто из них придавал серьезное значение. Напомнил московским профессорам, что писатель в рассказе «Набег», условно названном рассказом волонтера, описывая природу местности, где происходит главное событие, дополняет свои картины таким броским мазком, как: «на реке без умолку звенели лягушки…» и тут же делает удивительное авторское примечание о том, что «лягушки на Кавказе производят звук, не имеющий ничего общего с кваканьем русских лягушек». На московских толстоведов такой аспект оценки кавказоведческих изысканий Льва Николаевича произвел определенное впечатление, в чем они признались мне публично.

«Даже в таком неожиданном сравнении проявляется утонченность и глубина мироощущения Толстого», — самовлюбленно и нагло внушал я ученым, всю свою сознательную жизнь занимавшимся скрупулезным исследованием художественного наследия великого писателя.

Мой друг М. П., тогдашний комсомольский работник из Сухума (с неплохой перспективой для карьеры), увлекался романами писателей той эпохи. Помню, как он с головой погружался в роман Ивана Стаднюка «Война». М. П. тоже делился с нами эмоциями и впечатлениями от вещи, пользовавшейся в то время чрезмерно ангажированной популярностью. Но я иногда подкалывал искреннейшего друга, намекая на то, что вряд ли стоило писать такую эпопею после «Войны и мира», хотя вещи были совершенно разные как по тематике, так и по проблематике раскрываемых эпох. В наши времена, когда на просторах интернета блогерствуют все, кому ни лень, о произведении Стаднюка, которым восхищался мой кутаисский однокашник, пишут как о «попытке в беллетристическом стиле исказить историю войны по коммунистическому шаблону». Думаю, мой давний сослуживец, которого я не видел с периода кутаисской службы, прочитав такие коменты, был бы глубоко возмущен. Во время наших двухмесячных сборов редко кто читал такие толстые книги… Наши друзья предпочитали художественной литературе в основном газеты и журналы, которыми нас исправно снабжал сам издатель «Кутаисской правды». Так что он у нас отвечал за самодельный коньяк и настоящую коммунистическую прессу.

Настал период, когда нам следовало вплотную заняться поиском материалов для войсковой газеты «На боевом посту». В тот момент, когда мы напряженно думали, кого бы найти из бойцов кутаисского корпуса, чтобы посвятить ему зарисовку или очерк, кто-то из наших сухумских друзей случайно узнал, что здесь, в артиллерийском подразделении, служит художник из Абхазии Леварса Бутба. Мы сначала не поверили слухам, и для того, чтобы удостовериться в них, решили съездить к нему в район дислокации его батальона. Леварса, конечно, был приятно удивлен такой неожиданной встрече с земляками. Он рассказал нам о своей службе, познакомил с друзьями, и в тот же день прибыл к нам в гостиницу, где за нашим традиционным ужином очерк о талантливом мастере стал обрастать новыми деталями. Не стану описывать в подробностях, как мы собирали по крупицам материа-

лы для войсковой газеты. Помимо рассказов о жизни бойцов и командиров корпуса, нам разрешили вкратце поделиться с читателями газеты личными впечатлениями о достопримечательностях Кутаиси. Кто-то из наших сослуживцев предложил редакции военной газеты небольшую корреспонденцию об обаятельнейшей директрисе нашей военной гостиницы, но редколлегия не нашла соответствующего военно-политического критерия и идею не одобрили. Отклонили и статью диссидентствующего зугдидского историка, подспудно затрагивавшего честь замполита Семенцова. Ритм жизни и долго пренебрегаемый нами устав в итоге вынудили нас заметно ускорить темпы своей журналистской деятельности. Газета вышла. И мы ее обмыли в присутствии лейтенанта, приходившего к нам на рассвете за преднамеренно потерянной фуражкой. На всякий случай я приберег для себя один номер газеты «На боевом посту», чтобы по возвращению в Сухум гордо и амбициозно положить его на стол начальнику четвертого отделения: вот, мол, красноречивый результат моей службы в Кутаисском корпусе. Я уже готовился к отъезду на Родину, как вдруг мне позвонили из Кутаисской городской больницы и сообщили, что мой двоюродный брат Заза Зантария, отбывавший срок в Цулукидзевской тюрьме, доставлен в лечебное учреждение с заворотом кишки и врачи борются за его жизнь. Я, конечно, был в шоке от услышанного, срочно вызвал такси, и прямо в военной форме приехал в больницу. Пока не пришел в себя мой брат, которого кутаисские врачи спасли чудом, я находился там рядом с Раисой Султановной Амичба, матерью Зазы, успевшей прибыть туда из Тамыша. Часто думая о брате — Герое Абхазии, одном из организаторов Восточного фронта, я вспоминаю кутаисскую больницу, и убеждаюсь лишний раз, что это был парень недюжинной силы, непоколебимого духа и выдержки.

На сей раз я отчитался перед бессменным начальником четвертого отделения более сдержанно, оставил ему на память тот экспериментальный номер войсковой газеты, ради которого нас заставляли топтать кутаисскую грязь ровно два месяца. Но я не жалею об этом. Это тоже опыт, хотя, может

быть, и не самый позитивный. Больше меня в военкомат не вызывали. И слава Богу! Так что военкоматы занимают в моей судьбе особое место.

Предгрозовое затишье восьмидесятых

Волна политических событий, взбудоражившая Сухум, Тбилиси и даже Кремлевский истеблишмент, как будто бы немного схлынула. Однако это было кажущееся, обманчивое затишье… По событиям 1977–1978-х и последующих годов в тбилисских тюрьмах сидели по сфабрикованным политическим мотивам участники национально-освободительного движения З. Гиндия, Л. Гицба, М. Тыркба, А. Блабба. За смелый радиорепортаж о митинге протеста в с. Бзыбе против незаконного установления бюста генерала Леселидзе (вместо него по требованию митингующих была установлена мемориальная доска в честь легендарного отряда «Киараз»), был снят с работы корреспондент Абхазского радио Семен Адлейба и сослан в с. Псху. Друг Брежнева генерал Леселидзе не имел никакого отношения к Абхазии, тем более к с. Бзыбь и Рицинскому ущелью, но кому-то заблагорассудилось увековечить его память таким образом.

Не имея никаких серьезных оснований, грузинские власти и их спецслужбы пытались пришить видным участникам национального движения разжигание межнациональной розни, антисоветчину и другие надуманные политические обвинения. Из Сухума в Тбилиси в приказном порядке направляли лжесвидетелей, чтобы оклеветать и очернить борцов за независимость Абхазии. Спецслужбы Грузии и Абхазии в тесном корпоративном сотрудничестве пополняли черные списки «врагов» грузино-абхазской нерушимой дружбы, заводились досье на всех, кто прямо или косвенно был причастен к национальному правозащитному движению. Те, кто особо преуспевали в политике дискредитации абхазских патриотов, получали досрочные звания, майоры становились полковниками, полковники — генералами.

Но в ведущих научных учреждениях Абхазии по-прежнему звучали протестные голоса тех, кто, не мирясь с закостенелой политической системой, последовательно выступал за восстановление попранных прав своего народа. Так, на открытом партийном собрании Абхазского государственного музея от 25 сентября 1980 года его сотрудник И. Р. Марыхуба громогласно заявляет о том, что «в Абхазии как никогда провалена идеологическая работа…». Здесь же он подчеркивает, что одним из высочайших смыслов абхазской революции всегда оставалась борьба за уничтожение «иерархии между большими (многочисленными) и малыми (малочисленными) народами…».

«Многокрасочные буквари абхазам издавать можно, но не научную литературу…»

Научные изыскания абхазских ученых, касавшиеся истории, этнографии, топонимики, картографии и др. областей кавказоведения не могли быть выпущены в свет без визы тбилисских цензоров. А если и выходили, то преимущественно в тбилисском издательстве «Мецниереба», к тому же с сокращением положений, не соответствовавших тбилисским установкам. Так своим специальным распоряжением № 02-17-92 от 24 апреля 1979 года заместитель председателя Госкомиздата Грузинской ССР Ш. Немсадзе запретил государственному издательству «Алашара» издавать научные труды. Но закрепив монополию на издание научной литературы исключительно за «Мецниереба» («Наука»), тбилисский чиновник пытается придать своему постановлению внешне благообразный характер, снисходительно отмечая, что касается издания методической литературы, а также выпуск букваря в многокрасочном или обычном издании, то эти вопросы решает само издательство по согласованию с министерством просвещения Абхазской АССР». Запрещая абхазам издание научных исследований в своем же государственном издательстве, грузины дают понять, что историю Абхазии они будут интерпретировать так, как они

сочтут необходимым в интересах своей экспансионистской политики. Но несмотря на такой жандармский надзор за наукой и исторической литературой наши ученые и писатели пытались донести до мировой общественности подлинную правду об истории Абхазии. Не всегда срабатывала система бдительного тбилисского политнадзора.

Научно-информационный прорыв

В 1975 году вышла в свет монография профессора, члена-корреспондента АН Грузии Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», а в 1979 году издано его фундаментальное исследование «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции». Примечательно, что рецензия на эту книгу вышла из-под пера академика Г. А. Меликишвили, в частности отметившего: «Рецензируемая книга написана на весьма интересную тему. Она зиждется на обширном фактическом и архивном материалах, большая часть которых впервые вводится в научный оборот». Не обошлось, конечно, без пожелания о том, чтобы «в книге в большей степени была показана общность исторических судеб грузинского и абхазского народов…»

В 1974 году выходит отдельной книгой исторический роман Баграта Шинкуба «Ацынтҙарах» («Последний из ушедших»). Такие заметные, знаковые явления духовной жизни и культуры нашего народа получают широкий резонанс не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Вслед за вышеупомянутыми исследованиями национальная наука была ознаменована еще одним незаурядным событием.

В 1976 году с предисловием выдающегося советского историографа М. А. Коростовцева была издана книга Шалвы Инал-Ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов». Это фундаментальное исследование опровергало концепцию грузинских псевдоисториков, отрицавших автохтонность абхазского этноса и существование средневекового Абхазского царства, «простиравшегося, как отмечает ученый, от Никопсии на

северо-западе до Сурамского хребта на востоке и реки Чорох на юге. На первом этапе своей истории до перенесения столицы из абхазского города Анакопия в Кутаиси оно было государственным образованием. В подтверждение своих доводов Ш.Д. Инал-Ипа приводил множество аргументов, фактов, источников. Национальная интеллектуальная элита была воодушевлена заметным прорывом в медиевистике. В поддержку Шалвы Инал-Ипа выступили такие видные ученые, как Коростовцев, Ардзинба, Грантовский, Турчанинов, Дьяконов. Однако тбилисский партаппарат, упустивший выход столь весомого исследования, вместе с абхазским обкомом приступил к целенаправленной циничной дискредитации автора. В условиях строжайшей секретности, в отсутствии большинства сотрудников, в выходной день (5 марта 1977 года), в Абхазском институте с участием членов кафедры истории СССР Сухгоспединститута, а также партийных чиновников было наспех инсценировано обсуждение книги. Случайно услышав об этом, ученые АбНИИ и Абгосмузея успели достаточно оперативно отреагировать на провокацию, жестко потребовав доступа на судилище, устроенное автору книги. Фактически авантюра была сорвана. Однако травля продолжалась.

В газетах «Советская Абхазия», «Апсны Капш», «Сабчота Абхазети» была опубликована анонимная статья, как бы подводившая итоги закрытого заседания в АбНИИ. И носила она название «За глубокое научное изучение истории Абхазии». То есть получалось, что те, кто состряпали эту пасквилянтскую публикацию по указанию сверху, пытались обвинить высококвалифицированного ученого в отсутствии глубины исследования. Такая разнузданная пропаганда велась несмотря на высокие оценки ряда крупных специалистов. Еще 4 января 1977 года в той же газете «Советская Абхазия» доктор исторических наук В. Г. Ардзинба в соавторстве с известным историком Э. А. Грантовским опубликовал отзыв о книге «Вопросы этнокультурной истории Абхазии». Здесь отмечалось, что «автор сумел представить довольно ясную картину развития абхазского народа на протяжении длительного исторического периода». Академик М.А. Коростовцев охарактеризовал ра-

боту Ш. Инал-Ипа, как комплексное исследование, насыщенное разнообразными фактическими данными … и серьезный и ценный вклад в советскую историческую науку». В «Советской Абхазии» появилась также статья поэта-переводчика, члена Союза писателей Абхазии и СССР Дениса Чачхалиа, в которой были отмечены достоинства книги, затрагивавшей важнейшие периоды становления абхазской государственности.

Но местная партноменклатура по указке из Тбилиси продолжала нагнетать атмосферу вокруг труда, наносившего ощутимый удар по антинаучным измышлениям достаточно политизированных представителей академических кругов Грузии.

Вскоре в высшие политические структуры бывшего СССР, курировавшие идеологию и науку, а также в Академию наук СССР было послано множество писем и телеграмм с требованием создать компетентную комиссию и дать объективную оценку труду Ш. Д. Инал-Ипа. В одном из таких обращений, говорилось: «Как бы не хотелось прибегать к сравнениям, но почему-то невольно приходят в голову мысли о Джордано Бруно и кострах инквизиции, о преследованиях Галилея и Коперника…». Далее авторы письма, направленного в отдел науки ЦК КПСС в другие высокие инстанции (июнь 1977 г.) отмечали, в частности, что «… они стали свидетелями своеобразного аутодафе, которое так стрались устроить своему коллеге некоторые из его оппонентов». Документ, содержавший анализ проблем, поднятых в книге проф. Инал-Ипа, подписывали сотрудники Абгосмузея А. Абрегов, Т. Гицба, Е. Аджинджал, Ю. Аргун, И. Мархолиа, Н. Шенкао.

Аналогичное обращение было подготовлено и направлено в Москву за подписью научных сотрудников Абхазского института В. Кварчиа, И. Цвинариа, Б. Аджинджал, В. Бигуаа. По следам упомянутых писем в Абхазию прибыл представитель отдела науки ЦК Шерстобитов. Чиновники провели с ним келейные встречи с участием тех, кто осуждал книгу Ш. Инал-Ипа. Однако, как пишет об этом академик В. Е. Кварчиа, в итоге удалось рассекретить место нахождения московского чиновника и добиться встречи с ним. В ней принимали участие сам Кварчиа, В. Цвинариа, А. Аншба, А. Абрегов,

Н. Шенкао и др. Представилась возможность в подробностях раскрыть Шерстобитову подлинную историю вопроса.

Вскоре в Москве была создана специальная комиссия по книге Ш. Инал-Ипа с привлечением крупных специалистов. Возглавлял комиссию академик Мунчаев. Известно, что определенное влияние на ее работу в плане объективного научного информирования о монографии оказали Владислав Ардзинба и Вадим Бжания. В конечном итоге работа «Вопросы этнокультурной истории абхазов», подвергшаяся нападкам фальсификаторов и подобострастных чиновников, получила высокую оценку, подтвержденную личными подписями ряда советских академиков. Это была еще одна победа абхазской интеллигенции. Выдающаяся работа Ш. Д. Инал-Ипа и события вокруг нее, безусловно, сыграли значительную роль в дальнейшем углублении идеологии национально-освободительного движения. Однако грузинские лжеученые и их высокопоставленные покровители не унимались.

В 1980 году был сожжен Абхазский институт языка, литературы и истории. Несмотря на то, что расследование этого вопиющего преступления не было доведено до конца, и его результаты не были обнародованы, ни для кого не было секретом, что уничтожение уникального архива этого всемирно известного абхазоведческого центра, его бесценной библиотеки было преднамеренной целью антиабхазских действий тбилисской метрополии. Второй, теперь уже демонстративный поджог Абхазского института был осуществлен 22 октября 1992 года, когда Сухум находился под полным контролем грузинских оккупационных властей. Тогда почти одновременно был предан огню и Центральный госархив Абхазии с его уникальными фондами.

Грузия, по-прежнему, не гнушаясь ничем, выворачивала всю абхазскую историю наизнанку. Пример подобного отношения показывали грузинские академические круги, интерпретируя нашу историю своевольно, не считаясь с мнением и точками зрения абхазских и некоторых русских историков. Образцом технологии подобной перелицовки истории Абхазии стали материалы энциклопедического справочника «Гру-

зинская Советская Социалистическая Республика». Здесь были пущены в ход испытанные опытными фальсификаторами методы искажения и обезличивания истории и культуры абхазов.

Ученые Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, дважды сожженного грузинскими вандалами, достаточно жестко отреагировали на данное издание обширным письмом от 30 ноября 1983 года, адресованным Генсеку Ю. В. Андропову. Искажения затронули крайне болезненную для грузин эпоху Абхазского царства. «В главе, посвященной Абхазскому царству, полностью игнорируются или ложно трактуются средневековые письменные источники…» — отмечали абхазские эксперты, подкрепляя свои доводы конкретными фактами и аргументами. В десятистраничном пространном письме Генсеку видные представители абхазской интеллектуальной элиты выразили надежду на принятие соответствующих мер по поднятым ими вопросам.

Видимо, после бурных событий 1977–1978-х годов у нашей интеллигенции еще сохранялись иллюзии, что там в Кремле сильны отголоски недавней абхазской революции и фальсификаторские поползновения грузинских ученых и политиков могут быть пресечены только Москвой. Однако тревожные абхазские письма, как и прежде, пересылались канцелярией Кремля в Тбилиси.

Освистанный в 1978 году абхазскими повстанцами Шеварднадзе и не думал проявлять милосердия и беспристрастия к абхазам, тем более в таких вопросах, как автохтонность абхазского этноса. Но несмотря на все это, такие документы подстегивали историческую память народа, препятствовали политике его «манкуртизации». Они не теряют актуальности, потому что работа грузинских институтов, выполняющих неизменную стратегическую задачу полного отрицания этнической самобытности абхазов, не прерывалась ни на минуту. И тем более она ведется сейчас, когда Грузия и де-факто, и де-юре окончательно потеряли Абхазию и Южную Осетию в результате совершенной ею вооруженной агрессии. Письмо

по опровержению «Энциклопедического справочника чудовищной грузинской лжи» (простите мне может быть не очень уместную иронию) подписали известные абхазоведы М. Гунба, Р. Чанба, Б. Аджинджал, А. Аншба, Н. Аршба, Ю. Воронов, С. Лакоба, В. Цвинариа. Большинство из них давно ушли из жизни. Но их значимые подписи остались. Осталось письмо — тщательно выверенный документ, напоминающий нам о том, что борьба за сохранение своей идентичности, законное право быть самостоятельными, продолжается.

***

В 1978 оду выходит небольшая по объему, но уникальная по исследуемой проблематике книга Ю. Н. Воронова «В мире архитектурных памятников Абхазии». Грузинская цензура изымает эту вещь из обращения. Причина и мотивы более чем понятны: она не соответствовала догмам и установкам грузинских псевдоученых.

В 1982 году выходит в свет и тут же изымается из обращения замечательный сборник «Абхазия в русской литературе». Причина, на мой взгляд, в предисловии Евгения Евтушенко «С душою — о стране души», где, в частности, есть такое мнение: «Если взглянуть на карту мира, то Абхазия предстает как крошечный кусочек человечества. Но в том и сила человечества, что его отдельные — маленькие и большие части — неотделимы от понятия «человечество». Любой гегемонизм, шовинизм, национализм преступны потому, что пытаются поставить один народ над другим, возвыситься за счет чьего-то унижения. Именно потому не выжила ни одна империя — ни византийская, ни римская, ни французская, ни английская, что основным законом их существования было попирание одним народом других. Гитлеровский рейх довел идею империи до аморальной концентрации, выразившейся в газовых камерах, в их замысле поголовного истребления или порабощения народов во имя процветания арийской расы. Где все эти империи? Они распались. Кто бы ни пробовал создавать новые империи, они будут распадаться вновь…»

Видимо, многоопытные тбилисские цензоры, привыкшие рассматривать в лупу каждую буковку текстов, связанных с историей Абхазии, не могли не заподозрить себя в словах крупного мастера слова, популярнейшего шестидесятника, раскрывающего типологию и агрессивную сущность любых империй.

«Спецпосланники» тбилисского партаппарата пытались контролировать любые подобные взрывоопасные вопросы не только в Грузии, но и в Москве и др. центрах бывшего СССР. Санкт-Петербургский ученый Игорь Павлович Лейберов достаточно интересно и убедительно представил ситуацию, связанную с защитой докторской диссертации крупного археолога Ю.Н. Воронова на тему «Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э.— VIII в. н.э.»). Защита проходила в Москве, в здании Института археологии АН СССР (1985 год).

«…Из Тбилиси прибыла бригада археологов — кандидатов наук и аспирантов из научного Центра О. Д. Лордкипанидзе, чтобы провалить это исследование. Для поддержки Ю. Н. Воронова пришла группа абхазских аспирантов и студентов московских вузов во главе с известным писателем и поэтом Фазилем Искандером. Защита длилась непомерно долго. Невзирая на все критические нападки, Юрий Воронов держался стойко, умно и спокойно. Парадокс заключался еще и в том, что среди трех его оппонентов двое являлись известными археологами— доктора наук О. М. Джапаридзе (член-корреспондент Грузинской Академии наук) и В. А. Леквинадзе. Председательствовал на ученом совете директор Института, выдающийся ученый-археолог, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Борис Александрович Рыбаков. Он вел ученый совет тонко и вежливо, сдерживая своими вопросами молодых и горячих тбилисских археологов: «А вы, молодой человек, читали докторскую диссертацию Воронова? Ах, нет! Читали только автореферат или одну из его статей? Так что же вы занимаете наше драгоценное время?» Зал был весь в напряжении, иногда все хохотали или возмущались после очередного грубого вы-

ступления. Юрий Воронов победил: за его труд Ученый совет проголосовал единогласно. Это была победа и абхазской науки» (И. П. Лейберов. Россия. Кавказ. Абхазия. СПб, 1995).

***

С Юрием Николаевичем Вороновым меня связывали годы сотрудничества в рамках Первого Парламента — Народного Собрания РА. Во время войны ученый проводил колоссальную пропагандистскую и правозащитную работу, возглавляя парламентскую комиссию по правам человека и межнациональным отношениям. Это был сильнейший оратор, интеллектуал, полемист. Не успеет он вернуться из командировки в Москву и Санкт-Петербург в Гудауту, куда направлял его Владислав Ардзинба для участия в тех или иных «круглых столах», как наш лидер вновь ставил перед ним новую задачу. И он успешно справлялся с ней.

Помню, однажды он подошел ко мне и, похлопывая меня по плечу, сказал, что ему понравилось мое обширное телеинтервью с адыгским профессором Баразби Бгажноковым, записанным на пленку сразу после неудачного Мартовского наступления 1993 года. В этой беседе один из лучших этнологов Кавказа, харизматичный и мудрый Баразби Хачимович, глубоко прочувствовав упаднические настроения братского абхазскогонарода, потерявшего в одной операции 222 бойцов, сумел взбодрить людей, вселить в них веру в победу над агрессором.

Юрий Николаевич попросил меня взять аналогичное интервью и у него. Я был безмерно рад такому предложению. Однако ему пришлось срочно уехать куда-то с той же правозащитной миссией. Вернулись мы к теме военных событий и политических перспектив Абхазии уже после войны. Вместе с Амираном Гамгиа записали интервью выдающегося ученого и политика в родовом селе Ясочка в Кодорском ущелье. Беседа была запечатлена на видеокамеру под огромным раскидистым ясенем. Воронов касался переговорного процесса, говорил весьма аргументированно и красноречиво о характере горных войн. Юрий Николаевич свободно философствовал. Увы, этому интервью суждено было стать последним. Бандитская пуля

навсегда прервала полнокровную и энергичную жизнь страстного борца за суверенные права народа Абхазии.

***

В середине 80-х годов политико-информационная работа по приданию новых оборотов национально-освободительной борьбе заметно усиливается. Значительной реакцией на продолжающиеся деструктивные действия тбилисской метрополии становятся заявления, обращения, декларации, статьи отдельных представителей абхазской интеллигенции. Они вновь касаются ущемления суверенитета Абхазии, кадровой и языковой политики, целенаправленных искажений истории и топонимики, массового переселения людей из Западной Грузии в Абхазию под предлогом кадрового дефицита в различных экономических сферах, фальсификации результатов переписи населения, противодействий связям абхазов с их зарубежными соотечественниками. Так, в письме от 28 октября 1985 года XXII съезду КПСС, подписанном членами Союза писателей СССР Г. Аламиа, Р. Смыр, Д. Чачхалиа особый акцент был сделан на игнорировании абхазского языка за счет насильственного внедрения грузинского. «Настойчивым потоком идут в Абхазию ведомственная переписка, распоряжения, телеграммы на грузинским языке, — отмечали абхазские писатели. — Между тем грузинский язык в некотором объеме знают, в основном, лишь те абхазцы, кто учил эту грамоту под страхом репрессий. Создается впечатление, что в Тбилиси все еще тоскуют по тем временам, когда абхазские дети, давясь слезами, повторяли непонятные им грузинские слова под дубинкой бериевских «просветителей».

Возвращаясь к собственному творчеству…

В 1984 году в издательстве «Алашара» тиражом 1000 экземпляров выходит в свет мой новый лирический сборник «Аицышәҭымҭа» («Соцветие»). Сейчас перелистывая книжку, я замечаю, что в отличие от предыдущих изданий, в этом сбор-

нике более зримы и ощутимы ассоциативные сцепления, некое подспудное тяготение к рефлексивному мироощущению, философскому самопостижению. Меня изначально тянуло к таким размышлениям. Но в этой книге они проявились, как мне кажется, наиболее весомо. Таиф Аджба, кому я давал почитать свои стихотворения до их появления в печати, однажды как-то по-дружески и весьма деликатно намекнул мне по-абхазски: «уажәеинраалақәа анапы иауршьцәоит...» Смысл этих вполне объективных и резонных слов можно воспроизвести приблизительно так: «Ты слишком теребишь, тревожишь свои стихи без надобности…».

С высоты сегодняшнего времени и своего житейского опыта я бы совершенно безболезненно исключил из своего сборника немало стихов, излишне рационалистичных, перегруженных. Замечаю ряд переповторов, автореминисценций. Но такое наблюдается и в творчестве больших поэтов, об уровне которых я и не мечтаю. Несмотря на все эти нюансы, «Соцветие», как мне кажется, вывело меня еще на один новый уровень миросозерцания. Выступая по Абхазскому телевидению, размышляя о тенденциях развития абхазской литературы начала 80-х годов, Баграт Шинкуба упомянул именно этот сборник, как бы вскользь, но вполне конкретно коснулся стихов, вошедших в упомянутую книжку. Разумеется, слова классика взбодрили меня, помогли поверить в свои творческие возможности. Редактором «Аицышәтымҭа» была замечательная абхазская поэтесса Инна Хашба. Я запомнил ее трепетное отношение к моим более или менее удачным стихам. Работать с ней, как с редактором, было легко, потому что она превосходно владеет родным языком. И она могла только помочь в устранении некоторых шероховатостей стиля.

А вот одно из стихотворений, вошедших в сборник «Соцветие» в переводе Даниила Чкония:

Настанет вечер, чем грустней, печальней –
Тем шире улыбнется человек…
Наступит утро хмурое, и дальней
Дорогой он уйдет от нас навек.

Его улыбка скрасит нам унынье,
С его теплом добрее станет злой.
И потому — ушедший — он доныне
Не разлучен с родимою землей…

Жить остается не одно лишь имя,
Живет и он, невидимый для глаз,
И где-то там, под сводами иными,
Он проливает тайный свет для нас…

Текст этого стихотворения стал основой одноименного романса, созданного на редкость талантливым сухумским композитором Константином Петровым. Он наигрывал мне мелодию новой вещи на фортепиано. Надеюсь, что кто-то из наших абхазских певцов возьмется за исполнение произведения, несущего в себе идею бессмертия человека. Тем более что жанр романса у нас недостаточно развит.

На полях книги

12 мая 1985 года в Абхазии произошло событие, всколыхнувшее всю страну. Был перевезен из Ниццы и перезахоронен в Сухуме прах выдающегося художника, сценографа, живописца, графика, искусствоведа Александра Константиновича Чачба. Этого факта, ставшего частью истории абхазской культуры, наш народ, наша интеллигенция, благоговевшая перед памятью и высоким дарованием признанного мастера, достойного сына своего Отечества, ждали давно. И свершилось оно во многом благодаря колоссальным усилиям известного искусствоведа, общественного деятеля Бочи Аджинджала, годами занимавшегося поиском и кропотливым исследованием творческого наследия художника. Неутомимый, и в чем-то даже одержимый, Боча Меджитович перерыл массу архивных документов, рукописей, и по крупицам собирал все, что связано с жизнью и творчеством этого ученика Фернана Кормона, главного художника Императорских театров в СПб, друга

Поленова (учитель Чачба по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчеству), Головина, Мейерхольда, Дягилева, Волошина, Бенуа, Евреинова и др. ярких представителей русской творческой элиты XX века.

…Я познакомился с Бочей Меджитовичем в годы нашей совместной работы в газете «Апсны Капш». Он был внешне опрятен, весьма интеллигентен, прост в общении, всегда был одет с иголочки. О чем бы и где бы он ни говорил с друзьями, в рабочем кабинете или за чашкой кофе на Сухумской набережной, время от времени возвращался к теме своих кропотливых изысканий. Чувствовалось, что мой коллега фанатично предан идее подлинного возрождения всего, что было связано с именем и творчеством А. К. Чачба.

В середине 70-х, когда я был увлечен эстетикой и мыслью об аспирантуре, приходил к старшему коллеге в тесную однокомнатную сухумскую квартиру, затерявшуюся во дворе под названием «Бомбей» (ныне — по ул. Абазинская). Стены этой каморки были плотно уставлены редкими книгами. В основном это были тома искусствоведческих изданий. Он с удовольствием выбирал для меня книжки по эстетике и тут же начинал — в который уже раз! — рассказывать мне о своем великом кумире, его друзьях, окружении. Показывал пухлые папки с копиями переписок А.К. Чачба с собратьями по творческому цеху, известными мастерами, ксерокопии архивов дочери художника. Боча Меджитович успел издать при жизни немало посвященных абхазскому художнику книг, фотоальбомов и др. Честно говоря, абхазское общество узнало о своем великом соотечественнике через Бочу Аджинджала. На основе своих публикаций наш искусствовед в годы работы в АбНИИ мог блестяще защитить и кандидатскую, и докторскую. Но почему-то эти вопросы исследователь всегда откладывал на потом. Хотя он, лично для меня — и без всяких формальных процедур — и доктор, и профессор, и академик.

Помню, как он предпринимал ряд серьезных попыток исполнить сокровенное желание Александра Константиновича вернуться на Родину. Такие усилия были проявлены им совместно с дочерью художника Русудан Чачба-Зайцевой. Одна-

ко эти усилия постоянно наталкивались на ряд политических и дипломатических сложностей.

В 1968 году гениальный абхазский художник (блестящий оформитель «Фауста», «Тристана и Изольды», «Гамлета», «Шута Тантриса», «Войны и мира», «Хованщины» и многих других спектаклей) ушел из жизни. И вновь проблемы возникли уже при решении доставить его прах из Франции в Абхазию. Думаю, главная причина затягивания подобных процедур кроилась в политических подоплеках и хитросплетениях, искусственно создававшихся системой советских спецслужб. В конечном итоге тяжкое бремя забот и ответственности за продвижение данного вопроса легло на хрупкие плечи Евгении Кузьминичны Дейч, супруги известного литератора, искусствоведа, книгоиздателя Александра Дейч, большого друга Абхазии.

Евгения Дейч — известный специалист по зарубежным литературным взаимосвязям, поддерживала непосредственные контакты с видными представителями французской элиты. И эти связи по сути сыграли судьбоносную роль в продвижении чрезвычайно важного для нас вопроса. В марте 1983 года из советского посольства во Франции пришло долгожданное письмо на имя министра культуры Абхазии, с указанием необходимого перечня документов и подтверждения готовности абхазской стороны взять на себя финансовые расходы. С предысторией всех этих загадочных дипломатических канителей, я думаю, хорошо знакомы Денис Чачхалиа и Мария Гицба, другом семьи которых была Е. К. Дейч.

***

Я помню, с каким волнением и с каким эмоциональным напряжением ждала вся Абхазия появления на сухумском причале корабля, который вез прах светлейшего князя, с конца 50-х годов мечтавшего живым вернуться на Родину и после смерти быть преданным родной земле. Помню, как четко был выстроен почетный караул вдоль центральной улицы, по которой похоронный эскорт направился к Абхазскому государственному музею. Память, как в замедленной съемке проводит

перед моим взором лица молодых абхазов в черкесках, несших на своих крепких плечах гроб с прахом человека, перед божественным талантом которого преклонялся цвет не только российской, но и европейской культуры. Ведь это он, сын своего времени, еще в 1917 году, в одной из записных книжек запечатлеет мысли, не теряющие актуальности и по сей день: «Прежде у нас в Абхазии в душевный мир детей прежде всего вливался культ Родины. Были крепкие, стойкие люди. Мне чрезвычайно грустно, когда думаю о том, что может исчезнуть все то, что так дорого ценишь в абхазцах, вообще в горцах наших. Я представляю себе их, стройных, ловких, очень выносливых, с большим достоинством, молчаливых, умеренных во всем, стойких и твердых…».

***

Напротив здания музея обрела вечный покой душа истинного рыцаря культуры, проведшего последние годы своей жизни в пансионе для престарелых и одиноких в г. Монако. Было такое ощущение, словно все абхазы в один миг облегченно вздохнули, став очевидцами исполнения исповедального желания их великого соплеменника.

И в преодолении политических препон, дипломатических сложностей, сопутствовавших процедуре доставки праха абхазского художника на Родину, безусловно, значительную роль сыграл и тогдашний партийный лидер Абхазии Борис Адлейба, чьи личные связи с влиятельными кремлевскими чиновниками ускорили решение многих бюрократических преград. Говоря о драматической судьбе А.К. Чачба, невозможно не вспомнить пронзительные строки известного поэта, переводчика, историка Дениса Чачхалиа, глубоко прочувствовавшего страдания художника, чья судьба была связана с Абхазией, как бы далеко от нее он ни находился:

Я боль твою в душе своей несу,
Твой свет — смотри — храню под каждой бровью.
Лишь имя я твое произнесу,
И сердце наполняется любовью.

Умру я скоро. Скоро. Но пока
Обида старая меня когтит и точит:
Обидно мне, что не твоя рука
Застывшие мои закроет очи.
Как стыдно мне, что буду погребен
На кладбище, горда которым Ницца.
Ведь и в гробу я буду тем смущен.
Что надо мною не склонятся лица
Родных людей. И все-таки я горд,
Ведь я твой сын, лишь им себя я мыслю.
Как счастлив я, что в мире есть народ,
В котором я, как воин в войске, числюсь.
Абхазия! Души моей страна.
Мое последнее пред смертью слово.
Абхазия, как я схожу с ума!..
Для сердца нет отечества иного.
Я ни на миг тебя не предавал,
Хоть был я князь, а жил неприхотливо.
Я все, что мог, Абхазия, отдал
«Душе твоей и жадной и пытливой».
И перед тем, как в мир сойти иной
Я заклинаю: будь вовеки алчной,
Добру и свету вечной будь сестрой.
Твой Александр. Сын Константина Чачба.

Сегодня, подходя к величественному изваянию (автор — скульптор Амиран Адлейба) высокого, статного и гордого абхаза, до последнего часа испытывавшего ностальгию по родному отечеству, мы преклоняем голову перед его светлой памятью. Как вечные стражи обступили могилу художника стройные остроконечные кипарисы, помнящие все, что происходило на этой священной земле.

***

Когда-то в эпоху горбачевской перестройки, перелистывая страницы журнала «Огонек», из номера в номер публиковавшего различные сенсационные материалы, с которых наконец-то был снят гриф секретности, я вдруг неожиданно встретил историю о том, как А.К. Чачба волею весьма пара-

доксальных обстоятельств стал секундантом Максимилиана Волошина на дуэли с Николаем Гумилевым. Потрясенный фактами, о которых раньше никогда не слышал, я показывал этот номер «Огонька» друзьям, взахлеб рассказывая им о том, какую роль сыграл абхазский художник вместе с русским писателем Ал. Толстым (секундантом Н. Гумилева), в предотвращении трагического исхода того зловещего поединка. В 1998 году наш неутомимый чачбовед Боча Аджинджал включил фрагменты воспоминаний самого Александра Константиновича в свою новую книжку «Князь Александр Чачба (Шервашидзе)») (Статьи об искусстве), вышедшую в Санкт-Петербурге. Материалы были взяты из личного архива дочери художника Р. А. Зайцевой-Чачба. И здесь я в подробностях узнал о том, как секунданты готовились к дуэли и, воспользовавшись осечкой Волошина и другими нестыковками в действиях дуэлянтов, смогли добиться с Божьей помощью мирного финала этой безрассудной схватки двух ярких представителей «Богемы» серебряного века.

Почему-то я до сих пор остаюсь под сильным впечатлением всей этой страшной драмы со счастливым концом. Частенько вспоминаю строки абхазского художника из письма неустановленному лицу, где он в силу своего благородства и высокой порядочности допускал какие-то фантастические варианты предотвращения гибели своих друзей: «Тут же у меня явилась детская мысль: заменить пули бутафорскими…Я имел наивность предложить это моим приятелям. Они, разумеется, возмущенно отказались…»

Грэм Грин и встречи с ним в стиле абхазского гостеприимства

Однажды перечитывая свои старые, поблекшие от времени публикации, я наткнулся на свою статью «Абхазия — глазами Грэма Грина». Она была проиллюстрирована фотографией, запечатлевшей пребывание великого английского мастера и

его супруги в Сухуме. Давно искал, думал, но никак не мог вспомнить, куда же я запрятал вырезку из газеты «Советская Абхазия»? Сейчас я обрадовался ей, как раритетной находке. Бережно достал ее из старой синей папки и пробежался по ней беглым взглядом. Мне показалось, что некоторые эпизоды встречи с выдающимся писателем, штрихи к его творческому портрету, не утеряли своей привлекательности и экзотичности. В каждом эпизоде была своя маленькая интрига, свой неповторимый шарм.

И видимо потому, что приезд Грэма Грина в нашу страну был вызван, на мой взгляд, отнюдь не туристической любознательностью. Не сомневаюсь, что его интересовали в первую очередь история, традиция и культура нашего народа, в чем я позже убедился, общаясь с ним в непринужденной обстановке.

Помню, это было летом 1986 года. Я работал литературным консультантом, а некоторое время — секретарем правления Союза писателей Абхазии. В те времена, если допустить условное сравнение с иерархией советских военных званий, то чин секретаря писательского «корпуса» приравнивался почти к полковничьему. Помимо многих, расписанных в писательском уставе обязанностей, мне, как и некоторым моим коллегам, приходилось встречать и провожать достаточно известных и популярных зарубежных авторов, приезжавших в нашу страну.

Мы посвящали гостей в нашу историю, рассказывали о классическом опыте и новшествах абхазской литературы, но если говорить откровенно, наша роль заключалась в основном в оказании достойного «абхазского гостеприимства» (то есть хлебосольства), подразумевавшего вполне достаточный познавательный пласт.

Среди приезжавших в творческую командировку или просто на отдых были, конечно, и литературные «генералы», и графоманы, пользовавшиеся завоеванной в неравных схватках с критиками «известностью». Но по сложившейся историко-культурной традиции, нередко посещали нашу республику и настоящие мастера с мировым именем, с произведениями которых была знакома читающая и достаточно просвещенная Абхазия.

В то время, как правило, маршруты поездок зарубежных писателей, изъявивших желание приехать в Абхазию, заранее согласовывали с грузинскими властями (как минимум с отделом пропаганды ЦК). Такова была система… Но случалось и так, что некоторые знаменитости сами решали куда, как и с кем им ехать. Они никому не позволяли управлять собой.

Я вспоминаю о тех встречах, как о редкой и уникальной возможности вживую, непосредственно пообщаться с людьми, которых по праву называли мэтрами, классиками. Беседы с ними за чашкой черного кофе или за стаканом хорошего красного винца где-нибудь на набережной Сухума, Пицунды или Гулрыпша оставляли теплый, порой неизгладимый след в памяти. Эти встречи так или иначе помогали обогатиться внутренне, насытиться информацией о том, чем живет современный литературный мир. Потом я глубоко сожалел о том, что в силу своей несобранности, некоторой неряшливости редко записывал в блокнот наиболее интересные мысли и рассуждения выдающихся собеседников. Тогда мне казалось, что все, вплоть до мелочей, отложится в запасниках памяти. Однако время показало, что это— всего лишь иллюзии. Многие вещи забываются быстро, а если и запоминаются, то утратив изначальную свежесть. Вот и приходится теперь восполнять эти пробелы, как бы растерянно оглядываясь в прошлое, по крупицам восстанавливая в памяти существенные моменты, дорожа каждой фразой, хотя, как заметил в свое время Анатоль Франс, «для того, чтобы написать исторический роман, мало изучить эпоху во всех подробностях — надо успеть забыть их». Но, увы, это — для самоуспокоения…

* * *

...И вот, летом 1986-го, в Союз писателей Абхазии из иностранной комиссии Союза писателей бывшего СССР поступила неожиданная телеграмма с вестью о том, что к нам едет со своей супругой Клоэттой Ивон всемирно известный английский писатель Грэм Грин. Популярность автора многих нашумевших бестселлеров в то время буквально зашкаливала. И в Абхазии, которая, кстати, никогда не была периферией,

люди были достаточно наслышаны о нем. Думается, что этому в чем-то способствовали и удачные экранизации его лучших вещей.

Прочитав столь сенсационную «депешу» в приемной руководителя нашей писательской организации и как бы подспудно входя в роль собеседника нашего гостя, я мысленно представил себе интересные и деликатные моменты предстоящего знакомства. Разумеется, мои преждевременные предвкушения были сопряжены и некоторыми волнениями («все-таки, это мировая величина» и выдерживать уровень общения с ним будет не легко…»).

Через несколько минут по этому поводу, как и ожидалось, пригласил меня к себе в кабинет известный поэт и общественный деятель Алексей Джонуа, возглавлявший в то время Союз писателей. Несмотря на солидный возраст, он был человеком весьма энергичным, подвижным, отличавшимся своей природной дипломатичностью и элегантностью. Подтянутость, офицерская выправка писателя-фронтовика, убеленного сединой, его приветливость, открытая и добрая улыбка были своего рода визитной карточкой для нашего творческого союза, пользовавшегося достаточной известностью и в зарубежных литературных кругах.

— Дорогой Владимир, ты, наверное, слышал, что завтра тебе придется ехать в аэропорт?! К нам прибывает писатель Грэм Грин с супругой. Их сопровождает известная переводчица из Москвы. Посели гостей в гостиницу, дай им немного отдохнуть, а обо всем остальном поговорим потом, — сообщил Алексей Несторович с заметным волнением, стараясь лишний раз подчеркнуть политическую значимость события. Он был человеком весьма ответственным и подчас даже об обыденных делах любил говорить с подчеркнутым пафосом, а тут еще такая неординарная ситуация, как неожиданный приезд знаменитого англичанина.

— Все будет отлично, Алексей Несторович, — можете не переживать, встретим как положено, по всем требованиям нашего абхазского протокола! — произнес я с еще большим пафосом, будучи внутренне уверенным в том, что и на сей раз

нам удастся что-нибудь сымпровизировать в духе и в стиле предыдущих авральных приемов.

Моя уверенность подпитывалась тем, что нас в таких случаях выручала абхазская деревня, где это дело было давно налажено. Застолье готовилось буквально экспромтом, стоило лишь успеть передать весточку первому подвернувшемуся председателю колхоза хотя бы за несколько часов до приезда гостей.

— Но имей в виду, что «красные» будут следить за ним. Они сказали, что все встречи должны проходить строго по протоколу... — предупредил меня мой шеф, произнося эти слова, как бы вполголоса, стараясь придать разговору в кабинете чуть ли не конфиденциальный характер. Сначала мне показалось, что это— излишние предостережения, но вскоре понял, что опасения моего многоопытного руководителя были небеспочвенны. Хотя в стране уже происходили определенные перемены, связанные с горбачевской перестройкой, идеологические стереотипы еще были сильны. КГБ не выпускало из поля зрения представителей так называемого «враждебного капиталистического лагеря». Тем более, что и местные спецслужбы были достаточно информированы не только о литературной, но и разведывательной деятельности ожидаемого гостя. В таких случаях особое усердие и бдительность проявляли на периферии. Почти два часа после прибытия самолета из Москвы в Сухум, нашему гостю, которому шел тогда 82-й год, пришлось сидеть в томительном ожидании своего багажа. Несмотря на некоторую завуалированность действий «сотрудников» аэропорта, по их заметной суете, подозрительным взглядам и перешептываниям нетрудно было догадаться, что в каком-то закрытом помещении аэровокзала шел тщательный досмотр вещей («Авось, какую-то контрабанду обнаружат! Помните у Гейне: «Контрабанда у меня в мозгах...»)

Мои попытки разобраться в причинах происходящего оказались тщетными. Чувствовалось, что щепетильность ситуации, некоторая суета за ширмами зала ожидания вызывает у самого Грина определенный внутренний дискомфорт. Видимо, разыгрывавшие этот «фарс с чемоданами» не понима-

ли, что имеют дело не с рядовым, а с профессиональным английским разведчиком. Но мэтр старался сгладить все своей интеллигентной, джентльменской сдержанностью, улыбкой человека широкого душевного обаяния… Для того, чтобы как-то скоротать время и отвлечь гостей от происходящего, я предложил им выпить по чашечке кофе, на что они охотно согласились.

...И вот, наконец-то привезли вещи. «Сотрудники» аэропорта попытались как-то невнятно объяснить нам причины задержки. Мне надолго запомнился красивый, большой светло-коричневый чемодан Грэма Грина... Похоже, из крокодиловой кожи… Уже через несколько минут мы сели в белый «интуристовский» микроавтобус и двинулись в Сухум.

Впечатления от первых бесед с мастером

Стоял ясный летний день. По пути в город наш гость любовался роскошной растительностью, своеобразным рельефом природы, ухоженными цитрусовыми и апельсиновыми плантациями. Я заметил, что Грин время от времени наблюдал за местными жителями, стоявшими на обочинах шоссе и мирно о чем-то беседовавшими. Было заметно, что эти картины доставляли писателю большое удовольствие (незнакомая страна, незнакомые люди, диковинная природа, быт...), и я попросил нашего водителя ехать насколько возможно медленнее.

Спокойным, располагающим тоном Грэм Грин изредка задавал вопросы, связанные в основном с историей, этнографией, традициями нашего края. Я старался дать обо всем хотя бы общее и правильное представление. Помню, он поинтересовался количеством населения Сухума. Я сказал, что Сухум — маленький город, население его чуть больше 120 тысяч. Однако Грина ничуть не смутила цифра, он заметил, что город с таким населением — отнюдь не маленький. Сопровождавшая писателя известная переводчица современной американской литературы Татьяна Алексеевна Кудрявцева очень тонко и вежливо (как бы щадя меня), сглаживала некоторые шероховатости (по

крайней мере, мне так казалось) моих ответов на его вопросы. Я знал Татьяну Алексеевну по ее блестящим переводам произведений Маргарет Митчелл, Джона Апдайка, самого Грэма Грина и ряда других мастеров современной американской и английской прозы. Она же была автором или соавтором перевода на русский язык произведений Диккенса, Голсуорси и других знаменитостей.

Изредка вступала в разговор супруга писателя — седовласая женщина небольшого росточка, хрупкая, обаятельная, подвижная, умевшая поддерживать атмосферу общения, трепетно вслушиваясь в каждое слово, но при этом как бы скромно и совершенно незаметно оставаясь в тени своего любимого мужа. Грин представлял ее как свою ближайшую сподвижницу…

Грэм Грин и простые сухумцы

В ресепшн небольшой, но уютной сухумской гостиницы «Рица», носившей в начале XX века не менее привлекательное название «Сан-Ремо», нас встретил ее директор, известный своим гостеприимством и блестящей игрой в бильярд Роман Агрба. Он мило поприветствовал высоких гостей и лично сопроводил их на второй этаж, в номера. Грин остался доволен. Из окна его номера открывался живописный вид на шумную сухумскую набережную. Рукой было подать и до той самой «брехаловки», на которой многие известные писатели, наслаждаясь ароматом черного кофе, успевали уловить и мысленно застенографировать звучавшие из уст завсегдатаев кофейни колоритнейшие сюжеты для своих будущих занимательных рассказов.

Помню, простые сухумцы и отдыхающие, заинтригованные столь неожиданным для них появлением выдающегося писателя на сухумской набережной, начинали, взволнованно перешептываясь, вспоминать о нем по наиболее популярным его произведениям. Тогда у многих были на слуху «Тихий американец», «Наш человек в Гаване», «Комедианты», «Почетный консул», «Суть дела». Особая популярность «Тихого

американца» и «Комедиантов» в ту пору объяснялась, скорее всего, их достаточно удачной экранизацией.

...В те дни Грина беспокоила боль в спине, хотя он старался этого не показывать. Переводчица с самого начала попросила меня не планировать каких-либо дальних поездок. И поэтому от предложения некоторых московских писателей, отдыхавших в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа, приехать к ним на творческую встречу, Грин вынужден был дипломатично отказаться.

...Дав гостям возможность немного отдохнуть, я отправился пешочком по набережной. Спустя несколько минут зашел в ресторан «Нартаа» и заказал обед на пять персон. Администратор любезно предложил удобное место в углу открытого помещения на втором этаже ресторана, напоминавшего террасу, откуда открывался прекрасный вид на море. Затем я позвонил Алексею Несторовичу, отчитался скороговоркой о том, что гостя встретили благополучно. Затем попросил своего шефа, чтобы он непременно поприсутствовал на обеде в ресторане «Нартаа». Я ничуть не сомневался в том, что за чарочкой доброго абхазского вина нам будет куда проще приоткрыть гостю завесу подлинной абхазской истории, в которую за советский период тбилисская пропаганда успела привнести много всякой лжи и хитросплетений.

* * *

Когда я вернулся в гостиницу, гости уже ждали меня внизу в достаточно бодром расположении духа.

Грэм Грин был в серых брюках и в свежей голубой рубашке. Высокий, сухощавый, голубоглазый джентльмен, слегка сутуловатый (все-таки сказывался почтенный возраст…) шел по сухумской набережной не спеша, умиротворенно. Набережная была запружена отдыхающими и прогуливавшимися по ней сухумцами. Грэм Грин выделялся среди всех своей заметной аристократической внешностью. Некоторые из шедших навстречу, узнав своего кумира (слухи о его приезде мгновенно разлетелись по всему городу) выражали свои симпатии к нему добрыми улыбками.

Идя рядом с Грином, я процеживал каждое произносимое слово, хорошо осознавая, что нелегко поддерживать уровень беседы с такой знаменитостью. На традиционный, а может быть, и несколько навязчивый вопрос, каковы его первые впечатления об Абхазии и ее столице, писатель отвечал весьма сдержанно, но видно было, что в нашей стране он чувствует себя хорошо и уютно.

— Абхазия чем-то напоминает Южную Францию, а Сухум в моем представлении во многом ассоциируется с моим родным городом Антибом...

Накануне приезда Грэма Грина в Абхазию в мировой прессе было опубликовано много материалов, посвященных его борьбе с французской мафией. В памяти многих почитателей его таланта пока еще были свежи события и факты, описанные им в нашумевшей публицистической брошюре «Я обвиняю». Читатели хорошо помнили, как он смело вступился за беззащитную женщину, ограждая ее от преступных действий.

Помню, как-то в спокойной беседе за чашкой кофе я спросил Грина, нет ли у него опасений, что преступники, с которыми он схлестнулся, рано или поздно отомстят ему? Ответил он, как мне показалось, достаточно хладнокровно и уверенно:

— На это у них смелости не хватит... Они боятся меня, я слишком известен, чтобы посягнуть на мою жизнь!

Такая несгибаемость воли и стойкость человека, которому в то время перевалило уже за восемьдесят, не могли не вызвать глубокого уважения и восхищения.

В ресторане «Нартаа»

В ресторане «Нартаа» Алексей Несторович поприветствовал наших гостей в свойственной ему манере: радушно, широко улыбаясь, восторженно. Гости, еще не приступившие к трапезе, ожидая «команды» хозяев, с большим интересом разглядывали крышу ресторана, покрытую старой черепицей отличного обжига. Она воспринималась здесь как некий сухумский раритет. Не меньше любопытства вызывали у них

сплетенные из прутьев рододендрона отдельные кухоньки, разбросанные по разным сторонам двора.

Мы рассказывали Грину об абхазском героическом эпосе, о легендарных братьях-богатырях Нартах, в честь которых этот ресторан носит такое название. В то время официанты обслуживали клиентов в красивой национальной форме, мальчики — в простых крестьянских блузах, в брюках, заправленных в сапоги, девочки — в простеньких (домашних) кофточках и юбчонках.

Запах очажного дыма и жарившегося на вертеле копченого мяса доносился из соседней кухни и смешивался с душистым ароматом молодых листьев камфорных деревьев, ветви которых оригинально свисали с крыши террасы.

Алексей Несторович, которого я предложил избрать тамадой, предварительно разъяснив гостям некоторые типичные особенности абхазского застолья, стал, как и положено, произносить искрометные (немного афористичные) тосты в традиционном, я бы сказал, даже несколько театрализованном стиле. Переводчица старалась передать Грину и смысл (а он был достаточно абстрактным) и эмоциональные оттенки наших тостов. Иногда тамада произносил одни и те же эпитеты и образы многократно, видимо, для усиления речевого эффекта. И я в свою очередь не мог удержаться от излишней патетики. Создавалось впечатление, будто наши застольные речи звучали с высокой трибуны какого-то международного симпозиума.

Грин слушал нас внимательно, а затем, с усилением зрелищного эффекта наших нескончаемых славословий— как бы напряженно-возбужденно. Такое обостренное восприятие, по-видимому, можно было объяснить тем, что некоторые нюансы нашего национального этикета заметно контрастировали (и контрастируют сегодня) с европейскими обычаями. Однако чувствовалось, что англичанина начинали увлекать наши ритуалы (при всей их излишне наигранной экзотичности…). В этом мастер время от времени признавался искренне и по-доброму улыбаясь. Ел он мало, но несколько рюмочек «целебной» виноградной чачи осушил с удовольствием. Причем, он охотно подражал нашей манере каждый раз провозглашать тосты стоя.

К нашей радости, по настроению господина Грина чувствовалось, что он понемногу стал забывать о боли в спине. Видимо, болеутоляющие свойства абхазской водки и скрытое магическое воздействие абхазских тостов сыграли свою определенную роль.

Мы с Алексеем Несторовичем пили «изабеллу» домашнего приготовления, поданную в глиняном кувшине, по гладким округлостям которого струились капельки холодной воды, сбивавшие высокую температуру содержимого. Невольно вспоминалось образное и меткое выражение самого Грина о том, что «хорошее вино не нуждается в этикетке».

На этой сравнительно недолгой застольной встрече, в промежутках между тостами, мы успели рассказать Грэму Грину и о наших национальных бедах, и о наших страданиях, и, как бы фрагментарно, историю становления абхазской художественной литературы. Мы сочли этот марш-бросок в историю необходимым, потому что в то время в мире очень мало знали об Абхазии. Тем более, что беседы в таких неординарных условиях, облагораживаемых тостами, иногда запоминаются больше, чем официальные…

Вскоре Алексей Несторович любезно попрощался с нами, пригласив гостей на следующий день на официальную встречу с писателями Абхазии. Уходя, он душевно, по-братски помахал рукой английскому классику.

Морская прогулка

...После обеда я предложил гостям совершить морскую прогулку на небольшом катере. Мы подошли к сухумской пристани, минуя знаменитую белую колоннаду на самой набережной.

Вскоре наш катер под названием «Кяхь Хаджарат» (имя народного героя) — для Грина — абхазский Робин Гуд? — отчалил и медленно, едва ощутимыми рывками, отдалился от пристани. Через репродуктор громко и несколько навязчиво звучала популярная эстрадная песня «Знаю, милый, знаю, что

с тобой...», настраивая экскурсантов на «лирический» лад, внушая им мысли о безмятежно-безоблачной жизни на необъятных просторах советской державы.

Гости с интересом наблюдали панораму города, открывавшуюся с моря. Особенно хорошо и отчетливо выделялись на сплошном фоне вечнозеленой хвои и кустарников оригинальные белоснежные фасады старинных домов и гостиниц, серебристо-свинцовый отсвет отдельных куполов, очертания сухумских холмов, плавно сливавшихся с богатым пейзажем набережной.

...Наш катер был переполнен отдыхающими, как обычно бывает в разгар курортного сезона. Гости расположились поближе к корме. Грэм Грин спокойным, сосредоточенным взглядом наблюдал за большой стаей чаек, сопровождавшей теплоход, пронизывая морское безбрежье тревожно-тоскливыми криками.

Моментами из моря неожиданно выныривали лоснящиеся дельфины, издавая свой жалобный писк, пробуждавший в людях какое-то странное чувство их необъяснимой нутряной близости к этим бесподобным существам. Возможно, какие-то эпизоды недолгого пребывания Грина в Апсны станут потом частицей его знаменитого «Гринленда» — страны, созданной незаурядным творческим воображением автора несравненных детективов.

...На обратном пути наш катер, гордо носивший имя легендарного абхазского абрека, приблизился к развалинам древней Диоскурии. Я напомнил Грину некоторые сюжеты из аргонавтики, имеющие отношение к этому прекрасному и величественному пейзажу. А когда, вдобавок ко всему, сообщил ему, что в свое время Абхазию посетил его соотечественник, писатель Джеймс Олдридж, который по описаниям местных краеведов и археологов, углубился в скафандре на дно Черного моря для наблюдения за обломками затонувшего города в акватории Сухума, господин Грин был приятно удивлен. Он еще более заметно взбодрился, мне показалось, что он даже чуть привстал, и после недолгой паузы, многозначительно заметил, что с огромным уважением и большой симпатией относится

к своему соотечественнику Олдриджу (автору таких знаменитых вещей, как «Дипломат», «Охотник», «Морской орел», «Последний дюйм» и т. д.)

* * *

На следующий день я решил показать Грину окрестности Сухума. Мы отправились в Ореховую Рощу, располагавшуюся где-то в десяти километрах от столицы. Многие горожане в летнее время выезжали туда спасаться от жары и устраивать пикники в ущелье. Нашим гостям открылся замечательный вид по обе стороны прозрачной, как кристалл, голубой речки, а самое главное — древний дугообразный Беслетский, или как его часто представляют наши местные гиды, — Венецианский мост, выложенный из крупного тесаного камня, с необычайной легкостью перекинутый через речку.

Грэм Грин долго любовался красотой этой местности, затерявшейся среди сухумских холмов. А такие живописнейшие уголочки нашего края редко попадают в ярко разукрашенные путеводители и иные рекламные издания, оставаясь в тени знаменитых абхазских курортов.

Вернувшись обратно приблизительно к полудню, мы решили немного прогуляться по проспекту Мира и оттуда направиться в литературно-мемориальный Дом-музей Дмитрия Гулиа.

О том, как Грэма Грина принимали в «Клуб аргонавтов»

Где-то на перекрестке проспекта Мира и улицы Фрунзе мы совершенно случайно встретили известного абхазского историка и краеведа, автора замечательных книг об Абхазии Вианора Пачулиа с его примелькавшейся рыжей собачкой Чапой. И тут я поневоле вынужден был нарушить «протокол», на который часто ссылался мой шеф, предупреждая насчет того, что «красные» не дремлют…

При встрече и знакомстве с личностями такого масштаба, как Грэм Грин, нашего неутомимого краеведа и публициста осеняли великие мысли. Ведь не зря друзья, любя, называли его «генератором новых идей». Я представил Вианора Панджевича английскому классику, подчеркнуто перечислив все его регалии и заслуги. Лицо В. Пачулиа воссияло от предвкушения какого-то рождавшегося на ходу замысла. Кстати, это был тот самый напряженный период, когда Вианор Панджевич с неослабевающим азартом занимался подготовкой к ожидаемой встрече с Кимом Севериным, совершавшим морскую экспедицию по следам аргонавтов на корабле «Арго», который, по глубокому убеждению В. Пачулиа, должен был причалить к Сухумскому морпорту для принятия участия в шумных театрализованных представлениях по этому случаю. И поэтому, в связи с предстоящими сенсационными событиями, мой старший коллега и наставник чуть ли не еженедельно проводил заседания специально учрежденного им «Сухумского клуба аргонавтов», обсуждал с постоянными членами единственного в мире клуба различные проекты. Он успел объявить конкурс на лучшую эмблему клуба и лучшую модель мифического корабля «Арго». Одним словом, в клубе аргонавтов кипели страсти. И редко какие заседания клуба обходились без участия членов бюро обкома партии (ничего не поделаешь, такова была система…), которые поверили в историческую значимость их личной причастности к предстоящим международным акциям.

* * *

По пути к Дому-музею Дмитрия Гулиа, Вианор Панджевич, умевший мгновенно располагать к себе великих людей таинствами какого-то особого магнетизма, успел заинтриговать Грэма Грина своими новыми проектами. Чувствовалось по скептически-задумчивому взгляду английского писателя, что он не до конца улавливал их суть, но не видя ничего предосудительного в «идеях — фикс» абхазского краеведа, дал свое согласие стать еще одним новоиспеченным членом Клуба аргонавтов. Через несколько минут церемония оформления членства господина Грина была весьма благополучно совершена в

Доме-музее основателя абхазской художественной литературы. Кстати, среди прочих документов у В. Пачулиа хранилось и давно завизированное лично им заявление г-на Жоржа Сименона с просьбой о принятии в члены теперь уже всемирно известного «сообщества». Как бы между прочим, но не скрывая своего самолюбования, президент Клуба успел сказать Грэму Грину и об этом. Вианору Панджевичу показалось, что английскому классику польстило, что он не одинок в списке членов экипажа виртуального клуба — корабля «Арго». Но это — ощущение, испытываемое президентом клуба (стало быть, и капитаном корабля!) в порыве эмоций, а о чем думал великий писатель хотя бы по поводу «завизированного» заявления Жоржа Сименона (известного серией детективов о комиссаре Мегрэ), знает только сам английский мастер.

* * *

...Директор музея, дочь народного поэта Абхазии Татьяна Дмитриевна Гулиа, известный специалист по русской и зарубежной литературе, увлеченно рассказывала высокому гостю о жизни и творчестве Дмитрия Иосифовича, человеке энциклопедического ума и способностей, затрагивая некоторые эпизоды его незабываемых встреч с такими величинами в мировой художественной литературе, как Луи Арагон, Алан Маршалл. Эти встречи происходили здесь, в доме самого Гулиа. Грина пригласили на второй этаж, где он, не спеша, с большим интересом ознакомился с ценнейшими экспонатами и библиотекой патриарха абхазской литературы. Он не упускал ни одного слова из комментариев достаточно опытных и образованных сотрудниц музея.

Высокий гость искренне поблагодарил Татьяну Дмитриевну и работников Дома-музея за теплый прием и их подробнейший рассказ. По обширной информации о Д. И. Гулиа английский писатель мог иметь полноценное представление об Абхазии и ее культуре, ибо вся история нашей страны прямо или косвенно ассоциировалась с именем национального гения. Запись, которую Грэм Грин оставил в книге почетных гостей, стала одной из реликвий музея: «Я был очень счастлив видеть

дом, где было столько достижений. Дом этот, пожалуй, один из самых уникальных в мире литературы. Побывав в нем, я начинаю чувствовать, как в Абхазии важна культура».

После традиционного фуршета в Доме-музее, я пригласил наших гостей в красивый и уютный дворик, где все мы вместе с сотрудниками музея сфотографировались на память. Эта фотография и сейчас хранится в музейном фотоархиве. Она, конечно, имеет для меня особую значимость. Сохранилась и другая не менее ценная фотография Грэма Грина с супругой Клоэттой Ивон на фоне музея, на фасаде здания которого установлена мемориальная доска с барельефом Д. И. Гулиа. На этом фотоснимке рядом с Грэмом Грином запечатлен и наш большой профессионал в области издания и распространения краеведческой литературы об Абхазии, бессменный президент «Клуба аргонавтов» Вианор Пачулиа, небезуспешно пытавшийся в конце XX века возродить легендарную историю аргонавтики на Южном Кавказе.

Встреча в Союзе писателей

В Союзе писателей нашего гостя ждали не без определенного волнения, потому что это была встреча с одним из крупнейших мастеров слова современности. Сюда пришли народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба, признанные мастера прозы Алексей Гогуа, Джума Ахуба и другие. Их присутствие придавало предстоявшему общению некую символичность и знаковость. Мы поднялись на второй этаж роскошного царского дворца, где тогда располагался Союз писателей. Я открыл дверь кабинета, где все было готово для начала большой литературной беседы, и, блюдя этикет, пропустил вперед английского писателя, его супругу г-жу Клоэтту и переводчицу. Все дружно встали и поприветствовали гостей. Затем мы аккуратно усадили классика по правую руку от Баграта Васильевича Шинкуба…

Алексей Несторович представил присутствовавших, соблюдая насколько это возможно табель о рангах, затем от име-

ни писателей искренне поблагодарил Грэма Грина за то, что он принял собственное решение включить в программу своего пребывания в СССР и поездку по Абхазии. Официальная часть встречи естественно и плавно перешла в беседу о литературе.

Судя по тому, как Грин время от времени едва заметно покачивал головой в ответ на детальные разъяснения переводчицы, ему было важно получить верное и достаточно полное представление обо всем, что связано с историей, культурой абхазского народа. Однако не обошлось и без парадоксов. Мне запомнилось, как кто-то из участников встречи горделиво заявил, что в Абхазии семьдесят семь членов Союза писателей СССР. Грин в начале слегка опешил, но кое-что смекнув, просто ответил: «У нас в Англии и семи настоящих не наберешь, увы!» В зале раздался смех писателей, мгновенно отреагировавших на комичность ситуации...

Спокойно и весьма емко отвечая на вопрос, кого он считает наиболее яркими фигурами среди европейских писателей XX века, Грэм Грин назвал без всякого колебания имена Камю, Сартра, Мориака. Затем, делясь мыслями о состоянии и путях развития современной французской литературы, он выразился достаточно образно, заметив, что «...литература подобна фруктовому дереву. Во Франции это дерево пышно цвело и давало обильные плоды, когда жили и творили такие замечательные художники слова, как Сартр, Камю, Мориак и другие крупные представители того поколения. Но наступает время, когда это дерево устает, когда ему нужно время, нужны годы для обновления, чтобы его ветви опять гнулись бы от туго налившихся плодов…»

Такие оценки английского мастера, чья жизнь и литературная судьба во многом были связана с Францией, где он жил в последние годы, вызвали оживленное внимание абхазских писателей, не замыкавшихся в рамках национального художественного мира.

Запомнились слова Грина, выражающие отношение к великим русским классикам, в частности, к Чехову. «Чехов научил меня хорошо рассказывать. Я считаю, что больше всего я раскрепощаюсь, именно рассказывая...» — заметил он в бесе-

де с абхазскими литераторами. С большой любовью говорил английский писатель и о таких величайших представителях русской литературы XIX века, как Толстой и Тургенев, произведения которых он склонен был воспринимать, как часть английской культуры.

Отмечая бесспорные успехи современной латиноамериканской литературы, Грэм Грин выделил имена Маркеса и Борхеса, с которыми он лично дружил и поддерживал творческие связи. Затем английский писатель сосредоточил свое внимание на глубоких и оригинальных мыслях выдающегося абхазского поэта Баграта Шинкуба, который говорил о национальном своеобразии эпоса, о богоборце Абрыскиле — абхазском двойнике Прометея. Судя по тому, как гость жадно впитывал в себя всю эту новую для него художественную информацию, превосходно озвучиваемую на английском переводчицей, было заметно как для него важно знать, чем живет литературная Абхазия. Один из собирателей и издателей абхазского фольклора, Баграт Шинкуба рассказал высокому гостю о том, с какими сложностями сопряжена эта кропотливая, но по сути бесценная работа, являющаяся первоосновой развития национальной культуры. Чувствовалось, насколько оживленно и утонченно воспринимал Грин проиллюстрированные яркими примерами мысли Шинкуба о путях усовершенствования метрики и ритмики абхазского стиха. Видимо, произнесенные народным поэтом образцы абхазского стихосложения, непривычные для европейского слуха, совершенно естественно становились материалом для некоторых сравнений и размышлений. Позже Грэм Грин поделился с нами впечатлениями от общения с абхазскими мастерами и выразил глубокое удовлетворение откровенностью и весьма дружелюбным характером встречи. То, что английский писатель рассказывал о великих европейских авторах, а наши авторы— о священном эпосе, своих творческих замыслах придавало беседе особый киплинговский шарм. Алексей Джонуа вручил гостю цветной фотоальбом «Абхазия». Сейчас уже это уникальное издание, претендовавшее на международный стандарт, стало библиографической редкостью. Его просто нигде не найти. Думаю, что

этот эксклюзивный выпуск издательства «Планета» занимает свое достойное место на одной из полок личной библиотеки великого англичанина.

Грэм Грин и «священные коровы»

Теперь после милой беседы, состоявшейся в офисе Союза писателей, мы с моим шефом думали, как бы организовать одно хорошее абхазское застолье, чтобы окунуть наших гостей в деревенский быт. Этим мы могли бы показать, что абхазские писатели не столь урбанизированы и в мыслях они никогда не отрываются от своих родных пепелищ. Причем надо было, чтобы этот «ритуал» произошел где-либо вблизи Сухума, с учетом проблемы, создаваемой пока еще ноющей поясницей английского классика. Я чувствовал, что без звонка из обкома партии не обойтись. В итоге этот звонок состоялся. Такой царский жест был сделан секретарем обкома, большим другом абхазских классиков Руфетом Бутба. В знаменитом селе Нижняя Эшера в авральном режиме занялись приготовлением стола.

Алексей Джонуа (писатель и искуснейший дипломат) ехал в легковой автомашине с секретарем Сухумского райкома Николаем Еником, а мы с гостями следовали за ними в микроавтобусе. У Ачадарского спуска наблюдательный Грин обратил внимание на коров местной породы, сидевших мирно и беззаботно (пожевывая жвачку вечности) прямо посреди центральной трассы, напротив высотных жилых зданий. Было видно, как коров тихо объезжают и автобусы, и цементовозы, и легковушки. Я подумал, что он, великий художник, увлеченный вселенскими проблемами, не станет интересоваться «судьбой» сухумских коров. Однако просчитался…В ответ на его неожиданный вопрос, что это означает, я неумело и не без некоторого лукавства попытался объяснить наблюдаемую картину идущими от язычества отголосками культа «священной коровы» у абхазов. По тому, как Грин изучающе и с некоторой недоверчивостью посмотрел на меня, можно было догадаться, что он все прекрасно понял (Грин давно отбыл из Абхазии, а

наши коровы продолжали мирно и беззаботно сидеть все на тех же облюбованных местах)…

В Нижней Эшере нас встретил директор цитрусового совхоза Валерий Тарба. Человек на редкость прагматичный, он решил сразу взять быка за рога: прежде чем пригласить высоких гостей к столу, предложил им увидеть своими глазами, каких успехов добились местные цитрусоводы. Обычно такие небольшие экскурсии проводились экспромтом для самых почетных гостей и членов Политбюро для создания разминочного общего фона перед главным вопросом — традиционным застольем, где спонтанно акценты смещались с темы цитрусоводства на тему вина и виноделия и очередности тостов.

Стол был накрыт в доме одного из самых уважаемых жителей села по фамилии Лагулаа, у которого жена, кстати, была армянка. От этого стол приобретал по-настоящему интернациональный блеск. Ненавязчиво подчеркивали эту особенность застолья скромно-горделивые бутылки армянского коньяка армянского розлива. Помню, Грин с большим любопытством окидывал пытливым взором утопавший в зелени двор, раскидистые кроны фиговых деревьев и неизвестных даже ему культур, высаженных вдоль изгороди. Красивый двухэтажный дом располагался у подошвы маленького холма, возвышавшегося над лужайкой. Видно было, что соседи, приглашенные на торжественное застолье, ждали гостей уже давно. После того, как предложили хозяевам и гостям, как и положено по обычаю, по старшинству омыть руки, старшие по возрасту сопроводили гостей к самым почетным местам за столом. Грин и его супруга Клоэтта Ивон сидели вместе с переводчицей Татьяной Кудрявцевой по левую руку от тамады, роль которого добродушные хозяева решили безоговорочно отвести в тот день самому Валерию Тарба. Опыта и дипломатии ему было не занимать. Мы с Алексеем Несторовичем сидели по правую сторону от тамады, напротив гостей, так что живой контакт с ними мы старались поддерживать, насколько это возможно, в рамках абхазского застолья и в промежутках между тостами. Хотя маленькую помеху нашему общению с английским классиком и

его супругой создавал достаточно высокий барьер из бутылок виски, вина, коньяка, обставленных массивными жареными индюшками.

Как говорится, стол ломился от яств. Добродушные хозяева в честь Грэма Грина незаметно зарезали крупную козу, соответствующую уровню гостя в ранге члена Политбюро. Самые почетные и сочные куски с особым уважением были поданы виновникам торжества. Помимо широкого выбора национальных блюд и прочих вкусностей по всему столу были расставлены красивые подносы с большими кусками арбуза, дыни, тыквы.

Грин живо реагировал на достаточно импульсивные жесты, мимику и перешептывания сидевших за столом. Видно было, что он в добром расположении духа. Писателя, объездившего к тому времени чуть ли ни весь мир, вряд ли можно было чем-то удивить. Но как прекрасный человек и художник особого дарования, он не мог оставаться равнодушным к подобного рода «священнодействиям».

Видимо из тех соображений, что писатель такого уровня может проявить избирательность во всем, хозяева решили не ограничивать выбор спиртных напитков: шампанское, коньяки, марочные вина, фабричная водка. Но Грин, деликатно отодвинув все эти примелькавшиеся бутылки, попросил налить ему нашу фруктовую чачу. Провозгласив вслед за тамадой традиционный тост, он, стоя, уверенно опрокинул одну рюмку, и сказал, что ни в одной стране он не пил такого приятного напитка. Хозяевам такая оценка их бренда, конечно, сильно польстила.

Мы с Алексеем Несторовичем, как обычно, пили черное (так называют абхазы красные вина) вино. Он время от времени иронически спрашивал меня, нравится ли мне это вино. Я не скрывал своего хорошего настроения. Все эти дни меня мучил насморк. Вино действительно было изумительное, оно выдыхало клубничный аромат, пропитывавший воздух уже с момента подачи на стол. Алексей Несторович, по-дружески улыбаясь, шепнул мне на ухо, что у меня лицо заметно разрумянилось от красного вина. Я в ответ намекнул ему о том же.

Это его сильно развеселило, и он произнес чуть громче обычного: «Иҳарҭəлап ҳатцəацқəа пеипеиуа! Иааҽəлап аҩеиқəатцəа ҳҳамҩақəа уаркалеиуа!»

Это был удачный экспромт моего шефа. Особенно хорошо запомнились каламбурные рифмы на абхазском языке: «И вновь стаканы мы наполним, чтобы румянее стали наши щеки!» — приблизительно так звучат эти строки по-русски.

Тем временем тамада вновь предоставил слово Грэму Грину, на сей раз, кажется, по просьбе самого писателя. Не помню, чему был посвящен тост, но помню, что Грин беспощадно ругал президента Рейгана, как неудачного актера в руках хитрых режиссеров, и говорил немало лестных слов о Горбачеве и, кажется, в основном в связи с «перестройкой», «гласностью», демократией «советского образца» и прочими роковыми нововведениями.

Лечение методом Грина

Мы вернулись в Сухум перед наступлением сумерек. Я решил было попрощаться с гостями до завтра. Но в эту минуту Грин попросил переводчицу узнать, чем вызвано мое несколько усталое и подавленное состояние. Я сказал ему, что виной всему простуда и насморк, на которые я стараюсь не обращать внимания. Грин любезно пригласил меня в номер и стал суетливо искать что-то в шкафу. Мне подумалось, что он хочет предложить мне какие-то таблетки. Но вопреки моим ожиданиям, он достал свой большой чемодан, взгромоздил его на кровать и открыл. Затем аккуратно вытащил оттуда большую фигурную бутыль с достаточно экзотической этикеткой. Это было виски! Грин своими руками откупорил бутыль, и налил полный чайный стакан приятно пахнущего, но чуть горьковатого напитка, предложив мне выпить его до дна. Я не стал отказываться, кокетничать, и от души принял «рациональное» предложение классика. Чуть-чуть прищурившись от коробящего предвкушения слишком большой дозы, удачно опорожнил стакан.

— Когда-то я упал в ледяную прорубь на Северном Ледовитом океане, во время экспедиции… И мой врач вот таким способом снимал мне шок! — улыбаясь от удовольствия, что я проявил такое послушание, классик участливо стал рассказывать мне об испытанных им методах лечения от простуды.

То ли оттого, что виски действительно обладает лечебно-профилактическими свойствами, то ли благотворное воздействие оказала на мое состояние сила самовнушения, на второй день утром никаких признаков простуды или насморка у меня не обнаружилось.

Грин, узнав о положительном эффекте назначенного им «лечения», был очень доволен и сказал, что виски ему приготовили друзья — по его спецзаказу. Кстати, говорят, что и Фолкнер пил виски, приготовленное по какому-то особому рецепту.

Мы провожали Грэма Грина с легкой тоской на сердце, словно успели за эти трое суток породниться с ним. И он уезжал с сожалением.

Имя Грэма Грина будет значиться в уникальной художественно-документальной летописи Абхазии рядом с именами таких ярких личностей, как Анри Барбюс, Луи Арагон, Алан Маршалл, Джон Пристли, Антон Чехов, Алексей Толстой, Константин Паустовский, Осип Мандельштам и других мастеров слова, которые в свое время ступили на священную землю Апсны и оставили светлую и благодарную память о себе…

Групповой портрет с великим классиком займет в моем личном фотоальбоме особое место, пополнив семейные реликвии. Для биографов Грина мое присутствие в этом фотодокументе может быть, и вовсе третьестепенно, но для будущих исследователей моей биографии — это, как мне кажется, достаточно привлекательный момент, заслуживающий определенного внимания.

Пицундский «Литфонд» — часть моей творческой биографии…

В начале 80-х в Пицунде, в Доме творчества им. Д. И. Гулиа проходили международные симпозиумы, посвященные проблемам художественного перевода. Их инициатор — Отар Нодия, выпускник Академии общественных наук, государственный деятель, сумевший создать солидную переводческую коллегию (своеобразный Институт художественного перевода), к работе которой были приобщены многие известные писатели, литературоведы и переводчики.

В пицундских переводческих чтениях, носивших преимущественно дискуссионный характер, принимали участие достаточно маститые переводчики, писатели, философы, теоретики художественного перевода. Определенная квота предоставлялась и абхазским писателям, несмотря на то что программу подобных творческих форумов и их концепцию определяли в Тбилиси.

В круглых столах принимали участие такие мастера, как Алексей Гогуа, Николай Квициниа, Денис Чачхалиа. В то время мне было поручено председателем Союза писателей Абхазии Мушни Ласуриа координировать работу переводческой коллегии (по Абхазии). Он вынашивал идею создания «Библиотеки всемирной литературы» на абхазском языке. И здесь трудно было обойтись без поддержки Главной редколлегии по художественному переводу. Свой заметный вклад в реализацию проекта вносила сотрудница этой корпорации переводчиков, наша соотечественница Анико Цвинариа-Абрамишвили, поддерживавшая тесные контакты с абхазской творческой интеллигенцией.

Я не пропускал ни одного заседания переводческого форума. Помню, какой интерес вызвал сравнительный анализ разных переводов знаменитого стихотворения Шарля Бодлера «Альбатрос», выполненных в разное время Д. Мережковским, В. Левиком, П. Якубовичем и др. Произвела большое впечатление на участников круглого стола лекция Веры Николаевны

Марковой, первоклассной переводчицы японской поэзии на русский язык. Известные японоведы оценивали ее переложения, как высокохудожественные и обладающие «особым мелосом». Из-под пера выдающейся переводчицы вышли стихи Исикавы Такубоку, Мацуо Басё, новеллы Акутагавы Рюноске, роман Кавабаты Ясунари «Танцовщица из Идзу» и ряд других шедевров японской художественной словесности. И можно представить себе, какой это был редкий шанс вживую воспринимать мысли и рассуждения мастера, здесь в роскошном конференц-зале библиотеки Пицундского Дома творчества.

Достаточно оригинальный взгляд на тенденции развития культуры той эпохи высказывал на одном из заседаний Пицундского переводческого симпозиума крупный литературовед и культуролог Георгий Гачев (автор уникального исследования «Национальные образы мира»). Ему принадлежит, на мой взгляд, очень смелое и объективное определение характера взаимоотношений Абхазии и Грузии: «Небо могло бы быть образом бесконечности, но ведь оно уловлено зубчатостью гор. Море могло бы быть, таким образом, бесконечностью для приморской Грузии, Абхазии (кстати, если посмотреть по карте, Абхазия и Грузия находятся в перпендикулярном друг к другу отношении, как в электромагнитной волне…Так вот: море могло бы стать образом бесконечности для приморской Грузии и Абхазии; но последняя чувствует себя скорее, как Колхиду, место прибытия, берег, конец странствия тех же аргонавтов, приход к цели, осуществление, свершение». (Кстати, Георгий Гачев не понаслышке знал о сложных перипетиях взаимоотношений Абхазии и Грузии, об особенностях этнокультурной идентичности абхазов. Он поддерживал тесные дружеские отношения с абхазскими учеными В. Цвинариа, Б. Гургулиа, В. Агрба, А. Аншба в годы их учебы в аспирантуре при ИМЛИ им. А. М. Горького, и получал от них ценную научно-исследовательскую информацию).

С еще большей интригой и парадоксальностью сталкиваемся мы в эпизоде, описанном крупным критиком и литературоведом Натальей Ивановой: «Я понимала и понимаю, что все гачевские работы — это скорее художество, нежели

наука. И все же… Потом его путем пошел Михаил Эпштейн, «дикорастущий студент», как его называл Турбин. Многое он от Гачева взял, многое усвоил и переработал, но я, читая парадоксы Эпштейна, всегда помню Гачева, присевшего на стол в Доме кино: он был первый, и он построил свою жизнь по своей культурной модели. Теперь Гачева нет, ушла и Светлана Семенова, мать-сыра-земля, тоже с совершенно обаятельными в своей ненаучной художественности идеями и парадоксами…

На одном из грузинских семинаров Гачев рассуждал, естественно, о национально-специфическом в культуре (в более широком понимании, чем «культура и искусство»). Гранат, где весь сок внутри, — это образ Армении, гроздь винограда, где сок практически «снаружи», его отделяет от нас тончайшая пленка, — это Грузия… Абхазский хачапури — это яйцо внутри, грузинский — снаружи, здесь проявляется национальная специфика, образ Грузии… В рядах грузин начался ропот — грузины возмущались: на самом деле все оказалось наоборот. Больше Гачева на пицундские семинары не звали.

Но в перестройку и после он выпустил дюжину, если не больше, книг типа «Образ Индии», Америки, Франции, Англии, Мексики, Испании… Мир его праху. Он погиб под колесами электрички — на железнодорожном переделкинском переезде. Шел под метелью, полузакрыв лицо капюшоном, в сильных диоптрийных очках, думая о своем. Дикорастущий философ». (Н. Иванова).

«Но мы молчим так, как вам молчать и не снилось…»

Недавно, беседуя с поэтом, переводчиком Денисом Чачхалиа в его сухумском офисе, я напомнил ему про Пицундские переводческие чтения. Он считает, что это был громадный ресурс пропаганды абхазского художественного слова на пространстве бывшего СССР. «И иметь вот такой инструмент значило очень многое, — говорил мне мой коллега, мысленно окунаясь в атмосферу пицундских переводческих чтений,

и конечно, нас это воодушевляло… Тем более, что я сам переводчик и моя заинтересованность в этом была достаточно очевидна…»

И когда я в ходе нашего непринужденного общения напомнил Денису Киршаловичу об участии в пицундском переводческом семинаре мастера русской интеллектуальной прозы Андрея Битова, он воспроизвел в памяти очень важные и довольно-таки неординарные высказывания классика, не менявшего своих принципов и писательского кредо в зависимости от какой-либо сиюминутной конъюнктуры.

«Когда речь на Пицундском симпозиуме шла о прозе, о тенденциях развития прозы в целом, в частности, в русской — современной, в грузинской — современной, в других национальных литературах и т. д., — вспоминал Денис Чачхалиа, — получилось так, что доминировала мысль о том, что именно грузинская проза здесь выдвигается вперед и с большим преимуществом, как бы, утирает нос… (грубовато, но что ж делать?) остальным национальным литературам. И прозвучало это из уст самих русских прозаиков, литературоведов русских— и критиков, к тому же именитых, умных, мыслящих… И как-то весьма несправедливо это прозвучало, мол русские писатели молчат, по большому счету молчат вот на фоне таких откровений, которые есть в грузинской прозе… Видимо, эти рассуждения так задели Андрея Битова, что он осек выступающего и сказал следующую фразу, — она была, конечно, произнесена в широком контексте: «Да, наверное, мы, русские писатели, молчим, — и вдруг, резко, он сделал такое заключение, быстрое и энергичное, — но мы молчим так, как вам молчать и не снилось…»

Творческие дискуссии на фоне углубляющегося конфликта

В то время, когда во второй половине 80-х годов в Пицунде одна за другой проходят весьма актуальные международные семинары по проблемам жанров, вопросам художественного

перевода, к которым в том или ином качестве были приобщены и некоторые абхазские писатели, в Тбилиси, в кабинетах кураторов «новой» мононациональной идеологии, политики и ученые, обслуживающие их интересы, начинают раскручивать маховик новой антиабхазской волны. Выплескиваются в публичное пространство идеи, связанные с принятием программы использования грузинского языка, как единственного официального. Вскоре Министерству просвещения Абхазии будут спущены циркуляры по введению во всех школах республики обучения на грузинском языке. Из Тбилиси все чаще звучат требования отвечать на поступающие оттуда письма только на грузинском. Всем абхазским госучреждениям предписывается приобретать пишущие машинки с грузинским шрифтом. Ведомственная реклама, инструкции, входные билеты в системе Министерства культуры Абхазии штампуются в Тбилиси только на грузинском языке и присылаются большими тиражами в Сухум и другие города республики. Местные полиграфические цеха успешно справлялись бы с подобным госзаказом, однако тбилисских начальников смущало то, что в Абхазии такая продукция могла выйти и с абхазскими обозначениями.

«Сегодня почти не услышишь по радио или телевидению, не прочитаешь в центральных газетах названий «Абхазия», «Абхазская АССР». Нас могут лишь подразумевать под названием «Западная Грузия», которое полностью перечеркнуло имя нашей страны, нашей Абхазии» (из письма членов СП СССР Г. Аламиа, Р. Смыр, Д. Чачхалиа XXVII съезду КПСС — от 28 октября 1985 года).

Экономическая и демографическая экспансия, осуществлявшаяся тбилисской метрополией, игнорирование национальной кадровой политики — все это выхолащивало суть самой абхазской автономии и превращало ее в абсурд.

На этом крайне неблаговидном фоне в абхазском обществе вновь начинала вызревать идея возрождения национально-освободительного движения, лидеры которой готовились к выходу на широкую политическую арену, сохранив уникальный опыт прежней целенаправленной борьбы за самоопределение нации. К еще более мощной консолидации нас подталкивали

действия грузинских неформальных общественных организаций, выраставших к концу 80-х годов, как грибы после дождя.

Дружелюбные споры двух абхазских классиков

Я, конечно, немного жалею, что в свое время не завел дневники, и не фиксировал в них весьма ценные эпизоды общественно-политической и культурной жизни Абхазии, к которым имел непосредственное отношение. Я всегда с удовольствием читал дневники многих классиков, в том числе и абхазских. В них всегда можно найти те оценки и размышления о людях и событиях, какие не встретишь в биографиях и творческих портретах тех или иных личностей. Если бы, допустим, я записывал в свой блокнот хотя бы самые колоритные моменты общения наших абхазских писателей в годы отдыха в Пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа, то сегодня мог бы создать отдельную на редкость привлекательную вещь эссеистического характера. Писатели на отдыхе— это особо трогательная история, их запальчивые споры о литературе, их взаимные подколки, тосты на вечеринках, жесты, мимика — все это те бесценные штрихи, из которых складываются образы мастеров слова. Сейчас уже о них приходится писать по отголоскам воспоминаний. Но, Слава Богу, что и в такой запоздалой ситуации на помощь приходит память.

***

У наших писателей Шоты Чкадуа и Алексея Гогуа еще с юных лет были очень теплые дружеские отношения. Я испытывал огромное наслаждение от их разговоров на житейские темы, о языке, литературе, традициях. Но больше всего мне нравились их шутки, добрые, исполненные абхазского шарма. Было интересно наблюдать, как они иногда спорили о чем-то, моментами сильно жестикулируя. Помню, однажды драматург Шота Евгеньевич Чкадуа, чьи пьесы долгие годы неизменно

входили в репертуар Абхазского театра, предложил мне прогуляться вместе с ним вдоль пицундского побережья и почему-то по тому «маршруту», по которому предпочитал ходить Алексей Ночевич, чтобы развеять усталость. Было это летом, в яркую солнечную погоду. Шли мы по территории заповедника, по тропинкам, протоптанным туристами-дикарями. В заповеднике можно было наблюдать множество разноцветных и экзотических птиц. Мой старший друг и наставник, щеголяя своими «орнитологическими» познаниями, начинал ненавязчиво «просвещать» меня, напоминая редкие абхазские названия встречавшихся в сосновой роще птиц. В подлинности каких-то названий я стал сомневаться, но продолжал молча и безропотно слушать своего гида, сдерживая себя тем, что с мэтрами — не спорят… По ходу он, моментами, имитировал разговоры с птицами, нашептывал какие-то звуки на каком-то птичьем языке, время от времени предлагая порхавшим над нами птицам сесть ему на широкую богатырскую ладонь. Однако вся интрига этого затянувшегося рассказа заключалась в том, что мы забыли про птиц, когда вдруг увидели на ветвях сосен веселящихся, кувыркающихся в воздухе белок. При виде этого сказочного зрелища лицо знаменитого драматурга буквально воссияло, и он долго и с удивительной дотошностью рассказывал мне потом о «повадках» этих юрких зверьков. «Ацыҕҟәа, сыхазынақәа, ацыҕҟәа…» — теперь уже каким-то магическим, понятным только ему и белкам, тотемистическим языком классик начинал имитировать свой разговор с этими совершенно безобидными существами.

Мы вернулись в «Литфонд» в сумерках. И как раз у входа в центральный корпус встретили Алексея Ночевича, спустившегося подышать свежим воздухом после напряженной работы за письменным столом. Он поинтересовался результатами нашего «тайного» культпохода. Мы стали делиться впечатлениями. Драматург в силу безграничных фантастических возможностей его излюбленного жанра, представил картину наших наблюдений слишком гиперболизировано. Моментами прозаик невольно ухмылялся. Но больше всего рассмешила прозаика то, что драматург описал увиденных нами белок,

чуть ли ни как барсов (ацыгқәа)… Вот тут и стали спорить на полном серьезе два классика. Шота упрямо стоял на своем. Алеша неистовствовал, пытаясь убедить собрата по цеху в том, что эти зверьки — обычные, беззащитные белочки. И в качестве главного аргумента он привел довод о том, что хвост у «барса», придуманного драматургом, непомерно длинный и в этот момент, он, как акробат на батуте, раскидал обе руки в разные стороны, чтобы показать реально, какова длина хвоста того злополучного обитателя абхазских гор, который никак не мог появиться средь бела дня в прибрежном пицундском заповеднике (даже при фонтанирующем творческом воображении нашего знаменитого комедиографа).

И тут драматург вдруг неожиданно сдался, найдя удобный выход из положения в своей многозначительной импровизации: «Ацхь иахәхааит ацыгғьы, аешгьы!..», что означало: «Да будь они прокляты божеством кошек... и барс, и белка…»… и добавил, широко и по доброму улыбаясь, по-дружески хлопая Алексея по плечу: «Это же наш гений, он во всем прав, с ним нельзя спорить!»…

Новая волна

Как известно, наметившийся в стране процесс реформы политической системы, натолкнулся на ряд внутренних бюрократических противоречий. Вместе с тем, курс на перестройку и гласность, провозглашение демократических свобод, медленно, но достаточно ощутимо стали затрагивать социально-правовую атмосферу нашей республики. Многие понимали, что преодоление идеологического кризиса было невозможно без кардинальных реформ в сфере межнациональных взаимоотношений. Однако центр и его политическая элита не предпринимали серьезных шагов по изменению закостенелой сталинской модели национально-государственного устройства. Вместе с тем, усиливавшиеся к концу 80-х годов центробежные тенденции подталкивали бывшие автономии к новому этапу борьбы за свою политическую и юридическую независимость.

И у Абхазии в силу объективных причин появился новый шанс вернуться к проблемам восстановления своего государственного суверенитета. Весьма энергично, последовательно и масштабно этот по сути судьбоносный вопрос поднимался в 1967, 1977 годах, причем он получил в те годы широкую политическую огласку.

Тбилисская метрополия, опираясь на национал-шовинистические настроения, по-прежнему цеплялась мертвой хваткой за свой пресловутый унитаризм, пытаясь всячески удержать в его ржавых тисках Абхазию и Южную Осетию. Нередко раздавались в стане тбилисских неформалов призывы об их полном упразднении, потворствуемые и партийными вождями Грузии. Центробежные силы заявляли о себе все громче и настойчивее. Вскоре Грузия одна из первых продекларирует свои крайне амбициозные намерения выйти из состава СССР. Подобные требования сопровождались массовыми политическими акциями.

На фоне такого стремительного и опасного развития событий в Абхазии возникает необходимость острее и последовательнее выдвигать вопросы восстановления высокого политического статуса, которым республика обладала с 1921 по 1931 год. Этой самостоятельности Абхазия, как известно, была лишена по воле «вождя всех народов» и низведена до уровня номинальной автономной республики с ее автоматическим включением в состав Грузии.

Я хорошо помню, как в кругах абхазской интеллигенции вновь достаточно оживленно начинали обсуждать возможности и перспективы разумного использования ситуации, складывающейся в стране советов. Вновь закипели политические страсти в Абхазском институте, в национальном университете, госмузее, в Союзе писателей, в Союзе художников, в других центрах формирования национальной идеи и мировоззренческих ценностей. Несмотря на репрессивные действия в отношении отдельных лидеров, вызовы в КГБ, шантаж и запугивания, национально-освободительное движение сумело сохранить свое интеллектуальное ядро. Да, был некоторый спад, была кратковременная фаза снижения активности. Но

начавшаяся в масштабах советской державы демократизация (захлебнулась в силу несовместимости идеи либерализации общества с прежним авторитаризмом управления), несмотря на свою скоротечность, вновь вывела на политическую арену Абхазии не только достаточно опытных борцов за политическое самоопределение, но и многих представителей молодого поколения. Как раз в идейной и духовно-нравственной взаимосвязи этих поколений и заключалась их побудительная (социальная) сила.

Помню, где-то в конце 1987 года среди абхазских писателей созрела идея проведения большого круглого стола по наиболее злободневным историко-правовым проблемам. Несмотря на заметную ломку старых идеологических стереотипов и некоторое раскрепощение политической системы власть в Абхазии опасалась перехлестов и радикализма в оценке событий, и, насколько возможно, придерживала свои старые вожжи. Но абхазские писатели в тот период пользовались широкой популярностью. Их читали, тепло встречали в селах. Их произведения печатались в «Литературной газете», в «Советской культуре», в «Новом мире», «Нашем современнике», «Дружбе народов», «Знамени» и других газетах и журналах. Поэтому некоторые из них были достаточно известны и в масштабах всей державы. С ними не могли не считаться и власть предержащие. И они, зная себе цену, все-таки решили задать тон национальному движению, начинавшемуся теперь уже в новых условиях демократизации. Союз писателей Абхазии располагался тогда в бывшем здании Совета Министров, роскошном дворце, когда-то принадлежавшем потомкам абхазских владетельных князей. Решение о передаче этого здания Союзу писателей, инициированное М. Т. Ласуриа и его коллегами, стало возможным благодаря личной поддержке первого секретаря обкома Б. В. Адлейба, который изначально старался приблизить к себе интеллигенцию. Помимо республиканской писательской организации, здесь были размещены Союз художников, Театральное общество, редакции газет «Алашара», «Амцабз», «Апсны аказара», альманаха «Рица» и др. творческих сообществ. Некоторые не без юмора намекали, что все

творческие союзы собрали в одном месте, чтобы спецслужбам проще было «подслушивать» их разговоры. Возможно и так. Однако такая компактность размещения людей, которые имели прямое или косвенное отношение к политическим процессам, намного облегчала реализацию их программных целей. Интеллигенции, чуть ли ни каждодневно встречавшейся под сводами одного здания, легче было обсуждать злободневные социальные вопросы, нежели разрозненно. Так что тогдашний обком в чем-то и поспособствовал новой консолидации носителей абхазской идеи.

«Круглый стол» по наиболее животрепещущим национальным проблемам, вопреки нашим ожиданиям, прошел достаточно организованно и имел широкий общественный резонанс. Люди, переживавшие за дальнейшую судьбу Абхазии, пришли на нашу встречу и без всякого приглашения. С инициативой выступили писатели. Однако ее спонтанно поддержали художники, артисты, ученые, преподаватели АГУ. Не смог обойти вниманием наш достаточно представительный общественно-политический форум и секретарь обкома Р. М. Бутба. Присутствие чиновника столь высокого ранга в чем-то и воодушевляло нас, потому что мы добивались широкой огласки своих выступлений. Заранее объективно проинформировать секретаря обкома о готовящемся мероприятии успел инструктор обкома В. З. Чамагуа, работавший тогда в отделе пропаганды и агитации высшего партийного органа республики.

Он был одним из немногих, кому мы доверяли свои планы. Виталий Зиевич, как опытный журналист и публицист, во многом разделял взгляды творческой интеллигенции. Позже, когда политический процесс стал углубляться, наши с ним связи стали еще более востребованными.

Председательствовавший на круглом столе шеф писателей А. Н. Джонуа сначала пытался дипломатично охладить пыл наиболее темпераментных ораторов. А такие тоже были, так как давно уже не было подобных открытых общественных дискуссий по национальному вопросу. Но поняв, что обуздать политические страсти своих собратьев по литературному цеху не так-то просто, ведущий «круглого стола» моментами лично

сам стал будировать вопросы, от которых власть была далеко не в восторге.

Поднимали и проблемы кадровой политики, статуса абхазского языка, незаконных прописок, нарушений земельного законодательства, демографической и экологической обстановки, связей с зарубежной абхазской диаспорой. Сказать о фактах продолжавшейся грубой фальсификации истории Абхазии, ее топонимии и гидронимии было поручено мне. Насколько помнится, я справился со своей задачей неплохо… Фактически у меня получился почти доклад на упомянутую тему, доклад, насыщенный фактами циничного искажения всего, что связано с нашей историко-культурной самобытностью.

На круглом столе было принято обширное обращение к властям с требованием изучить широкий спектр выдвинутых проблем и принять по ним меры. Мы знали, что власти встретят в штыки наши требования, но важно было поставить их перед свершившимся фактом. Как говорится, лед тронулся… В Союзе писателей был задан тон новым действиям по защите наших национальных интересов. Во второй половине 80-х атмосфера в Абхазии вновь накалялась. Грузинские СМИ начинали вновь раскручивать абхазскую тематику в национал-шовинистической интерпретации. В этом они давно поднаторели. Начинали усиливать свою антиабхазскую пропаганду грузинские неформалы. Мы не могли созерцать все это равнодушным взглядом. Полностью раскрыли себя и представители грузинской интеллигенции. Ничем не гнушаясь, они обрушивали на абхазов свои антинаучные измышления. Охотно предоставляли им свои страницы журнал «Литературная Грузия» и газета «Народное образование».

Где-то в конце 1987 года в Сухумском Дворце творческих союзов (ныне по ул. Аидгылара) родилась идея создания молодежного творческого объединения, с тонким намеком на то, что мы будем дискутировать на его заседаниях не только по художественным вопросам. Помню, начали мы с приглашения писателей, художников, скульпторов, музыкантов. На встрече с Юрием Чкадуа, Виталием Джениа, Амираном Адлейба были представлены некоторые их произведения малой формы. На-

чали с них, а завершили разговор размышлениями о шедеврах мировой скульптуры, начиная с античных времен. Для нас имело особое значение, что мы постепенно выходили из духовно-информационного вакуума, создавали атмосферу спокойного и доверительного обмена мнениями. Достаточно профессиональным стало обсуждение сборника повестей и рассказов Даура Зантария «Аҽацэ-лас» (Быстроногий олень) на абхазском языке. Это было новое и весомое слово в художественном осмыслении абхазской истории. Молодые люди, объединенные творческими интересами, понемногу переключались на темы защиты базовых абхазских ценностей, языка, истории, архитектуры, культуры, экологии. Мы понимали, что не время рассуждать о проблемах, волновавших абхазское общество, живя в башне из слоновой кости. В 1987 году при поддержке Совета творческой молодежи при обкоме комсомола в Пицунде прошел недельный семинар творческой молодежи Абхазии. Чиновники пытались регламентировать его работу, чтобы не дать выплеснуться негативным эмоциям. Но молодые люди, испытывавшие духовный и информационный голод, очень оперативно обозначили контуры проблем, обсуждение которых они считали крайне необходимым. Наиболее болезненными оказались, насколько я помню, вопросы градостроительной политики, дизайна, монументального искусства, художественно-декоративного оформления тех или иных объектов. Несмотря на различие точек зрения, участники семинара сошлись во мнении, что Абхазии не должны навязываться извне чуждые ей тенденции, проекты, игнорирующие национальный стиль и колорит. Помню, был согласован в Пицунде и текст письма руководству страны о недопустимости оформления нового Сухумского морпорта в стиле так называемого «реалистического аллегоризма» Зураба Церетели или его «бинарного метода», совмещавшего в себе опыт академической школы с авангардом. Почти все участники дискуссии поставили свои подписи под этим обращением, вне зависимости от национальной принадлежности.Таким образом мы воспрепятствовали намерениям дельцов от искусства, внедрявших свою отработанную технологию ускоренными темпами в пространстве Черномор-

ского побережья Кавказа. В рамках Пицундского молодежного симпозиума мы впервые открыли для себя манеру достаточно своеобычного письма и почерка Гунды Квициниа, Саиды Делба, Гунды Саканиа. Пицундский семинар еще больше убедил нас в чрезвычайной необходимости создания нового постоянно действующего творческого объединения. Вновь созданный Союз творческой молодежи стал открыто выступать против экологически вредных производств. Так, в 1988 году молодежь выразила протест против строительства Гумистинского завода жидких кристаллов. Я хорошо помню, насколько убедительной и аргументированной была поддержка эксперта по экологическим проблемам Сергея Бебия (ныне академика АНА) по ряду возникавших природоохранных вопросов. Он был настоящий боец, очень мужественно и стойко боровшийся против опасных проектов, навязывавшихся нашей стране.

***

Наступил момент, когда мы почувствовали крайнюю необходимость объединения в какую-то организованную общественную структуру, способную со временем перерасти в более мощное общенациональное движение. В конечном итоге, мы пришли к долго вынашиваемой и желаемой консолидации. Был сформирован Союз творческой молодежи Абхазии. В него входили представители почти всех национальных общин. Нелегко было найти лидера нового движения. Но в итоге выбор пал на талантливого дирижера и композитора Нодара Чанба, пользовавшегося высоким авторитетом среди творческой молодежи. У истоков Союза творческой молодежи и НФА «Аидгылара» (выросло на базе этого Союза) находились: Г. Аламиа, Д. Зантария, А. Инал-Ипа, М. Хварцкия, Г. Смыр, Б. Кобахия, А. Ачба, И. Хашба, М. Л. Еник, Д. Ахба, И. Отырба, С. Делба, С. Саканиа, Д. Миквабиа, С. Корсая, Н. Венедиктова, Е. Заводская, Р. Барцыц, И. Чаниа, Т. Аршба, Л. Аргун, Н. Джичаева и др.

Почти одновременно в Ткварчале и Гудауте заявили о себе еще два новых объединения — «Нартаа» и «Аублаа». Вышло несколько номеров газеты «Аублаа», предвестницы новой абхазской демократии, редактором которой была поэтесса Саида

Делба. Свою заметную роль в освещении достаточно злободневных и острых общественных проблем играла газета «Абхазский университет» под руководством Н. Джонуа. Первый номер достаточно популярной многотиражки вышел еще в декабре 1981 года.

***

Помню, сколько препятствий чинили тогдашние власти Абхазии, чтобы не дать новому молодежному объединению провести акцию памяти махаджиров. Но подобные драконовские меры еще больше сплачивали людей и в результате, вечер памяти жертв Русско-кавказской войны приобрел массовый характер. Разве можно забыть о том, что камень, заложенный в том месте, где р. Басла впадает в море (г. Сухум), в память о трагических событиях XIX века, был изготовлен фактически конспиративным способом, чтобы спецслужбы не успели воспрепятствовать его закладке. Художник Леонид Еник хорошо помнит, как мрамор, который находился на кинопрокате в творческих мастерских наших художников, был доставлен и обработан в цеху на ул. Дзидзариа, и там же в него умело вмонтирован кусок гранита с надписью: «Зыпсадгьылаҽ зызқәатыц ҟамлаз кавказаа рцеицәа ргәаларшәаратә баҟа» («В память о сынах Кавказа, для праха которых не нашлось места на родной земле»). Эти священные слова были выгравированы на граните Отаром Мацхарашвили. Памятник был доставлен на сухумскую набережную, где ныне проходят акции памяти махаджиров. Было не легко, конечно, брать на себя то, что по идее входило в обязанности властей. Но слава Богу, нашлись ребята, которые сочли за честь взвалить на свои плечи такую ношу. Это были Батал Гумба, Гурам Гумба, Вахтанг Мацхарашвили, Мизан Ашуба и их соратники. Тем временем на сухумском стадионе собрались тысячи участников шествия, направлявшихся многокилометровой колонной к месту закладки камня. Все эти незабываемые эпизоды большого сценария, воплощавшегося в условиях прямого и косвенного противодействия властей, отчетливо помнит волевая, энергичная и неутомимая Алина Ачба, входившая в группу молодых сподвижников. Она

вспоминает, какой интересный замысел символического пуска в море связки живых цветов предложила Арда Инал-Ипа. Замысел заключался в том, чтобы эти оригинально переплетенные связки из самшитовых веток и цветов длиною в 5-6 метров со множеством зажженных свечек несли перед участниками памятного шествия молодые люди. В реальности эта задумка вылилась в яркое незабываемое зрелище. Честь нести эти удивительные венки выпала абхазке Сюзанне Амаршан из Сирии и убыху Сергею Хамиду из Турции, славным представителям наших многочисленных диаспор. Денис Чачхалиа и Мария Гицба, услышав о задуманной памятной символике, успели привезти с собой из Москвы большое количество свечек. Денис вспоминает, как Пола Гарб дала им специальный фотоаппарат для съемок с цветным изображением для того, чтобы запечатленные фотокадры можно было использовать при иллюстрации ее этнографических исследований. Алина рассказывает, какой восторг испытывал телережиссер Амиран Гамгиа, который держал в руках новую видеокамеру, переданную турецкой абхазской диаспорой специально для этой массовой акции.

Помню, какую уникальную многообразную выставку фотоистории махаджирства смог организовать в помещении тогдашнего Сухумского ТЮЗ-а историк Руслан Гуажба, какой особый колорит внес в программу вечера памяти махаджиров режиссер Мераб Читанаа, когда, по его замыслу, в зале ТЮЗ-а вдруг неожиданно погас свет и зажглись сотни свечей в руках участников акции.

Все это пробуждало в людях невыразимое чувство сострадания жертвам той страшной кавказской трагедии. И эти события были знаковым предвестием начала нового этапа национально-освободительной борьбы, характеризовавшейся в нашей новейшей истории закономерной цикличностью, повторявшейся каждые десять лет, перерастая в мощные народные сходы. Понемногу правдивая информация об Абхазии стала просачиваться и в центральную прессу, и даже на телевидение. Помню, как по горячим следам создания НФА «Аидгылара» ленинградские телевизионщики из программы «Пятое колесо» приехали в Абхазию, и отразили новые политические события

в своей отдельной телепередаче. И там был сделан значительный акцент на акциях, посвященных памяти махаджиров.

Любое упоминание о зарубежных соотечественниках, о связях с диаспорой страшно раздражало и тревожило чиновников. На плечи тех, кто в конце 80-х предпринимал отчаянные попытки возрождения национального движения, ложилось тяжкое бремя ответственности за судьбу страны. В то же время, в недрах наших национальных научно-исследовательских центров (АбНИИ и Абгосмузея), в среде научной и творческой интеллигенции, вновь зарождалась идея формирования нового политико-правового документа, отражающего историю целенаправленного выхолащивания основ нашей государственности и требования о восстановлении суверенитета Абхазии, которым она обладала с 1921 по 1931 год. После выработки единой концепции, подготовка текста Обращения к высшему политическому руководству СССР была возложена на научного сотрудника, известного историка Абгосмузея Альмира Абрегова. Это был своеобразный национальный манифест чрезвычайной важности, предвещавший качественно новый этап борьбы за независимость. Даже по истечении более сорока лет, ничуть не поблекли высокий уровень, стиль и слог документа, давшего новый импульс национальному движению. Свои подписи под ним поставили представители почти всей интеллектуальной элиты республики. Я, конечно, по праву горжусь тем, что мне предоставили честь быть в числе 60 подписантов этой глубоко аргументированной аналитической записки. Она была отправлена в Кремль 17 июня 1988 года. Официально документ значился, как «Приложение к Письму Президиуму XIX Всесоюзной партийной конференции». С этим партийным форумом, как известно, многие связывали начало реформ политической системы.

Первая реакция Москвы на наше обращение проявилась в том, что 13 августа 1988 года в Абхазию прибыл инструктор орготдела ЦК КПСС Виктор Рябов. Он провел ряд встреч с абхазской интеллигенцией, представителями общественности Гудаутского и Очамчырского районов. Затем порученец Кремля отправился в Тбилиси в сопровождении Дэви Путкарадзе,

представлявшего отдел пропаганды ЦК Грузии. Все это убеждало нас в том, что Москва вновь отдаст на откуп Тбилиси наши принципиально значимые требования. Только слепой мог не замечать, что влияние грузинского лобби на московский истеблишмент с тех пор, как Шеварднадзе стал руководителем советского внешнеполитического ведомства и членом Политбюро (1985 год), стало заметно возрастать.

Было бы абсурдно и глупо ждать у моря погоды. Надо было думать о том, как защитить свое письмо, свой кардинально обновленный национальный манифест, какой для этого необходим механизм. Ведь в предпоследнем абзаце «Письма шестидесяти», на которое мы возлагали большие надежды, было подчеркнуто особым смысловым курсивом следующее:

«Право нации на самоопределение, провозглашенное Великой Октябрьской социалистической революцией, является также неотъемлемым правом и абхазского народа. В силу этого мы считаем, что акт включения ССР Абхазии в ССР Грузии с последующим преобразованием ее (1931 год) в Абхазскую АССР был актом попрания национальных прав абхазского народа. Поэтому мы ставим перед Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза, Президиумом Верховного Совета СССР и Советским правительством вопрос о пересмотре данного положения, о выводе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР и о возвращении Абхазии статуса Советской Социалистической Республики каковой она являлась в первые годы Советской власти (1921–1931 гг.)».

Союз творческой молодежи, руководимый Н. В. Чанба, сыграл к тому времени значительную роль в укреплении интеллектуального ядра нашего движения. И он, безусловно, мог стать серьезным подспорьем для формирования нового политического объединения. Мы чувствовали, что такая идейная спайка людей крайне необходима и своевременна, и мысли о том, как это сделать, реализовать практически, мониторились в умах наших абхазских пассионариев.

Тем временем я старался не допускать слишком больших пауз в своих творческих изысканиях. В 1986 году в издательстве «Алашара» вышел мой новый поэтический сборник «Абас, ауардыншьтра сышхыу...» (По старому следу арбы…), а в 1988-м — переводная книга «И мир оскудеет, когда мы уйдем…». Я как ребенок радовался выходу в свет каждой своей книги. Радовался в первую очередь тому, что не попал в чью-либо западню, потому что издательская технология советских времен предусматривала определенную полускрытую сортировку. Для одобрения рукописи того или иного автора требовалась и внутренняя рецензия, как бы анонимная, и какой-либо закулисный критик, порой, мог забраковать твою продукцию так, на всякий случай, чтобы ты не зазнавался преждевременно и ни задирал нос, внушив себе, что ты — гений. В конечном итоге, в случае невезения с рецензентом, ты вынужден был прийти на поклон к директору издательства, и он единолично мог решить судьбу твоей книги… Вот поэтому я и радовался вдвойне, что и книга вроде бы неплохая, и в скрытую издательскую ловушку не попал.

Сейчас, входя в мир тех стихов, я начинаю испытывать, как и любой уважающий себя поэт, сомнения и переживания по поводу того, насколько художественные шифрограммы моих давних душевных треволнений сохранили свое изначальное естество. Однако, представьте себе, не мало в тех сборниках вещей, выдержавших испытание на прочность. Вот, например, стихотворение, давшее название сборнику «По старому следу арбы…». Оно мне близко тем, что навеяно теплыми отголосками юношества и броскими образами деревенского быта:

Осторожно ступлю на заре,
На поляну, что так зелена!
Как тугим ремешком в серебре,
Опоясана Бзаной она…

Одичалый, отпрянет мой конь,
Не узнав в полудреме меня.

Но коснется холки ладонь–
И с каурым мы снова родня!

Жеребенка в траве обласкав,
Грусть — заботу на нет я сведу.
Старый след арбы отыскав,
Речку детства я перейду.

С края поля, издалека
Долетит перестук бубенцов
Буйволиных и голос щенка,
Что почуял во мгле барсуков.

Здесь исток, здесь начало судьбы-
От зари до вечерних теней…
И по старому следу арбы
Мне идти до скончания дней!

Мотивы этого, казалось бы, незатейливого воспроизведения юношеских воспоминаний, связанных с родным селом, родным пейзажем, его первозданностью, достаточно колоритно зазвучали и на русском языке, благодаря незаурядному поэтическому (и переводческому) дарованию Юрия Лакербай.

Сборник «И мир оскудеет, когда мы уйдем…» — мое первое отдельное поэтическое издание на русском языке. Его на редкость оригинальное художественное оформление принадлежит известному художнику Ахре Аджинджал. Приятно вспоминать моменты свободного и искреннего общения с рядом переводчиков, входивших в мир моих лирических переживаний. Не знаю, как смотрят на это теоретики художественного перевода, но мне кажется, что фактор личного знакомства автора оригинала и переводчика, живые комментарии и пояснения автора к тем или иным семантическим оттенкам слов и словосочетаний чрезвычайно важны для процесса проникновения переводчика в глубины подсознания поэта. Подстрочник — вещь необходимая и неизбежная, насколько возможно компенсирующая незнание языка оригинала, однако непосредственная живая творческая связь поэта и переводчика, на мой

взгляд, намного облегчает путь к постижению изначальной сути произведения.

Вот читаю свое стихотворение «Непрерванный полет стрелы…» в переводе Даниила Чкония. Сомневался, что после почти сорока лет со дня написания этих строк, они сохранят свою смысловую актуальность и философскую метафоричность. Но, слава Богу, для меня те ассоциации и по сей день не утратили своей лирической событийности:

Ржавеют ружья старые в земле,
Но пули их свистят с былою силой,
И города в морской уснули мгле,
Но время их от нас не утаило…

Орлы себя в полете извели,
Но шелест крыл доносится доселе,
И злобным ветрам, воющим вдали,
Еще создать преград мы не сумели…

Следы коней крылатых сушит зной,
Но жизнь их длится в ржании беспечном.
Герои спят под крепостной стеной,
Но стрелы их летят в полете вечном…

«Аидгылара» — новый переломный этап борьбы абхазов за политическое самоопределение

Я хорошо помню наиболее значимые моменты предыстории создания Народного форума Абхазии «Аидгылара». По тому, как складывалась ситуация в республике после обращения в Кремль за подписью «шестидесяти», не трудно было спрогнозировать углубление политической конфронтации между властью и теми, кто пытался в той или иной форме противостоять скрытой и открытой грузинизации Абхазии.

В 70–80-е годы складывалось такое ощущение, будто тбилисская метрополия модернизировала бериевский «Абхазпереселенстрой», выполнявший в свое время при государ-

ственном субсидировании задачу демографической экспансии Абхазии. Как ни парадоксально, часть денег, которые по идее должны были идти только в помощь фронту в 1941–1945 годах, Грузия успевала перенаправлять на насильственное переселение жителей Западной Грузии в Абхазию. Программа эта была провозглашена еще известным грузинским публицистом Якобом Гогебашвили в статье «Кем заселить Абхазию?» (Газета «Тифлисский вестник», сентябрь — ноябрь 1877 года). Эта публикация появилась вслед за последним этапом махаджирства (массовой депортации абхазов в страны Ближнего Востока), и стала предтечей псевдоконцепции грузинского филолога Ингороква, согласно которой абхазы пришлый народ и якобы являются «гостями» в Абхазии.

Под видом нехватки кадров шло переселение людей из Западной Грузии в Абхазию. Массовый характер приобретали незаконные прописки и нарушения паспортного режима. Здесь в спешном порядке создавались филиалы различных министерств и ведомств Грузии. Для работников «ИнгурГЭС» и других ведомственных специализированных организаций в Сухуме, в Гагре, в Пицунде, в Очамчырском, Галском районах строились целые жилые комплексы. И это при том, что абхазов запрещено было прописывать в Сухуме и других крупных центрах, более того, тысячи абхазов вынуждены были снимать квартиры у грузин за высокую плату. И это, увы, ни какие-либо небылицы и выдумки, а страшная реальность, приведшая абхазов к бесправию на своей собственной земле.

Выкорчевывались лесные массивы на значительной территории сел Кындыг, Атара в Очамчырском районе. Началось строительство Кындгской птицефабрики, нанесшей значительный экологический ущерб прибрежной части данного региона. Помню, будучи журналистом, я приезжал сюда для журналистского расследования экологических проблем, и сам был очевидцем того, как безжалостно вырубали здесь дуб, граб, каштан, бук, ольху и другие ценные породы деревьев, как днем и ночью работали здесь десятки бульдозеров, оставляя после себя только сумеречные воспоминания об абхазских лесах, являвшихся органической частью богатой и уникальной флоры Абхазии.

Все это вызывало глубокую обеспокоенность народа, оказавшегося в меньшинстве на своей исконной территории, в результате поощряемой и финансово подпитываемой грузинским правительством политики широкомасштабного «демографического» освоения Абхазии.

Вопросы, выдвинутые в письме шестидесяти, могли остаться без всякого реагирования (или ударить по его авторам и подписантам жестким бумерангом) если бы мы в то время не смогли придать новой нараставшей волне своего общественного движения массовый общенациональный характер. Я хорошо помню, как мы встречались часто и сетовали, что процесс объединения людей затянулся. Все чувствовали, что мы можем упустить реальный шанс, предоставленный пусть даже временным раскрепощением и либерализацией политической системы в бывшей советской державе. Однажды я заглянул в редакцию журнала «Амцабз», в кабинет главного редактора Алексея Гогуа, к которому творческая молодежь тянулась еще с 70-х годов. Здесь я встретил художников Валерия Гамгиа и Виссариона Цвижба. За чашкой кофе мы обсудили какие-то творческие вопросы (я замечал, что абхазские писатели легко находили общий язык с художниками), но очень быстро энергичный, волевой и импульсивный во всем Валерий перевел наш разговор в политическую плоскость.

Если не подводит память, подоспел и Геннадий Аламиа. Я достаточно хорошо запомнил решительный настрой Валерия Гамгиа, который буквально неистовствовал, когда чувствовал, что дела идут наперекосяк. Он предложил срочно собрать всех подписантов письма шестидесяти и еще несколько уважаемых представителей городов и районов республики. Художник аргументировал свое видение процессов тем, что мы в первую очередь обязаны защитить свое Обращение в Кремль. А для этого необходима мощная общественно-политическая структура.

К тому времени в Тбилиси уже успели осудить наше письмо. Ответ грузинских ученых был опубликован в трех номерах газеты «Заря Востока». Стоило ли сомневаться в предвзятости и пристрастиях тех, кто десятилетиями изощрялись в перели-

цовке абхазской истории. Ученых превзошли грузинские писатели, создавшие 4 апреля 1989 года на заседании Президиума СП Грузии специальную комиссию для опровержения Абхазского письма. Мастера грузинского художественного слова вновь громогласно заявили, что «Абхазия исторически такая же Грузия, как и все остальные уголки Грузинской ССР». Это «наша общая абхазская и грузинская земля», подчеркивали они со свойственным им патетическим пафосом. Более подробно о том, как в Тбилиси навешивали ярлыки на авторов письма шестидесяти, пишет доктор исторических наук Аслан Авидзба в книге «Абхазия и Грузия: завтра была война».

Принципиально никто не возражал против идеи и намерений, высказанных Валерием Гамгиа. Такие мысли уже витали в воздухе, тем более что в ряде советских республик (в том числе и автономных) к тому времени аналогичные движения не только были сформированы, но и широко декларировали свои программные заявления. Помнится, что мы чуть ли ни в тот же день приступили к составлению списков людей, чье участие в предварительном совещании было просто необходимо. Да, если быть до конца откровенными, не у всех такая задумка вызывала восторг. Осторожничали те, кто были облечены какими-то обязанностями, скованы должностным положением и другими моментами. Не будем идеализировать прошлые события: так или иначе они всегда сопровождались разбродом и шатаниями. Разумеется, не дремали и спецслужбы. Но в итоге мы смогли при непосредственном участии активистов Союза творческой молодежи во главе с Нодаром Чанба обсудить идею, обозначить общие контуры нового движения. На фоне выхода на политическую арену прибалтийских общественных объединений, изначально заявивших о себе как о народных фронтах, многие из наших соратников предлагали последовать их примеру. Мы достаточно долго дискутировали на эту тему. Но, насколько помню, поэт Геннадий Аламиа сумел обосновать свою концепцию, предполагавшую создание Форума Народного единства Абхазии как более демократичного и способного выполнить миссию общенародного собрания, своего рода свободной народной трибуны.

Были разные точки зрения, я не могу воспроизвести все мнения, озвученные на наших предварительных встречах. Но по крайней мере, на официальную часть своего совещания, проходившего в зале заседаний творческих союзов по ул. Фрунзе (Аидгылара), мы пришли, приблизительно зная и пропустив через себя смысл, характер и логику повестки дня. Помню, зал был переполнен уважаемыми людьми (и старшего, и молодого поколения), и после долгих дебатов на этом совещании была утверждена инициативная группа (оргкомитет) НФА «Аидгылара», которую по просьбе собравшихся возглавил выдающийся абхазский прозаик, общественный деятель Алексей Гогуа. Конечно, Алексею Ночевичу нелегко было дать согласие на лидерство организации, которая так или иначе вступала в серьезную политическую борьбу за восстановление базовых ценностей, составлявших основу государственного суверенитета Абхазии, низведенного до номинальной автономии в эпоху Сталина. К тому времени он был одним из ведущих писателей, смело поднимавших национальную прозу на уровень международных художественных стандартов. Мастер абхазской прозы понимал, что, возглавив новое движение, претендовавшее на ломку старых идеологических стереотипов и возрождение многовековой абхазской государственности, он не сможет полноценно реализовывать свои новые творческие замыслы. Но мы пытались внушить ему, что это временная нагрузка, мол, он успеет за год-два подготовить себе замену и вновь вернется к своему письменному столу. Но теперь было поздно философствовать на эту тему.

Существует версия о том, что первое собрание НФА «Аидгылара» не сразу пришло к согласию по названию, структуре, организационным вопросам и задачам. Да были кое-какие разногласия и разночтения, словесные перепалки, но до нервного срыва дело не доходило. Кое-кого приходилось возвращать в зал путем уговоров. И это вполне естественно, потому что общество и республика пребывали в тревожном революционном состоянии.

В оргкомитет вошли: Роман Чанба, Олег Дамениа, Валерий Кварчия, Игорь Марыхуба, Валерий Гамгиа, Тач Гыц-

ба, Боча Аджинджал, Рауф Ебжноу, Нодар Чанба, Владимир Зантариа. Помню, как мы собирались и начинали обсуждать до поздней ночи, чуть ли не в деталях стратегию и тактику деятельности нового движения. По главным вопросам наши мнения и взгляды совпадали. В целом у всех был революционно-романтический настрой. И если говорить объективно- у всех первопроходцев «Аидгылара» были свои немалые заслуги. Перед началом заседания мы просили людей, не входивших в оргкомитет, то и дело обходить здание, где располагался наш штаб для упреждения прослушивания наших разговоров агентами спецслужб, хотя у последних было немало других технических возможностей записывать наши заседания и на расстоянии.

Шла кропотливая работа по подготовке окончательной редакции сжатой, но достаточно содержательной программы НФА «Аидгылара», его устава. Болванки (рабочие варианты) этих документов были подготовлены предварительно, потому что впритык к учредительному съезду мы бы никак не успели сформулировать концептуальные положения своей декларации. Над проектами по просьбе оргкомитета работал в основном философ Олег Дамениа. Весомый вклад в подготовку этих и других документов внесли видные историки и общественные деятели Станислав Лакоба и Сергей Шамба. Мы позарез нуждались в высоко квалифицированном юристе. И насколько я помню, уже к тому времени по просьбе оргкомитета к работе над правовой частью устава подключился Зураб Ачба. Все они, представляя интеллектуальную элиту страны, сыграли значительную роль в дальнейшем становлении, профессиональном росте и мужании нового общественного объединения.

Задолго до начала работы над уставом НФА в прибалтийские республики были командированы Нодар Чанба и Даур Зантария, чтобы поделиться опытом создания новых демократических сообществ (там успели заявить о себе «Саюдис», «Атмода», то есть «Пробуждение» и др. движения), хотя мы не во всем симпатизировали их взглядам. Как, впрочем, и они нашим из понятных политических соображений. Коллеги привезли с собой ряд программных документов, форме и со-

временному стилю которых можно было немного подражать. К тому времени наметилась тенденция сближения и с северокавказскими общественными движениями.

Помню, на одном из обсуждений представленных вариантов, мы почувствовали недостаточную аргументацию экономического аспекта наших программно- уставных документов. Обратились к Артуру Миквабия, работавшему тогда в обкоме партии, человеку с немалым опытом экономической и хозяйственно-предпринимательской деятельности. Он пришел к нам в штаб «Аидгылара», несмотря на то что даже сотрудничество с движением, фактически оппонировавшим властным структурам, не поощрялось. НФА «Аидгылара» еще не было создано, а вокруг деятельности его оргкомитета сплачивались сотни единомышленников. Изначально мы почувствовали реальную поддержку тогдашнего секретаря обкома партии Саида Таркил, с которым я был хорошо знаком еще с 1978 года. В его бытность первым секретарем обкома комсомола мы проводили в Гудаутском, Очамчырском, Ткуарчалском и др. районах достаточно энергичную пропагандистскую работу по привлечению к строительной отрасли сельской молодежи. Такая акция была вызвана ходом реализации Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по Абхазии. Наша агитация оказалсь небезрезультатной: сформированные в абхазских селах бригады строителей проявили себя хорошо. Контракты со строительным трестом №6 позволили этим мастерам, насколько помню, в течение 3–5 лет, получить и собственное жилье. Память подсказывает, что во время нашего похода в село, иногда встречи и разговоры с сельчанами непомерно затягивались, вопреки всяким регламентам. Как правило, завершалась агиткомпания застольем у какого-либо зажиточного крестьянина.

Саид Родионович, особо не афишируя себя, подсказывал нам на начальном этапе становления «Аидгылара» кое-какие шаги в процессе подготовки к массовым акциям и соответствующих документов. Видимо, он знал, что спецслужбы фиксируют подобные контакты с оппонирующей властям организацией. Но он разделял наши взгляды и действовал сообразно здравому смыслу и логике событий.

Шла работа по подготовке учредительного съезда, начиналась она с абхазских деревень, традиционно являвшихся опорой национального движения. Ощутимый импульс новому этапу общенациональной консолидации придавала национал-шовинистическая пропаганда, осуществлявшаяся сухумскими филиалами Всегрузинских обществ, носивших имена Ш. Руставели и И. Чавчавадзе. Они действовали в унисон со своими тбилисскими лидерами, выводившими людей на улицы уже с ноября 1988 года. Не сходят с глаз печально памятные лозунги: «Грузия — для грузин», «СССР — тюрьма народов», откровенно неофашистские призывы упразднить абхазскую и югоосетинскую автономии. Обществу навязывалась антинаучная версия пришлости абхазов, цинично и нагло афишировалась необходимость их изгнания. Волны национал-шовинистической пропаганды, вносившей высокое напряжение в межнациональную сферу, буквально захлестывали всю Грузию и заметно дестабилизировали обстановку в Абхазии.

Так, 3 декабря 1988 года в Грузинском институте субтропического хозяйства (г. Сухум), Обществам Руставели и Чавчавадзе удалось спровоцировать массовый митинг, на котором открыто озвучивались антиабхазские и антирусские призывы. Там же был брошен клич об открытии филиала ТГУ в Сухуме. Разумеется, генераторы подобного деструктивного замысла предполагали разделение Абхазского государственного университета по национальному признаку. Все это неминуемо вело к созданию новых очагов межнационального противостояния. Думаю, следует напомнить лицам, страдающим амнезией и другие факты, характеризующие ситуацию того периода. Факты эти не трудно почерпнуть из той же грузинской прессы конца 80-х.

Так, неким горе-доцентом З. Чкванава методично распространялась «мысль» о сбалансированном размножении (деторождении) отдельных наций, проживающих в Грузии. Их воспроизводство не должно было, по мнению этого безумца из Тбилисского политехнического института, превышать предельный уровень, то есть это двое детей). Абхазию, как и другие регионы Грузии, будоражила пропаганда, связанная с

внедрением грузинского языка во все сферы, в том числе и в делопроизводство. Дело дошло до того, что циркуляры (телеграммы), поступавшие из Тбилиси на грузинском языке в чисто абхазские учреждения, где не понимали, о чем идет речь, вынуждены были отсылать обратно. Был даже такой забавный случай, когда зам. главного редактора Гудаутской районной газеты «Бзыбь» Анатолий Возба ответил на непонятную телеграмму из Тбилиси на абхазском языке.

3 ноября 1988 года в официальном печатном издании — газете «Комунисти» появилась программа развития грузинского языка. Внешне положения этого документа могли показаться достаточно гуманными и благообразными. Но авторам этой концепции не удалось скрыть своего откровенного националистического замысла. И он проявился в том, что программа предусматривала «обязательное изучение грузинского языка во всех негрузинских школах…». Также предлагалось «введение экзаменов на знание грузинского языка для поступающих в вузы гуманитарного профиля…» И еще одно требование, полностью перечеркивавшее внешнюю гуманистическую направленность документа: это «придание грузинскому языку статуса государственного во всех учреждениях…» Таким образом, под и без того шаткую платформу межнациональных отношений закладывалась мина замедленного действия…

Владислав Ардзинба и первые шаги по возрождению абхазоведения

Существует весьма метафоричная абхазская пословица: «Аџьма имыҧсыша аматҽ азылаҟәуеит». Смысл, если интерпретировать достаточно свободно, в том, что «козе, которой не суждено умереть, Бог спускает живую ветку…» Хотя бы отдаленно, эта философия ассоциируется с возвращением Владислава Ардзинба в лоно абхазской науки и культуры. АбНИИ им. Д. И. Гулиа являлся не только научным, но и идеологическим центром и под руководством нового директора, был сдвинут

с мертвой точки процесс восстановления подлинной истории нашего народа. Была развернута работа по подготовке нового учебного пособия «История Абхазии» (гл. редактор С. З. Лакоба). Книга была издана в 1991 году. В 1992 году выходит сборник «Абхазия. Документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.» (отв. редактор Б. Е. Сагариа). В октябре 1988 года в Сухуме по инициативе и под руководством доктора исторических наук, известного востоковеда В. Г. Ардзинба проходит Всесоюзная научная сессия этнологов и антропологов. Выступление будущего национального лидера перед советской академической элитой становится заметным явлением не только в Абхазии, но и далеко за ее пределами. Говоря о проблемах науки, Владислав Григорьевич дипломатично затрагивал и вопросы политической независимости Абхазии.

На различных партийных совещаниях и пленумах Владислав Ардзинба достаточно аргументированно вмешивается в толкование вопросов истории Абхазии, ее суверенных прав. Запомнилось, как смело и убедительно молодой руководитель АбНИИ отстаивал интересы нашей республики на одной из областных партийных конференций в присутствии высокопоставленных лиц из тбилисского партаппарата. В ходе подготовки новых нормативных документов, руководители оргкомитета НФА «Аидгылара» консультируются с Владиславом Григорьевичем по ряду вопросов. И он с удовольствием откликается на подобные обращения.

Учредительный съезд «Аидгылара»

На фоне подобного разгула национал-шовинизма и нового витка национально-освободительной борьбы мы подошли к весьма ответственной дате проведения учредительного съезда НФА «Аидгылара». Это историческое событие, ставшее переломным этапом в новейшей истории Абхазии, состоялось 13 декабря 1988 года в Абхазской государственной филармонии.

Люди с нетерпением ждали события, которое могло придать дальнейшей борьбе новый мощный импульс и еще более

компактный и организованный характер. Мы не сомневались в том, что вслед за политико-правовым формированием нашего движения в его ряды начнут вливаться сотни людей, разделявших наши взгляды. Я хорошо помню, как на съезд пришли не только официально приглашенные, но и те, кто прямо или косвенно содействовал его выходу на широкую политическую арену. Зал филармонии был переполнен. Многие слушали выступавших стоя. Руководство республики, хоть и не присутствовало на нашем съезде, но внимательно наблюдало за ходом событий, выдвигавших на авансцену абхазской истории новую партию, способную составить серьезную конкуренцию властям. Нарушив протокол, на съезд пришел известный государственный деятель В. М. Цугба. Возможно, что его присутствие на нашем высоком собрании было согласовано с первыми лицами.

Руководителем НФА «Аидгылара» съезд единогласно утвердил писателя Алексея Гогуа. Думаю, здесь на этом судьбоносном форуме Алексей Ночевич окончательно убедился в том, что его частые сетования насчет несовместимости политики и художественного творчества, на фоне бурного развития событий, никто не услышит. Водоворот политики втягивал в себя все больше видных представителей революционно настроенного общества.

Съезд избрал президиум и правление, свои исполнительные структуры в городах и районах республики. Думаю, на фоне новых современных политических веяний и тенденций, прихода в большую политику людей нового поколения, по тем или иным причинам и соображениям старающихся абстрагироваться от тех эпохальных событий, нам следует чаще упоминать людей, действовавших достаточно решительно в весьма сложных, подчас и экстремальных условиях для осуществления задач, обеспечивших нам нашу нынешнюю независимость. В когорту руководителей «Аидгылара», наделенных учредительным съездом значительными полномочиями вошли: А. Гогуа, Р. Чанба, И. Марыхуба, Ю. Аргун, С. Шамба, З. Ачба, В. Кварчия, Н. Чанба, Р. Гвинджия, А. Инал-Ипа и другие. В состав президиума НФА «Аидгылара» также в разное время

(как бы сменяя друг друга) входили руководители районных отделений: В. Бения, Ч. Бигуаа, А. Возба, В. Гунба, Ю. Квициния, Р. Цвижба, Д. Адлейба, С. Джинджолия, И. Гамисония, В. Гварамия.

Уже с того периода начиналось формирование редсоветов газет «Аидгылара» (гл. ред. Г. Аламиа) и «Единение» (гл. ред. Н. Джонуа), ставших живым и ярким олицетворением народной демократии в Абхазии. Существовавшая в той или иной форме цензура ничего не могла противопоставить эти двум воистину эпохальным печатным изданиям, выхода которых ждал каждый уважавший себя гражданин Абхазии. Они стали выходить позже, но даже в первых номерах форумовских газет появились такие острые материалы, которые никогда не осмелились бы опубликовать официальные СМИ.

Я не могу забыть, как в Москве, на одном из внеочередных съездов народных депутатов СССР во время перерыва парламентарии за несколько минут буквально расхватали 300 номеров газеты «Аидгылара — Единение», спецвыпуск которой был посвящен раскрытию фарисейского облика Шеварднадзе, разглагольствовавшего на том же съезде о судьбе демократии, о грядущей диктатуре и т. д. Помню, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Светлана Савицкая, в фойе Кремлевского дворца внимательно вчитывалась чуть ли не в каждую строку остросюжетного антишеварднадзевского памфлета. Я работал парламентским корреспондентом Абхазского телевидения и не преминул возможностью взять у нее интервью. «Ну и бойкая у вас газета, однако!» — так отреагировала она на нашу публикацию. А газету эту в таком большом количестве по просьбе Владислава Ардзинба смогли внести в Кремлевский Дворец съездов редактор Николай Джонуа и депутат Руслан Аршба.

***

Мне было поручено озвучить на учредительном съезде Форума текст устава нового (по сути революционного) политического сообщества, заявившего о себе на весь мир. И здесь мне, как никогда, пригодился опыт дикторской работы на Аб-

хазском радио, так как нужно было донести содержание столь важного программного документа внятно, четко, выделив интонационные и смысловые курсивы. Видимо, в чем-то подражая достаточно самобытной манере речи Левитана, легче добиться желаемого эффекта и резонанса. Вообще-то, за долгие годы нахождения в гуще национально-освободительной борьбы, я понял, что масса не приемлет слабого, невнушительного тембра голоса. Думаю, те, кто доверил мне чтение Устава НФА «Аидгылара» в госфилармонии, хладнокровно оценив уровень моего владения трибуной, примут в скором времени решение поручить мне чтение Лыхненской Декларации от 18 марта 1989 года на многотысячном сходе, ставшем этапным предзнаменованием переломных исторических процессов. Что же касается секретов ораторского искусства, то стоило бы вспомнить о динамичной и живой речи Анатолия Кони, никогда не звучавшей монотонно. Мощным тембром голоса обладал Лев Троцкий, признанный одним из лучших ораторов XX века. Харизматичность была свойственна выступлениям Владимира Ленина, усиливавшего контакты с аудиторией яркой, достаточно пластичной жестикуляцией рук. Уинстон Черчилль умел воодушевлять людей идеями, нередко прибегая к сравнениям и метафорам. Благодаря своему усердию и таланту, он смог избавиться от такого дефекта (был у него в детстве), как шепелявость, подобно Демосфену, преодолевшему слабость голоса и короткое дыхание.

Знаю, что не скромно говорить о своих ораторских качествах после ссылок на великих личностей, но мне нравится, когда уважаемые люди вспоминают мои выступления на знаковых сходах и собраниях. Замечу, что никаких погрешностей речи (в том числе шепелявости или картавости) у меня не было ни в детстве, ни в юности). Более того, замечательная певица Людмила Логуа, не раз говорила мне, что может научить меня петь.

Когда-то в бывшей советской державе были выпущены почтовый конверт и почтовая марка в честь 100-летия Парижской коммуны. Думаю, в Абхазии давно уже назрела необходимость выпустить не только почтовую марку, но и медаль,

символизирующую рождение НФА «Аидгылара», придавшего национально-освободительному движению общенациональный характер и сыгравшему ключевую роль в деколонизации Абхазии.

Лыхненский сход и Лыхненское обращение. Я — в роли чтеца текста

«18 марта 1989 года произошло событие, которое уже вошло в анналы истории. В этот памятный день на исторической поляне Лыхнашта собралось более 30 тыс. человек, которые единогласно заявили о назревшей необходимости пересмотра статуса республики в составе Советской Федерации. В «Лыхненском обращении» речь шла о восстановлении ССР Абхазии, существовавшей с 1921 по 1931 годы. Это был беспрецедентный факт подлинного всенародного волеизъявления, под которым подписались и представители других национальностей, проживавших в Абхазии. Процессы, происходившие в СССР в период Горбачева, дали новый импульс стремлению абхазов воспользоваться неотъемлемым правом любого народа самому определять свой политический статус…» — вот какую оценку получил лыхненский плебисцит в учебнике «История Абхазии», соавторами которого являются профессора О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба (Сухум, 2006 год).

Я достаточно отчетливо помню, как усиленно готовились участники движения «Аидгылара» к большому долгожданному сходу. К тому времени уже во всех городах и районах отделения НФА «Аидгылара» имели значительное влияние на все слои общества. Были, конечно, и такие, кто предпочитал занимать нейтральное положение, безмолвно выжидая, чем же закончится вся эта политическая кутерьма или выражаясь художественно, батрахомиомахия — война мышей и лягушек.

Везде действовали группы, очень оперативно откликавшиеся на призывы и обращения «Аидгылара». Понемногу к деятельности структур нового движения подключались пред-

ставители русской, армянской, греческой, украинской, эстонской, турецкой и других национальных общин. Прямо или косвенно старались поддержать пропагандистскую работу «Аидгылара» даже некоторые представители грузинской национальности, не разделявшие идею мононационализма и другие радикальные настроения. КГБ и другие спецслужбы пытались предпринимать превентивные меры, чтобы упредить процесс интернационализации «Аидгылара». Однако грузинские неформалы настолько примитивно, цинично и огульно характеризовали историю, психологию и ментальность других народов, что тем ничего не оставалось, кроме как примыкать к рядам борцов, провозгласивших и отстаивавших идею единения всех народов.

Я помню, как за день до начала Лыхненского схода спецслужбы нагнетали обстановку, чтобы сорвать общенациональный съезд. Грузинские политики чувствовали, что это собрание способно расшатать искусственно чинимые препятствия и направить потенциальную энергию, духовные силы нашего народа в русло возрождения и полнокровного развития.

Помню, мы с Романом Чанба и еще несколькими членами правления «Аидгылара» приехали 17-го марта в с. Лыхны, услышав, что какие-то силы пытаются не пустить народ на Лыхненскую поляну. Видимо, это были тщетные попытки радикалов. Нам сказали, что больше всех усердствует в этом плане 2-й секретарь обкома Цуладзе. Однако сами лыхненцы (мы успели пообщаться и с некоторыми из них) были полны решимости противостоять любым провокациям. Разумеется, они рассчитывали и на поддержку весьма влиятельных руководителей района К. К. Озган и М. Х. Барцыц и другие.

Тем же вечером в штабе НФА «Аидгылара» мне сообщили о совершенно неожиданном для меня решении: мне поручено зачитать текст Лыхненского обращения. Отказываться, кокетничать было бы смешно и глупо: потому что такое решение мог принять только президиум НФА. Оставалось только взять под козырек и начать усиленно готовиться, найдя помещение, где никого не было. Помню, читал вслух. Ставил ударения, акценты. Проверял тембр голоса, моментами слушая самого

себя, как актер перед выходом на сцену. То же самое я делал дома, до поздней ночи. После нескольких репетиций, особых переживаний и волнений не испытывал. Опять на выручку пришел дикторский опыт и определенная поставленность голоса. Единственное, что немного смущало, это то, что придется читать такой важный и судьбоносный текст перед многотысячной аудиторией на легендарной поляне, давно уже ставшей ареной великих событий. Но друзья меня успокаивали, говорили, что все будет на высшем уровне.

Лыхненское Обращение было адресовано Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву, Председателю Совмина Н. Рыжкову, Президенту Академии наук СССР, акад. Г. Марчуку, директору Института марксизма-ленинизма, акад. Г. Смирнову, директору Института государства и права, акад. В. Кудрявцеву, директору Института этнографии, акад. Ю. Бромлею.

Документ, выдвигавший требование о восстановлении статуса ССР Абхазии, каковым она обладала в 1921 году, был научно обоснован, подкреплен множеством фактов, аргументов. В одном из его фрагментов вновь раскрывалась фальсификационная технология толкования истории Абхазии. «Если раньше тенденциозная грузинская историография не признавала абхазов автохтонным населением или же называла их грузинами, то теперь эти ученые «изобрели» теорию о двух коренных народах (грузины и абхазы) в Абхазии, что является вопиющей подтасовкой фактов…»

Я не сомневался в том, что на знаменитую Лыхнашту приедет несколько тысяч наших граждан, обеспокоенных судьбой своей страны, своего народа, будущим своих детей. Сам непосредственно участвовал в процессах подготовки людей к такому колоссальному событию. Но, честно говоря, не думал, что количество участников акции будет зашкаливать аж за 30 тыс. чел. Я специально поднимался на возвышения перед обломками Лыхненского дворца абхазских владетелей, чтобы оттуда понаблюдать за тем, как с разных сторон сюда стекается людская масса. Это было какое-то удивительное зрелище: приблизительно за час до начала схода поляна стала наполняться людьми лавинообразно. И тогда все стали понимать, что этот

сход внесет коренной перелом в нашу многострадальную абхазскую историю…

Собрание открыл лидер «Аидгылара», писатель, лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа — А. Гогуа. Вел собрание его первый заместитель, общественный деятель И. Марыхуба. Выступали А. Ашуба, В. Шевченко, А. Возба, Н. Патулиди, З. Агрба, Е. Заводская, С. Бебиа, И. Аргун, Ш. Пилия.

Когда мне предоставили слово для оглашения этого четкого, глубоко выверенного десятистраничного Письма в высшие органы государственной власти бывшей советской державы, меня вновь охватило легкое волнение. Но быстро совладав с собой, приступил к чтению текста со своих листов, на которых на всякий случай были расставлены ударения в словах, где они вызывали сомнение. И я чувствовал, что огромная масса людей слушает, затаив дыхание. Я отчетливо слышал свой голос, и это придавало уверенность, что тембр и резонанс — нормальный, связь с массой — надежная.

Затем ведущие поставили на голосование вопрос об одобрении текста Лыхненского Обращения. Сохранились фотодокументы, на которых виден целый лес рук, символизирующих полную солидарность собравшихся с подобным требованием.

Помню, когда я зачитал особым интонационным курсивом постановительную часть о восстановлении статуса ССР Абхазии 1921 года, безграничную Лыхненскую поляну захлестнула мощная волна несмолкаемых аплодисментов.

Началась непростая процедура подписания данной исторической Декларации: первыми свои подписи под ним поставили: первый секретарь Абхазского обкома партии Б. В. Адлейба, Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В. О. Кобахия, вслед за ними — многие высокопоставленные чиновники. Насколько помню, тогдашний Предсовмина О. Зухбая отказался подписывать данный документ, еще раз продемонстрировав тем самым, что грузины продолжали выполнять, в Абхазии роль пятой колонны. Таким образом, бурное развитие общественно-политической ситуации подвело нас к той черте, когда официальное политическое руководство Абхазии вместе с лидерами «Аидгылара» одобрило документ,

при всех дальнейших сложностях обеспечивавший прорыв в новейшей абхазской истории.

Свое полное согласие с положениями Лыхненского обращения подтвердили своими личными подписями более тридцати тысяч человек. Борьба за восстановление государственного суверенитета Республики Абхазия набирала новые обороты. В ближайшем будущем на политическом поприще нас ждали не менее сложные испытания…

Национальное движение набирало новые обороты

С начала 80-х годов новая волна национально-освободительного движения, казалось бы, чуть приутихшая после событий 1978 года, начала вновь набирать обороты, напоминая разным иерархиям властей и партийным кастам, что народ не дремлет, все видит и все слышит. И что, рано или поздно, новый протест неизбежен. Неминуемо повторится то, что происходило каждые десять лет по правилам непостижимой абхазской природной закономерности. Ведь не зря говорили мудрецы «Амшынгьы ахала а҆еарыцкьоит» — то есть: «даже море временами самоочищается от всякой скверны».

Вновь одно за другим в Кремль, втайне от спецслужб, направлялись письма от представителей абхазской интеллигенции, которая несмотря на нажим и запугивания, публично выражала свое возмущение по поводу новых форм колонизации Абхазии, ее целенаправленной экономической и демографической экспансии. Письма кремлевским вождям (Всевидящему Оку необъятной советской сверхдержавы) по-прежнему, касались продолжавшихся искажений абхазской истории, топонимики, картографии, массового переселения людей из Грузии под предлогом нехватки производственных ресурсов. Кадровой политики, пропускавшей через мелкое сито даже рядового партработника абхазской национальности, при том, что в органах власти Абхазии четко были зарезервированы лимиты для тбилисской «элиты».

Внешне Абхазия с ее фешенебельными курортами, здравницами, благообразными ландшафтами чайных плантаций и мандариновых садов вполне соответствовала традиционной символике тогдашних визитных карточек. Более того, Тбилисские сюзерены и их сухумский вассалитет, подобострастно отчитываясь Москве об успешном освоении многомиллиардных финансовых средств, направленных на развитие экономики Абхазии согласно специальному постановлению 1978 года, умудрились пополнить ими и свой личный капитал. Деньги, спущенные Москвой на восстановление абхазской инфраструктуры, Грузия очень хитро использовала в целях переброски в Абхазию тысяч гастарбайтеров (дословно — гость-работник), которые в кратчайшие сроки становились хозяевами: их здесь прописывали, им здесь предоставляли жилье. И таким образом, в завуалированной форме, продолжалась политика переселенстроя, у истоков которой стоял печально памятный Лаврентий Павлович.

До поры, до времени, ни у кого не было доступа к «бухгалтерии» крупных хищений целевых средств. Однако информация стала просачиваться. И внушительные суммы «списанных» под очистные сооружения и прочие сметы становились весьма очевидными в строительной сфере. Сначала материалы об этом появились в местной печати, но в скором времени они выплеснулись и на страницы прокремлевских изданий.

Неслыханный по тем временам ажиотаж вызвала разгромная статья в газете «Правда», обнажившая коррупционные схемы, прикрывавшиеся высшими партийными чинами Грузии и Абхазии. Дело дошло до того, что Кремль вмешался в эту скандальную историю и решением чрезвычайного заседания бюро обкома власть вынуждена была хотя бы проимитировать разгон прикрываемой ею же «строительной мафии». Пошатнулись высокие кресла даже некоторых партийных тузов уровня 2-го секретаря обкома Т. Лордкипанидзе (бывшего тбилисского КГБ-шника), куратора промышленно-строительной отрасли. Но после неуклюжего фарса, разыгранного обкомом по «жесткому» наказанию крупного партийного чиновника, Тбилисские хозяева вновь забрали его к себе в ЦК на должность

начальника промышленно-транспортного отдела, где можно было с невозмутимым спокойствием по-прежнему проталкивать теневые проекты, аналогичные сухумским. Тбилисская метрополия своих ставленников не бросала на произвол судьбы. Проштрафившихся в Абхазии забирали к себе в ЦК или в Совмин и двигали дальше по служебной лестнице.

Невозможно забыть, сколько мужества, хладнокровия, стойкости проявили в этом резонансном конфликте Олег Шамба, Эрик Аршба и другие истинные патриоты Абхазии, фактически вошедшие в клинч с крупными грузинскими воротилами. Вот какую силу и влияние имела в те времена советская печать! Несмотря на цензуру и др. ограничения ни на йоту не сомневаюсь, что если бы ни та разоблачительная сенсационная публикация «Правды», которую грузины при всей своей напористости не смогли прикрыть, ни взятками, ни драгоценностями, нашим смелым борцам против «строительной мафии» могли бы запросто инкриминировать клевету и даже бросить их за решетку. Эти события заметно повлияли на общественно-политическую ситуацию в Абхазии. Изъяны стали проявляться не только в идеологической сфере, но и в социально-экономической.

Члены Политбюро приезжали в Абхазию, отдыхали в Пицунде и Гагре, отгородившись от абхазской территории глухими бетонными оградами и частоколами отмуштрованной охраны, принимали серные и радоновые ванны в Гагрских водолечебницах, и уезжали в Москву, достаточно бодрые, уверенные в своем партийном долгожительстве. Если и случалось, что кто-то из них интересовался положением Абхазии, то вопросы касались только отдельных объектов, предприятий, хозяйств, территорий, ремонта и благоустройства госдач, но ни в коей мере национальных проблем, судьбы абхазов, их волеизъявлений. В этом смысле, стереотип подобного высокомерного отношения к Абхазии, игнорирования ее национальных интересов, достаточно точно и объективно отражен в дневниках Баграта Шинкуба. В одной из дневниковых записей (от 25 сентября 1970 года), наш выдающийся поэт, возглавлявший долгие годы Президиум Верховного Совета Абхазии,

описывает, как А. Н. Косыгин, председатель Совмина бывшего СССР, в день отъезда из Абхазии в Москву, знакомился с виноградниками в переселенческом грузинском селе Ахали Сопели (подлинное название — с. Апшдны). Оказывается, уже третий раз за последние годы он заезжает в это излюбленное село. Затем в Сухуме главный экономист страны около 40 минут интересовался достижениями и производственными проблемами табачно-ферментационного завода. Далее Баграт Васильевич, пишет о том, что по пути следования из Пицунды в Сухум глава советского правительства все время интересовался количеством молока, получаемого от одной коровы, стоимостью килограмма табака, но, увы, ни разу не поинтересовался проблемами народа, проживающего в этой стране, его культурой, историческими памятниками, межнациональными отношениями, вопросами расстановки кадров. С сожалением отмечает народный президент (так называли Баграта Шинкуба на уровне простонародья), что уважаемый премьер советской державы не один такой, в основном, все приезжающие из центра вот так однобоко относятся к Абхазии. (Воспоминания Б. Шинкуба свободно изложены по дневникам 1967–1978 гг. — Сухум, 2020). В дневниках Баграта Шинкуба также раскрыты интересные нюансы его телефонного разговора с еще одним членом Политбюро — Кириленко, отдыхавшего в Пицунде. Баграт Васильевич пишет, что он не раз встречался с ним по долгу службы и по мере возможности ставил перед ним непростые вопросы, волновавшие абхазскую общественность. После событий 1978 года Народный поэт и государственный деятель Абхазии попытался вновь добиться аудиенции у одного из крупных партийных вельмож, входивших в кремлевскую обойму и попытаться раскрыть ему невидимые стороны антиабхазской политики, проводимой Тбилисским парт-аппаратом, убедить его, что специальное постановление ЦК по Абхазии — это удобная ширма, прикрывающая неофашистские устремления Грузии. Дождавшись ответа на мой звонок по в.ч. я постарался вкратце разъяснить цель своего «визита», намекнув на остроту известных абхазских проблем и необходимость более тщательного их изучения вспоминает Шинкуба. Кири-

ленко заговорил с Шинкуба таким великодержавным тоном, что не было смысла продолжать разговор по поднятой теме. Кремлевский царедворец, судя по воспоминаниям абхазского руководителя сделал категоричный акцент на том, что всем до единого надо выполнять историческое постановление по Абхазии. «Под словами Кириленко, отдававшими металлом, я угадывал и интонацию пренебрежительности…» «Хватит! Полноте!» — послышалось мне, и взбудораженный услышанным, я прошелся по кабинету…»

***

Шли годы. Магнитное поле национального движения все ближе притягивало к себе абхазскую молодежь, ее заметную и достаточно влиятельную творческую прослойку. Характерно, что в новейшей политической истории Абхазии, на ее важнейших этапах, творческие люди занимали значительную нишу. Никогда мощная когорта писателей, ученых, журналистов, художников, актеров, хореографов не была равнодушна к процессам, ущемлявшим интересы Абхазии. Они были на острие событий. Да, были и такие, кто всячески изощрялся, пытаясь соблюсти нейтралитет. Было не мало и интеллигентствующих подпевал тогдашнего прогрузинского режима.

Разумеется, в той непростой ситуации я не мог стоять на обочине национального движения. Во-первых, потому, что меня давно уже тревожило все, что выхолащивало суть нашей истории, обезличивало облик нашей культуры. Во-вторых, если честно, я по-настоящему гордился тем, что лидеры национального движения признавали меня, приобщали к общей борьбе за возрождение наших духовных ценностей.

В то же время у меня хватало энергии, настойчивости и силы воли, чтобы, не отрываясь надолго от письменного стола, работать над своими произведениями. Да, бывали удачи, неудачи, взлеты и падения. Но порой ублажал душу даже один яркий образ, один броский мазок, одна мысль, выражавшая именно мое, собственное внутреннее состояние. К опубликованию своих подборок стихов я относился очень (а может быть слишком) осторожно и взыскательно. «Иурҩацәоит уажәеинра-

алақәа….» — говаривал мне незабвенный Таиф Аджба, мягко и деликатно упрекая меня в излишнем рационализме.

Я работал над стихами в основном ночью, когда семья отдыхала. Тесная кухня после 12 часов превращалась в мой рабочий кабинет. Жили мы на грузинских квартирах, часто меняя их в зависимости от цен за проживание. Куда только мы не перебирались с маленькими детьми, со своим скарбом, книгами, художественной литературой, без которой я не представлял себе ни одного дня своей жизни.

Жили в одно время на улице Гастелло, затем переселились на ул. В. Пшавела, позже — на ул. Семерджиева. И это еще не полный перечень улиц Сухума, на которых мы находили свои скромные уголки. Я понимаю, что наши мучения не сравнимы с мучениями тех, кто искал себе пристанища в родной столице в еще более страшные и унизительные для абхазов годы. Но все равно ощущение своей «второсортности» в родной столице с «лихвой ощутило» и поколение 1960–1970-х. годов

Работа в качестве литконсультанта, а позже секретаря правления Союза писателей Абхазии, дала мне возможность общаться не только с нашими классиками, но и зарубежными, по традиции посещавшими страну души и посвятившими ей не мало незабываемых сокровенных строк. Одна из таких встреч с выдающимся английским классиком стала для меня событием, украсившим мою писательскую и журналистскую биографию.

Постлыхненский синдром

Я не стану рассказывать в подробностях о том, как разворачивались события в Абхазии и Грузии по горячим следам Лыхненской общенациональной акции, сыгравшей поистине историческую роль в судьбе нашего народа. Это был новый всплеск национального самосознания, вновь пробуждавшейся национальной идеи. Об этом написано немало.

Эта тема достаточно основательно затронута в научных исследованиях, в публицистических статьях, корреспонден-

циях, очерках, книгах. Однако ретроспективное осмысление тех событий порой подсказывает, что пока еще нет их фундаментального анализа и обобщения. Видимо поэтому, не раз во время наших бесед Владислав Ардзинба говорил мне и моим друзьям, что он хочет создать такую работу, такую книгу, которая раскрыла бы миру узел грузино-абхазских политических взаимоотношений сквозь призму 1989 года. Лично мне он сказал однажды, мысленно оглядываясь на тот период, что он накопил множество материалов по данной тематике. Видимо, будучи членом Верховного Совета СССР, он хорошо владел информацией о том, как отражалась логика абхазских событий на умонастроениях тогдашних советских правителей. К сожалению, наш великий лидер не успел сосредоточиться на многих проектах, которые он вынашивал и выстрадал давно, находясь в гуще драматических и судьбоносных для Абхазии процессов.

Причем, замечу, что эта тема, еще тогда, в 1988–1989 годах, как бы самопроизвольно выйдя из-под контроля всевластной грузинской цензуры, получила распространение не только в пределах постсоветского пространства, но и успела стать достоянием многих иностранных пабликов, газет и журналов. На мой взгляд, достаточно объективны, например, публикации Нила Ашерсона, известного шотландского журналиста, конфликтолога, ученика Эрика Хобсбаума, тесно сотрудничавшего с еженедельником «Обсервер» (1960–1990). Ему принадлежат такие пространные журналистские и политические расследования, как «Черное море», «Абхазия и Кавказ: выбор Запада» и др. Вот один из фрагментов, свидетельствующих о достаточной информированности Ашерсона об исторических предпосылках грузино-абхазского конфликта: «В Абхазии проживало всего около полумиллиона человек, а в Грузии — пять миллионов. После революции Абхазия была объявлена полноправной республикой Советского Союза, но в 1931 году Сталин — «главный грузин» — понизил ее статус до простой автономной республики в составе Грузинской ССР.

Первые потрясения, высвободившие лавину, пришли, когда в Грузии началось движение за независимость между 1989

и 1991 годами. Грузинские националисты, одержимые угрозой вмешательства со стороны России, заняли жесткую позицию по отношению к собственным некартвельским меньшинствам. В Южной Осетии, где живут потомки сарматов-аланов, шли бои. Летом 1989 года грузинское правительство постановило, что в Сухуми, столице Абхазии, наряду с недавно учрежденным Абхазским университетом должен быть учрежден филиал Тбилисского университета. Это спровоцировало студенческие протесты, которые вскоре вылились в этнические столкновения на улицах Сухуми и расположенного к югу от него города Очамчира…»

Чтобы не утомлять читателя повторением и констатацией давно уже известных фактов, я постараюсь воспроизвести в памяти те эпизоды, отголоски личных впечатлений, которые, как мне кажется, могут вызвать определенный интерес у тех, кто обладает лишь опосредованной информацией об исследуемом периоде и его характерных особенностях. Одно дело, когда ты живой очевидец и участник определенных процессов, другое — когда черпаешь информацию о них из архивов и различных и разнородных нарративов, газет, журналов, бесед с людьми.

***

События развивались стремительно, ввергая Абхазию в хаос и атмосферу правового беспредела. Никто, даже ни на йоту не сомневался в том, что Тбилисская метрополия начнет лихорадочно и спекулятивно «раскручивать» тему Лыхненского схода для дальнейшего нагнетания напряженности. Грузинские историки, писатели, журналисты и политологи задавали тон начавшемуся с удвоенной энергией и нахрапистостью медийно-пропагандистскому ажиотажу. Особый акцент они ставили на факте подписания лыхненского манифеста партийной элитой Абхазии, считая, что это сыграло «роковую» роль в дальнейшем. На фоне подобной целенаправленной раскрутки антиабхазской пропаганды, чрезвычайно опасную провокационную деятельность разворачивали лидеры грузинских неформалов. Ими был оперативно сформирован оргкомитет по

подготовке и проведению массовых шествий и митингов, сценаристами и режиссерами которых выступали З. Гамсахурдиа, М. Костава, З. Чавчавадзе, Т. Чхеидзе и другие. Никто, конечно, не идеализирует их предшественников, но это были, на мой взгляд, современные варвары, рядившиеся в тоги защитников демократии. Даже эпитет «злой романтик», применявшийся в отношении Гамсахурдия, в те годы никак не вписывается в череду тех злодеяний, которые совершил он вместе со своей челядью в Абхазии, Южной Осетии.

Заранее через своих эмиссаров и отмуштрованных представителей пятой колонны проведя работу по оболваниванию и зомбированию населения, лидеры неофашистских организаций направлялись в Абхазию для непосредственного участия в митингах. Эти акции ставили нашу страну на грань опасных столкновений. Так, 25 марта 1989 года они смогли собрать в Сухуме порядка 3–5 тысяч человек, и выдвинуть на собрании массу требований, в том числе о нецелесообразности сохранения автономных образований в Грузии. Тбилисские псевдополитики и их местные приспешники договорились до того, что потребовали от властей Грузии и Абхазии прекращения преподавания истории Абхазии в ее школах. Разве это не говорит о том, что гамсахурдиевская клика не имеет ничего общего с демократическими ценностями и толерантностью?

Еще более озлобленными, коварными, порой комичными и истеричными выглядели на митингах, взбудораживших всю Абхазию, призывы не голосовать на выборах в Парламент СССР за кандидатов, подписавших Лыхненское обращение. Грузины, великие мастера рядиться в облачения демократов и защитников свободы слова, вдруг в одночасье преображались в безудержных «душителей» демократических свобод и всякого инакомыслия.

Распространялись всевозможные «компроматы» против В. Ардзинба, Б. Шинкуба, Ф. Искандера, Б. Адлейба, А. Гогуа и других видных представителей абхазской общественности и интеллигенции. Навешивали на них лживые и откровенно клеветнические ярлыки. Помню, как докапывались до родословной Искандера, пытались самым смехотворным образом

увязать иранское происхождение предков великого писателя с какими-то фантастическими следами «исламского» фундаментализма в Абхазии. Однако такая чрезмерность, и цинизм, и пошлость во всем еще больше и теснее сплачивали борцов за справедливость, независимость и подлинно демократический путь развития Абхазии. В результате, кампания по дискредитации кандидатов от Абхазии, дала обратный эффект — все баллотировавшиеся были избраны в союзный парламент, с которым в ту эпоху мы связывали определенные надежды на изменение устаревшей политической системы и новые разумные подходы к национальному вопросу. Лично я был доверенным лицом А. Гогуа и Ф. Искандера. И принимал участие в предвыборных встречах и видел, как грузинские неформалы и их «горе-агитаторы» любой ценой пытались сорвать эти встречи. Они не чувствовали, не понимали, что унижая достоинства выдающихся писателей, унижают самих себя.

***

Я помню видеокадры одного из митингов в Гагрском районе, переросшего в массовую драку. Эти кадры и сейчас время от времени мелькают в телевизионной видеохронике, напоминая нам, через что прошел наш народ. Доведенные до отчаяния, абхазы буквально вырывали из рук митинговавших грузинские флаги времен Ноя Жордания, грузинского оккупационного (меньшевистского) режима, насаждавшего в Абхазии страшные аннексионистские порядки. Сохранившийся видеосюжет о той яростной потасовке достался Абхазскому телевидению дорогой ценой. Насколько помню, во время съемок этой драки грузинские экстремисты нанесли удар режиссеру и оператору нашей телекомпании Амирану Гамгия, благодаря решительности и профессионализму которого наши телеархивы и фонды пополнились ценными документами — свидетельствами грузинского откровенного шовинизма и агрессии. Думаю, самый уникальный фонд видеолетописи тех событий сохранил нам именно Амиран, который, чувствуя, что если не сделать это вовремя, как говорится, здесь и сейчас, то иллюстрировать мысли и оценки той драмы будет практически нечем.

Демонстрация «мононационализма» — на автобусах

Память, освежая взгляд в прошлое, раскрывает факты и события 1989 года, как некую документальную киноленту, чуть выцветшую, поблекшую, но способную воспроизвести последовательность и характер вещей, символизировавших образ эпохи. Невозможно не вспомнить злополучную историю с автобусами, на которых развозили на антиабхазские акции тбилисских неформалов и их местных сподручных.

1 апреля 1989 года грузинские радикалы (под руководством «Общества Ильи Чавчавадзе» — флагмана шовинистического движения) проинсценировали еще одну политическую акцию против Лыхненского Обращения. Проходила она у границ российско-абхазской границы (в пос. Леселидзе — ныне пос. Гечрыпш). Тем самым инициаторы этого митинга пытались внушить абхазам, что, мол, вся территория Абхазии вплоть до р. Псоу — это грузинские земли. Но такие фарсы и провокации вызывали еще больше озлобленности со стороны абхазских патриотов и простых граждан, и не только абхазской национальности. Тогдашний первый секретарь Гудаутского райкома партии К. К. Озган, председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В.О. Кобахиа вместе с лидерами «Аидгылара» предпринимали возможные превентивные меры по недопущению прямого столкновения противоборствующих сторон. Вмешиваться напрямую в такие массовые политические разборки решался не каждый чиновник. Удалось, насколько помню, свести на нет попытки грузинских неформалов придать задуманному «спектаклю» с бравурным поднятием грузинских флагов различных образцов, значительные масштабы. Высшее руководство Грузии, правоохранительные органы не могли не знать, что очередной демарш к западным границам Абхазии, приведет к прямому и открытому столкновению. И видимо, с этой целью первый замминистра МВД Грузии Варлам Шадури обратился к лидеру «Аидгылара» А. Н. Гогуа, преподнося намеченную акцию, как мирную, рассчитанную,

якобы, на умиротворение тбилисских неформалов. Лидер НФ Абхазии предупредил грузинского генерала об опасных последствиях подобных «крестовых походов». Усилиями В. Кобахия и К. Озган митинг в Леселидзе (ныне — Гечрыпш), на котором неистовствовали М. Костава и его сообщники, был сорван. Однако сценаристы и режиссеры этой «постановки» недооценили последствий очередной провокации. Они не учли, что абхазы не терпят надругательства над их историей и государственностью и не будут раболепно рукоплескать новоявленным неофашистам…

«Мы устроим черный день кучке абхазских сепаратистов! Мы научим абхазов уму-разуму…»

Автобус «Икарус», на котором осуществлялась доставка митингующих к западным границам Абхазии, на обратном пути был остановлен. Собравшихся в центре с. Бзыбь активистов местного отделения НФА «Аидгылара» и их сухумских соратников крайне возмутил «провокационно-триумфальный проезд» (как отмечено в справке тогдашних руководителей Абхазии — В. Хишба и В. Кобахия) грузинских «демонстрантов», с развевающимися меньшевистскими флагами.

Судя по тому, что я видел сам воочию, никто в тот момент не мог предотвратить физического столкновения грузин с абхазами, воспринимавшими действия тбилисских неформалов и их официальных покровителей какмглумление над их историческими завоеваниями. Думаю, тбилисским провокаторам и тем, кто их подзуживал к подобным действиям, бзыбская «встрепка» запомнилась надолго. Это был достаточно ощутимый удар по их спеси и национальной гордыне. Известно, что такая же история с «Икарусом», ехавшим уже без сопровождения, повторилась в Новом Афоне, у железнодорожного вокзала.

И все же грузинские неформалы не унимались.

2 апреля 1989 года они проинсценировали еще один митинг в Сухуме, в ГИСХЕ, считавшемся «осиным гнездом» гру-

зинского экстремизма. Один из главных застрельщиков антиабхазских выступлений М. Костава, который, насколько я знаю, прятался под сиденьями того самого злополучного «Икаруса» в с. Бзыбь, придя в себя, больше всех неистовствовал на сухумском митинге, не гнушаясь угрозами и циничными выпадами в адрес мятежных абхазов: «Мы устроим черный день кучке абхазских сепаратистов! Мы научим абхазов уму-разуму…».

Протокол «бзыбской потасовки»

Хотелось бы завершить рассказ об этой драматичной и печальной истории двумя интересными штрихами. Я запомнил, как один из лидеров «Аидгылара» Зураб Ачба, — человек мудрый и достаточно миролюбивый, в то же время мужественный и решительный в зависимости от ситуации, стараясь предотвратить назревавшее столкновение в с. Бзыбь, встал напротив дверей автобуса, и пытался физически удержать разъяренных ребят, готовых растерзать оголтелую гамсахурдиевускую банду. И тогда я убедился еще раз в том, что абхаз может простить тебе все, любые обиды, но не насмехательства над его национальным самолюбием, его историей. Повсеместное размахивание разноперстых грузинских знамен чем-то напоминало традиционную испанскую корриду — раздразнивание злого быка красной тряпкой. И в особенности абхазов раздражали грузинские полотнища кизилового цвета с черной и белой линиями, потому что эти символы ассоциировались в памяти абхазских патриотов с 1918 годом, когда генерал Мазниашвили и полковник Тухарели насаждали в Абхазии оккупационные порядки, беспредельный террор и кровавый режим.

Еще один штрих, сохранившийся в уголках моей памяти. У Бориса Киахир-ипа (Бения) –известного борца за независимость Абхазии, была одна типичная черта. После каждого митинга грузинских неформалов или нашей ответной акции (будь это в Сухуме или в Гагре), он не давал никому расслабляться, собирал нас и непременно требовал, чтобы мы дали публичную оценку происшедшему. Так вот, после инцидента в

с. Бзыбь, он также, в том же стиле добился принятия документа, дававшего политическую оценку случившемуся.

Нередко болванки подобных обращений приходилось готовить и мне. Писали мы подобные письма телеграфной скорописью. А куда отправить очередное письмо об очередных грузинских бесчинствах, какому кремлевскому партийному вельможе, многоопытный Борис Григорьевич знал и без нашей подсказки. Выручал горький опыт 1977–1978 годов. Кстати, у известного пицундского педагога была своя «рать», мгновенно реагировавшая на любые его команды и распоряжения.

Грузинские писатели в авангарде борьбы против абхазского «сепаратизма»

Грузинские политики, лидеры неформальных объединений, появлявшиеся как грибы после дождя, всячески изощрялись, смещая акценты на Абхазию, пытаясь обвинить ее в сепаратизме, в посягательствах на так называемую «территориальную целостность» Грузии. В общем антиабхазском хоре особой агрессивностью отличались голоса грузинских писателей, ученых, журналистов.

Так, в газете «Ахалгазрда ивериели» (от 11 декабря 1990 года) писатель Реваз Мишвеладзе, которому в те годы пели аллилуйю в грузинских литературных и общественных кругах, не в силах сдержать свою чуть ли ни физиологическую неприязнь к абхазам, договаривается до несусветной глупости и маразма: «...В природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение доверчивых адыгейцев, выдумали для них в Грузии абхазскую автономию и в паспортах записали несуществующую национальность — «Абхаз»...

Ложь, клевета, злословие, методично распространявшиеся после Лыхненского схода грузинской прессой, вынудили известного абхазского поэта, публициста, киносценариста Юрия Лакербай назвать всю эту писанину «Монбланом лжи» (Газета

«Единение». 25 октября 1989 года). Типичным образчиком вымысла, фальши, произвольного толкования истории Абхазии стала публикация Г. Панджикидзе и Р. Миминошвили «Правда об Абхазии» (1990 год). По сути это была самая что ни на есть откровенная ложь об Абхазии.

Судя по псевдоаргументам соавторов и их словесным манипуляциям, в брошюре все сводилось к тому, что абхазы — те же грузины, а Абхазское царство, лишь вывеска, формальное название, по существу, мол, оно — грузинское.

Задавал тон безудержной моно-националистической риторике тех лет Звиад Гамсахурдия: «Абхазы являются «племенем, спустившимся с гор каких-то полтора столетия назад и нагло присвоившим себе имя абхазов-грузин…» («Известия», 28 марта 1991 года). Еще более оскорбительно отзывался он об осетинах («осетины — дикий, необразованный народ…» и т. д.)

На двойную мораль в размышлениях и действиях лидеров грузинских неформалов, «стремившихся к полной свободе и независимости», но отказывавших в этом же общепринятом международном праве абхазам и осетинам, обратил внимание крупный мастер художественного слова, писатель грузинского происхождения Булат Окуджава. Человек мудрый, достаточно сдержанный и хладнокровный в вопросах весьма щепетильных межнациональных отношений, раскрыл ложную сущность тех, кто прикрывался страдальчески-благодетельной гримасой.

«Меня поражает нетерпимость даже интеллигентных людей. Я разговаривал с просвещенными грузинами, писателями, философами. Все очень трезво все оценивают, но когда дело доходит до национального вопроса... Только что они ругали русских за то, что те их давят, и тут же, когда заходит речь об абхазах, глаза тускнеют... И тут тоже видишь, как мы одичали. И все-таки я не теряю надежды…» («Советский экран». 1990 год, № 4).

Я хорошо помню, какой оживленный интерес и внимание вызывали в абхазском обществе такие объективные, справедливые высказывания. Канцелярия НФА «Аидгылара» вывеши-

вала подобные материалы в вестибюле здания Союза писателей, где временно располагался Народный Форум (ныне — по ул. Аидгылара, 44). Наиболее сенсационные публикации аккуратно и достаточно оперативно ксерокопировались нашими девушками, не знавшими ни сна, ни отдыха, и «гонцы» «Аидгылара» распространяли их чуть ли не молниеносно по всей Абхазии. Я помню наших энергичных, подвижных ребят, с удовольствием разъезжавших по городам и селам республики с любой сенсационной информацией, касавшейся абхазской тематики. В селах особо ощущался дефицит подобной информации, с нетерпением ждали гонцов «Аидгылара».

Мы радовались даже малейшему упоминанию абхазских проблем, абхазской тематики в центральной советской прессе, доступа к которой Абхазия была лишена, благодаря негласному «надзору», установленному грузинскими многоопытными лоббистами при поддержке главного партийного мафиози Шеварднадзе. Помню, каким-то образом минуя прогрузинские структуры в Москве, в отраслевой «Строительной газете» появилась достаточно объективная и бойкая статья о ситуации в Абхазии. Наши «промоутеры» из «Аидгылара» очень быстро скупили множество ее экземпляров и разбросали по городам и селам.

Как своеобразную моральную поддержку нашего движения, наших идей и наших требований мы восприняли статью (концепцию) выдающегося писателя Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию».

«…Из того будущего разительные неожиданности проступают нам и сейчас. Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия! (Впрочем, Россия не завоевывала ее насильственно, а только Ленин в 1921 году.) А вот уже сегодня: притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов, — неужели это и есть желанная национальная свобода?»

Для нас в тот напряженный период был чрезвычайно важен и ценен сам факт беспокойства признанного мастера за судьбу абхазов, осетин, месхов…

Академик Сахаров и Абхазия

Видимо Богу было угодно, что в самые тяжелые для абхазов годы, когда грузинские лжеидеологи пытались представить их каким-то диким племенем, спустившимся с гор, правду о том, что происходило на самом деле изрекли великие люди.

На фоне усиливавшейся антирусской, антиабхазской и антиосетинской пропаганды, развернутой национал-шовинистическими и неофашистскими общественными организациями Грузии, произвели эффект отрезвляющего заявления весьма взвешенные и логически выверенные мысли лидера правозащитного движения, лауреата Нобелевской премии, академика А. Д. Сахарова: «А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми, по существу, являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования» («Огонек», 1989 год, № 31).

Я хорошо помню, как слова Андрея Дмитриевича, обнажившего суть грузинской имперской политики, громогласно заявив об этом на весь мир, воодушевили наш народ, нашу интеллигенцию, активистов нашего национального движения. Несколько весомых и конкретных слов, прозвучавших из уст создателя водородной бомбы, трижды Героя Социалистического труда, обнажили нервные узлы и болевые точки грузинской политики.

И вновь мы тиражировали по всей Абхазии журнал «Огонек», опубликовавший материал, столь актуальный, столь ценный не только для абхазов и осетин, но и для всех малочисленных народов. В эпоху так называемой горбачевской перестройки «Огонек», снявший гриф секретности с множества секретных тем, был весьма популярен. Кстати, на его страницах иногда появлялись материалы, раскрывавшие судьбы невинных жертв «молоха тоталитаризма» в Абхазии.

Дело ведь не только в том, что Сахаров лишь вскользь коснулся болезненной темы грузино-абхазских и грузино-осетинских взаимоотношений.

В проекте сахаровской Конституции (новой модели советского государства) было четко и недвусмысленно продекларировано, что основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение. Да, мысли и идеи академика не имели широкой поддержки среди депутатов, людей, облеченных властью.

Однако политики, рьяно отстаивавшие права малочисленных этносов, могли взять на вооружение слова крупного правозащитника и борца за подлинную демократию, к мнению которого прислушивались многие видные представители мировой общественности.

Характерно и примечательно, что в 25-й статье документа, как говорится, черным по белому было обозначено, что «составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, национальные автономные области, национальные округа бывшего СССР…»

Таким образом, благодаря Сахарову, у нас абхазов, в процессе борьбы за восстановление политического статуса нашей республики, появлялась возможность апеллировать к мнению и аргументам личности международного масштаба. Не будем омрачать свои добрые впечатления о знаковой личности печально памятными фактами издевательства над ним. Многих из тех, кого система чуть ли ни маниакально науськивала на Андрея Дмитриевича, давно уже никто не помнит, а его самого, я уверен, будут вспоминать все чаще, потому что он открыто выступал против закостенелой системы, за возрождение истинных демократических ценностей. Надежды на перемены многие связывали именно с его именем. Проблемы, которые поднимал акад. Сахаров не утратили своей остроты и социально-философской актуальности и в наши дни.

Ну а теперь, я думаю, надо хотя бы вкратце коснуться истории связей абхазской интеллигенции с человеком, давшим новый импульс правозащитному движению.

***

Думаю, немалый интерес вызывает у специалистов по новейшей истории Абхазии факт встречи и знакомства известно-

го абхазского ученого, профессора Станислава Лакоба с А. Д. Сахаровым в Москве, на первом съезде общества «Мемориал» в январе 1989 года. Он отмечал: «От Абхазии, насколько я помню, нас было три делегата. Это были Иоланта Отырба, Аида Григорьевна Ашхаруа и я. Происходило все в Московском авиационном институте, в клубе МАИ. Одним из ведущих этого мероприятия был Сахаров Андрей Дмитриевич. Было очень много народу. И там мне было предоставлено слово — о том, что происходило в этот период в Абхазии; имеются в виду 30–50-е годы. Ну, и потом состоялся там прямо на сцене разговор с Андреем Дмитриевичем. То есть он встал, подошел и начал меня спрашивать об Абхазии, довольно так подробно: вообще, что происходит, как? Может, минут семь был разговор — прямо, так сказать, прилюдно. Потом он у меня спросил: «А вы слышали, знаете о деле «абхазских юношей»?» Я говорю: «А что, оно так и называлось?» — «Да, оно так и называлось». Я сказал, что предполагаю, о каких юношах идет речь, видимо, о таких-то. Он сказал: да. И посмотрел в зал, где сидела Елена Боннэр. И через какое-то время принесли… мне подарили архивные документы — о реабилитации детей по фамилии Лакоба. Ну, имеется в виду сын Нестора Лакоба — Рауф Лакоба, сын Михаила Лакоба — родного брата Нестора — Николай. И Тенгиз Лакоба — это Василия Лакоба сын. И четвертым там упоминается Кока Инал-Ипа, парень, который был расстрелян в 1941 году. Ну, арестованы они были в 37–39 годах».

На архивные документы, полученные от Сахарова, Станислав Лакоба не раз ссылался в своих публикациях о сталинско-бериевских репрессиях в Абхазии, в частности, в своей книге «Очерки политической истории Абхазии» (1990 год). Эту книжку С.З. Лакоба посвятил «светлой памяти Андрея Дмитриевича …».

«И вот, тогда же, когда состоялся наш разговор в МАИ, я сказал, что у меня есть Абхазское письмо и я «хотел бы его вам передать, чтобы вы были в курсе событий». Он с большим интересом принял это письмо. Вот, и потом уже так получилось,

что в 31-м номере журнала «Огонек» было его интервью, где он говорит о Грузинской ССР как о малой империи». Далее в интервью радио «Эхо Кавказа» Станислав Лакоба рассказывает о приезде А.Д. Сахарова в Абхазию в 1979 году: «Я думаю, что у Сахарова был интерес к Абхазии через Фазиля Искандера. Он как писателя очень чтил Фазиля. Очень нравились ему произведения Фазиля. Тогда уже появились первые главы романа «Сандро из Чегема». (Радио «Эхо Кавказа». 24 мая 2021 года.)

Вслед за открытым заявлением академика А. Д. Сахарова о «мало-имперской сущности и амбициях» грузинской республики, на него ополчились многие новоиспеченные политики. На великого ученого, последовательного борца за свободу и демократию грузинские политиканы обрушились с огульными и откровенно националистическими обвинениями. Разразился скандальными и оскорбительными нападками на ученого и правозащитника Звиад Гамсахурдия. И это при том, что Андрей Дмитриевич не раз публично заступался за лидера грузинских неформалов, подвергавшегося ранее политическим преследованиям. По этому поводу профессор юридического права Самуил Флейшман писал на своем сайте в Интернете: «Уважаемые посетители сайта, совершенно неожиданно я получил на электронную почту письмо со скриншотом номера газеты, в которой будущий президент Грузии Звиад Гамсахурдия публикует свой ответ академику Сахарову. Сам ответ представляет собой образец запредельного хамства и хрестоматию грузинского национализма…»

Не могу обойти молчанием факт присутствия абхазской делегации на похоронах А. Д. Сахарова в Москве, в ФИАН-е в 1989 году. Этот момент запечатлен на сохранившейся и опубликованной фотографии. Будучи парламентским корреспондентом Абхазского телевидения в Верховном Совете, я пришел сюда вместе с Владиславом Ардзинба и Алексеем Гогуа, которые были лично знакомы с Андреем Дмитриевичем. К нам подошел профессор Вячеслав Иванов, который вспоминая

своего друга, как-то заметил, что незадолго до своего ухода, предчувствуя, что в силу шаткого здоровья, он не успеет выступить обстоятельно в союзном парламенте по абхазскому и осетинскому вопросу, он просил его, Вячеслава Всеволодовича, обратить особое внимание на эту проблему.

Я хорошо помню, сколько встреч провел Вячеслав Иванов в Абхазии, исследуя причины, политико-правовые истоки грузино-абхазского конфликта.

Он входил в состав депутатской комиссии, прибывшей из Москвы для подготовки предложений в целях принятия Кремлем политико-правового решения по недопущению создания в Сухуме филиала ТГУ — еще одного рычага грузинской метрополии. Основной причиной трагических июльских событий (1989 год) в Абхазии Народный депутат СССР В. Иванов назвал «коллективный национальный психоз в Грузии».

За несколько дней до кончины А. Д. Сахарова Владислав Григорьевич Ардзинба просил его о том, чтобы он дал интервью Абхазскому телевидению. Сахаров согласился. И мы готовились к этой беседе. Но, увы, ей не суждено было сбыться.

Кстати, в воспоминаниях Владислава Ардзинба «Моя жизнь» (1945–2010) достаточно подробно описана интересная история пребывания академика Сахарова в с.Нижняя Эшера. Дело в том, что Владислав Григорьевич, с согласия своего соседа Алыбея Папба, игравшего свадьбу, пригласил на нее находившихся в Абхазии Вячеслава Иванова и его жену Светлану. В свою очередь Вячеслав Всеволодович, с согласия Владислава Григорьевича, пригласил на свадебное торжество Андрея Дмитриевича Сахарова и его супругу Елену Боннэр. Вместе с ними в Эшеру приехал известный ученый и литературовед Лев Копылев. Улучив момент, гости всей делегацией, до того, как пойти на свадьбу, осмотрели и знаменитые эшерские кромлехи, о которых проф. Иванов рассказывал позже в телепрограмме А. Гордона.

Владислав Григорьевич говорил мне еще при жизни, что групповой фотоснимок, на котором он запечатлен на фоне эшерских кромлехов вместе А. Сахаровым, В. Ивановым (их

женами) и Л. Копылевым, находится в семейном фотоальбоме Ивановых в Москве. Думаю, это уже редкий исторический фотоснимок, задокументировавший столь важный и сенсационный эпизод.

Как видим, в Абхазии с именем акад. Сахарова, предавшего широкой огласке замалчивавшуюся десятилетиями абхазскую проблематику, связано не мало знаковых событий. Думаю, на фоне всех этих событий и фактов, стало досадной ошибкой переименование Сухумской улицы, носившей имя великого ученого и правозащитника. Нам нельзя пренебрегать исторической памятью. Думаю, рано или поздно новая плеяда абхазских политиков добьется восстановления изначального названия улицы А. Д. Сахарова. Как мы собираемся строить новое независимое государство, если одним росчерком пера отправляем в архив столь значимое решение Владислава Ардзинба и его соратников?

И еще. В июне 2023 года фонд «Асаркьа» («Зеркало») разместил фрагменты воспоминаний вдовы крупного ученого, кавказоведа Юрия Николаевича Воронова — Светланы Вороновой. Она рассказала о том, что в начале 80-х годов прошлого столетия вместе с Львом Копелевым и его супругой к ним в гости заходил академик А. Д. Сахаров, проживавший тогда в сухумской гостинице «Ткварчал». В те же дни Вороновы встретились с Сахаровым и Копелевым в Абхазской госфилармонии, где проходил концерт знаменитого пародиста Александра Иванова.

Все это свидетельствует о том, что Андрей Дмитриевич знал об Абхазии, ее истории, ее актуальных политико-правовых проблемах не понаслышке, а изнутри, получая достаточно объективную информацию от абхазской интеллектуальной и культурной элиты.

Главный редактор АТВ в период разгула грузинского шовинизма

1989 год в Абхазии, напоминавшей просыпающийся вулкан. Наиболее активными и воинственными проводниками антиабхазской пропаганды были тбилисское телевидение и радио. Да, и тбилисские газеты ревностно соперничали, всячески изощрялись, чтобы показать кто больше излил анти-абхазской желчи на страницах своих изданий. Однако эти газеты редко попадали в Абхазию. А вот злобные и клеветнические нападки на Абхазию, постоянно звучавшие из уст грузинских тележурналистов и дикторов, чуть ли ни каждый абхаз воспринимал как личное оскорбление. А телеэкран зомбирует людей, и в особенности, если он обслуживает интересы групп влияния.

И в атмосфере подобного информационного шантажа, в роли защитников наших национальных интересов, наших абхазских ценностей, наряду с пресс-службой «Аидгылара», и в качестве организаторов достойной, профессионально выдержанной контрпропаганды пришлось выступить сотрудникам Абхазского телерадиовещания.

Разумеется, это была не простая задача. В неравной борьбе Тбилиси и Сухума недостаточно было одной журналистской хватки, нужна была еще и гражданская смелость, напористость. На измышления и ухищрения грузинской пропаганды, основанной на опусах лженауки, остававшейся в плену ингороковских фантасмогорий, приходилось отвечать не только абхазским журналистам, но и видным абхазским историкам, политологам, этнографам, лингвистам. И мы все чаще обращались к нашим маститым историкам и лингвистам, готовым не голословно, а фактами и аргументами опровергать домыслы воспитанников Ингороква. Развитие событий таило в себе немало опасностей. Пятая колонна, подобострастно выполняя указания тбилисских эмиссаров, проводила в городах и районах Абхазии митинг за митингом, шумные массовые шествия. Их участники с мазохистским и психопатическим самовнушением выкрикивали: «Сакартвело, Сакартвело!»

Их неадекватные повадки в чем-то ассоциировались с поведением персонажей знаменитой абсурдистской драмы Ежена Ионеско «Носороги», тщетно пытавшихся уберечь себя от страшной пандемии безнадежного и окончательного оносорожевания (аллегорическое изображение прихода фашизма). Не сходят с глаз кадры одного очередного «марш-броска» сухумских звиадистов по набережной. «Демонстранты» шли, выкрикивая какие-то истерические возгласы, а перед ними успевал изобразить некий супер-мазохистский танец одноногий бастующий. Видимо, несчастному борцу против «апсуйских сепаратистов» хотелось довести своих соратников до состояния психического аффекта.

***

И в этой напряженной, взвинченной до предела и достаточно взрывоопасной ситуации мне было предложено возглавить главную редакцию политической информации Абхазского телевидения. Было это в июне 1989 года. Любые мотивы и причины моего несогласия с этим предложением были бы восприняты неодобрительно и руководством АТВ и Президиумом НФА «Аидгылара», в деятельности которого я изначально принимал непосредственное участие. Не стал набивать себе цену, сейчас было не до кокетства и самолюбования. Каждому предстояло реализовать свои возможности, чтобы ослабить накал дикой, целенаправленной дискредитации Абхазии.

Думаю, идея вернуть меня на АТВ исходила, как раз-таки, от лидеров «Аидгылара», сумевших в кратчайшие сроки вовлечь в свою по сути революционную деятельность не только патриотично настроенных абхазов, но и русских, армян, украинцев, греков, эстонцев, турок и даже определенное количество лиц грузинской национальности, чувствовавших ущербность неонацистской идеологии грузинских неформалов, под дудку которых плясали в те годы тбилисские чиновники.

Но и Шамилю Пилия, возглавлявшему нашу телерадиокомпанию, насколько я помню, как воздух был необходим человек, который мог бы выстроить не спонтанную, а продуманную, обоснованную и системную контрпропаганду, спо-

собную раскрывать авантюризм и фарисейскую сущность пресловутого тбилисского агитпропа.

Помню, Шамилю Хусейновичу приходилось время от времени конфликтовать с обкомом, который пока еще пытался создавать видимость нахождения у кормила и ограничивал национальному движению доступ к эфиру.

В то же время члены «Аидгылара» частенько наезжали на руководство телевидения, требуя полной читки текстов политических заявлений и обращений.

Одним словом, их желание видеть меня в роли главного редактора АТВ я воспринимал, как миссию «их человека в Гаване». Чувствуя, что своими силами и силами действующих журналистов с такой не легкой задачей не справиться, я пригласил в главную редакцию АТВ Руслана Хашига и Даура Инапшба, работавших тогда в газете «Апсны Капш», чьи актуальные публикации вызывали достаточно серьезный читательский интерес.

Начался новый виток напряженной работы по противодействию антиабхазской пропаганде. Мы приглашали в студию видных представителей интеллигенции. Чуть ли ни каждый вечер в эфире Абхазского телевидения звучала жесткая отповедь тем, кто в грузинских СМИ продолжали умышленно искажать нашу историю, выхолащивать суть нашей многовековой государственности. Все материалы готовились в главной редакции, но окончательно выверялись в кабинете нашего шефа Ш. Х. Пилиа. Власть чувствовала, как такой мощный рупор выходит из-под ее управления, но открыто повлиять на естественный процесс, диктуемый самой ситуацией и ходом событий, она была уже не в силах. В таком же стиле работало Абхазское радио, из студии которого все чаще и четче звучали голоса лидеров национального движения. Кстати, Абхазское радио, созданное еще в 30-х годах прошлого столетия, несмотря на цензуру и всевозможные запреты, как-то умудрялось находить если не прямые, то хотя бы косвенные каналы распространения правдивой информации.

Тбилисские политики стали разыгрывать очередной фарс, в котором Абхазия на Лыхненском сходе ребром поставившая вопрос о выходе из-под колониального диктата Грузии, выглядела бы главным зачинщиком и подстрекателем всех кровоточащих конфликтов, виновницей всех бед и несчастий.

Чуть ли ни каждый день с экрана Грузинского телевидения звучали наглые и циничные обвинения и даже угрозы в адрес абхазов. На многотысячном митинге, начавшемся 4 апреля 1989 года в Тбилиси у правительственного здания, основным требованием стал выход из состава СССР. Разбрасывались листовки, открыто призывавшие к кровавой расправе с абхазами и осетинами, «ликвидации всевозможных мини-государств», автономных образований. Указывалась конкретная дата (14 апреля), до которой должны быть завершены действия по уничтожению (депортации) абхазов и осетин. Провокационная деятельность З. Гамсахурдия, М. Костава, Г. Чантурия, И. Церетели, Н. Натадзе, А. Бакрадзе и других привела к столкновению митингующих с войсками и неминуемым жертвам. И даже в такой трагической ситуации, лидеры неформалов и представители научной и творческой элиты Грузии, с еще большим цинизмом и безнравственностью продолжали обвинять абхазов, абхазскую интеллигенцию, руководителей «Аидгылара», которые, якобы, создали опасные предпосылки для тбилисских событий и их драматических последствий. Грузинские газеты, журналы, вся официальная и неофициальная печать пестрили публикациями, авторы которых, заведомо выносили вердикт против Абхазии. Основную причину тбилисских столкновений тбилисские борзописцы пытались найти в так называемом абхазском «сепаратизме», то есть в лыхненском (абхазском) синдроме, созданном их богатым творческим воображением. Грузинское телевидение и его информационный выпуск «Моамбе» ежедневно выливали ушаты лживой грязи на абхазский народ и его лидеров.

«Племена, пришедшие в гости, нарекли себя именем древнейшего грузинского племени абхазов…Пришельцы из-за гор, опутавшие мхом нашу национальную плоть, оспаривают нашу землю…» — вот до такого мракобесия доходила грузинская ин-

теллигенция, цинично перечеркивая и очерняя абхазскую историю, автохтонность и этнокультурную самобытность абхазов.

На Абхазию обрушилась новая волна митингов, демонстраций, политических голодовок, забастовок, инспирируемых тбилисской метрополией. В Сухуме и других городах стали самовольно воздвигать обелиски и мемориалы жертвам тбилисских апрельских событий. Начались политические преследования лиц абхазской национальности, участвовавших в Лыхненской и других политических акциях. Грузинские «демократы», поборники свободы слова требовали наказания всех, кто осмелился подписать Лыхненскую Декларацию. Черные списки пополнялись с каждым днем.

***

По долгу службы, я старался сохранять связь с лидерами «Аидгылара». Вскоре на авансцене политической борьбы появятся такие видные представители национальных общин, как Альберт Топольян и Юрий Воронов, которые дадут новый толчок движению «Аидгылара». Часто бывая в штабе национального движения, пополнял свои рабочие папки информацией о новых событиях, сенсационных сообщениях, встречах с видными политиками, достаточно непредвзято оценивавших ситуацию в Абхазии. Абхазский зритель ждал чего-то нового, революционного. Обычный трафарет о деятельности парт-номенклатуры его не устраивал. Я не терял связи с пресс-центром «Аидгылара», который размещал в своих дайджестах нечто новое, нешаблонное, почерпнутое из «независимых» или «полунезависимых» советских изданий. А иногда удавалось по-джентльменски договориться с гостями НФА «Аидгылара» по поводу актуальных интервью и свободных размышлений на тему грузино-абхазских взаимоотношений. Так, однажды заглянув в штаб национального движения, располагавшийся чуть ли ни в ста метрах от редакции телерадиовещания, в Доме творческих союзов (ул. Фрунзе, Аидгылара, 44), я встретил там журналиста из Чеченской республики Мусу Темишева и его друга Баудина Гайбатдырова. Пригласил их на чашку кофе, поинтересовался целью их командировки в Абхазию, и запи-

сал на видеопленку очень теплую и содержательную беседу с ними. Тогда еще не была создана Ассамблея народов Кавказа во главе с его известным и харизматичным лидером Мусой Шанибовым. Но связь с Северным Кавказом налаживалась достаточно интенсивно и динамично, важнейшую мобилизационную роль в этом процессе играл выдающийся абхазский поэт, публицист, переводчик, один из создателей «Аидгылара» Геннадий Аламиа.

Вот так, шаг за шагом, мы укрепляли мосты между национальным телерадиовещанием и главным политическим движением, занявшим очень серьезную нишу в жизни не только Абхазии, но и Северного Кавказа.

И с этим фактом вынуждены были смириться и обком, и спецслужбы, которые пытались воспрепятствовать демократическим процессам, продолжая заводить всевозможные досье на новых лидеров, но выступать против них открыто — они уже не могли. Ряды «Аидгылара» пополнялись тысячами граждан Абхазии, готовы жертвовать собой во имя свободы, независимости и возрождения идей истинной абхазской демократии.

После апрельских событий в Тбилиси лидеры грузинских неформалов при поддержке своей местной пятой колонны сумели всякими правдами и неправдами переместить очаг политической напряженности и конфронтации в Абхазию.

Уже 10 апреля 1989 года на площади Конституции в Сухуме прошла массовая акция протеста, инициаторы которой объявили трехдневный траур. Помню, как они насаждали в наших городах и районах черные символы тбилисских событий. На митингах озвучивались требования о воздвижении в центре Сухума памятника жертвам 9 апреля. Абхазы жестко реагировали на подобные замыслы. Еще в Тбилиси, где погибли участники апрельских событий, не был заложен даже камень под памятник, а в Абхазии грузинские неформалы носились как угорелые с этой бредовой идеей. И к 1990 году возмутители общественного спокойствия добились установки обелиска (с колоколами) на Ачадарском подъеме у въезда в Сухум с западной стороны.

Казалось бы, какое отношение Абхазия имела к этим событиям, но логика и международное право не входили в понятия тогдашних «борцов» за «грузинскую» демократию, главная их установка заключалась в том, чтобы обвинить во всех смертных грехах и злодеяниях абхазов.

А они, ревностные защитники мононациональной идеи, новоявленные политики, спровоцировавшие в Тбилиси столкновения протестующих с войсками, вытеснявшими толпу по указанию самого Джумбера Патиашвили, сейчас изощрялись всячески, чтобы выглядеть этакими агнцами и мучениками совести.

Во всем, мол, повинны абхазы, эти неблагодарные «чужеземцы», «плющом опутавшие тело Грузии»…

Яблоко раздора — расчленение АГУ

История разделения Абхазского университета по национальному признаку и келейного принятия решения Совмина Грузии об открытии в Сухуме филиала ТГУ, при подробнейшем и скрупулезном исследовании могла бы составить несколько увесистых томов. Грузия изначально препятствовала созданию нашего национального университета, понимая, что он станет одним из атрибутов и символов абхазской государственности. Однако вопрос о необходимости его открытия в разное время ставили перед Кремлем известные абхазские ученые. Вместе с тем, реальный шанс для решения проблемы возник в результате масштабных событий в Абхазии, вызванных знаменитым Абхазским письмом 1977 года за подписями 130 видных представителей общественности и интеллигенции. Одним словом, университет и телевидение появились у нас на новой мощной волне национально-освободительного движения, не на шутку встревожившего кремлевский бомонд.

Обо этом написано немало. Данной теме посвящено множество публикаций, встречающихся в разных версиях, интерпретациях и на просторах интернета. Но основным детонатором тех событий послужили забастовки студентов грузинской

национальности, в ходе которых они выступили с ультимативными требованиями (5–6 апреля 1989 года) репрессивного характера. Видимо, эти акции заранее были так умело инсценированы и отрежиссированы «кукловодами» из Тбилиси, что большая часть профессорско-преподавательского состава АГУ вскоре влилась в ряды забастовщиков.

Стали громогласно озвучиваться требования о наказании подписантов Лыхненского обращения, в том числе и ректора АГУ, профессора, алгебраиста с мировым именем Алеко Гварамия. Затем на фоне подобного раскачивания и без того сложной обстановки, бастующие все резче и настойчивее стали заявлять о необходимости срочного открытия филиала Тбилисского университета в Сухуме. По мнению доктора исторических наук А. Ф. Авидзба, официальное требование о создании филиала ТГУ в Сухуме впервые было озвучено на собрании студентов и преподавателей грузинского сектора АГУ, проходившем в Сухумском Доме учителя.

Вот так, по подсказке из Тбилиси грузинские неформалы разворачивали антиабхазскую кампанию. Тогдашний партийный вождь Грузии Г. Гумбаридзе как будто бы был против раскола Абхазского университета, а в реальности к его публичным высказываниям по этому вопросу никто не прислушивался. 29 апреля он заявил о недопустимости разделения АГУ на встрече с руководством университета, а 5 мая 1989 года дал добро на отдельное функционирование грузинской части АГУ. Скорее всего, слова грузинского партийного лидера были ширмой, бутафорным прикрытием документа, готовящегося втайне от абхазского народа, в тбилисских правительственных кабинетах.

Между тем, 6 мая перед зданием Сухумского театра им. К. Гамсахурдия студенты объявили сидячую забастовку. Как это ни парадоксально, главный режиссер этого театра Г. Кавтарадзе возглавил стачечный комитет. И по всей видимости, лично он проявил свои режиссерские способности, любезно предложив своим подопечным, вполне удобную площадку для сидячей забастовки.

Таким образом, раскрутка антиабхазского пропагандистского маховика усиливалась с каждым днем. Эти деструктив-

ные процессы проистекали в Абхазии параллельно с выдвижением в Тбилиси жестких требований о выходе Грузинской ССР из состава СССР и о восстановлении независимости Грузии, утраченной в 1921 году. Студенческие забастовки продолжались. Некогда мирная и стабильная Абхазия все глубже затягивалась в глубокий и опасный водоворот непредсказуемых политических событий. Вскоре Совмин Грузии издаст распоряжение, обязывающее ректора ТГУ, с 15 мая приступить к организации своего Сухумского филиала. И сообщение об этом было озвучено в новостях Грузинского телевидения. Еще 14 мая с этим известием были ознакомлены бастующие в Сухуме студенты, видимо для того, чтобы остудить их горячие головы и попытаться сделать их более управляемыми.

Некоторые грузинские политики пытались внушить абхазскому обществу, будто создание параллельной вузовской структуры не ущемит права и возможности АГУ. Но это ничуть не усыпило бдительность абхазов, и в ответ на провокационные действия грузинского правительства по инициативе НФА «Аидгылара» на площади им. Ленина в Сухуме прошел многотысячный сход, расценивший принятое решение, как попытку создания еще одного рычага «грузинизации» Абхазии. Конфронтация усиливалась с каждым днем, приближая ситуацию к опасной черте. Вдохновленные тбилисскими решениями в свою пользу, грузинские неформальные организации стали бесчинствовать еще больше. Сухум и другие города Абхазии были охвачены волной нескончаемых митингов, факельных шествий. Я помню, как часто о неизбежности прямого столкновения абхазы поговаривали в учреждениях, на свадьбах и похоронах. Накал страстей достиг крайне опасного предела. В воздухе пахло кровью…

2 июня 1989 года — эпохальный день в истории Абхазии

Я не стану углубляться в подробности предыстории выступления Владислава Ардзинба на 1-м съезде народных депутатов СССР. В прессе можно найти достаточно информации о том, как наши депутаты добивались предоставления им слова. И о том, как грузинское лобби в Москве всячески использовало свои рычаги влияния на Кремль, чтобы воспрепятствовать доступу абхазских политиков к трибуне съезда. Достаточно подробно изложено это и в воспоминаниях самого В. Ардзинба, в интервью и беседах А. Гогуа и других бывших депутатов. В случае игнорирования требования абхазской депутации, были отчаянные намерения о сложении с себя депутатских полномочий. Владислав Григорьевич, в частности, пишет о том, что текст такого заявления с протестом лежал у него в кармане. Запомнился прямой вопрос народного депутата СССР Т. Шамба, обращенный к президиуму съезда, все с тем же требованием.

Я слышал и от Алексея Гогуа, что в этой истории определенную роль сыграла встреча депутатов от Абхазии с членом Политбюро, председателем КГБ СССР Чебриковым, по долгу службы хорошо знакомым с перипетиями грузино-абхазских взаимоотношений. Но это все догадки и предположения… В то же время из Абхазии в адрес наших посланников поступала масса телеграмм и звонков. Люди страшно опасались утраты столь важного и значимого шанса. Известны также хитромудрые попытки тогдашнего партийного вождя Грузии Гумбаридзе хоть как-то повлиять на Владислава, чтобы он не настаивал на выступлении: «Я понимаю, что грузины, конечно, не правы, я понимаю, что все, что сказано в Вашем выступлении, это правильно, но надо учесть, что они (грузины) сейчас в таком состоянии, что лучше, чтобы Вы не выступали и не говорили об этом. Не надо им обо всем этом напоминать», — вспоминал Владислав Ардзинба. Видимо, подтекст слов Гумбаридзе следует понимать, как «не сыпьте соль на рану», то есть грузины — невинные жертвы произвола властей,

учинивших над ними кровавую расправу, а Вы, мол, вместо сочувствия и сопереживания, еще и раззуживаете их в такой непростой ситуации.

Владислав Григорьевич пишет в своих воспоминаниях, что кто-то из тех, кто входил в абхазскую делегацию, ознакомившись с одним из первых вариантов его выступления, был весьма встревожен и озадачен, сказав: «И что, ты все это будешь говорить?» Но главное во всей этой истории, в чьей кулуарной, закулисной стороне, достаточно интриги, это сам свершившийся факт выступления, нанесшего ощутимый удар по грузинской идеологической системе, построенной на лжи и лицемерии.

Речь Ардзинба была яркой, логичной, убедительной и в плане аргументации, и в плане характера и манеры ее озвучивания. В рамках краткого и емкого выступления талантливый и смелый политик смог раскрыть систему целенаправленного уничтожения абхазской государственности, осуществлявшегося тбилисской метрополией на протяжении многих десятилетий. И здесь, на уровне всесоюзного съезда, впервые был категорично и однозначно поставлен вопрос о необходимости создания специальной парламентской комиссии по глубокому изучению ситуации в Абхазии. Это заявление послужило серьезным толчком в урегулировании судьбоносных для нашего народа проблем.

В своем блестящем докладе В. Г. Ардзинба также акцентировал внимание на вопросах межнациональных отношений в целом и проблемах автономных образований. Этим самым он проявил себя, как лидер не только своего народа, но и других малочисленных этносов. В итоге, время показало, что он стал признанным руководителем крупного парламентского объединения по правовому статусу бывших автономий. Выступление Ардзинба буквально вдохновило и окрылило борцов за независимость Абхазии. Грузинская пропагандистская система стала трещать по швам. Некоторые абхазские поэты стали в своих публикациях сравнивать Владислава с легендарными Абрыскилом и Нартом Сасрыквой, спасших своих братьев, сбив для них звезду, излучавшую свет и тепло.

Оратор из простонародья

В моей памяти достаточно отчетливо отобразилось собрание общественности Сухума, которое проходило, если не подводит память, в Доме политпросвещения 15 июня 1989 года. Была такая агитпроповская «пристройка» к обкому партии, призванная брать под козырек любые партийные указания сверху. Тон этой сходке протестующих задавал НФА «Аидгылара». Чувствовавшие, что история с открытием филиала ТГУ в Сухуме может закончиться трагедией, потребовали от высшего руководства Абхазии принятия жестких мер по недопущению подобного ущемления интересов нашей республики. Память порой чудодейственным образом восстанавливает очень ценные эпизоды, казалось бы затерявшиеся в подзабытом и сумрачном прошлом.

Здесь, на этом собрании, был официально зачитан текст «секретного» грузинского распоряжения об учреждении филиала ТГУ. Власть пыталась внушить собравшимся, будто она владеет ситуацией, распоряжение это, дескать, временное, не имеющее юридических последствий. Руководство Абхазии, мол, обладает достаточными рычагами по недопущению разрастания конфликта. Однако лидеры и максималистские прослойки «Аидгылара» давно уже перешли в стадию, когда разговаривали с чиновниками жестко, на языке аргументов, фактов, конкретики. И вот, хорошо запомнилось, как в момент, когда накал страстей достиг высшей кульминационной точки, неожиданно и порывисто к трибуне подошел вопреки протоколу и другим условностям наш коллега, соратник Виталий Адлейба по кличке «Танчик», любимец абхазской молодежи. Он тогда работал главным инженером автобазы «Турист» и, несмотря на то, что заметное должностное положение вынуждало его особо не высовываться, парень всегда был в гуще (и на авансцене) политических событий. Публичностью он особо не отличался, но организатором был сильным.

Все были в шоке от решительности, четкости, логичности и обоснованности слов и действий Виталия. Вопрос об университете он поставил ребром перед самоуверенно восседав-

шим в президиуме гибридным грузино-абхазским партийным начальством, пытавшимся представить взрывоопасную ситуацию, дескать, пока еще управляемой.

Виталий Кучирович весьма категорично и настойчиво потребовал от чиновников принятия жесткого и окончательного решения по филиалу ТГУ. И почти весь зал искренне аплодировал ему… После яркого выступления этого крепкого, осанистого, энергичного парня, я окончательно поверил в могущество нашего национального движения, способного совершить настоящую революцию.

Виталий Адлейба погиб в 1993 году в ходе сентябрьского наступления по освобождению Сухума. Посмертно Указом Первого Президента РА Владислава Ардзинба ему было присвоено звание Героя Абхазии (1995 год). Не буду рассказывать в подробностях об обстоятельствах, вынудивших его долгое время скрываться от грузинских спецслужб на Северном Кавказе.

Сидячая забастовка

Чиновники по-прежнему продолжали тянуть канитель по вопросу университета. Обещания абхазского руководства решить проблему сохранения единства АГУ на бюро обкома вновь и вновь оказывались неправдоподобными. Тем временем грузины конкретно готовились к экзаменам. Дата 22 июня, с которой абхазские патриоты связывали последнюю надежду, также оказалась ничего не значащей вывеской. И тогда по призыву НФА «Аидгылара» инициативной группы АГУ началась сидячая забастовка в помещении Абхазской государственной филармонии. Главное требование протестующих — ни при каких условиях не допускать разделения АГУ, добиться направления в Абхазию специальной парламентской комиссии из Москвы. Акция длилась с 22 по 3 июля (практически она осталась в анналах нашей истории как 12-дневная).

Зрительный зал госфилармонии был почти переполнен, уставших от ночных дежурств и бдений сменяли другие. Пе-

ред бастующими ежечасно выступали лидеры «Аидгылара», профессора и преподаватели АГУ, студенты, представители простонародья, некоторые высоко поставленные лица. Коллектив университета взвалил на свои плечи наиболее тяжкое бремя: сотрудники АГУ не только обеспечивали явку людей, но и готовили массу обращений, текстов, петиций для СМИ. Из каждой абхазской деревни сюда приезжали сотни простых крестьян, учителей, видевших в попытках раскола Абхазского университета опасный прецедент, могущий вызвать цепную реакцию и создание параллельных структур во всей республике. Такая тенденция наметилась давно, и с каждым днем она приобретала широкий разрушительный размах.

Народная дипломатия и упование на компартию

Отлично помню, как не раз появлялся на трибуне мудрый абгархукский старец Сергей Цушба (отец Героя Абхазии Рустема Цушба, погибшего смертью храбрых на Восточном фронте). Он был в простом национальном одеянии, в очень скромной, но подходящей ему пастушьей шапке. Его тонкий пояс был туго перехвачен офицерским ремнем. Выступал часто, процеживая каждое слово, старался поднять дух борцам за справедливость. «Назло» тем, кто пытался пришить нам «антисоветчину», завершал свои пламенные речи зычным риторическим возгласом «Акоммунисттэ партиа сакэыхшоуп!» Подежурит в филармонии дня два природный абгархукский оратор, потом подойдет к нам, представителям НФА «Аидгылара», статно и красиво опираясь на свой посох, и скажет вполголоса: «Сегодня я поеду к себе в Абгархук, похлопочу немного по дому, по хозяйству и непременно вернусь послезавтра…». А сколько было таких людей, честных, порядочных, фанатично преданных абхазской идее?!

Помню, однажды совещание в конференц-зале Союза писателей затянулось. К вечеру люди разошлись. Мирод Гожба и Сергей Цушба сидели в опустевшем зале и продолжали о чем-

то беседовать… Скорее на темы, затронутые совещанием… Я подошел и деликатно спросил старших: «Вы, уважаемые Мирод и Сергей, сегодня вряд ли сможете уехать к себе в Гудауту. Уже поздно…Транспорта нет… Поэтому я от души предлагаю Вам, поехать ко мне в новый район, поужинаете у меня, отдохнете, и завтра спокойно отправитесь к себе домой… Мои уговоры оказались напрасными. Они убедили меня в том, что обещали одному сухумскому родственнику, что останутся ночью у него…и якобы тот должен заехать за ними… И это было сказано так искренно, так откровенно, что я им поверил и уехал домой… На следующий день я вернулся в «Аидгылара» рано утром и вдруг, смотрю, и вижу стоящих у парадных дверей здания Союза писателей, где располагался штаб нашего движения, Мирода и Сергея. По их лукавым ухмылкам я понял, что они обманули меня, и переночевали здесь, в конференц-зале. А сейчас, по всей видимости, собирались ехать на вокзал, чтобы добраться до своих деревень на перекладных… Я не мог скрыть своего волнения, в ответ неутомимый Сергей Цушба, поправляя свои остроконечные белые усы, не без юмора произнес слова, надолго врезавшиеся мне в память: «Дад, ҳара «Аидгылараа» шәҽыԥқәа ҳауп, ҳаит ахьышәҳәо — ҳахиоуп!» (Дад, мы верховые гонцы «Аидгылара», куда прикажете — туда и скачем...»).

***

Зал филармонии, вмещавший около тысячи человек, постоянно приходилось держать в напряжении. Любую новую информацию по поводу университета или других политических событиях «аидгыларовцы» преподносили бастующим, в форме срочного сообщения, выступления, читки текста, ознакомления газетного материала и т. д. Выступали А. Гогуа, И. Марыхуба, В. Ацнариа, Т. Шакрыл Д. Ахуба, Р. Чанба, В. Зантариа и мн. др.

24 июня появилась первая реальная информация о принятии совместного решения Абхазского обкома, Президиума Верховного Совета и Совмина Абхазии о недопустимости раздела АГУ.

В Абхазию стали прибывать одна за другой комиссии Совмина и Верховного Совета СССР. Появились надежды, что Москва услышит наши требования.

Развитие событий

Вопросы, связанные с Абхазским университетом, постоянно находились в поле зрения народных депутатов СССР от Абхазии. Владислав Ардзинба и его коллеги по Парламенту СССР (Т. Шамба, Б. Шинкуба, А. Гогуа, Р. Аршба и др.) не упускали ни одного шанса, чтобы в недрах союзного Парламента лишний раз заострить внимание на столь злободневной и по сути судьбоносной для Абхазии проблеме.

«Вспоминаются мне, например, моменты, связанные с событиями 1989 года, — отмечал В. Г. Ардзинба в одном из интервью. — У меня сохранились документы, скажем, связанные с так называемым нападением на автобус в Гудауте. У меня сохранились такие документы, как обращения граждан в связи с последующими событиями. — Очень важно, — вспоминал Владислав Григорьевич, имея в виду события 1989 года, — что есть у меня в руках бюллетени от 7 июля. Сразу после гудаутских событий мы обращались в прокуратуру СССР с требованием, чтобы эти факты не были делом расследований только грузинской прокуратуры. Обращались к прокурору Сухареву, а 6 числа нами ставился вопрос о том, чтобы было отменено распоряжение Грузии о создании филиала Тбилисского университета в Сухуме… ставился вопрос о том, что это может привести к тяжелым последствиям…» Владислав Ардзинба, будируя перед руководителями бывшей советской державы эти вопросы, в том числе и дальнейшего статуса АГУ, постоянно связывался с абхазским руководством и лидерами «Аидгылара». Часто консультировался с ректором АГУ, профессором А. А. Гварамия, обещая ему всяческую поддержку в тяжелейшей ситуации.

Абхазское телевидение и радио на аванпосте событий

Абхазское радио и телевидение в эти дни работали как никогда сплоченно. Сотрудники постоянно обменивались информацией. Работали в режиме и в ритме единого боевого штаба. Мы успевали передать в эфир не только новости, связанные с университетскими проблемами, но и материалы, освещавшие вопросы грузино-абхазского политического противостояния. Держали руку на пульсе Абхазии корреспонденты таких популярных изданий, как приложение газеты «Известия», «Московские новости»— Владилен Арсеньев, Геннадий Жаворонков и мн. др. Готовил журналистское расследование для «Огонька» Виктор Попков.

Мы комментировали их публикации, оказавшиеся на редкость беспристрастными и объективными. Наш шеф Шамиль Хусейнович не упускал возможности связаться с друзьями из Гостелерадио СССР, чтобы подробнее разъяснить им, что на самом деле происходит в Абхазии. Грузины не расслаблялись, пытались убедить Москву, что вся эта заваруха и кутерьма, мол, дело рук самих абхазов. Опыта по подмене фактов и манипуляциям у них, слава Богу, хватало.

Не могу ручаться за точность даты, но в разгар событий 1989 года к нам в главную редакцию АТВ заглянул ответственный работник ГАИ Эдуард Смыр, который услышав от кого-то, что нам не достает видеокамер для широкого освещения событий, отметил свой визит вежливости широким жестом: передал в собственность телевидению свою личную видеокамеру.

Наш коллектив, разумеется, был восхищен этим поступком. Национальное телевидение было чуть ли не единственным источником, доносившим до абхазского зрителя определенную дозу достоверной информации. Разделить АТВ по аналогии с университетом, грузинские шовинисты при все своем желании не могли, потому что 90 процентов коллектива были единомышленниками. И в особенности они были едины в плане освобождения Абхазии от грузинского диктата.

Небольшая информационная служба грузинской редакции Абхазского радио, входившая в структуру гостелерадио, не в силах была воспрепятствовать нашим политическим и духовным устремлениям. Продолжалась с еще большой запальчивостью информационная перепалка между Абхазским и Грузинским телевидением. Русские новости на главном Тбилисском телеканале периодически вел Марк Рывкин, с неописуемым подобострастием и лютой неприязнью к абхазам зачитывавший материалы антиабхазской направленности, всякого рода агрессивные призывы грузинских неформалов. Мы отвечали достаточно оперативно и хлестко, подключив в случае необходимости научного опровержения их низкопробных опусов, наших лучших кавказоведов. Нередко к нам в гости приходили по собственному желанию наши историки, конфликтологи, чувствуя, что телерадиожурналисты нуждаются в их экспертной поддержке.

Чем глубже становилась политическая конфронтация, тем живее и интенсивнее становились каждодневные связи главной редакции Абхазского телевидения с пресс-службами «Аидгылара», которые подбрасывали нам нечто свежее, сенсационное. Чувствовалось, как с каждым днем информационная волна в защиту нашего движения нарастала, в нее втягивались очень известные политики, писатели, публицисты, люди искусства и науки.

Помню, какой фурор произвело на российскую и абхазскую общественность письмо знаменитого поэта-пародиста, ведущего телевизионной программы «Вокруг смеха» Александра Иванова, открыто поддержавшего Абхазию в ее справедливой борьбе за политическое самоопределение. Интерес популярного мастера слова к Абхазии был отнюдь не случаен, поэт Денис Чачхалиа рассказывал мне, что он дружил с абхазскими писателями, часто выступал с авторскими вечерами в Сухуме, в Гагре. И из общения с ним можно было понять, как хорошо он владел ситуацией и переживал за судьбу Абхазии.

Абхазский университет в эпицентре политического противоборства

В моей памяти отложился общий фон встречи профессорско-преподавательского состава АГУ с крупным советским чиновником — первым заместителем председателя Госкомитета по народному образованию, министром бывшего СССР Ф. Перегудовым. Вместе с ним на собрании присутствовал министр образования Грузии Г. Енукидзе. Внешне атмосфера была такова, что акцент делался на невозможности и политико-правовой нецелесообразности существования филиала ТГУ в Абхазии. Но это были общие слова, а конкретных решений, механизмов урегулирования вопроса, ставшего яблоком раздора, никто не предлагал. Зашли в тупик переговоры студентов абхазского и грузинских секторов, проходившие при участии Гумбаридзе и Перегудова.

***

Наиболее масштабной, актуальной и значимой стала миссия членов Верховного Совета во главе с Михаилом Монго. В нее вошли профессор Вячеслав Иванов, Людмила Батынская, Людмила Перелыгина. Комиссия прибыла в Абхазию 3 июля 1989 года. В связи с этим акция протеста в госфилармонии была прервана. Бастующие вполне справедливо считали, что приезд столь высокой и представительной делегации — отчасти результат их настойчивых требований и долгосрочной акции, имевшей широкий политический и информационный резонанс.

Я хорошо помню события, связанные с прибытием парламентской комиссии. Каждый день депутаты работали в плотном графике, попеременно проводя напряженные встречи то с абхазами, то с грузинами. Шли беседы в АГУ, в ГИСХ. Лидеры «Аидгылара» старались дать как можно больше информации о причинно-следственной взаимосвязи, объективных истоках и мотивациях происходящих в республике событий. Знакомили депутатов с документами, подтверждавшими целенаправлен-

ный характер действий грузинских неформалов и потакавшей им тбилисской метрополии в целом.

Однажды вместе с лидером НФА Алексеем Гогуа я присутствовал на одной из встреч московских депутатов с представителями «Аидгылара» и абхазской интеллигенцией. Она проходила на одном из этажей нового здания Совмина. Помню, профессор В. Иванов и его коллеги слушали нас очень внимательно, фиксировали (по необходимости протоколировали) все наши аргументы и доводы. Записывали какие-то идеи, мысли, предложения. Достаточно убедительно звучали выступления Олега Шамба, Якуба Лакоба. Однако, когда Якуб Васильевич, со свойственной ему красноречивостью и патетичностью, углубился в историю и слишком долго стал рассказывать о корнях сталинщины и бериевщины в Абхазии, Вячеслав Всеволодович деликатно попросил уважаемого оратора постараться соблюсти регламент и проявить уважение к членам комиссии, которым предстояло провести еще немало встреч. Это мягкое и достаточно интеллигентное замечание, разумеется, не возымело особого воздействия на нашего абхазского «Цицерона», и еще, минут десять он был занят страстным и экзальтированным разоблачением фигурантов антиабхазской политики.

***

Сохранилось немало архивных документов, свидетельствующих о том, что члены Московской депутатской комиссии, не просто составляли отчеты о своей деятельности, не имитировали эту работу, а весьма принципиально требовали от грузинского руководства отмены провокационных решений, подталкивавших два народа к столкновению. Вот одно из таких обращений, подписанных народными депутатами СССР.

Правительственная [телеграмма]. Исх. 11-28 от 8.07.1989.
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
Исх. 11-28 от 8.07.1989
ТБИЛИСИ. ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КОМПАРТИИ ГРУЗИИ НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР

тов. ГУМБАРИДЗЕ

ТБИЛИСИПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ГССР НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР

тов. ЧЕРКЕЗИЯ

ТБИЛИСИ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ ГССР

тов. ЧИТАНАВА

Непринятие мер по отмене распоряжения Совмина ГССР от 14 мая 1989 года № 343 Р и объявление о наборе абитуриентов в филиал ТГУ все больше усиливает дестабилизацию обстановки в республике, не создает объективных условий для нахождения компромиссных решений по воссоединению АГУ.

Группа народных депутатов СССР настаивает на отмене указанного решения и осуществлении безотлагательных и действенных мер по воссоединению АГУ и организации качественного набора абитуриентов на 1989 — 1990 учебный год.

Председатель комиссии Верховного Совета СССР,
народный депутат СССР
МОНГО
Члены комиссии народные депутаты СССР
БАТЫНСКАЯ
ПЕРЕЛЫГИНА

***

Для людей, искренне желающих мирного разрешения вопроса, рекомендации высокой парламентской комиссии были вполне достаточны, чтобы остановить вакханалию беззакония. Однако грузинское правительство продолжало играть свою заведомо отработанную фарисейскую роль. Так, 6 июля, на основе выводов московской депутатской комиссии, в газетах «Апсны Капш», «Советская Абхазия» были размещены объявления о том, что прием абитуриентов будет осуществляться только в единый, неразделимый Абхазский государственный университет. Однако грузинская газета «Сабчота Абхазети» наряду с этой информацией опубликовала объявление и о на-

чале приема документов в Сухумский филиал ТГУ. На мой взгляд, дело было не столько в Тамазе Чочия, главном редакторе грузинской газеты, давшем добро на опубликование материала (фактически перечеркивавшего консенсусные решения по АГУ), а в действиях тех больших тбилисских начальников, которые внешне изображая позу миротворцев, на деле негласно поощряли действия неформалов.

События развивались стремительно. Ощущая беспомощность абхазских властей и неизбежность столкновения противостоящих сил, руководитель «Аидгылара» Алексей Гогуа был уполномочен президиумом НФА обратиться напрямую к генсеку Горбачеву с предложением о введении особого управления, с временным подчинением Сухума Москве. Ранее прецедент подобного обращения к Центру был создан Нагорным Карабахом. Однако все эти превентивные меры не приводили к каким-либо реальным результатам. Сепаратистски настроенные грузинские педагоги и студенты не считались ни с какими авторитетами, уровнями и субординациями. Они добивались реализации намеченной цели любой ценой. Казалось бы, появление в газетах «Апсны Капш» и «Советская Абхазия» заключения московской депутатской комиссии о неправомерности создания филиала в Сухуме должно было поставить окончательную точку в этом вопросе.

Однако грузинские студенты вновь выступили с жестким требованием опубликовать в грузинском официальном издании «Сабчота Абхазети» точку зрения руководства Сухумского филиала ТГУ о том, что эта структура должна быть обязательно сохранена. Более того, так называемое руководство филиала весьма амбициозно заявило о том, что решения московской депутатской комиссии, дескать, не имеют юридической силы, мол, все это для показухи, политической бутафории. Тем самым бастующие грузины показывали, что реальная сила на их стороне, и никакие ЦК, обкомы и горкомы им не указ. Единственным реальным противовесом авантюристическим попыткам оставались «Аидгыларовцы», успевшие сформировать к тому времени очень мобильные и действенные группы.

***

Не могу забыть, как мы несколько раз оперативно собравшись перед газетным цехом Сухумского полиграфобъединения, воспрепятствовали выходу в свет номера той самой грузинской газеты («Сабчота Абхазети»), которая публиковала материалы о легализации филиала. Это происходило, насколько помнится 12–13 июля 1989 года прямо перед типографией (ул. Фрунзе — ныне Аидгылара) На одном из митингов, сымпровизированном нами в те дни, пришлось неожиданно выступить и мне. Разумеется, это было не мое личное решение. Поручение исходило от руководства «Аидгылара». Собравшиеся соорудили для меня какое-то возвышение, с которого мое абхазское выступление прозвучало достаточно внятно. Если я мог проявить свои декламаторские способности на многотысячном Лыхненском сходе, то спонтанная акция перед Сухумской типографией не вызывала у меня никаких особых эмоций и треволнений. Выступление было действительно неожиданное, и его главный акцент — недопустимость филиала, незаконность информации, которую лоббисты опасного антиабхазского проекта пытаются протащить в свою грузинскую газету, достаточно бойко управляемую партийно-правительственной мафией.

Событие происходило на перекрестке улиц Лакоба и Фрунзе, и поэтому, не уместившись на площадке перед типографским цехом, люди вынуждены были перекрыть улицу Лакоба. КГБ и МВД на определенной дистанции отслеживали наши действия, открыто не вмешиваясь в акцию протеста. Митинг был недолгий, добившись своей цели — изъятия провокационного номера газеты, мы мирно и организованно вернулись в штаб «Аидгылара». Наша дисциплина формировалась в процессе политической борьбы.

Реальный путь к столкновению

Абхазское руководство де-факто с каждым днем утрачивало рычаги управления событиями. Не видя другого пути сдерживания грузинского провокационного натиска, активисты

НФА «Аидгылара» и их сторонники стали стекаться к первой сухумской школе, где, несмотря на всякого рода постановления, принятые местными властями, все было подготовлено к началу приемных экзаменов в филиал ТГУ.

14–15 июля здесь собралось, на мой взгляд, около 7–8 тысяч человек, многие из которых прибыли из городов и районов Абхазии. Долгое время я находился среди них. Общался с ними, подбадривал, насколько мог. Оттуда шел в штаб «Аидгылара» (по ул. Фрунзе — ныне ул. Аидгылара, 44). Информировал штаб о ситуации перед школой. Вновь возвращался к протестующим. Насколько помню, среди «Аидгыларовцев» тоже были споры: одни считали, что все члены президиума НФА должны быть там, перед первой школой, другие придерживались мнения, что общее управление процессами должно идти отсюда, из центрального офиса «Аидгылара». Но в любом случае, насколько я помню, никто не находился на обочине событий, каждый старался вносить свою лепту в политическое разрешение конфликта.

Ретроспективный взгляд

Кстати, весной 2023 года вместе с писателем Юрием Поляковым я приехал в Новый Афон, в гости к известному художнику, другу Гиви Смыр Руслану Пандария, который вспоминал о многих событиях, в том числе и о тех, которые происходили 15 июля 1989 года. Скажу честно: было лестно, что Руслан не забыл и о той скромной роли, какую играли в той драме я и мои близкие соратники. Память зафиксировала немало эпизодов тех событий, альтернативы которым, на мой взгляд, в те судьбоносные дни просто не было. Убедившись в тщетности попыток, предпринимаемых властями, простые люди, граждане сами решили выступить в защиту интересов Абхазии. Они понимали, что в случае допущения столь опасного прецедента, нашу страну раскромсают, безжалостно расчленят тбилисские эмиссары и их верноподданные. Было не легко управлять ситуацией при явной попытке грузин продавить любой ценой

свои опасные замыслы. Но эту задачу пришлось выполнять в те дни ряду лидеров НФА.

***

Я достаточно отчетливо помню, как время от времени, поднявшись на крыльцо лестницы детского сада, расположенного прямо перед школой, 1-й зам. пред. НФА «Аидгылара» Игорь Марыхуба разъяснял ситуацию, старался успокоить людей, чьи крохотные надежды на мирное правовое урегулирование вопроса с университетом, могли рухнуть в одночасье и окончательно. Помню, как здесь, перед школой, время от времени появлялись один из лидеров НФА «Аидгылара» Валерий Кварчия, поэт, сотрудник журнала «Апсны аказара» Вячеслав Читанаа и другие участники национального движения.

К 18 часам (15 июля) перед собравшимися у школы появился секретарь обкома Саид Таркил (фактически только он мог из числа высокопоставленных лиц общаться напрямую с людьми даже в подобных чрезвычайных ситуациях). Саид Родионович огласил распоряжение ректора АГУ Алеко Гварамия о проведении 20 июля вступительных экзаменов в Сухумский филиал ТГУ (не в Сухуме, а в Тбилиси). Но ведь для абхазов было не важно, где пройдут экзамены, главное для них — устранить навсегда сам факт, саму возможность существования еще одного преднамеренно созданного рычага грузинского колониализма в Абхазии.

***

…Приходилось и мне обращаться к протестующим, здесь прямо перед школой. Увы, обещать нечто реальное, конкретное мы не могли из-за нерешительности руководства страны. Но говорить с людьми было необходимо в любом случае. Людская масса подобна морю, которое внешне сохраняя штиль и спокойствие, в любое время может обрушить шторм и бурю.

Трудно бывает предсказать настроение и поведение массы, она может стать неуправляемой в любой момент. Я замечал, что люди не хотят терять связей со своими лидерами, пока

есть хоть малейшая надежда на принятие разумных решений. Невозможно забыть, как участников акции перед 1-й школой агенты КГБ из разных зданий снимали скрытыми видеокамерами. И это не удивительно, ведь агентура не могла упустить такой редкий шанс для пополнения досье на лидеров и активистов национального движения.

Представьте себе, даже при таком высоком накале страстей и стремительном развитии событий, абхазы готовы были отказаться от любых радикальных действий, если бы незаконно созданная комиссия добровольно освободила здание школы. Для недопущения самовольных шагов и намерений были назначены среди пикетирующих свои блюстители порядка (помнится даже с отличительными повязками на руках), ими, насколько я помню, по поручению НФА руководил полковник в отставке Г. Л. Ладария. Однако и «специальному дозору» НФА не удавалось сдержать захлестывавшие эмоции протестующих, когда начинали вести себя нагло и по-хамски одиозные грузинские службисты, прямо или косвенно потворствовавшие решению об открытии филиала.

Получил «по заслугам» и тогдашний начальник милиции г. Сухума Дж. Рапава, пытавшийся проникнуть в школу через живой коридор. Помню, в момент, когда его бравые охранники отбивались от пикетчиков, был ранен в руку активист «Аидгылара», житель г. Гагры Митя Айба. Это вызвало еще больше негодования в людях. Ситуация явно выходила из-под контроля. Из здания школы раздавались непристойные выражения и ругательства в адрес протестующих, и это, конечно, подливало масла в огонь.

Не могу не вспомнить, как сдержанный во всем и достаточно хладнокровный Фред Хашба, (уважаемый инженер), в момент, когда почувствовал, что обещания руководства не допустить принятия решения по филиалу, оказались ложными, подошел ко мне, весь бледный, произнес всего три слова: «Шьҭа иҟацатәу сара издыруеит...», и направился к своей машине. Ребятам, быстро усекшим, что Фред намерен достать из багажника взрывчатку, все-таки удалось уговорить его не опережать события. Тем временем грузины (в основном сва-

ны), вооруженные автоматами и другим холодным оружием, успели заблокировать восточную часть Сухума (на белом и красном мосту). Их было не менее 3-х тысяч человек, судя по сообщениям различных информагентств.

***

Между тем тбилисские начальники не расслаблялись, вносили в заранее разработанный сценарий необходимые поправки. 15 июля в Абхазию срочно были переброшены отряды спецназа МВД Грузии во главе с генералом-лейтенантом Ш. Горгодзе. Сюда прибыли также Председатель Верховного Совета Грузии О. Черкезия, второй секретарь ЦК КП Грузии Павшенцев. Президиум Верховного Совета Абхазии принял еще одно постановление с оценкой складывающейся чрезвычайной ситуации и причин незаконных попыток учредить в Сухуме филиал ТГУ. Но все это были запоздалые шаги, никак теперь не влиявшие на ход событий.

В ночь с 15 на 16 июля в Абхазии произошли кровавые столкновения, в результате которых погибли 17 человек — 11 грузин, 5 абхазов и 1 грек. Были ранены более четырех тысяч человек. Особую страницу составляют в этой кровавой хронике эпизоды грузино-абхазского противостояния в г. Очамчыра, на мосту через реку Аалдзга. Через этот мост из Западной Грузии пытались прорваться на автобусах и грузовиках «Белаз» и «Камаз» десятки тысяч вооруженных отрядов, рвавшихся в Сухум для поддержки боевиков и полной дестабилизации обстановки в республике.

К козырькам тяжелых самосвалов, колоннами направлявшимся из Западной Грузии в Абхазию, были приварены пулеметы. Банда была вооружена до зубов и опасна. Однако намерения эти были пресечены абхазским народным ополчением, ядро которого составляли несколько сотен очамчырцев и ткуарчалцев, среди которых было немало участников национально-освободительного движения.

16 июля, к утру грузинские бандформирования вновь предприняли попытки прорыва через мост Аалдзга и открыли огонь из автоматического оружия. Сотрудники РО ВД по-

пытались укрепить мост заградительными заслонами из автомашин и тяжелой техники. Абхазы, понимая, что палками и булыжниками эту гамсахурдиевскую свору не остановить, решительно потребовали выдачи оружия для защиты города и его мирного населения. Известно, что накануне июльских кровавых событий шло изъятие охотничьих ружей и других видов огнестрельного оружия избирательно у абхазов. Убедившись в безысходности положения и предвидя трагические последствия практического бездействия правоохранителей, прокурор Очамчырского района Валерий Гурджуа принял мужественное (единоличное) решение выдать изъятое оружие, хранившееся в здании районного банка. Также достойно вел себя при сложнейших обстоятельствах майор милиции В. Шларба. Впоследствии они были приговорены к двум годам лишения свободы Коллегией Верховного Суда СССР. В этой непростой ситуации проявил хладнокровие и решительность первый секретарь райкома С. В. Багапш. Очевидцы хорошо помнят о том, как одна из активисток «Аидгылара» Этери Буюк-Оглы вместе с отцом Расимом умело препятствовала отчаянным попыткам грузин протаранить мост. Более того, Этери смогла подогнать к мосту цистерну с бензином и взорвать ее, чтобы не дать экстремистским группировкам осуществить опасные замыслы. Вот так наш народ, в час беды объединившись в один кулак, смог предотвратить массовое вторжение грузинских банд в Абхазию. Разрозненные группы грузинских боевиков, рвавшихся в Сухум, наталкивались на отряды самообороны в селах, примыкавших к центральной трассе. Хорошо им досталось и в с. Тамыш, в районе поста ГАИ. Здесь их задерживали местные ребята, вытаскивали из машин, обезвреживали и вместе с правоохранителями решали их дальнейшую судьбу.

В моей памяти отпечатался эпизод, как во время грузино-абхазской войны (1992–1993 годы) наш Главком Владислав Ардзинба лично вручал автомат бесстрашной Этери Буюк-Оглы, прибывшей в Гудауту, чтобы влиться в ряды защитников Родины. Помню, с какой симпатией, благоговением великий предводитель глядел в лицо этой женщине, поднявшей дух народа еще на начальном этапе его борьбы за независимость.

Краповые береты — на Аалдзгинском мосту

16 июля в Очамчыру прибыл десант внутренних войск МВД СССР под командованием генерала-полковника Юрия Шаталина. Опытный спецназ оперативными и ошеломительными действиями разогнал вооруженную толпу, в составе которой было немало рецидивистов и уголовников, выпущенных из грузинских тюрем. Позже генерал Шаталин вспоминал: «Сухуми — первый из горячих точек город, в котором не был введен комендантский час… — Местные начальники выбрали новую форму — особый режим, при котором солдаты задерживают ночных прохожих, а все полномочия остаются у гражданских властей. Это осложнило работу военных. Мне известно, что общественность Абхазии еще до обострения событий просила ввести войска, опасаясь взрыва. Однако устанавливать режим комендантского часа в Сухуми руководство Грузии не посчитало необходимым». (Дмитрий Окунев. Газета. Ru. 17 июля 2019 года.)

Воспроизводя в памяти те события, могу с достаточной уверенностью сказать, что без контингента внутренних войск СССР мы вряд ли смогли бы только своими силами предотвратить еще более опасные масштабы конфронтации. И генерала Шаталина, насколько я знаю, абхазы вспоминают тепло, не только как опытного командира, побывавшего в ряде горячих точек, но и как человека мудрого, выступавшего по необходимости и в роли миротворца.

Владислав Ардзинба в интервью, которое давал мне в мою бытность руководителем телевидения (1994–1995 годы), рассказывал о том, как он неоднократно поднимал в Верховном Совете СССР вопросы крайнего обострения ситуации в Абхазии в связи с незаконным разделением национального университета по национальному признаку. Он мне показывал бюллетени заседаний сессии, стенографические отчеты по ним и другие архивные материалы. Он, в частности, отмечал: «Здесь же есть очень важные материалы, которые касаются того, что в ночь, когда произошли эти события, я получил первую инфор-

мацию, когда сумел дозвониться даже председателю Комитета государственной безопасности Крючкову. Тот в свою очередь связался с министром внутренних дел Бакатиным. Тогда были подняты в воздух два борта, на которых были переброшены внутренние войска для предотвращения трагических событий в Абхазии».

Краповые береты

Во время прибытия российского спецназа в нашу республику вместе с известным государственным деятелем Владимиром Ашхацава, Валерием Кварчия, Юрием Аргун, Владимиром Кецба и другими представителями НФА «Аидгылара», я находился в приемной Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии Валериана Кобахия. Мне, как говорится, позарез была необходима хоть какая-то информация для вечернего выпуска новостей телевидения, которая могла бы чуть успокоить людей, ввергнутых в пучину кровавой вакханалии. Газеты не выходили, об интернете в те годы мы не имели ни малейшего представления.

Мы заходили к Валериану Османовичу беспорядочно: кто с палкой, кто с кирпичами и булыжниками, кто с кусками разрезанного запасного кабеля телевидения (очень ценного для той ситуации оружия самообороны). Но однажды руководителя, всю ночь выходившего на связь с Москвой, чуть ли ни ежечасно обсуждавшего с Владиславом Ардзинба и другими депутатами вопрос прибытия спецназа, настолько вывели из себя наши «визиты вежливости» с палками и дубинами, что он, и я это хорошо запомнил, вынужден был жестко наехать на нас и потребовать немедленного освобождения его кабинета. Помню, он был очень усталый, иногда подносил ему чашку ободряющего чая секретарь президиума, многоопытный помощник Юрий Квициния.

И как раз в это время огромное 12-этажное здание Совмина вдруг затряслось, как от землетрясения. Не успели мы опомниться, как с первого этажа на 10-й (кажется там распола-

гался Президиум ВС РА) вихрем поднялись воины-десантники в краповых беретах. Это были настоящие богатыри. Генерал Марков (кажется, один из замов Шаталина) подошел к нам с В. Ашхацава и строго по-военному (по-уставному) спросил: «Кто Вы и где Ваше начальство?». Владимир Ардашевич, ничуть не растерявшись, достал удостоверения заместителя Председателя Совмина и председателя Госплана Абхазии» и, великодушно улыбаясь, показал генералу. Ну и я доложил, что являюсь главным редактором Абхазского телевидения. Генерал немного успокоился и направился дальше. Тем временем его спецназ уже занимался проверкой помещений Дома правительства. Да, не скрою, какие-то охотничьи ружья, одностволки и двустволки, которыми наши мужики охраняли здание Совмина, были изъяты. Но, насколько помню, они были возвращены, а более серьезные меры по обезвреживанию грузинских боевиков начались в местах их скопления. Валерий Кварчиа не без иронии отмечает в своих воспоминаниях о том, как находившийся в зале заседания ВС Руслан Агуажба (историк и активист НФА «Аидгылара») во время проверки спецназовцами наличия оружия стоял с ножом для хлеборезки в руках (самым грозным абхазским оружием самообороны!).

Из воспоминаний Виктора Попкова, спецкора «Огонька»

«Вернувшись около 19 из своих «экскурсий» по городу к Дому правительства, поднялся на 9 этаж в приемную Валериана Османовича Кобахия — Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Сюда с утра переместился штаб Форума. Здесь находилось много разных людей, с жадностью накидывающихся на каждого пришедшего и в особенности приехавшего в надежде на получение какой-то информации. Но последняя была и скудна, и, главное, очень тревожна. …

Тем не менее, с наступлением темноты ничто, не нарушало тишины, и я, как и многие другие, уснул. Но был сон недолог — в третьем часу нас неожиданно подняли солдаты

спецназа, прибывшие из Москвы. С автоматами на «готовьсь» они предложили всем быстренько очистить помещение. Хотя это было, мягко скажем, неожиданное и не очень понятное действие…

Как мне рассказал руководящий операцией генерал-майор Е. М. Марков, она была проведена по поручению начальника Управления внутренних войск МВД СССР генерал-полковника Ю. В. Шаталина, которому поступили сведения о том, что на территории Совета Министров находятся люди, мешающие нормально работать, причем люди вооруженные, чуть ли не экстремисты. В действительности же солдаты обнаружили мирно настроенных людей, укрывающихся в здании Дома правительства от возможной напасти, в том числе десятка полтора женщин. Ни от Кобахия, ни от других, находившихся в Доме правительства членов Президиума Верховного Совета Абхазии никаких жалоб генералу на противоправные действия со стороны укрывающихся не поступало. Тем более Марков категорически возражает против возможности рассматривать этих руководителей республики как заложников у абхазцев… Ввиду позднего времени и невозможности обеспечения безопасности всем было разрешено остаться до утра в Доме правительства.

…Итак, хотя для всех была не очень понятна причина столь повышенного внимания подразделения спецназа именно к ним, но никто не возроптал — напротив, это была радость. Наконец-то прибыли те, кого так ждали, кто сможет обеспечить безопасность их близких, кто спасет их народ. Люди с улыбками отдавали свои палки — орудия самозащиты, и выходили на улицу. Вначале был приказ всем разойтись, но слава Богу, спустя несколько минут, поняв, какой опасности подверглись бы люди, выполнив это распоряжение, его отменили и разрешили переночевать все-таки в Доме правительства…».

***

Прибытие войск МВД СССР заметно взбодрило абхазов, несмотря на то, что в самом начале, они не могли разобраться в ситуации, и первые их силовые действия были направлены против абхазов, пытавшихся защитить корпус Совмина от гру-

зинских боевиков весьма примитивными средствами самообороны. Валериан Кобахия и Игорь Марыхуба и другие лица, старавшиеся обеспечить безопасность людей, разъяснили руководителю операции генералу Маркову, что находившиеся в правительственном здании люди действительно вынуждены в условиях безвластия взвалить на себя ответственность за порядок. 16 июля, с утра абхазы, всю ночь сохранявшие бдительность, находясь на площади Ленина, стали покидать ее организованно. Это была революция, но не в классическом ее понимании и универсальном значении, а в контексте философского осмысления, абхазская революция, нанесшая непоправимый удар по грузинской закостенелой унитарной системе. Абхазы показали, что не потерпят издевательства над собой, над своей историей и традициями.

Ретроспективный взгляд: и вновь о подробностях первой стычки

События перед первой школой разворачивались на моих глазах 15 июля. В сравнительно небольшом расстоянии от школы, в парке им. Руставели как бы в противовес мерам, предпринятым абхазами, собралось немалое количество грузин. Степень риска противостояния была крайне высокой. Поводом для столкновения стала попытка молодого абхазского художника и его друга сфотографировать (как бы для истории) грузин, собравшихся в парке. Отказ художника засветить заснятые фотокадры еще больше обострил конфликт, и толпа стала избивать «виновных». Информация об инциденте молниеносно долетела до участников акции перед первой школой.

Я видел, как молодые безоружные абхазы, доведенные до отчаяния бездействием властей и шабашем последних событий, вооружившись деревянными решетками, палками, камнями, и всем, что попадалось под руку, сломя головы побежали в сторону парка им. Руставели. Не могу не отметить, как наши ребята в отчаянии ломали ветки декоративных растений, чтобы сделать

из них палки, однако они плохо ломались, приходилось крутить их спиралью и буквально отрывать от сучьев. Я был очевидцем того, как молодые люди руками ломали длинные прутья арматуры «шестерка», лежавшие во дворе одного абхаза, который жил рядом со школой. Он собирался использовать арматуру для ремонтных дел, но увидев, что происходит вокруг, весьма хладнокровно произнес: «Ижәга, абаапс, акыр ишәыхәозар...Анцәа дышәхылаԥшааит, ҳаԥкәынцәа...» («Берите, ребята, берите… Да, поможет вам Господь!»).

В парке Руставели завязалась массовая драка, настоящий рукопашный бой, в результате которого грузины были отброшены к набережной Сухума. Они успели запастись огромным количеством камней и булыжников, привезенных на самосвалах и выгруженных прямо в парке, где были сосредоточены их силы. Вскоре началась настоящая каменная перестрелка. Попытки лидеров одной и другой стороны предотвратить прямое столкновение оказались тщетными. Камни, летевшие со стороны грузин в сторону абхазов, бумерангом возвращались обратно. Однако под ураганным натиском сотен абхазов грузины дрогнули и вновь решили спасаться бегством. Одни, как пишет Валерий Кварчия, бежали в сторону гостиницы «Рица» и «Брехаловки», другие — через р. Басла в сторону санатория ПВО, третьи — к Красному мосту.

Я не видел, чтобы силовые структуры своевременно (превентивно) предприняли бы хоть какие-то жесткие оперативные действия по упреждению и разводу сторон, участвовавших в массовом столкновении. Зато я слышал и видел, как спецслужбы и грузинская прокуратура устроили настоящие политические репрессии и судилище против абхазов по горячим следам июльских событий. Было заведено против них более 400 уголовных дел. Это был разгул размадзевского беззакония…

Помню, на перекрестке улиц Кирова (ныне, Ардзинба) и Пушкина увидел поэта Рушбея Смыра, который был в окровавленной белой рубашке, попросил меня помочь ему смыть кровь, чтобы не «засветиться» перед грузинскими «сыщиками». И мы с ним подошли к умывальнику в уборной (сзади здания Госфилармонии) и постарались тщательно смыть сле-

ды «преступления». Валерий Кварчия, очевидец июльских событий, пишет о том, что рядом с 10-й школой им. Н. А. Лакоба заметил среди наших ребят известного тренера Олега Лакрба с окровавленным лицом.

***

Воочию увидев происходящее, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь, я побежал к зданию Совмина, где до сих пор продолжалось заседание Президиума Верховного Совета в расширенном составе. Весь взбудораженный, я буквально вторгся в зал, где шло заседание и, не дожидаясь разрешения председательствующего, сообщил, что поздно принимать какие-либо решения, начались массовые столкновения… У меня создалось впечатление, что «прозаседавшиеся» еще не были в курсе резкого обострения ситуации.

Когда я вновь вернулся к школе, группы протестующих, решительно сметая все на своем пути, прорывались к зданию, где комиссия филиала ТГУ проводила «экзамены». Я видел многих ребят — смелых, дерзких, готовых жертвовать собой во имя независимости и свободы нашей многострадальной страны. Помню, как вдруг вихрем закружился над протестующими герой Абхазии Заза Зантария, и каким-то порывистым прыжком разъяренного барса перепрыгнул ограду школы и побежал к зданию. Я пытался сказать ему что-то вдогонку, но из того, что он крикнул мне в ответ, я запомнил слова типа: «Иазхоуп, чҳашьа амам уажәшьҭа...» («Все, мол, всякому терпению есть предел…»). Запомнил яростный взгляд Дамея Квициния, бежавшего в сторону школы. В этой суматохе пытался управлять процессами неумолимый и целеустремленный Лева Ачба.

Локальные столкновения начались в различных местах на улицах Сухума. Вечером абхазы по предложению лидеров «Аидгылара» достаточно организованно переместились на площадь Ленина (ныне Свободы). Предчувствуя опасность, люди вооружались «коктейлями Молотова», т.е. бутылками с зажигательной смесью на случай внезапного нападения грузинских боевиков.

Все мы ходили по этажам правительственных корпусов и собирали бутылки, опытные ребята учили других незамысловатой технологии изготовления этих примитивных средств самозащиты.

На площади было много невооруженных и незащищенных мирных граждан, в том числе женщин, пожилых людей. Игорь Марыхуба возглавил работу по постоянному информированию людей о ситуации в стране, о ходе событий, о мерах, предпринимаемых властями по организации доставки людей в более спокойные регионы республики. Позже на площадь прибыл руководитель Гудаутского района К.К. Озган, который ознакомившись с ситуацией, поднялся к В. О. Кобахия. Стратегию и тактику возможных действий в случае дальнейших провокаций, обсуждали между собой люди, находившиеся на площади. Поддерживали связь с людьми лидеры НФА «Аидгылара», его активисты. Да и сами участники акции преимущественно представляли районные и городские отделения Форума, успевшего за эти месяцы прочно внедриться в широкие прослойки абхазского общества. И в этом смысле, несмотря на крайнюю взвинченность ситуации, не было никакой стихийности в поведении массы. Люди не скрывали, что разгром очага ТГУ — это неизбежность, это горькие плоды грузинского национал-шовинизма. «Илаутцо ауп иааурыхуа» («Что посеешь, то и пожнешь...») — поговаривали участники акции протеста, находившиеся на площади, они не теряли бдительность.

Ткуарчалская взрывчатка сработала в час икс

Наиболее опасной провокацией со стороны грузин в ту ночь стала их дерзкая, но неудачная попытка совершить вооруженное нападение на абхазов, находившихся на площади Ленина. Ориентировочно в 21.30 около тысячи грузинских боевиков (в основном сванов) направилось со стороны улицы Чавчавадзе (ныне Гулиа) в сторону площади, куда уже стеклось более 10 тысяч абхазов, среди которых было немало женщин, — участниц национально-освободительного движения.

Вооруженную колонну возглавляли тяжелые грузовые машины с пулеметами на козырьке (с экстремистами, выкрикивавшими фашистские призывы). Однако группа предусмотрительных ткуарчалцев, успевших запастись достаточно мощными взрывными устройствами (видимо, жители прославленного шахтерского города заранее смогли спрогнозировать резкий и неожиданный поворот событий), своевременно, четко и профессионально применила их, вывела из строя одну из шедших впереди автомашин. Эффект взрыва ткуарчалского аммонала вызвал панику, и он оказался таким ощутимым, что агрессивно настроенная толпа была обращена в бегство. А о паникерстве и робости нашего заингурского супостата, лишь внешне способного изображать из себя бравого храбреца, в свое время в поэме «Демон» как нельзя лучше сказал великий М. Ю. Лермонтов:

И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины –
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

Думаю, ткуарчалцы, сумевшие хорошо замаскироваться и в чрезвычайно сложных условиях доставить в столицу необходимые взрывные устройства, тем самым обезопасив абхазов от вооруженной грузинской провокации, чреватой не малыми жертвами, — настоящие герои. Пройдет безвременье, муть от политической неразберихи понемногу осядет и о героях 1989 года, я уверен, наши писатели, историки напишут достойные книги. Однако предотвративших настоящую трагедию ткуарчалских ребят долго еще преследовала размадзевская карательная система, устраивая им нескончаемые допросы… Судя по книге академика В.Е. Кварчия «Из истории национально-освободительного движения абхазского народа 1967-1992 гг.» в подготовке операции по предотвращению опасного замысла грузинских экстремистов участвовали: С. Гварамия, В. Агрба, Т. Пипия, В. Гварамия, С. Дочия, Ш. Гемуа, А. Гемуа, В. Хинтба, Н. Багателия, В. Пипия, В. Седвар-Оглы, С. Сангу-

лиа, С. Гогуа, А.Черкезия, М. Качабаа, Н. Качабаа, Д. Чхетия, Р. Джелия, О. Тарба, В. Лазариа и др. Наиболее достоверной В.Кварчия считает версию о том, что услышав по разным каналам о готовящейся провокации, группа ткуарчалцев прорвалась через грузинские пикеты в Сухум, запасаясь необходимыми взрывными устройствами.

***

Однако решительные и глубоко продуманные действия ткуарчалских патриотов не смогли окончательно упредить разгул грузинского бандитизима. Другая группа боевиков, контролировавшая Красный мост и прилегающую к нему территорию, продолжала бесчинствовать. Она захватила здание кинотеатра «Апсны», установив над зданием флаг меньшевистской Грузии того грузинского правительства, которое учиняло террор и кровавую расправу над мирным абхазским населением еще в 1918 году. Были предприняты неудачные попытки захвата оружия в МВД и КГБ. Помню, как вооруженные грузинские боевики демонстративно разъезжали по центральным улицам Сухума, размахивая своими фашистскими флагами. То и дело для «устрашения» абхазов, бряцая автоматами и пистолетами… Порой мы недоумевали от того, что на митингах и шествиях, грузинские неформалы мотали невероятным множеством разноцветных и разноперстых флагов. Видимо, у каждой партии (а их невозможно было сосчитать), был свой какой-то особый флаг, какая-то непонятная разновидность того главного «багрово-кизилового»…

15 июля, в позднее время вооруженные пикетчики остановили на Белом мосту автобус с кутолцами, ехавшими в Сухум, для поддержки протестующих абхазов. Боевики (среди них были не только сваны, но и мингрелы) ворвались в автобус, вооруженные пистолетами, ружьями и автоматами. В результате столкновения были тяжело ранены многие безоружные абхазы, подвергнуты зверской расправе братья Нури и Иван Ласуриа. Отправка тел погибших братьев Ласуриа и Альберта Кобахия (из с. Баслаху) в их родные села была сопряжена с неимоверными трудностями. Дело в том, что трасса

Сухум-Очамчыра контролировалась теперь уже грузинскими пикетчиками. Не было никакой гарантии, что они не нападут на тех, кто сопровождает тела погибших. Воздушным путем — тоже не получилось. Командир вертолета, прибывший по требованию руководителя республики В. О. Кобахия, отказался исполнять приказ о доставке тел, кощунственно и цинично мотивируя свой отказ национальной принадлежностью погибших. Даже в такой ситуации, когда, казалось бы, элементарный этикет и нравственность должны возобладать над любыми политическими пристрастиями, «жрецы» грузинской псевдонациональной идеи не испытывали угрызений совести. В итоге пришлось везти покойников морским путем. Народный поэт Абхазии, академик М. Т. Ласуриа, очевидец тех печальных событий, достаточно достоверно представил ту картину в романе в стихах «Отчизна»:

Продолжу речи прерванную нить:
Мы морем шли убитых хоронить…
Восемьдесят девятый год, июль,
Семнадцатое. От злодейских пуль
Погибшие — оплаканы с тоской.
На площади — центральной, городской
— Положены их мертвые тела.
Вот день прошел, а вот и ночь прошла.
И снова день, а после — снова ночь.
Как передать их близким, чем помочь?..
Сказали нам: мингрелы там и тут,
Пикеты их пройти вам не дадут.
Ружье и автомат — закон для них
— Ни мертвых не жалеют, ни живых…
«Унизят вас они, потом — убьют!
— Придется поискать иной маршрут!»
— Так говорили все, кто в курсе дел
И кто о деле искренне радел.
Мы ждали, что отыщут вертолет.
Но нет! И вдруг сказали: катер ждет.
Кобахия устроил. Верный друг!
И вот плывем — глухая ночь вокруг.
Тут ливень хлынул, точно из ведра,

Качало и штормило до утра.
И волны норовили по пути
Носилки с мертвецами унести.
Рауль и я, чтоб ветер не свалил,
Держались вместе из последних сил,
И в этот мрачный, безысходный час
Рыданья в темноте душили нас.
…Все в саванах, от головы до пят,
Перед глазами мертвые стоят…
Их не забыть, пока гляжу на свет,
Иначе — то ли жил я, то ли нет.
Пусть будут горечь, оскорбленья, боль,
Но ты терпи и выдержать изволь!..
Тамыш и Очамчыра — где-то там,
Мы тайно подошли к родным местам.
Причалили беззвучно, как смогли,
Навстречу нам — послы родной земли.
И вот несем покойников домой
— Сквозь заросли, колючки
— Боже мой! Вот, наконец, — Кутол и отчий дом…
Здесь каждый слезы сдерживал с трудом.
По ритуалу — что других старей!
— Двух предали земле богатырей
И разошлись… Не плакали — нет сил…
Но каждый жажду мести уносил.
(Перевод Натальи Ванханен)

***

Фактическое самоустранение власти привело к господству террора и насилия. В Сухумском аэропорту был демонстративно расстрелян ответственный сотрудник авиапредприятия, офицер Алексей Когония, воспрепятствовавший попыткам грузин не допустить посадку самолетов, прибывавших со спецназом МВД СССР. Еще одним опасным очагом терроризма стал район Сухумской ж/д. станции. От тяжелых ранений, полученных в ходе перестрелки, завязавшейся в районе столичного ж/д вокзала, скончался в больнице Беслан Чкотуа. Жертвой разгула преступности и экстремизма стал Валерий Аргун, отказавшийся доставлять на своем автобусе грузин-

ских пикетчиков в Сухум. До сих пор остаются не раскрытыми обстоятельства огнестрельного ранения многих абхазов, выступавших против произвола и насилия. Грузинской прокуратурой, отличившейся в тот период особой кровожадностью, был обвинен в причастности к боестолкновениям и брошен за решетку.

В районе столичного вокзала также вступили в ожесточенную схватку с экстремистами и бандгруппами А. Шакрыл, М. Квициния, М. Дзидзария, С. Анкваб и другие бесстрашные защитники Отечества. В числе активистов «Аидгылара», жестко противостоявших бандгруппам, были Андрей Кварандзия (администратор Госансамбля), а также сотрудник МВД Нугзар Шоуа, оказывавший в дни июльской трагедии необходимую помощь главной редакции Абхазского телевидения в изучении фактов, связанных с теми кровавыми событиями. Об этих людях, сыгравших заметную роль в национально-освободительном движении, пишут изредка и весьма эпизодично, но, не сомневаюсь, что придет время, когда еще вспомнят о них. Мы еще вернемся к драме, психологически подготовившей наш народ к еще более опасному развитию событий. Почти все упомянутые воины Абхазской народной гвардии, зарождавшейся в атмосфере грузино-абхазского противостояния 1989 года, были подвергнуты уголовному преследованию и арестам. Уцелевшие от них с оружием в руках вступили в схватку с грузинскими агрессорами в августе 1992 года.

***

Я видел, как некоторые молодые абхазы, раздобыв оружие, подходили к местам скопления вооруженных грузин из Шромы и Каман и другие сел Сухумского района. Перестрелки шли за эстакадой у ж/д платформы «Гума». Жестко, ответными выстрелами реагировали абхазы на провокации и попытки грузин прорваться в город. В их числе был Степан Зантария (Герой Абхазии), который уговорил-таки сотрудника милиции (абхазской национальности) дать ему хоть на время воспользоваться автоматом. Все это я видел своими глазами. В те дни,

в защиту борцов за законность и справедливость, решительно встали сотрудники милиции Амиран Гуния, Валерий Делба, Вахтанг Гвинджия, Валерий Зухба, также привлеченные к уголовной ответственности грузинскими спецслужбами. Действовала хладнокровно и мужественно группа Адгура Харазия, сумевшая обеспечить захват оружия и боеприпасов с военного склада Эшерской олимпийской базы. Многие участники этой акции также были осуждены и отбывали разные сроки в грузинских тюрьмах.

На стражу мирного населения встали представители гудаутского, сухумского и других отделений МВД. Единоличное решение о выдаче оружия гудаутским милиционерам взял на себя зам. начальника райотдела ВД В. Х. Смыр (стал во время Отечественной войны народа Абхазии легендарным комбригом). Следует отметить, что в ту ночь (с 15 на 16 июля) в целях поддержки абхазских повстанцев, из Гудауты направилась группа вооруженных абхазов под командованием Д. Тванба и Г. Асабуа, будущих героев грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. Отряд прибыл в Нижнюю Эшеру, преодолев заслоны грузинской милиции, он намеревался прорваться к площади Ленина. Однако вынужден был подчиниться приказу войск Шаталина, поздней ночью приступивших к блокировке столицы Абхазии, в целях предотвращения эскалации напряженности.

За участие в июльских событиях грузинская прокуратура возбудила уголовные дела против З. Агрба, Т. Еник, Г. Аргун, М. Пачалия, З. Агрба и многих других патриотов, действовавших в те суровые дни решительно и исключительно в интересах защиты своего народа.

В октябре 1989 г. в Абхазии был создан забастовочный комитет во главе с Артуром Конджария и Ильей Гамисония. Вся Абхазия была охвачена мощной забастовочной волной. Акции голодовки начались в Гудауте, Пицунде, Очамчыре. В их поддержку объявили сидячую забастовку в шахтах ткуарчалские шахтеры. Бастующие требовали от высшего политического руководства СССР объективной оценки июльских событий, передачи уголовных дел союзной Генпрокуратуре, окончательной отмены распоряжения по созданию филиала ТГУ в Абха-

зии. Из Сухума в Москву отправлялось множество телеграмм, писем, обращений. Было решено командировать в Москву делегацию забастовочного комитета. В нее вошли В. Гварамия, Л. Сакания, И. Гамисония, А. Капба, З. Бутба, М. Эшба, В. Ломия. Посланцы Абхазии встретились в Москве с народными депутатами СССР В.Ардзинба, Б. Адлейба, Р. Аршба, первым секретарем обкома В. Хишба. Абхазское телевидение и радио продолжали освещать эти события. Сохранилось немало уникальных кадров, запечатлевших акции голодовки и связанные с ними сюжеты.

***

Почти все сотрудники МВД, подвергшиеся жестким репрессиям за то, что они поступили по долгу совести, в лихую годину грузино-абхазской войны проявили чудеса храбрости на поле брани. Вот так 1989 год стал своеобразным политическим и боевым ристалищем, на котором ковался дух будущих бойцов и командиров Абхазского сопротивления.

15–16 июля была организована массовая отправка людей в Гудаутский и Очамчырский районы (по шоссейной дороге и морским путем). Некоторых жителей Очамчырского района сначала пришлось отправить в Гудауту из-за пикетирования трассы в восточной части Абхазии. Ответственность за безопасное возвращение людей в свои районы в основном легла на плечи В. Кобахия, К. Озган, С. Багапш и других руководителей при поддержке лидеров НФА «Аидгылара». Видимо, эта история заслуживает отдельного журналистского расследования. Были попытки грузинских спецслужб пришить людям, добиравшимся до мест своего проживания на каботажных судах, перевозку оружия, в частности, израильских автоматов типа «Узи», насколько я помню, заводились уголовные дела и по этим надуманным версиям. Разговоры об этом выплеснулись и в прессу того периода. Будучи парламентским корреспондентом АТВ в Верховном Совете СССР, при помощи народного депутата СССР, генерала Бориса Громова (знаменитого афганца), мне удалось записать интервью с начальником глав-

ного оперативного управления КГБ СССР, полковником Сахаровым, полностью опровергавшим эти грузинские домыслы. И эта видеозапись, как весьма актуальная, была передана в эфир Абхазского телевидения в то время, когда тема переброски оружия из Сухума в Очамчыру достаточно изощренно рассусоливалась грузинскими СМИ. Как ни парадоксально, в это время в Пицунде, в пансионате «Литфонд» им. Д. И. Гулиа отдыхал знаменитый поэт Андрей Вознесенский, который весьма утонченно отразил в своем стихотворении тревожные отголоски абхазского восстания 1989 года:

Абхазия — как Ориноко,
Зеленая на голубом.
Гуляет парень одинокий,
Что ищет он в краю родном?

Его не занимают музы.
Что он ищет, золотой?
— Автомат системы «Узи»,
будто в «Узи» есть покой.

Из воспоминаний Виктора Попкова:

Было уже около часа ночи. Абсолютно безлюдные и безмашинные улицы. Но вот, выйдя на улицу Ленина, я увидел в дальнем от меня ее конце, упирающемся в железнодорожную станцию Бараташвили, какое-то скопление машин и народа, время от времени слышались выстрелы и даже автоматные очереди. Это были абхазцы. Вооруженные палками и охотничьими ружьями, они сгрудились в ожидании нападения на них со стороны. Силы охраны общественного порядка олицетворяло с десяток сотрудников бойцов в милицейской форме, частично вооруженных автоматами. Время от времени они давали предупредительные очереди в небо. Но были и опасные выстрелы с той стороны железной дороги, были раненые… К моему появлению, понятно, отнеслись настороженно: «Что нужно это-

му русскому здесь, почему он лезет под пули?» Но, узнав, что я журналист, отнеслись с пониманием, только старались, чтоб без толку не подставлялся под выстрелы…».

***

Не могу забыть, как в те дни мужественно и хладнокровно действовал Гиви Камугович Агрба, насколько помню, возглавлявший один из важных отделов МВД. Служебное положение сковывало его, он не мог открыто поддерживать в этой ситуации абхазов, спецслужбы отслеживали таких людей, чтобы занести их в черные списки, обвиняя в разжигании межнациональной розни. Однако Гиви Камугович, несмотря на высокий риск, как бы скрыто предпринимал меры по защите абхазского населения.

Я был очевидцем разговора, который поздней ночью (с 15-го на 16-е) он вел с некоторыми лидерами «Аидгылара» в здании, где, по всей видимости, меньше было подозрений на прослушивание. Он сказал нам, что в Новом районе, где проживает больше абхазов, грузины намерены учинить им кровавую расправу. И поэтому надо принять общими усилиями какие-то контрмеры по защите мирных граждан. В то время, когда он нам говорил об этом, полковник вместе с некоторыми сослуживцами смог подтянуть к Новому району группу вооруженных эшерцев. (Возможно имелась в виду гудаутская группа, находившаяся в Эшере). И они маскируются в районе табачных плантаций колхоза Гумиста. При первом же сигнале о попытках грузин напасть на новорайонских абхазов, эшерцы успеют упредить эти действия. Есть у них и своя маленькая разведка. Помню, Гиви Камугович говорил нам обо всем этом охрипшим голосом. Видимо, от постоянной нервозности, бессонных ночей и напряжения. Он же смог организовать силами самообороны людей, находившихся на площади Ленина, подобрав для этого физически подготовленных ребят, защиту мирных граждан. Полковник, как опытный офицер и командир знал, как это сделать, и какую форму этой самозащите придать. Действовал насколько возможно нелегально. Хотя после июльских событий 1989 года

когда началась чистка кадров, Гиви Камугович подвергался политическим преследованиям так же, как и ряд других сотрудников правоохранительной системы, осмелившихся прямо или косвенно защитить мирных граждан. Он фактически вынужден был уйти из системы МВД Абхазии, и работать в отделе безопасности СФТИ под непосредственным управлением МВД СССР. О легендарном пути, который прошел боевой генерал во время Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. знают многие. Я брал интервью у Гиви Камуговича, и он приоткрыл мне малоизвестные закулисные стороны некоторых событий, связанных с передачей Абхазии оружия и военной техники ОМОН МВД СССР, дислоцировавшимся на территории нашей страны до 1992 года. Генерал действовал в тесном контакте с Владиславом Ардзинба, создавшим своим смелым и беспрецедентным для той ситуации решением Полк внутренних войск, принявший первый удар грузинских агрессоров в августе 1992 года.

***

Грузинские спецслужбы и Генпрокуратура по горячим следам июльских событий (1989 год) устроили настоящее судилище над лицами абхазской национальности. Для грузин, участвовавших в столкновениях, она придумывала смягчающие обстоятельства. При таком явно предвзятом расследовании дел и фактическом бесправии абхазской правоохранительной и правозащитной системы, получавшей прямые указания из Тбилиси, единственным способом защиты людей, преследуемых грузинскими спецслужбами, являлись обращения лидеров НФА «Аидгылара» и народных депутатов СССР от Абхазии в высшие судебные инстанции. И наиболее тяжкое бремя этой каждодневной работы ложилось на плечи В. Г. Ардзинба, который порой заручался поддержкой не только абхазских соратников, но и депутатов от других республик, входивших в парламентский подкомитет по правовому статусу бывших автономий. Вот один из фрагментов подобного обращения:

Председателю Верховного Суда СССР тов. Смоленцеву Е. А. 1990, май.

Уважаемый Евгений Алексеевич!

Вынуждены обратиться к Вам в связи с исключительными обстоятельствами, складывающимися вокруг рассмотрения уголовных дел, связанных с событиями в Абхазии 15–16 июля 1989 г. Ситуация такова, что наша республика вновь может оказаться на грани межнационального конфликта. Как Вам известно, Верховный Совет СССР не дал политической оценки событиям в Абхазии, не установил правых и виноватых. Эту задачу взяли на себя грузинские правоохранительные органы и суд. О какой объективности и всесторонности можно говорить, если предварительное расследование по делам абхазцев проводила заинтересованная сторона. Выводы такого «следствия» были очевидны еще до его начала…

Поводом для такого письма послужило заведомо необъективное расследование дела Гвинджия и Зухба.

И в заключительной части депутатского обращения выражалась очень важная для того времени просьба:

«Просим Вас взять на контроль уголовные дела по обвинению лиц абхазской национальности в связи с событиями 15–16 июля в Абхазии, передать их в любой из судов, за исключением судов Грузинской ССР…»

Примечательно, что документ был подписан В.В. Кобахия, народными депутатами В.Ардзинба, Р. Аршба, Ц. Нимбуевым, В. Хугаевой.

А сколько писем, обращений, депутатских запросов было направлено и в Генпрокуратуру СССР, и в другие надзорные органы по делу В. Гурджуа и Д. Шларба. Думаю, эта переписка могла бы стать важнейшим подспорьем для отдельного исследования событий 1989 года. Чтобы глубоко осознать, осмыслить нынешнюю политическую ситуацию в Абхазии, весьма полезно воспроизвести в памяти то, что происходило с нами хотя бы в конце 70-х и 80-х годов. Пренебрежение исторической памятью — симптом равнодушного отношения к своему будущему.

Абхазское телевидение и радио — перевалочный пункт журналистов центральных СМИ

В те дни Абхазское телевидение и радио превратились в настоящий штаб для журналистов. Они прибыли из Москвы и других городов на вертолетах (Сухумская погранзастава на Маяке), а затем ехали прямо к нам на телевидение. Некоторых удавалось с трудом разместить в гостиницах так как не все гостиницы работали из-за обострившейся ситуации. Другим мы организовывали ночлег прямо в редакционных помещениях. Здесь же, на своей сымитированной редакционной кухне мы готовили обеды и ужины гостям. Наши сотрудницы, проживавшие в столице неподалеку от телецентра, иногда приносили из дому горячие блюда, ну а иной раз — что-нибудь из наспех состряпанного.

Помню, с первых же дней опасного развития событий приехал к нам корреспондент радиостанции «Маяк» Леонид Лазаревич. Один за другим прибывали корреспонденты Центрального телевидения, на экране которого появилась заставка «На горячих точках СССР» и все новости начинались с Абхазии. Мы не сомневались, что информация о событиях в нашей стране подвергалась строгой цензуре. Люди Шеварднадзе давно уже были внедрены во все структуры, в том числе и в службы государственных СМИ. Я знал, что в то время в главной редакции информации ЦТ «Время» пост заместителя гл. редактора занимал Ольвар Какучая, сын генерала госбезопасности Варлама Какучая, который в период репрессий был наркомом — руководителем НКВД Абхазии, главного репрессивного органа… Многоточие, я думаю, говорит само за себя. Позже О. Какучая стал главным редактором главной редакции информации, директором студии «Публицист» на РГТРК «Останкино». В те времена он слыл «демократом и прогрессивным журналистом» в советском медиа-пространстве, но следы его цензурных «ножниц» в материалах, касавшихся грузино-абхазского конфликта, были достаточно узнаваемыми. Телерепортеры, спецкоры, непосредственно на месте убеждавшиеся в истин-

ных причинно-следственных мотивациях происшедших здесь событий, старались быть насколько возможно беспристрастными в освещении темы. Находясь с ними рядом чуть ли ни каждый день, мы видели стиль и характер подачи информации, однако в конечном итоге продукция шла в эфир значительно видоизмененной, особенно в той части, где хоть как-то, даже в завуалированной форме раскрывалась объективная история Абхазии, абхазского этноса. Ну и мы, в меру своих возможностей, старались весьма деликатно «просвещать» наших московских коллег. Лично я приносил им из дому книги профессоров Г. Дзидзария, Ш. Инал-Ипа, Ю.Воронова, Б. Сагария, С. Лакоба и других, чтобы хотя бы в вечернее время, когда журналисты могли немного расслабиться, они ознакомились с нашей подлинной (а не заведомо грузинифицированной) историей. Позже стал замечать, что наш «ликбез» пошел им на пользу. Леонид Лазаревич, например, отправляя свои репортажи из студии Абхазского радио, на «Маяк», изощрялся хотя бы метафорическими выражениями выразить свое непредвзятое отношение к абхазским событиям. Если его первая фраза начиналась со слов «день и ночь в Абхазии» и далее следовала оценка событий, то даже по интонациям и расстановке акцентов можно было догадаться, где правда, а где ложь. Большого информационного прорыва достичь мы не могли, но работали по принципу капля камень точит.

В дни информационного голода мы приглашали к себе в студию многих известных ученых, журналистов, общественных деятелей. Каждый из них старался хоть как-то приободрить наших граждан, которых грузинские спецслужбы, партийные чиновники, в тесном взаимодействии с неформалами, стали открыто преследовать, увольнять с работы по надуманным политическим мотивам. Одним из первых к нам в редакцию явился доктор исторических наук, известный археолог (позже политик) Юрий Воронов, рассказавший в своем телевизионном выступлении о том, как грузинские экстремисты обстреляли его на Ясочке, в Доме-музее, где жили его знаменитые предки. Он в подробностях говорил о том, как они бес-

чинствуют в Гулрыпшском районе. Сразу после выступления известного историка к нам в редакцию стали звонить люди, благодарные ему за смелость, правдивость, принципиальность в оценке происходивших событий. Вскоре мы пригласили в студию историка Миру Инал-Ипа-Хотелашвили, чей экскурс в глубокую историю и этнографию Абхазии был также тепло воспринят телезрителями. На фоне очернительства и оскорбительных выпадов против абхазов со страниц тбилисских газет и экрана грузинского телевидения подобные телебеседы с участием наших ученых и деятелей культуры имели тогда неоценимое морально-психологическое значение.

С очень интересными, квалифицированными сообщениями выступали Валерий Кварчия и Темур Ачугба, Гурам Гумба и Ирина Агрба. Но все равно восполнить информационный дефицит нам было крайне затруднительно. Помню, каким уникальным и сенсационным оказалось выступление по Абхазскому телевидению академика Джорджа Хьюита, находившегося в те дни в Очамчыре, у родственников. Несмотря на неспокойную обстановку на трассе, он смог, по нашей просьбе, приехать в Сухум. И самое интересное в том, что он выступил на грузинском языке и опроверг лживые доводы и манипуляции грузинских ученых по ряду вопросов. И все эти передачи Абхазского телевидения очень оперативно переписывались грузинскими телевизионщиками (телевизионный шпионаж) и вырванные из контекста фрагменты они комментировали весьма произвольно в угоду своим кураторам. Но и мы за эти месяцы информационного противоборства изрядно поднаторели в подготовке достаточно обоснованных и хлестких ответов на любые их фальсификаторские ухищрения и претенциозные выпады. Позже, когда стала выходить газета НФА — «Аидгылара» (Единение), наши возможности заметно расширились. Мы могли сослаться на высоко квалифицированные газетные публикации абхазских ученых на тему взаимоотношений Грузии и Абхазии.

В плане защиты нашей отечественной истории, и наших абхазских духовных ценностей сыграло значительную роль интервью с профессором Георгием Турчаниновым, автором

гипотезы о протокавказской (ашуйской) письменности (письмена древних абхазов, абазин и убыхов).

Эта пространная телебеседа с видным учеником академика Н. Марра была передана по Абхазскому телевидению. Насколько помню, подготовкой телепередачи и ее съемками занимался режиссер Амиран Гамгия, которому помогал, представитель ленинградского абхазского землячества, художник Г. Дарсалия.

Я хорошо помню, как лидеры НФА «Аидгылара» накануне июльских событий (то есть в начале июля 1989 года) посоветовали нам пригласить в студию Нугзара Джоджуа, мегрела, человека, занявшего в те суровые дни весьма объективную гражданскую позицию и осуждавшего антиабхазскую истерию, развернутую грузинскими неформалами и грузинскими СМИ. Выступление Нугзара вызвало широкий резонанс. Хоть и не историк, а инженер, говорил он достаточно компетентно и убедительно. Он честно и открыто говорил с экрана Абхазского телевидения о том, что история мегрелов практически «вычеркнута» из исторической науки, несмотря на то что в хроникальной летописи «Жизнь картлийских царей» этот этнос значится как самостоятельный. В адрес Нугзара Джоджуа стали раздаваться угрозы. Увы, такова природа «грузинской демократии». Любое мнение, не совпадающее с их установками, приравнивается к ереси, подвергается жестким инквизиционным преследованиям.

Когда в Сухуме пролилась кровь, миротворческую позицию занял известный спортсмен Васо Радимашвили, в его словах и мыслях чувствовалась симпатия к абхазам, абхазской истории, этикету, традициям. То есть, он достаточно принципиально, но мудро, убедительно, в сдержанных тонах защищал интересы Абхазии в психологически тяжелые для нее дни. Вспоминая о нем, известный публицист, писатель Виталий Шария пишет: «Но словно сейчас вижу его — плотно сбитого мужчину с седеющей бородой, который лет двадцать назад, поднявшись на трибуну, если мне не изменяет память, съезда Народного форума Абхазии «Аидгылара», чеканил точные и емкие слова, объясняющие, почему он, грузин, солидарен с лидерами абхазского на-

ционального движения. От него исходили сила и уверенность. Запомнилось еще, как, заговорив о Всевышнем, о высших силах, он плавно поднял голову к небу — и это выглядело отнюдь не картинно, а очень органично…».

Выступление Васо Радимашвили по Абхазскому телевидению стало знаковым, событийным. Мы у себя в студии по нескольку раз смотрели видеозапись беседы с ним еще до официального показа. Мы восхищались им. Бывая часто в Тбилиси, знаменитый тренер по тяжелой атлетике, мастер спорта СССР и там прямо в лицо говорил своим соплеменникам, что «Абхазия — это не Грузия!» На фоне продолжавшегося шовинистического мракобесия, общество начинало верить в то, что и среди грузин есть люди честные, здравомыслящие, готовые отстаивать справедливость, несмотря на политическое давление и нажим.

***

Именно в тот сложный период очень весомо и масштабно зазвучали по Абхазскому телевидению и радио слова выдающегося писателя, сына основоположника абхазской литературы Георгия Гулиа, вспоминавшего в своем обширном интервью годы сталинских репрессий, уничтожения цвета абхазской интеллигенции, политической элиты. По моей личной просьбе в Москву для подготовки видеозаписи беседы Георгия Дмитриевича срочно выехал его сын, известный журналист Георгий (Жорик) Гулиа, уже тогда сотрудничавший с Абхазским телевидением и радио.

К нам в студию приходили известные государственные деятели Важа Зарандия и Рафаель Аршба, слова которых были проникнуты идеей необходимости начала диалога, недопущения дальнейшего разрастания конфликта. Я не могу в деталях воспроизвести их мысли, но они были восприняты обществом весьма позитивно.

Мы с Шамилем Хусиновичем Пилия начинали каждый рабочий день с обдумывания того, чтобы еще сделать такого, чтобы не дать исказить, обезличить нашу историю. Мы чув-

ствовали, что абхазы готовы терпеть все невзгоды, и недопуск на работу, и моральные, и физические оскорбления, но больше всего их угнетало опошление истории, культуры, их самобытности. Однажды я решил связаться Нателлой Джичаевой, старшей сотрудницей Дома-музея Д. И. Гулиа, и попросить ее выступить с комментариями писем Дмитрия Гулиа Ворошилову и Хрущеву в трудные для абхазов времена. Я знал, что сохранились рукописи этих документов. И мы смогли достаточно оперативно подготовить и пустить в эфир эти материалы и комментарии к ним. Чувствовалось, как люди трепетно и бурно реагировали на любые такие выступления, выводившие общество из мрака, в который нас ввергли горе- теоретики «сверхисключительности и избранности» грузинской нации и те, кто в шовинистическом угаре пытался воплотить эти сумасбродные идеи и замыслы.

Колоссальную работу по освещению событий 1989 года продолжало вести Абхазское радио. Тон информационному противодействию грузинским СМИ задавали известные радиожурналисты С. Адлейба, К. Герхелия, Е. Бебия, В.Хашба, В. Капба, О. Лакрба и другие.

Наши редакционные портфели понемногу стали пополняться материалами из пресс-центра «Аидгылара». Штаб НФА направлял к нам людей, подвергшихся нападению грузинских боевиков, незаконно снятых с работы. «Аидгылара» смогла в тот период организовать колоссальную работу по защите сотен людей, незаконно преследуемых грузинской прокуратурой. В защиту их прав выступали Сергей Шамба, Зураб Ачба, Натела Акаба, Якуб Лакоба, Темур Ачугба, Нелли Тарба, Мери Инапха, Люся Аргун и многие другие. Всех вспомнить невозможно. Нас поддерживали Феня Авидзба, Валя Лакоба, Люба Ашуба, Ульяна Адлейба и другие. НФА «Аидгылара» долго и усердно работал над сбором множества фактов, связанных с трагическими июльскими событиями. Это было самостоятельное и независимое журналистское расследование, возглавляемое известным общественным деятелем Нури Акаба. Материалы были обнародованы, многие вещи позже опубликованы в газете «Единение» («Аидгылара»).

***

Однажды к нам в редакцию пришел кандидат сельскохозяйственных наук, известный ботаник, селекционер Калистрат Вардания. Он пришел на телевидение, чтобы рассказать в подробностях о том, как на него напали грузинские боевики, когда он находился дома. Мы передали в эфир все его выступление. Ученый раскрыл националистическую суть политики, направленной против абхазов. Проводники этой политики оскорбляли абхазов (даже и вовсе не причастных к конфликту) только потому, что они абхазы.

15 июля к нам в редакцию вместе с оперативниками войск Шаталина явился подполковник МВД Абхазии (позже участник войны, Герой Абхазии) Артур Читанаа. Они привезли с собой троих пожилых мужчин (абхазов), чудом уцелевших от неминуемой гибели. Фамилия одного из них — Чама Иаджевич Гергия. Ирония судьбы в том, что возвращаясь к себе домой (в Очамчырский район) мужики попали в руки грузинских боевиков и местных, воинственно настроенных жителей, пикетировавших трассу в районе Кяласура. Угрожая оружием, их загнали в рефрижератор фургона, направлявшегося из Грузии в Россию. И если бы не профессиональные действия краповых беретов, наши старички могли умереть от обледенения. Пикетчики были в мгновение ока обезоружены, а несчастные жертвы их произвола — взяты под надежную охрану…

В те дни в Абхазии находился Виктор Попков, готовивший журналистское расследование о июльских событиях для журнала «Огонек», и вот как он 17 июля смог задокументировать произошедшее у въезда в Сухум:

«Старик был явно в шоковом состоянии от пережитого (речь идет о Чаме Гергия), слушать его было трудно, но самая существенная часть из поведанного им выглядит так:

— Когда я направлялся со своим сыном и тремя племянниками домой в Кутол, наши машины были остановлены у села Келасури — это рядом с Сухумом — толпой грузин. Где-то 300–400 человек были там, и старики, и женщины, вооружены палками, кинжалами. Потребовали, чтобы мы вышли из

машины, отобрали документы, стали угрожать. Затертый толпой, сына с племянниками сразу потерял из виду, исчезли и машины. Были в этой толпе и сотрудники милиции, человек 15, офицеры с автоматами. Они наблюдали, но не вмешивались. Вдруг с удивлением среди них вижу знакомое лицо начальника ГАИ Абхазии подполковника Анджапаридзе.

— Он что, был в форме?

— Да, конечно, как и все остальные милиционеры. Говорю ему, мол, ни в чем не виноват, прикажите отпустить, вернуть документы, машины… Анджапаридзе документы велел вернуть, а машину, сказал, получу завтра в ГАИ. Сказал и куда-то скрылся, а мне не только не вернули документы, а засунули меня с угрозами пропороть кинжалами брюхо в рефрижератор.

Так где же наши власти, когда наши сотрудники милиции находятся вместе с такими грузинами, когда они вместе действуют? Почему абхазцев ловят и сажают?

Спустя какое-то время ко мне в рефрижератор посадили еще троих абхазцев, а затем еще двоих. Всего нас оказалось шестеро, и только случай спас нас. Я немного понимаю по-грузински — слышу шум: «едут, едут». Смотрю в щелку — эти быстро прячут оружие. На нас, оказывается, наскочили русские солдаты (из частей спецназа). Когда они проходили мимо, я закричал: «Советские солдаты, спасайте нас, невиновные сидят!» Один солдат услышал, заглянул, и нас освободили. Мы уехали с солдатами, но чтоб задержали кого-нибудь из этих людей я не видел… Ох, остался я жив, но лучше бы меня убили! Зачем мне эта старческая жизнь, когда нет моего единственного сына, моих племянников?

Вот такой возмутительный случай. Имел я возможность почувствовать отношение милиционеров-грузин, причем офицеров, к абхазцам и непосредственно. Когда я пришел для получения информации в МВД Абхазской АССР между мной и офицерами милиции, стоявшими у входа, нечаянно разгорелась небольшая дискуссия. Началось все с проверки документов и с обвинений в адрес «Огонька», лично Коротича, позиция которого якобы породила эту ситуацию, который в каждом номере журнала дискредитирует грузинскую нацию. Я сперва опешил,

но потом сообразил, что речь идет, по-видимому, о материалах, разоблачающих культ личности Сталина, и сказал, что в этом случае и «Покаяние» — антигрузинский фильм. «Безусловно», — подтвердили мои оппоненты. Далее мне долго объясняли, что грузины находятся в окружении исламского мира, который в течение столетий силится поглотить их — азербайджанцы, осетины, абхазцы окружают их со всех сторон. Возмущались, зачем мы, русские, лезем в их дела, не лучше ли бы мне сидеть дома в Москве, чем писать разжигающие национальную рознь статьи и так далее…».

***

Для наших очамчырских стариков мы приготовили скромный ужин, дали им отогреться. И затем попросили их рассказать о подробностях случившегося. Видимо, и Виктору Попкову удалось записать беседу с Чамой Гергия в тот вечер, в нашей главной редакции. На второй день под охраной войск Шаталина, совершавших рейды в Восточную часть Абхазии, мы отправили домой наших «гостей», родившихся под счастливой звездой.

***

Мы работали и днем и ночью. С того момента, как начались столкновения, я ни разу не смог попасть к себе в новый район. Мать и супруга переживали, допуская, что и на журналистов могут напасть, оскорбить. Тем более, что такие случаи уже были. Я попросил Аслана Дгебия и Рудика Адлейба, офицеров МВД, постоянно интересовавшихся ситуацией на телевидении и радио, отвезти меня домой, чтобы я мог хоть переодеться, и вновь доставить меня на работу. Причина необходимости такого сопровождения заключалась в том, что дорога напротив ж/д вокзала простреливалась. Там уже погибли мирные граждане. И без охраны было крайне рискованно проезжать этот участок. Они отвезли меня вечером, и когда подъехали на служебной «Волге» к моему дому по ул. Аргун, 3, некоторые жильцы (в том числе и грузины (завзятые «звядисты») подумали, что меня арестовали. Моя бедная мать тоже

растерялась, сильно разнервничалась, не поняла, почему меня сопровождает вооруженная милиция. Однако это все были эмоции, в скором времени я уже был в другой «форме», живым и невредимым возвращен своей редакции. Дома мне дали для коллег какие-то сумочки с продуктами из запасов моей предусмотрительной во всем матери.

Вот так мы продолжали свою профессиональную журналистскую деятельность в жестком режиме, продиктованном условиями политической и физической конфронтации того драматичного периода. На мой взгляд, 1989 год — это для Абхазии целая эпопея, думаю, кто-нибудь когда-нибудь напишет по тем событиям отдельный документальный роман.

Сквозь призму времени

Это был суровый 1989 год. Абхазия после трагических июльских событий, как никогда, нуждалась в моральной и информационно-политической поддержке, потому что Шеварднадзе и его приспешники делали все, чтобы любой ценой заглушить правду о подлинных историко-правовых первопричинах углублявшейся грузино-абхазской политической конфронтации.

Выход на связь с известными личностями, делавшими погоду в большой политике, был реально возможен через Владислава Ардзинба, который в то время, будучи членом Верховного Совета СССР, вел энергичную законотворческую деятельность в новом советском парламенте. Он пользовался огромной популярностью, особенно после яркого и убедительного выступления на I Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года. Фактически впервые с такой высокой трибуны было заявлено на весь мир, что Грузия проводит в отношении Абхазии экспансионистскую политику. Вокруг Владислава Ардзинба сплачивались весьма уважаемые профессиональные политики — депутаты от бывших автономных образований. В то время я работал главным редактором Абхазского телевидения.

Услышав о том, что Владислав Григорьевич, воспользовавшись депутатскими каникулами, приехал из Москвы в Сухум, я позвонил ему в Абхазский институт, директором которого он был, и договорился о встрече, чтобы предварительно обсудить тему телевизионного интервью с ним для нашего эфира.

…Во время нашей беседы он, как-то неожиданно, предложил идею моей возможной аккредитации в Верховном Совете СССР в качестве парламентского корреспондента Абхазского телевидения. Меня, конечно, заинтриговало это предложение. Необходимые для аккредитации документы были срочно подготовлены. Несмотря на то, что журналисты из бывших автономий таким правом не пользовались, Владислав Григорьевич к началу очередной сессии Верховного Совета СССР (1989 год), добился аккредитации съемочной группы Абхазского телевидения в Кремлевском Дворце Съездов, где проходили заседания депутатов. Я с большим воодушевлением и творческим настроем приступил к работе в новом качестве. Да, и сам Владислав Григорьевич, охотно соглашался на интервью и беседы по вопросам, которые прямо или косвенно касались статуса политической перспективы Абхазии.

На закрытые заседания сессии Парламента, проходившие в амфитеатре, пропускали только корреспондентов телепрограммы «Время» и центральных газет, особо опекаемых высшими эшелонами власти. Остальные журналисты собирались с утра в пресс-центре и следили за событиями по монитору, живо обменивались мнениями по поводу тех или иных сенсационных событий.

За время работы в качестве парламентского корреспондента мне удалось записать на видеопленку и передать по Абхазскому телевидению не менее 30 различных видеоматериалов. Среди них наиболее интересными и актуальными, как мне кажется, были интервью и беседы с народными депутатами СССР Ю. Калмыковым, Вяч. Ивановым, Л. Арутюнян, Ф. Бурлацким, Д. Кугультиновым, К. Нечаевым (митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом), Д. Лихачевым, Л. Батынской, А. Яблоковым, В. Распутиным, Ч. Айтма-

товым, О. Сулейменовым, Г. Старовойтовой, Л. Перелыгиной, И. Машбашем, Ю. Черниченко, генералами В. Варенниковым, Б. Громовым, И. Родионовым и многими другими.

Владислав Григорьевич за сравнительно короткий срок, благодаря своим незаурядным способностям, интеллекту, дипломатичности смог наладить отношения со многими депутатскими группами и парламентскими комиссиями. Он вступал в диалог с ними, дискутировал по тем или иным существенным поправкам в законопроекты, от которых зависела дальнейшая судьба и перспектива развития бывших автономий. Он был одним из тех, кто последовательно добивался уравнивания в правах всех национально-государственных образований. Владислав Григорьевич был хорошо знаком с академиком А.Д. Сахаровым, принципиально и последовательно отстаивавшим права малочисленных народов. Кстати, Андрей Дмитриевич во время отдыха в Сухуме побывал в гостях у Владислава Ардзинба в селе Нижняя Эшера. Об этом я узнал позже от самого Владислава Григорьевича.

Депутатов от Грузии и их друзей раздражало каждое выступление В. Ардзинба. Они старались использовать любую возможность, свои наработанные десятилетиями связи с кремлевскими партаппаратчиками, чтобы воспрепятствовать его смелым инициативам и ограничить его доступ к высокой парламентской трибуне.

Но связи расширялись. Он являлся членом Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям. Вскоре его избирают председателем подкомиссии по правовому статусу автономных образований, членом Президиума Верховного Совета СССР. Несмотря на расхождения во взглядах по вопросам национально-государственного устройства страны, с ним считались все ведущие политики.

В 405-ю комнату «А» гостиницы «Москва», где жил Владислав Григорьевич, часто приходили, чтобы обсудить с ним различные внутрипарламентские и политические вопросы многие известные депутаты и эксперты, с которыми дружил В. Г. Ардзинба. Некоторые из них после роспуска парламента

заняли высокие посты в различных госструктурах, были избраны президентами республик, назначены министрами РФ, губернаторами российских краев и областей. Среди них: Ю. Калмыков, М. Шаймиев, М. Рахимов, А. Джаримов, Н. Федоров и др. Наряду с законотворческой деятельностью, ему приходилось решать массу вопросов, связанных с обеспечением политической стабильности в Абхазии, недопущением дальнейшего разрастания грузино-абхазского конфликта, защитой прав граждан Абхазии, которых преследовала грузинская прокуратура, устраивавшая настоящее судилище над абхазами после событий 1989 года. В связи с этим мне запомнился один, важный, на мой взгляд, эпизод.

После очередного заседания осенней сессии Верховного Совета (1989 год), Владислав Григорьевич пригласил народного депутата Р. Аршба и меня к себе в номер, чтобы спокойно пообщаться за чашкой чая. Было это поздней осенью. В Москве шел снег. Выйдя из фойе, мы направились к гардеробу. Пользуясь случаем, я рассказывал Владиславу Григорьевичу о своих новых собеседниках и обсужденных с ними темах. Он живо интересовался всеми деталями и нюансами. Я чувствовал, что для него имеет немаловажное значение налаживающаяся информационная связь с Абхазией. В тот момент, когда мы приближались к выходу, совсем рядом оказался Генеральный прокурор СССР А. Сухарев. Он, как мне показалось, подчеркнуто официально поприветствовал Владислава Григорьевича. Но взаимности не последовало. Это смутило высокопоставленного чиновника. Завязался нелицеприятный разговор. В. Г. Ардзинба открыто обвинял генпрокурора в предвзятости в вопросах расследования уголовных дел по событиям 1989 года в Абхазии, в том, что следственная группа прокуратуры СССР, призванная обеспечить должный правовой надзор, заняла откровенно прогрузинскую позицию.

— Я направил Вам несколько депутатских запросов. Вы не ответили ни на один из них. Я буду выступать на сессии Верховного Совета и зачитывать все эти документы. Вы вынуждены будете публично ответить мне на все вопросы, — говорил Ардзинба возбужденно, несколько волнуясь, но уверен-

но, как всегда аргументировано ссылаясь на вопиющие факты незаконного преследования лиц абхазской национальности.

Генпрокурор сначала пытался занять позу незаслуженно обиженного. Но Владислава Григорьевича это еще больше раздражало. Его внутреннее состояние можно было понять. Он защищал интересы граждан Абхазии, над которыми учиняли расправу грузинские спецслужбы, выполнявшие заказ своего политического руководства. В. Г. Ардзинба часами обдумывал всевозможные варианты пересмотра уголовных дел Амирана Гуния, Андрея Кварандзия, Дмитрия Палба и многих других, и подключал к этим вопросам известных юристов.

Тяжелый разговор между генпрокурором и народным депутатом продолжался недолго. В итоге, еще раз поняв, что Генпрокуратура не намерена вмешиваться в расследование дел, Владислав Григорьевич не стал выслушивать до конца абсолютно неубедительные доводы генерала юстиции и, резко прервав разговор, торопливым шагом направился к выходу.

Я был очевидцем и некоторых других немаловажных событий в стенах парламента СССР. Процедура принятия законов была достаточно сложной, проходила она в несколько этапов. И вот, в результате долгой и плодотворной работы, проект Закона о «Разграничении полномочий Союза ССР, союзных и автономных республик» был представлен с множеством поправок, которые, в случае их принятия, обеспечивали политико-правовую основу повышения статуса автономных республик. Особое значение имела первая статья Закона, которая закрепляла за автономиями право стать субъектами СССР наравне с союзными республиками. Грузия и другие союзные республики, пытавшиеся сохранить вассальное положение входивших в их состав автономных образований, делали все, чтобы не дать провести подобное решение.

Владислав Григорьевич, чувствовавший, что за этот законопроект придется сильно побороться, при поддержке народного депутата СССР, видного поэта Д. Н. Кугультинова вел активную подготовительную работу среди своих единомышленников, чтобы обеспечить высокий уровень предстоящего обсуждения.

Однако случилось так, что ему, насколько я помню, в связи с ухудшением состояния здоровья отца, пришлось срочно выехать в Абхазию. И в это время его друзья узнали, что неожиданно в повестку дня Совета национальностей включили обсуждение вышеупомянутого законопроекта. Находясь в то время в гостинице «Москва», я заметил, как сильно были встревожены депутаты, готовившие поправки к Закону. Видел, как депутаты Цырен Нимбуев, Людмила Арутюнян и другие переживали, что отсутствует Владислав Григорьевич. Они сомневались в том, что депутаты от автономий смогут в отсутствии В. Ардзинба и Д. Кугультинова обеспечить необходимый кворум и обсуждение на должном уровне. Сессия была назначена на субботу, а в выходные дни собрать всех депутатов было нелегко. И в этой напряженной обстановке, помню как сейчас, кто-то из депутатов вдруг неожиданно появился в вестибюле гостиницы, где обсуждали выход из создавшегося положения, и сообщил радостную весть о том, что Владислав Григорьевич вернулся в Москву. Позже из беседы с ним я узнал, что он догадывался о возможных попытках срыва планов «автономщиков», и поэтому заранее купил билет на обратный путь.

Владислав Григорьевич в считанные часы смог мобилизовать всех, кто имел отношение к обсуждаемому законопроекту, обсудить с друзьями тактические задачи и еще раз переговорить по телефону с некоторыми влиятельными представителями других депутатских групп и фракций.

… На сессии дебаты по поводу основной первой статьи закона продолжались долго. Пришлось вступить в жаркую полемику и самому В.Ардзинба.

Во время недолгого перерыва несколько депутатов собрались в вестибюле и стали продумывать свои дальнейшие ходы. Хорошо помню, как Владислав Григорьевич убеждал своего близкого друга, народного депутата СССР (от Чувашской республики), кандидата юридических наук Николая Федорова в необходимости его выступления на сессии, мотивируя свои доводы тем, что Николай Васильевич, как высококвалифицированный специалист, может более компетентно и аргументированно с правовой точки зрения отстоять принципиально

важные положения закона. И через несколько минут Н. В. Федоров стоял уже на трибуне и четко излагал свои мысли по дискутируемым вопросам. В результате голосования Закон был принят в третьем окончательном чтении с учетом основных требований депутатов от автономий. Такой исход явно воодушевлял Владислава Ардзинба, и он искренне поздравлял своих единомышленников с победой.

…Думаю, что определенный интерес может вызвать еще одно событие, связанное с политической деятельностью В. Г. Ардзинба. На четвертом съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) планировалось обсуждение материалов депутатского расследования Тбилисских трагических событий 1989 года, хотя в проект повестки дня съезда этот вопрос не был включен.

В кулуарах съезда мы с телеоператором Анатолием Малания смогли записать на видеопленку некоторых политиков, вовлеченных в силу разных обстоятельств в конфликт между Москвой и Тбилиси.

Владислав Григорьевич хорошо осознавал, какими последствиями будет чревато для нашего народа предстоящее обсуждение, если на нем будут смещены акценты на Абхазию и грузинские политики попытаются ввести в заблуждение депутатский корпус. Тем более, что исключать подобное развитие событий было бы нелогично, хотя бы потому, что член Политбюро Э. Шеварднадзе заранее продумывал возможные авантюристские ходы. Учитывая эти обстоятельства, В. Г. Ардзинба и сам заранее подготовился к выступлению. По его просьбе в прениях должны были принять участие депутаты Нафи Джусойты, Людмила Батынская и другие.

Чувствовалось, что Владислав Григорьевич был сильно встревожен. Советовался с Маршалом Советского Союза, военным Советником Президента СССР С. Ф. Ахромеевым, который, как мне потом удалось выяснить из беседы с В. Ардзинба, рекомендовал не торопиться с выступлением, более хладнокровно и взвешенно оценить все возможные моменты. Помню, как Владислав Григорьевич достаточно долго беседовал в кулуарах с народным депутатом СССР Багратом Шинкуба, не скрывая от него своей обеспокоенности тем, что в случае ос-

ложнения отношений между Москвой и Тбилиси, грузинские экстремисты при негласной поддержке официального грузинского руководства, могли вновь спровоцировать кровопролитные столкновения в Абхазии.

В тот момент, когда предсъездовские страсти начинали накаляться, предвещая неизбежность большого политического скандала, в вестибюле вместе со свежей московской прессой депутатам стали раздавать последний номер газеты «Айдгылара» («Единение»). Почти весь тираж этой газеты (разумеется, с помощью В. Г. Ардзинба) в здание Дворца Съездов удалось занести народному депутату СССР Руслану Аршба и главному редактору газеты Николаю Джонуа. Материалы «Аидгылара» изобиловали фактами, красноречиво свидетельствовавшими о преступных деяниях Э. Шеварднадзе в период, когда он занимал высокие посты в Грузии. Газета вызвала настоящий бум среди делегатов съезда, многие из которых пока еще оставались в плену «великих демократических идей» «партийного босса» из Грузии.

Затем я наблюдал за ходом съезда по монитору, как обычно, в пресс-центре. После того как главный военный прокурор СССР Катусев зачитал материалы и выводы, подтверждавшие то, что трагические события в Тбилиси были спровоцированы грузинскими экстремистами, в зале заседаний начался настоящий переполох. Военному прокурору не дали озвучить до конца все факты, связанные с расследованием. Из зала послышались реплики и выкрики. К тому же, насколько я помню, на одном из предыдущих заседаний съезда, пользуясь растерянностью Горбачева, Шеварднадзе успел сделать заявление об уходе с поста министра иностранных дел. «… Идет откровенная травля. Меня потрясли события первого дня съезда, — говорил Шеварднадзе. — Вдуматься только кнопками для голосования решалась судьба не только президента, но и всей перестройки. Надо признать, — продолжал он менторским тоном с типично грузинским апломбом, — реформаторы сейчас разбежались в кусты, наступает диктатура…Я ухожу в отставку. Пусть это будет моим вкладом, моим протестом против наступающей диктатуры». Такой шантажистский ход был использован им в тот самый момент, когда ситуация на Съезде

становилась почти неуправляемой. Выражаясь словами народного депутата, генерала В. И. Варенникова, «фарс был разыгран по высшему классу». В итоге, дискуссия по тбилисским событиям была сорвана. Я замечал, как Владислав Григорьевич понемногу отходил от напряженного состояния. Общаясь с ним во время перерыва, я понял, что его в определенной степени устраивал такой исход, потому что политические последствия дальнейшего обострения российско-грузинских взаимоотношений были бы непредсказуемы для Абхазии.

Хотелось бы вспомнить еще один эпизод. 22 сентября 1990 года в Москве открывался Съезд представителей бывших автономных образований, созванный по инициативе Народного форума «Аидгылара» в связи с начавшимся обсуждением проекта нового Союзного договора.

Накануне открытия съезда Владислав Григорьевич вместе с лидерами «Аидгылара» непрерывно работал над проектами итоговых документов съезда, выверяя каждое слово, внося поправки. На съезд вместе с ним пришли многие известные политики, народные депутаты СССР. Съезд имел широкий резонанс, он дал новый импульс дальнейшей консолидации национально-освободительных движений. Перед развалом СССР Абхазия имела реальный шанс для подписания нового Союзного договора. В. Г. Ардзинба, будучи Председателем Верховного Совета Абхазии, принимал непосредственное участие в Новоогаревском процессе.

Все, что было сделано в тот период Владиславом Григорьевичем вместе с его сподвижниками в недрах Парламента СССР и нового демократического Парламента Абхазии, имеет прямое отношение к тем конституционным завоеваниям, на которых зиждется независимость сегодняшней Абхазии.

Независимо от любой конъюнктуры, смелые дипломатические шаги, предпринятые Первым Президентом Абхазии, продолжают работать на ее дальнейшую перспективу.

***

Ярким и незабываемым событием в документальной летописи 1989 года остался съезд Ассамблеи горских народов

Кавказа. По большому счету этот международный кавказский форум, встряхнувший не только Абхазию, но и Грузию, стал реальностью во многом благодаря неимоверным усилиям Геннадия Аламиа, Юрия Шанибова, Юсупа Сосламбекова, Махрадзина Коттоева и других признанных лидеров этого движения, сумевшего сплотить лучших сынов и дочерей народов Северного Кавказа. Появление на улицах Сухума горцев с рыцарской внешностью, в высоких папахах заставило призадуматься многих недругов Абхазии. Начинался новый этап освобождения нашей страны от грузинского колониализма. Съезд горской Ассамблеи заявил жестко и во всеуслышание, что Северный Кавказ не допустит вооруженного вмешательства Грузии в Абхазию. И в случае необходимости встанет на защиту братского абхазского народа. Э. Шеварднадзе, иронически назвавшего КНК «бумажным тигром», долго потом будут лихорадить героические поступки северо-кавказских добровольцев, вступавших в ожесточенную схватку с оккупантами.

В процессе налаживания прочных связей с лидерами будущей КНК (Конфедерации народов Кавказа) участвовали А.Гогуа, Г. Аламиа, С. Шамба, З. Ачба, К. Озган, С. Лакоба, О. Дамениа, Р. Хонелия, И. Марухба, Г. Гумба, В. Кварчия, Г. Допуа, Р. Эбжноу, Ю. Аргун, В. Гамгиа и другие представители «Аидгылара». Порой, знаменитые Кавказские перевалы становились наикратчайшими путями взаимодействия горцев с лидерами абхазского Сопротивления. Наши братья совершали по горным извилистым тропам своих предков конные переходы, и с абхазским и черкесским флагами прибывали на многочисленные митинги в Сухуме и других городах Абхазии. Заметно усиливалось участие зарубежных абхазов и адыгов в борьбе за независимость нашей Республики.

***

Эпопея борьбы абхазского народа состоит из многих важных этапов, одним из которых стала Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 годов. Во время войны я был депутатом парламента Абхазии и корреспондентом, позже — заместителем председателя Абхазской телерадиокомпании,

сыгравшей ключевую роль в преодолении информационной блокады нашей сражающейся республики. Я был очевидцем и участником многих военно-политических событий этого драматичного периода. Есть о чем вспомнить, рассказать, восполняя тем самым некоторые пробелы военно-информационной хроники. Думаю приступить к непростому осмыслению официальных и закулисных сцен, связанных с видимой и невидимой сторонами идеологического фронта. Но это дело нескольких месяцев напряженной работы над продолжением романа «Дверь, приоткрытая во вчера…». Азарта и творческой энергии на это хватает, главное, найти время, посвященное именно работе, предполагающей синтетическую неразрывность художественного и документального начал.

Вместо эпилога

Тот, кто задумывает построить собственный дом, долго осмысливает в душе его образ. Входя в роль архитектора, он старается представить себе и главный, и боковой, и задний и уличный фасад. Но все эти нюансы могут оказаться второстепенными, если фундамент, первооснова задуманного строения, окажутся недостаточно прочным.

Вынашивая идею своего романа-воспоминания, я тоже думал и о внешнем, и о внутреннем его контуре, отчасти и о дизайне его интерьера. Насколько все это удалось воплотить — это уже другой вопрос. Но главным источником уверенности, что я смогу смоделировать свой «дом», было лично пережитое и выстраданное, то есть: фундамент, фактологический каркас, заложенный перипетиями самой жизни, непростых историй, к которым я был причастен прямо или косвенно. Иными словами, как писать воспоминания, если нечего вспоминать?

Но не скрою, после завершения «Двери, приоткрытой во вчера», в душе остался некоторый осадок, вызванный изъянами совмещения художественного и газетно-очеркового стиля, неизбежными при освещении историко-политической тематики, как я отметил в прологе романа.

Владимир Константинович Зантариа

ДВЕРЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ВО ВЧЕРА

Роман-воспоминание

Редактор *Б. Нармания*
Корректор *Л. Пачулия*
Верстка *С. Аргун*
Художник *Р. Габлиа*

Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 19,32.
Заказ №